АНДРОПОВ

Рой Медведев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юрий Владимирович Андропов пятнадцать лет занимал пост Председателя Комитета государственной безопасности СССР и лишь пятнадцать месяцев руководил страной, будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС. Находясь в политике почти всю свою жизнь, пережив три исторические эпохи и поднявшись на верхнюю ступень государственной власти, он был и остается самым закрытым политическим деятелем за всю историю нашей страны. Он не любил фотографироваться, крайне редко давал интервью, и даже самые близкие к нему люди совсем не много знали о нем. Книга известного историка Роя Медведева, материал для которой он собирал долгие годы, дает нам объективный портрет этого незаурядного государственного деятеля и неординарного человека, чья политическая судьба до сих пор занимает умы российских и западных политологов.…

- Рой Медведев
  - ТАЙНА АНДРОПОВА
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ
  - Глава вторая. ПОСОЛ В ВЕНГРИИ
    - Новое назначение
    - Политический кризис в Венгрии
    - Драма октября. Начало восстания
    - Операция «Компас»
    - Операция «Вихрь»
    - Оценки и домыслы
  - Глава третья. СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС
    - Аппаратчик со Старой площади
    - Секретарь ЦК КПСС
  - Глава четвертая. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ
    -
    - Первые месяцы в КГБ
    - Кадровые перестановки в КГБ
    - Дело Светланы Аллилуевой
    - Национальные проблемы
    - Дела международные
    - КГБ и интеллигенция
    - Диссиденты. Новый отдел в КГБ
    - 50-летие ВЧК — ГПУ — НКВД — МГБ — КГБ
    - Начало и конец «Пражской весны»
    - Андропов и диссиденты

- Юрий Андропов и Александр Солженицын
- Юрий Андропов и Андрей Сахаров
- КГБ и братья Жорес и Рой Медведевы
- Главные заботы Ю. Андропова и КГБ
  -
  - Разведка и контрразведка
  - Спецподразделения и спецоперации КГБ
  - Девятое управление КГБ
  - Волнения и беспорядки в СССР
  - Аварии и катастрофы
  - Изменение статуса КГБ
  - Ю. В. Андропов и Л. И. Брежнев
- Афганистан, 1978–1980 годы Проблема ответственности. Поручение съезда
- Кризис в Польше. 1980–1981 годы

○ Глава пятая. КОНЕЦ ЭПОХИ БРЕЖНЕВА
- Смерть Семена Цвигуна
- Смерть «главного идеолога»
- Дело Галины Брежневой
- Новая болезнь Брежнева
- Андропов и Черненко
- Ю. В. Андропов — снова секретарь ЦК КПСС
- Смерть Л. И. Брежнева

○ Глава шестая. СТО ДНЕЙ ЮРИЯ АНДРОПОВА
- Новый лидер
- Наследие застоя
- Ноябрьский Пленум ЦК КПСС.
- «Порядок» и дисциплина. Смещение Н. Щелокова
- Новые идеологические акценты
- Новый стиль управления
- Сто дней Андропова

○ Глава седьмая. 1983 ГОД. ПРОБЛЕМЫ, НАЧИНАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ
- Экономика. Малозаметные улучшения
- Новые акценты в идеологии
- Кадровые перестановки. Формирование новой команды
- Юрий Андропов и Михаил Горбачев
- Юрий Андропов и Борис Ельцин

○ Глава восьмая. СЮРПРИЗЫ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ
- Проблема ракет средней дальности
- Другие проблемы
- Трагедия над Японским морем

        - Ю. В. Андропов — «человек года»
    - Глава девятая. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ
        - Болезнь Ю. В. Андропова
        - Смерть Андропова
        - Оценки и итоги
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ю. В. АНДРОПОВА
    - Фотографии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255

- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299

- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330

Рой Медведев
Андропов

ТАЙНА АНДРОПОВА

Ветераны органов безопасности, близко знавшие Андропова, вспоминают, что председатель всесильного ведомства, каким был в ту пору КГБ, заметно выделялся среди высшей элиты тех лет. Искренне считая, что могущество государства заключено прежде всего в доверии к нему народа, он болезненно переживал нежелание руководителей партии и государства реагировать на негативные процессы: нараставшую напряженность в межнациональных отношениях в ряде районов страны, рост коррупции в партийном и государственном аппаратах, разбалансированность планов развития экономики, а также утаивание правды информационными службами.

Позднее, уже став Генеральным секретарем ЦК КПСС и фактическим руководителем государства, он первым публично, прямо и честно заявил народу: «Мы до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем». После пышных славословий брежневской поры об «эпохе развитого социализма» это звучало из уст первого человека не просто как откровение, но требовало от него немалого мужества. Зная, что тяжело болен (сказывались последствия партизанской Карелии в годы Великой Отечественной войны), он торопился успеть найти новые источники для преодоления реально существовавших социальных противоречий, эффективные пути мотивации созидательного, инициативного труда. Он думал над тем, как соединить экономическую эффективность производства с социальной справедливостью, старался восстановить законность и правопорядок в стране, объявил решительную войну коррупции. Надо сказать, что эти его усилия нашли поддержку и понимание в обществе.

Думается, что у этого незаурядного, многомерного и неоднозначного политика и человека, сына своего драматичного века, была своя тайна, которая пока еще не постигнута. Насколько глубоки были реформаторские замыслы Андропова? К каким средствам, путям преодоления кризисных явлений в обществе он склонялся? Что было бы в стране и со страной, если бы судьба отмерила ему больше времени для пребывания у руля государства? Предоставим искать ответы на эти и другие вопросы специалистам.

Публикация книги — хорошая возможность высказать свою принципиальную позицию по ряду аспектов из «чекистского наследия» Андропова, прежде всего по тем, которые значимы и актуальны для современной Лубянки, а также объяснить, почему

память об этом неординарном человеке, вообще-то непрофессиональном чекисте, бережно сохраняется среди кадровых сотрудников спецслужб. Основная причина этого объясняется, на мой взгляд, духовной потребностью сотрудников спецслужбы «на разломе эпох» сохранить лучшие профессиональные, государственнические ценности, у истоков формирования которых стоял этот незаурядный человек, профессиональный политик-интеллектуал, создавший структуру, адекватно отвечавшую потребностям своего времени.

У Андропова было много редких качеств. Одно из них, отличающее истинного государственного деятеля, — способность проникать в суть самых сложных явлений и правильно выражать общественные потребности. Он умел генерировать идеи и так формулировать приоритетные задачи, что они зажигали людей на ударный труд. Андропов и сам работал не щадя себя. Пройдя через сталинскую эпоху с ее трагическими изломами, оказавшись на высшем посту в КГБ с его непростой историей, Андропов сумел найти искомую меру между требованиями, с одной стороны, политической и оперативной целесообразности, а с другой — потребностями развития общества. Он провозгласил стратегическую линию на неукоснительное соблюдение законности, укрепление связей с общественностью. Фактически Андропов выступил как подлинный реформатор отечественных органов безопасности, выстроив их на новой основе, стараясь вписать их в процесс трансформации «государства диктатуры пролетариата» к «общенародному государству».

«КГБ — не чрезвычайный орган, — не раз подчеркивал Андропов. — Наша сила как раз в том и заключается, что органы безопасности действуют на основе неукоснительного соблюдения законов. И это не только не ослабляет, а, наоборот, усиливает эффективность нашей работы». Надо сказать, что сотрудники охотно восприняли этот поворот к законности, он отвечал интересам самих чекистов — слишком часто они сами становились в предшествующие годы «крайними» за реализацию установок вождей.

Не могу не привести еще один значимый фрагмент из закрытого выступления председателя, показывающий, насколько масштабно мыслил этот человек: «Сейчас, как никогда, важно, чтобы наша деятельность хорошо вписывалась в конституционные основы. Иначе она будет неизбежно приходить в противоречие с объективными процессами развития общества, расширения и углубления демократии… Надо раз и навсегда отказаться от мысли, что коль мы чекисты, значит, нам можно то, чего нельзя другим. Думать так — значит совершать серьезную ошибку,

наносить непоправимый вред престижу органов госбезопасности в глазах народа…»

Еще одна актуальная черта чекистского наследия Андропова — его установка на учет общественного мнения, на открытость в пределах возможного работы ведомства. «Нам не безразлично, являются ли наши действия по обеспечению безопасности государства понятными широким слоям трудящихся, вызывают ли они чувства симпатии», — наставлял он сотрудников, побуждая их к общению с населением, информированию общества через средства массовой информации. Чекисты стали часто выступать в рабочих, студенческих, творческих аудиториях, на различного рода собраниях общественности. В период Андропова было создано уникальное в мире спецслужб подразделение — пресс-бюро КГБ, была учреждена ведомственная премия в области литературы и искусства.

Андропов очень серьезно относился к заявлениям граждан. Ни одно из них не должно оставаться без ответа, требовал он. Наверное, люди почувствовали это, потому что тогда заметно выросло число просьб и жалоб, разрешения которых просители не находили в партийных и государственных учреждениях.

Принцип законности утверждался и в организации оперативно-розыскного процесса. Здесь принципиальной была установка председателя на перенос акцента с мер уголовно-процессуального пресечения на предупредительно-профилактические действия. Важно подчеркнуть, что Андропов не повторил ошибок своих предшественников и сумел избежать расширения репрессивных мер, даже несмотря на упреки в либерализме и постоянном давлении сверху о необходимости «закручивания гаек».

Умение чутко уловить тенденцию, требующую своевременного реагирования, отличало его самого, и этому он учил своих соратников. Порой это приводило иных даже в замешательство: он ставил задачу готовиться к явлению, которого еще нет. Но проходило время, и оказывалось, что председатель был прав. Так случилось, в частности, с настоящей бедой нашего времени — терроризмом. Анализируя причины нараставшей волны политического террора в странах Запада, а тогда вошли «в моду» похищения дипломатов, захват заложников, угон самолетов, Андропов пришел к выводу, что надо срочно принимать комплекс мер, учиться упреждать, парировать террористические угрозы. Эти меры включали в себя и организационно-штатные преобразования: создание профессионального (оперативно-боевого) спецподразделения по борьбе с терроризмом в системе КГБ, подразделения по борьбе с

международным терроризмом в структуре контрразведки. По инициативе Андропова 29 июля 1974 года было принято решение о создании специального подразделения антитеррора, которое по его предложению было названо группой «А» и более известно ныне как «Альфа». Нельзя не признать, что Андропов сработал здесь на опережение.

Мало кто знает, что только за 4 года, то есть за 1975–1979 годы, в Советском Союзе было совершено 373 взрыва. Не все они носили политическую окраску, но так или иначе терроризировали население, порождали разного рода слухи. В январе 1977 года Москва была возбуждена тремя взрывами: в центре города, на улице 25 Октября и в метро. Тогда 7 москвичей погибли и 37 были ранены. В Комитете госбезопасности по факту взрыва было заведено дело оперативной разработки под названием «Взрывники». Все мероприятия по розыску преступников находились под постоянным контролем Андропова. Чекисты осуществили огромный комплекс организационных, оперативных, следственных и оперативно-технических мероприятий, которые помогли найти, задержать и разоблачить преступников. Уже в начале ноября 1977 года преступники были схвачены в Армении, а затем осуждены Верховным судом СССР и приговорены к высшей мере.

При Андропове в органах госбезопасности в качестве самостоятельного направления были выделены защита экономики СССР, содействие реализации планов социального развития страны. Прежде всего, это была работа по сохранности секретов, предупреждению чрезвычайных происшествий в народном хозяйстве. Органы госбезопасности включились в борьбу с хищениями, взяточничеством, выявляли, предупреждали и пресекали деятельность агентуры иностранных спецслужб. Известно, что в 60—70-е годы в условиях жесткой «холодной войны» зарубежные спецслужбы вели активную работу против СССР. Особый интерес они проявляли к дипломатам, сотрудникам Главного разведывательного управления Генштаба, а также к партийным и советским работникам, научным специалистам различных центров и предприятий военно-промышленного комплекса. Учитывая это, КГБ совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами старался закрыть возможные каналы утечки информации. Принятая система мер позволила советской контрразведке выявить и разоблачить ряд агентов спецслужб США, ФРГ, Франции, Японии, КНР, действовавших в СССР, в том числе таких, которые имели доступ к особо важным секретам, прошли спецподготовку и были снабжены самым современным шпионским снаряжением, включая

сложные средства тайнописи, оружие и сильнодействующие яды. Особенно ощутимый удар в 70-е годы был нанесен контрразведкой ЦРУ США. Были арестованы американские агенты: Огородник — работник Министерства иностранных дел СССР, Филатов — сотрудник ГРУ Генштаба Советской армии, Нилов — инженер кафедры физики одного из высших учебных заведений Москвы, Калинин — техник одного из ленинградских научно-производственных объединений и другие.

Было разоблачено немало лиц, в том числе на режимных объектах, пытавшихся инициативно установить контакты с иностранными разведками. Это позволило предотвратить утечку важных государственных секретов и воспрепятствовать приобретению иностранными разведками источников информации среди «инициативников». Контрразведкой были захвачены с поличным и выдворены из СССР американские разведчики-агентуристы Келли, Петерсон, Крокет и многие другие.

Все это во многом объясняет, почему образ Андропова воспринимался и ныне воспринимается не только среди ветеранов, но и среди молодых сотрудников ФСБ, в массе своей пришедших в систему уже в постсоветскую эпоху, как образец подлинного государственного деятеля, представителя стратегической элиты страны, стремившегося к постижению и претворению в жизнь общенациональных интересов. Конечно, в том измерении и формате, как он, сын своего трудного и противоречивого времени, их воспринимал.

Как руководитель одной из силовых структур, отвечающей за деликатную сферу обеспечения национальной безопасности, понимаю высокую значимость следующего основополагающего качества настоящей спецслужбы. Без сохранения высокой значимости офицерской чести, лучших профессиональных традиций и ценностей, без идеала служения общему благу, а также светлых образов тех, кто на разломе эпох, несмотря на все соблазны нашего непростого времени, остался верен «духу государственного служения» (носителем которого, без сомнения, был и Андропов), вряд ли можно создать эффективную силовую структуру, добиться подлинного авторитета и уважения граждан. А без помощи последних, если общество не доверяет своим спецслужбам, остановить растущую волну международного террора, криминального беспредела и насилия невозможно.

В наши дни при стремительно происходящей смене поколений умная и вдумчивая работа, нацеленная на воспроизводство лучших профессиональных традиций и ценностей, обеспечение «связи времен», извлечения уроков из

нашего противоречивого исторического прошлого, героического и трагического, является насущной необходимостью. На наш взгляд, критерий может быть здесь такой — все, что работает на созидательное и поступательное развитие страны, сохранение ее конкурентоспособности в мире, институтов гражданского общества, повышение благосостояния народа, должно быть бережно сохранено и востребовано.

Время поистине не имеет силы над теми, кто искренне и честно служил и служит Отечеству. Именно таким человеком был Юрий Владимирович Андропов. Вся его деятельность в органах госбезопасности была подчинена укреплению государства, упрочению его положения в мире. Он имел моральное право предъявлять высокие требования к своим подчиненным, поскольку сам их неукоснительно выполнял: «У чекиста нет каких-либо особых привилегий. Ему не позволено ничего сверх того, что предусматривает закон… Чванство и высокомерие, злоупотребление властью, чрезмерное честолюбие, нескромность, проявление неуважения к правам граждан, я уже не говорю о нарушениях законности, — все это такие явления, которые несовместимы с высоким званием сотрудника органов безопасности» — вот кредо, которому следовал он сам и чего требовал от других.

В его жизни словно в капле воды отразились противоречия героической и драматичной советской эпохи. Профессионализм, верность Родине и воинскому долгу, высокий интеллектуальный и культурный потенциал, неуклонное соблюдение законности, связь с народом — такие ценности культивировал в КГБ Андропов. Они не перестали быть ценностями и в новых условиях, на новом этапе развития отечественной государственности, а потому бережно сохраняются в ФСБ.

Николай Патрушев,

Директор ФСБ России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историки Запада почти не вспоминали в последние десять лет Юрия Андропова. В списки и перечни 100 ведущих политиков всех стран, оказавших наибольшее положительное или отрицательное влияние на судьбы мира в XX веке, западные эксперты включали от СССР и России только Ленина и Сталина, иногда Горбачева, еще реже Ельцина. Однако мнения простых граждан нашей страны порой существенно расходятся с оценками западных экспертов. При ответе на вопрос, сформулированный по-иному: «Как вы оцениваете деятельность правителей и политических лидеров нашей страны от Николая Второго и Керенского до Черненко и Ельцина?» — наибольшее число положительных оценок неизменно получал в 1998–2002 годах Юрий Андропов. Интерес к личности и деятельности Андропова возрос и в связи с тем неожиданным и требующим специального анализа процессом, который происходит в последние несколько лет и состоит в существенном увеличении во всех структурах высшей власти в России выходцев из спецслужб. В большинстве это люди от 40 до 60 лет, получившие специальное образование и практическую подготовку в системе КГБ СССР во времена Ю. Андропова. Эта подготовка имела вполне определенную идеологическую направленность, но в ней преобладали элементы патриотизма и прагматизма. Это была корпорация не только очень дисциплинированных, но и хорошо информированных людей. Выступая перед ними, Ю. Андропов восхвалял КПСС и Брежнева, но уже не говорил ни об усилении классовой борьбы при социализме, ни о том, что нам нужно «закопать Америку».

Юрий Андропов оказался во главе государства и партии, будучи уже тяжело больным человеком. Он был лидером страны и всего «лагеря социализма» всего 15 месяцев и не сумел создать ни своей эпохи, ни своего стиля управления, ни своей команды. Нам была известна лишь краткая биографическая справка об Андропове, но мы ничего не знали о нем как о политике и человеке. Это проистекало из общей закрытости советского общества и жизни его «верхов». Но если даже о Брежневе, Суслове, Громыко или Устинове мы знали очень мало, то еще меньшими были наши сведения об Андропове, который более пятнадцати лет являлся шефом советской тайной полиции и предпочитал держаться в тени. Он никогда не выезжал с визитами в западные страны, а его поездки по странам социалистического лагеря и по Союзу проходили без огласки.

Времена Брежнева, получившие позднее название «эпохи

застоя», кажутся многим из нас самым спокойным периодом в истории нашей страны в XX веке. Но это верно лишь отчасти. И дело не только в гонке вооружений, в идеологическом противостоянии и «холодной войне», давление которых испытывала на себе большая часть населения в странах Востока и Запада. В 1964–1982 годах военные подразделения Советского Союза принимали участие почти в 30 военных конфликтах и региональных войнах в Латинской Америке и Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Европе. Наши армии оккупировали Чехословакию и вели тяжелую войну в Афганистане. Непрерывная демонстрация силы и могущества проводилась на границах Германии и Китая, в глубинах океана и в космосе. Это было время серьезных внутренних конфликтов, экономических и национальных трудностей, социальных и политических противоречий, лишь одним из проявлений которых стало движение диссидентов. Однако о многих важных событиях 1960—1980-х годов мы узнаем только сегодня. Многие из самых значительных событий и процессов тех лет не получали отражения в печати и на телевидении, они замалчивались и скрывались. Большая часть информации о событиях в стране и в мире распространялась по служебным каналам, а наиболее важные сведения становились известны лишь в высших звеньях партийно-государственного аппарата. Даже решения районных комитетов партии направлялись в первичные организации с грифом «секретно». Система строгой цензуры и «спецхрана», глушение западных радиопередач и ограничение международных обменов и сотрудничества — все это было нормой нашей общественной, политической и культурной жизни еще в середине 1980-х годов. В таких условиях роль и влияние Комитета государственной безопасности на жизнь советского общества, на внешнюю и внутреннюю политику Советского государства не могли не увеличиваться. Однако никогда могущество и влияние КГБ не казалось столь значительным, как в те 15 лет, когда во главе этого Комитета стоял Юрий Андропов. По численности сотрудников и агентов, штаб-квартир и спецгрупп, резидентур и особых отделов, а возможно, и по эффективности эта организация не имела прецедентов в истории спецслужб всех стран. Нет поэтому ничего удивительного, что еще в 1970-е годы вокруг фигуры Андропова в нашей стране и за границей возникло немало различного рода слухов и легенд.

Ссылаясь на книгу Джона Баррона «КГБ», некоторые из западных авторов писали об Андропове как о широко образованном интеллектуале, читающем в подлинниках американские детективы и английские романы. По свидетельству

Баррона, квартира шефа КГБ на Кутузовском проспекте была обставлена стильной венгерской мебелью, подаренной ему Яношем Кадаром. Он коллекционирует пластинки американской джазовой музыки и картины советских художников-абстракционистов, некоторые из этих картин висят на стенах в его комнатах. Андропов — аскет и либерал, он любит встречаться с известными интеллигентами и даже диссидентами, угощая их виски и коньяком. Перед сном он любит прочитать несколько страниц из «Опытов» французского средневекового философа Мишеля Монтеня, а также прослушать сводку последних известий по «Голосу Америки»[1].

Другой портрет Председателя КГБ был прямо противоположен. Его изображали серым, но злобным недоучкой с комплексами провинциала. Это интриган и карьерист, ненавидящий не только диссидентов, но и всех соперников на пути к власти. Он ведет тайную слежку за членами Политбюро и несет ответственность за смерть таких популярных членов партийного руководства, как Федор Кулаков и Петр Машеров. Его ведомству приписывали и многие громкие террористические акции на Западе — от убийства Альдо Моро до покушения на папу Павла VI. Андропов — циничный и холодный политик, ведущий невидимую, но безжалостную войну за Кремль.

Мало кто из аналитиков Запада рассматривал Андропова как вероятного преемника Брежнева. Тем большим был интерес к нему, когда телевидение и радио оповестили мир, что новым лидером КПСС избран Юрий Владимирович Андропов. Международная пресса подробно комментировала это событие и ловила малейшие сведения о новом советском руководителе. Если первые биографии Л. И. Брежнева были изданы в ФРГ и США только в 1973 и 1974 годах, через 9—10 лет после его прихода к власти, то уже в 1983 году на Западе появилось более десяти биографий Андропова. Еще несколько книг о нем было издано в 1984–1985 годах. Все эти работы трудно было бы назвать настоящими биографиями, так как изложение более или менее известных фактов советской действительности и истории сочеталось в них со случайными, а нередко неточными сведениями о новом советском лидере. Кое-где факты подменялись намеренно придуманными детективными историями. Пожалуй, лучшей из книг об Андропове была работа английских журналистов Джонатана Стила и Эрика Абрахама «Андропов у власти»[2]. Автором одной из биографий был мой брат Жорес, и его книга все же выделялась на общем фоне «андроповедения»[3].

Объясняя мотивы своего интереса к личности Андропова,

Жорес писал: «Смена руководства в Советском Союзе такая редкость, что она похожа в чем-то на революцию. Брежнев занимал свой пост 18 лет. За это время он имел дело с пятью американскими президентами и шестью британскими премьер-министрами. Эти крайне длительные сроки правления делают должность руководителя Советского Союза влиятельнейшей в мире. Вполне возможно, что США в экономическом и военном отношении сильнее как страна и государство, однако американские президенты могут осуществить определенные программы лишь в крайнем случае. Это невероятно, что они продержатся у власти столько времени, чтобы проследить за выполнением крупных программ от начала до конца. В СССР руководители, напротив, не связаны временными ограничениями пребывания их в должности, им не препятствует никакой конгресс, не говоря уже об общественном мнении. Это такая полнота власти одной личности, которая делает любую смену советского руководства событием международного значения. Последнее изменение такого рода состоялось 10 ноября 1982 года, когда умер Леонид Брежнев. Смерть Брежнева сама по себе ни в коей мере не была неожиданной. Неожиданность заключалась скорее в том, что преемником Брежнева на посту Генерального секретаря КПСС стал Юрий Андропов — бывший Председатель КГБ и человек явно не брежневского склада. То, что он не был избранником Брежнева, особенно отчетливо проявилось в последние пять лет. В этой книге я попытаюсь показать, почему произошли все-таки именно эти изменения, и сформулировать некоторые выводы о том, что должен ждать мир от нового советского руководства… Бывшему советскому гражданину и диссиденту нелегко писать о бывшем шефе КГБ. Я попытался, насколько это возможно, выдержать книгу в деловом духе и только немного дать волю моим личным чувствам»[4].

Должен сказать, что мой собственный интерес к Андропову как к политику и человеку возник еще в начале 1960-х годов, когда он был секретарем ЦК КПСС по международным делам. В аппарате двух международных отделов ЦК работали некоторые из моих добрых знакомых и студенческих друзей, которые немало помогли мне в сборе материалов для книги о Сталине и сталинизме. Я смог, в частности, прочесть несколько западных книг о Сталине и его эпохе, которые переводились на русский язык и издавались небольшими тиражами только для «ответственных работников», хотя на Западе они зачастую становились политическими бестселлерами, известными любому советологу. Мои друзья нередко с большим уважением говорили об Андропове, который, по их словам, совершенно не похож по

знаниям, интеллекту и стилю работы на других секретарей ЦК, таких, например, как Б. Пономарев, Л. Ильичев или П. Демичев, о которых не только в аппарате ЦК, но и близких мне кругах литературной интеллигенции отзывались без всякого уважения. Сам я встречался с Андроповым только один раз, и это была слишком мимолетная встреча, чтобы я мог составить о нем ясное представление. Для меня важен был, однако, повод к этой встрече. Андропов просил показать ему рукопись книги «К суду истории», тогда еще далеко не законченной. Позднее, выразив через своего консультанта Г. Х. Шахназарова удовлетворение, Юрий Владимирович попросил разрешения оставить прочитанную рукопись в своем архиве.

Из рассказов работников международных отделов напрашивался вывод, что Андропов — человек, целиком погруженный в политику. Давно друживший с ним Александр Бовин называл его в шутку «гомо политикус» — человек политический. Из того, что я слышал об Андропове, было очевидно, что он думает о серьезной политической карьере и что это не просто крупный партийный чиновник, а человек определенных взглядов, целей и амбиций, который мог вырасти и в крупного лидера. Он не был удовлетворен тем положением в стране, каким оно было в начале 1960-х годов и в первые годы после смещения Хрущева. Однако Андропов был вместе с тем крайне осторожен и свое мнение по многим вопросам высказывал лишь в узком кругу, да и то не с полной откровенностью. Он пользовался репутацией честного человека, не боящегося говорить или слушать правду, хотя ко многим его предложениям прислушивались не слишком внимательно. Андропов не был сталинистом, но как политик и человек он никогда не мог избавиться от многих черт и понятий, характерных для этой крутой эпохи. Он требовал порядка, но был неспособен на слишком резкие повороты. Андропов был искренним приверженцем марксизма и ленинизма и никогда не ставил ни перед партией, ни перед самим собой задачи глубокого переосмысления привитых ему с юности учений о социализме и капитализме.

После того как в середине 1970-х годов Брежнев перенес первый инсульт и первый инфаркт и сумел не без потерь для здоровья и своего и ранее не слишком сильного интеллекта выбраться из состояния клинической смерти, тема преемственности власти в СССР стала постоянной в западных органах печати и в прогнозах советологов. Все видели не только растущую концентрацию власти в руках Брежнева и все более уродливые формы его культа, но и прогрессирующую немощь

этого человека. В беседах и интервью со мной западные дипломаты и корреспонденты все чаще спрашивали: «Кто может возглавить КПСС и Советское государство после Брежнева?»

В конце 1970-х годов почти официальным преемником Брежнева считался А. П. Кириленко. Мало кто верил, однако, что этот человек сумеет удержать власть в условиях той сложной и часто жестокой борьбы, которая обычно сопровождала в нашей истории смену одного лидера другим. Было видно, что Брежнев начал продвигать вверх своего ближайшего друга и соратника К. У. Черненко, который вскоре не только вошел в Политбюро, но и возглавил обширный аппарат личной власти Брежнева. Но для меня именно Андропов казался наиболее вероятным преемником генсека, хотя он тщательно скрывал свои политические амбиции и был предельно лоялен к Брежневу. Я исходил в своих прогнозах из нескольких предпосылок. На фоне того интеллектуально и физически слабого руководства, которое мы имели на рубеже 1970—1980-х годов, Андропов явно выделялся как умелый и умный политик. В то время как на глазах всей страны происходило моральное перерождение и дряхление коррумпированных партийно-государственных «верхов», Андропов продолжал укреплять и расширять Комитет государственной безопасности СССР. Этот Комитет становился все более сильным инструментом власти, оставаясь организацией, в наименьшей степени зараженной вирусом коррупции. Андропов не мог не знать об ухудшении положения в стране, для него не являлись секретом недостатки и пороки людей, стоявших у власти. Однако влияние и возможности Андропова были ограниченны, и он должен был ждать. Еще одним инструментом власти, влияние которого увеличилось в 1970-е годы и который мало затронули политическое и моральное разложение, была армия. Престиж военного руководства оставался высоким, а военно-промышленный комплекс доминировал в экономике. Но именно при Андропове удалось преодолеть существовавший еще со времен Сталина конфликт или неприязнь между высшими чинами армии и КГБ. Андропов был дружен с министром обороны Д. Ф. Устиновым, и казалось маловероятным, что в случае кризиса власти генералитет поддержит Черненко или Кириленко. К таким же выводам пришел в конце 1970-х годов и мой брат Жорес, который с 1973 года жил и работал в Лондоне и внимательно анализировал происходившие в СССР события. О своих предположениях мы не раз говорили в интервью, но на них мало кто обращал внимание. У наиболее влиятельных специалистов по советским делам фигура Андропова как вероятного лидера СССР

не вызывала интереса. Эти люди считали невозможным, чтобы в Советском Союзе к власти пришел шеф КГБ, которому отводили тогда лишь седьмое или восьмое место в советской иерархии власти.

Все понимали, что Брежнев, пока он жив, будет стоять у власти. Мало кто из западных экспертов предполагал в середине 1970-х годов, что эта агония дряхлеющего режима продлится так долго.

Но так или иначе, а развязка наступила в ноябре 1982 года, и неожиданно для большинства политических наблюдателей Ю. Андропов был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. За два года до этого в США был избран новый президент — республиканец Рональд Рейган. Многие предполагали поэтому, что именно Андропов и Рейган как лидеры двух супердержав будут оказывать в 1980-е годы решающее влияние на мировую политику. Естественно, всех волновал вопрос: какие акценты расставит в своей деятельности новый советский лидер? Станет ли он руководителем переходного типа или с ним придет новая эра внешней и внутренней политики СССР? Каких новых людей выдвинет Андропов? Как сложатся его отношения с мощным еще кланом Брежнева?

Избрание Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС и его первые шаги в этом качестве вызвали прилив ожиданий в разных слоях советского общества. Эти ожидания разделяла и часть работников партийного и государственного аппарата. Как писал позднее бывший заместитель заведующего одного из международных отделов ЦК КПСС Андрей Грачев, «Андропов казался человеком другого поколения, чем Брежнев, Суслов или Черненко. Он был более образованным, даже интеллигентным, на порядок более умным и проницательным и, наконец, лично более порядочным и скромным, чем "поздний" Брежнев. Разные люди связывали с воцарением Андропова в ЦК и Кремле разные и противоречивые надежды. Одни ждали быстрого наведения порядка в виде прежде всего жестких мер против разгулявшейся преступности и мафии, искоренения коррупции и усиления расшатавшейся трудовой дисциплины. Другие, в большинстве своем простые работяги, приветствовали появление в продаже с приходом новой власти дешевой водки… Третьи — к их числу относилась верноподданная интеллигенция и либерально-реформистски настроенная часть управленческого и партийного аппарата — связывали с Андроповым надежды на… демократические реформы. Во-первых, в условиях разложения и дискредитации партии именно КГБ и его бывший шеф выглядели относительно здоровой государственной структурой. Во-вторых,

Андропов еще со времен своего возвращения из Будапешта оставил о себе в ЦК репутацию нестандартно мыслящего, современного и не чуждого либеральным идеям политика. В-третьих, потому что все равно надеяться больше было не на кого»[5].

Ю. Андропов пробыл у власти всего 15 месяцев, и мы не смогли получить ответ на многие из вопросов, хотя главные тенденции его политики обозначились достаточно четко. Вопреки прогнозам недавний шеф КГБ сумел не только быстро консолидировать власть, но и завоевать несомненное уважение значительной части населения, хотя ни пропаганда, ни печать не пытались в эти 15 месяцев создавать культ Андропова. И тем не менее уже в те месяцы возникла, а позднее развилась легенда об Андропове, проникшая во все слои общества. Поэтому правление Андропова в отличие, например, от «года Черненко» оставило прочный след в сознании большинства советских людей.

Известно, что сообщение о смерти Брежнева большинство граждан нашей страны встретило с удивившим западных корреспондентов равнодушием. Многие не старались даже скрыть чувства облегчения. Но смерть Андропова обрадовала немногих. У большинства граждан она вызвала огорчение, даже тревогу. А между тем за время пребывания Андропова у власти мы, в сущности, мало что узнали о нем как о политике и человеке. Еще меньше было известно о нем как о Председателе КГБ; руководители тайной полиции в любой стране не стремятся к «паблисити» и не могут рассчитывать на особую популярность — а у нас тем более. Тем не менее Андропов сумел за короткий срок приобрести несомненную популярность и вызвать интерес к своей личности — интерес, который сохраняется и сегодня.

Короткое правление Андропова наглядно показало, что в нашем обществе имелось не только стремление к демократии, к защите прав и свобод человека, получившее отражение в движении диссидентов, с которым и Брежнев, и Андропов вели постоянную борьбу. В обществе имелось не менее сильное стремление к «порядку» и уважение к «сильному лидеру», «хозяину», способному заботиться в первую очередь о благе народа, а не о собственных благах или привилегиях для своего окружения, — поведение, характерное для брежневского руководства. Именно поэтому немалая часть населения страны откровенно и заинтересованно приветствовала приход к власти Андропова и его первые мероприятия по наведению порядка.

Но и в 1990-е годы в российском обществе стремление к «порядку» и к «сильной руке» сохранилось и даже возросло. Бурные годы перестройки, повороты и перевороты последнего

десятилетия, решительно изменившие облик нашей страны и общества, а также обстановку в Европе и во всем мире, привлекли внимание к другим политическим лидерам и к другой политике. Однако не слишком значительные успехи и явные неудачи всех перестроек и реформ, непрерывное ухудшение материального положения простых людей, нарастание напряженности и неустойчивости в обществе, неуверенность в личной судьбе и в судьбе страны, многочисленные конфликты по национальным и социальным мотивам, стремительный рост всех видов и форм преступности — все то, что наши граждане не без оснований считают «беспорядком» в экономике и политике, возродило внимание и интерес к личности и деятельности Андропова. Объединяя миф о Сталине и миф об Андропове, некоторые из авторов находили в них аргумент в пользу некой извечной предрасположенности русского народа к деспотизму и тоталитарной власти. Директор Центра по изучению прав человека и демократии Андрей Андреев попытался разделить эти два мифа и даже противопоставить их друг другу. «Если рассматривать вопрос не "вообще", а конкретно, — писал А. Андреев, — не так уж трудно убедиться в том, что образы и мифологемы россиян не имеют тоталитарной окраски. Более того, их распространение сопровождается вытеснением тоталитарной мифологии и дегероизацией главного ее персонажа — Сталина… Сталинский миф, воскресший было в середине 80-х годов, потерял ныне свою общественную значимость и почти сошел на нет. Интересно, однако, что в роли идеального руководителя советской эпохи сегодня чаще всего выступает уже не Сталин, а Андропов. Характер исторических симпатий россиян позволяет сделать вывод, что после ряда колебаний общественное сознание склонно принять в качестве наиболее приемлемого умеренно авторитарный тип власти. Это не означает, что общество отвернулось от демократических и либеральных ценностей. Просто историческая память и политический инстинкт народа подсказывают ему: лучше согласиться на умеренно авторитарный режим, в рамках которого сохраняется возможность дозревания ростков демократии, чем получить анархию, хаос, экономическую деградацию и, как следствие, откат к новому тоталитаризму»[6].

У многих публицистов, писателей и политиков внимание и интерес российской публики к фигуре Андропова вызывало раздражение и протест. «Что можно найти интересного в личности этого кагэбэшного людоеда!» — воскликнул в одной из дискуссий редактор журнала «Столица» А. Мальгин[7]. Резко отрицательные отзывы об Андропове встречались на многих

страницах книги Владимира Буковского[8]. Немало явных вымыслов содержалось в посвященных Андропову книгах писателей С. Семанова и И. Минутко[9]. Резко негативный образ Андропова попытался нарисовать историк Д. Волкогонов[10]. Об «андроповщине» как об одном из самых мрачных периодов советской истории мне приходилось не раз слышать в беседах с некоторыми из известных предпринимателей, начинавших свой бизнес еще во времена «позднего» Брежнева и переживших немало неприятных ситуаций в 1982–1986 годах при Андропове и «раннем» Горбачеве, начавшем было энергичную борьбу с «нетрудовыми доходами». Заметного отклика среди российских граждан все эти публикации и выступления не имели. В одном из представительных опросов весны 1998 года, где речь шла не только о лидерах страны, но обо всех политиках, общественных деятелях и деятелях культуры, при ответе на вопрос «Деятельность каких людей в России XX века заслуживает наибольшего внимания и одобрения?» Юрий Андропов занял 13-е место сразу же за генералом Александром Лебедем и поэтом Владимиром Высоцким. Этому есть много причин. Хотя большая часть государственных предприятий в нашей стране уже перешла в частные руки, жизнь в России для рядовых рабочих, крестьян и служащих становилась все хуже и труднее. Ведущей и главной силой в стране оставалось чиновничество и крайне небольшой слой «олигархов», которые очень мало связаны с тем, что принято называть реальным производством или национальным капиталом. Наблюдая, как растут, подобно грибам, роскошные виллы и дворцы, принадлежащие не только банкирам, но и главным бухгалтерам, таможенным начальникам и спиртовым королям, недавним директорам совхозов и мясокомбинатов, овощных баз и рынков, руководителям пенсионных фондов и налоговых ведомств, генералам обнищавшей армии, главам спортивных федераций и главарям криминальных группировок, даже начальникам статистических управлений, самый обычный российский обыватель нередко начинал вспоминать о временах Андропова не с осуждением, а с ностальгией.

После Конституционного суда по «делу КПСС» в 1992 году в российских газетах и журналах было опубликовано много материалов и документов, связанных с репрессиями против диссидентов. Хотя под многими из этих документов стояла подпись Андропова, они мало изменили отношение российских граждан как к прошлым, так и более современным лидерам. В 1990-е годы в России были созданы десятки новых правозащитных организаций. Их деятельность показывала, что нарушения многих фундаментальных прав человека в 1990-е годы

не прекратились, а в некоторых отношениях стали даже более массовыми и значительными, чем в конце 1960—1970-х годах. При регулярных опросах эту печальную статистику оспаривали только 7—15 процентов респондентов. Грубо нарушались в 1990-е годы права солдат срочной службы и офицеров, заключенных и работников мест заключения, права граждан со стороны работников милиции и самих работников милиции, права подсудимых и права судей, студентов и пенсионеров. Нарушались национальные права и права беженцев, шахтеров и атомщиков, больных и врачей. В стране убивали бизнесменов и журналистов, почти ежедневно мы узнавали о новых террористических актах и захвате заложников. Несмотря на возражения и протесты демократической печати, Государственная Дума избрала члена КПРФ Олега Миронова уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Впрочем, менялась позиция и демократических изданий. «Общая газета» провела в начале 1998 года большую конференцию по проблеме «Кризис отношений личности и государства», где собрались представители 130 самых влиятельных столичных и региональных правозащитных организаций. «Что с нами происходит? — спрашивала газета. — Как образовался тот обвал с правами человека, о котором на протяжении последних месяцев нам сообщали читатели и авторы?» Даже вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр заявила в редакции газеты, что «такого массового нарушения прав человека не было со времен коллективизации. Власть действует вне морали и нравственности». Публикуя обзор выступлений правозащитников, «Общая газета» дала ему выразительный заголовок: «При Брежневе били бережнее»[11].

К концу 90-х годов личность и деятельность Андропова постепенно переставала быть предметом лишь разного рода легенд и мифов. Научная историческая работа только разворачивалась, но начался настоящий бум мемуарной литературы, в которой встречалось немало рассказов авторов о совместной работе с Ю. Андроповым. В первую очередь следует отметить книги политиков, выдвижение которых было связано главным образом с Андроповым[12].

Интересные мемуары опубликовали почти все бывшие помощники и консультанты Андропова в ЦК КПСС, а также многие работники из других отделов партийного аппарата[13]. Немалое число книг принадлежало перу недавних председателей КГБ СССР, генералов из разных управлений государственной безопасности, военных, а также дипломатов[14].

В работе над книгой мне очень помогли свидетельства тех, кто хорошо знал Андропова и работал вместе с ним. Упомяну в

этой связи А. И. Лукьянова, А. И. Вольского, В. М. Чебрикова, Г. Х. Шахназарова, А. Е. Бовина. Я подробно записал высказывания А. Хегедюша и Ю. П. Любимова, получил немало советов от генерал-лейтенанта И. В. Розанова, работавшего много лет в аппарате КГБ. Особенно большую помощь оказал своими поправками и свидетельствами сын Ю. Андропова Игорь Юрьевич, а также генерал- полковник В. А. Тимофеев.

Глава первая. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Мало что известно о детстве и юности Юрия Андропова и его родителях. Он родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожного служащего в казачьей станице Нагутская, на территории нынешнего Ставропольского края. Один из очерков об Андропове, опубликованный в 1983 году в немецком журнале «Шпигель», назывался «Казак из станицы Нагутской». У отца Андропова были родственники среди казаков, однако семья Андроповых не принадлежала к казачеству, то есть к своеобразному военно-земледельческому сословию, сложившемуся в пограничных районах царской России. Будущий генсек рано потерял родителей. Его отец умер в 1916 году. Мать снова вышла замуж, но ненадолго пережила первого мужа. Мы знаем, что она была учительницей и после ее смерти в 1923 году Юрий жил и воспитывался в семье отчима. Он учился в семилетней школе в небольшом городе Моздоке. Через станицу Нагутскую проходила железная дорога, и из Моздока Юрию было нетрудно приезжать домой. Однако мальчик все реже появлялся в родном доме, где уже не было ни отца, ни матери.

В статьях авторов «русского направления» можно найти немало спекуляций относительно чистоты родословной Юрия Андропова. У него находили следы армянского, греческого и, конечно же, еврейского происхождения. Особенно много спекуляций на этот счет встречается в работах Сергея Семанова. «Происхождение Андропова темно, — писал этот историк. — … Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. Но это — не сегодня и вряд ли даже завтра»[15]. Обозреватель журнала «Власть» Евгений Жирнов, ссылаясь на свидетельство бывшего министра здравоохранения СССР и доброго знакомого Ю. Андропова Евгения Чазова, писал, что еще в конце 1970-х годов сотрудники КГБ поймали где-то в районе станицы Нагутской человека, который пытался выяснить все подробности о матери и отце Юрия Андропова. Это очень огорчило председателя КГБ, он считал все это происками политических противников[16]. В начале 1980-х годов я сам держал в руках листки неизвестного происхождения, которые ходили среди диссидентов и в которых говорилось о недостаточно «чистом» происхождении Черненко и Андропова. Но какое все это могло иметь значение? Не только молодые люди 1920—1930-х годов, но и лидеры страны и партии тех

десятилетий мало думали о своих ближних и дальних предках и своих национальных корнях, особенно если эти люди вышли из областей и республик Северного Кавказа и Закавказья. На первом месте в Советском государстве стоял социальный статус, а у Юрия Андропова он был по тем временам безупречным.

Самостоятельная жизнь Юрия Андропова началась с 14 лет; сначала он работал грузчиком, потом киномехаником и телеграфистом. В 18 лет плавал матросом по Волге и многому научился. Позднее он часто повторял слова и советы своего боцмана: «Жизнь, Юра, это мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» В 1933 году Юрий Андропов поступил в техникум водного транспорта в Рыбинске. В 1984-м этот небольшой город в Ярославской области был переименован в Андропов, но позднее вернул свое прежнее название. По завершении учебы Юрий начал работать, но не судовым техником, а освобожденным секретарем комсомольской организации Рыбинской судоверфи — в комсомол он вступил еще в Моздоке. В середине 30-х годов политика занимала большую часть студентов, и именно в это время она стала главным смыслом жизни будущего генсека.

Страшный террор 1937–1938 годов произвел опустошение не только в Москве, но и во всех областях и республиках: и не только в кадрах партии, армии или народного хозяйства, но и в комсомоле. Однако секретари заводских организаций пострадали мало. Напротив, террор как бы расчищал им путь для быстрого продвижения наверх. Уже в 1938 году мы видим 24-летнего Андропова, тогда еще кандидата в члены партии, на посту первого секретаря Ярославского обкома комсомола. Он был высоким, красивым и красноречивым комсомольским лидером, умел привлечь внимание молодых ярославцев. Молодая Екатерина Шевелева, будущая писательница, иногда встречавшаяся с Юрием Владимировичем и на Лубянке, посвятила ему в 1939 году одно из своих стихотворений: «… Отбросив русый вихрь со лба, стоит мой век, моя судьба, моя судьба на съезде комсомольском». Андропов также всю жизнь писал стихи, но никогда их не публиковал.

Еще в Рыбинске Андропов женился на своей однокурснице по техникуму Нине Ивановне Енгалычевой. Почти пять лет молодые супруги жили в мире и согласии. У них родились дочь и сын, которых Юрий Андропов назвал в честь родителей — Евгенией и Владимиром. Брак, однако, распался. Андропов получил назначение в ЦК ЛКСМ Карелии и должен был уехать из Ярославля. Нина Ивановна за ним не последовала. Она училась в

институте и готовилась к работе следователя. Жизнь первого сына Ю. В. Андропова Владимира не сложилась. Он учился в Нахимовском и Суворовском училищах, в ПТУ, часто менял профессии и место жительства, очень редко встречаясь или обмениваясь письмами с отцом. Когда Андропов в 1967 году занял пост Председателя КГБ, его первый сын работал механиком-наладчиком на Тираспольской швейной фабрике в Молдавии. Сын не обращался за помощью к отцу, а Юрий Андропов не считал возможным вмешиваться в жизнь сына и его семьи. В газете «Слово» в июне 1999 года была опубликована фотокопия письма Юрия Андропова сыну от 15 августа 1967 года. Отец советовал Владимиру поступить в Кишиневский электротехнический техникум. «В Москве, — писал сыну председатель КГБ, — я постеснялся спросить тебя относительно того, готов ли ты к экзаменам для поступления в институт, а ведь это вопрос — не последний. Думаю, что для экзаменов в техникум знаний у тебя хватит. Я узнал, что в Кишиневе есть электротехнический техникум. В него принимают после 8 класса. Справку об окончании 8 класса ты, конечно, легко мог бы получить в Ярославле… Очень сожалею, что не смог помочь тебе, но ты должен понять, что если я так пишу, значит по-иному ничего сделать нельзя»[17]. У первого сына Андропова были срывы, были даже судимости, но с отсрочкой приговора. Он часто болел и умер в 1975 году в Молдавии. Он не общался ни с матерью, ни с сестрой, и на его похоронах из родных была только жена Мария с маленькой дочерью, внучкой Юрия Владимировича, которой он так и не видел. Жизнь дочери Андропова Евгении сложилась более удачно. Она закончила медицинский институт и работала врачом в Ярославле. Только в начале 1970-х годов Юрий Владимирович пригласил уже взрослую дочь погостить у него в Москве. Она жила в подмосковной резиденции Андропова, бывала и в его кабинете на Лубянке, рассказывала о сыновьях Андрее и Петре, внуках генсека. Оба этих молодых человека мечтали поступить в Высшую школу госбезопасности и идти по стопам деда. Андропов, однако, сказал дочери, что он в жизни всего добивался сам и поэтому не будет устраивать судьбу внуков[18]. Евгения Юрьевна и сейчас иногда приезжает в Москву, чтобы навестить сыновей и положить цветы на могилу отца. Такой же букет цветов она кладет перед этим на могилу матери в Ярославле.

В Карелии Юрий Андропов начал работать в 1940 году. Он получил здесь важное поручение — возглавить все комсомольские организации в только что образованной союзной республике — Карело-Финской ССР. Еще раньше и также по

комсомольским делам в Петрозаводск приехала Татьяна Филипповна, вторая жена Андропова. В новой семье тоже родилось двое детей — сын Игорь, ставший позднее дипломатом, и дочь Ирина, работавшая в 1960—1980-е годы на поприще журналистики.

С началом Великой Отечественной войны Андропов активно участвовал в организации партизанского движения в Карелии, значительная часть которой, включая Петрозаводск, была оккупирована немецкими и финскими войсками. Он продолжал возглавлять комсомол и на неоккупированной части республики. Карельский фронт не считался в годы Отечественной войны одним из главных, и позднее о боях в этих местах писали мало. Однако в книгах, изданных в Петрозаводске и Ленинграде в 1960—1970-е годы, упоминался и молодой Андропов. В начале 1980-х, когда Андропов возглавил страну и партию, в Москве и Петрозаводске вышло в свет еще несколько книг о боевых действиях и партизанском движении на Карельском фронте. Упоминание об активном участии первого секретаря ЦК ЛКСМ Карелии Ю. Андропова в организации партийного и комсомольского подполья содержится и в энциклопедии о Великой Отечественной войне[19]. Карельские партизаны, как и солдаты на Карельском фронте, страдали от суровых климатических условий. В некоторых мемуарах можно найти упоминание о том, что именно в годы войны в холодном и болотистом Карельском крае Андропов приобрел ту болезнь почек, которая так осложнила его жизнь.

С 1944 года Андропов перешел на партийную работу; столица Карелии была освобождена, и Андропов занял пост второго секретаря Петрозаводского горкома партии. Вскоре он начал учиться в Петрозаводском государственном университете, а затем и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Однако не окончил ни одного из высших учебных заведений. Но он всегда много читал, занимался самообразованием, пытался изучить английский и немецкий языки.

В 1947 году 33-летний Андропов был избран на пост второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. Председателем Президиума Верховного Совета республики был в то время Отто Вильгельмович Куусинен, в прошлом один из основателей Коммунистической партии Финляндии и секретарь Исполкома Коминтерна. Этот известный в стране и за рубежом политический деятель был не только членом ЦК ВКП(б), но и заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. "В те времена пост Председателя Президиума Верховного Совета считался почти во всех республиках не особенно важным. Однако именно в

Карелии Отто Куусинен являлся не только формальным, но и фактическим руководителем небольшой республики. Шестидесятипятилетний ветеран и Октябрьской революции 1917 года, и революции 1918 года в Финляндии относился к молодому Андропову с вниманием и симпатией.

Общение с Отто Куусиненом явилось чрезвычайно важным для Андропова, оказав на него большое влияние. Георгий Арбатов, который работал вместе с Куусиненом в 1957–1958 годах над учебным пособием «Основы марксизма-ленинизма», вспоминал позднее об этом политике и теоретике с большой симпатией. «О. В. Куусинен, — писал Арбатов, — был прекрасным учителем. Вопреки возрасту это был человек со свежей памятью, открытым для нового умом, тогда очень непривычными для нас гибкостью мысли, готовностью к смелому поиску. Ну а кроме того, он думал. Честно скажу, я впервые познакомился с человеком, о котором можно было без натяжек сказать: это человек, который все время думает… То, что Куусинен думал, в общении ощущалось почти физически: ты чувствовал, что за каждым словом собеседника стоит работающая, все время проверяемая и шлифуемая мысль, что каждый твой вопрос, твою реплику человек серьезно обдумывает, взвешивает, оценивает. Тем, кто понял это, говорить, работать с Отто Вильгельмовичем было поначалу хотя и интересно, но сложно, несмотря на его — тоже тогда для начальства очень непривычные — простоту, доступность, демократизм. Ибо ты всегда был в напряжении, начеку, остерегался непродуманных слов. Потом почти все мы, видимо поняв, что лучше, чем мы есть, мы показаться "старику" (так его все называли за глаза) не сможем, начали себя вести естественно. Но при этом все становились хоть чуточку умнее — в присутствии сильного интеллекта, взаимодействуя с ним, сам невольно мобилизуешь свои резервы и возможности…

И еще одно открытие, которое ожидало каждого, кто работал с Куусиненом, — новое представление о политике, новое для нас, чьи умы были замусорены и притуплены долгими годами сталинизма. В общении с этим человеком открывалось понимание политики как сложного творческого процесса, сочетающего ясное представление о цели с постоянно выверяемым поиском методов и средств, стратегию с тактикой, науку с искусством (поясняя последнее, Куусинен как-то поразительно точно заметил: "В политике важно не только знать, но и уметь"). Словом, то, о чем раньше мы иногда читали, но либо не воспринимали, либо воспринимали как теоретическую абстракцию, в разговорах с Отто Вильгельмовичем обретало плоть.

Куусинен был живым носителем очень хороших, но ставших

для нас к тому времени ужасно далекими традиций европейского рабочего движения, ранней "левой" социал-демократии, зрелого ленинизма, лучших периодов Коминтерна (в частности, его VII конгресса). Добавьте ко всему этому высокую культуру (помимо всего другого, он писал стихи, сочинял музыку, немало времени отдавал литературоведению)»[20].

Отто Куусинен был, вероятно, последним образованным интеллигентом из окружения В. И. Ленина, которое оставалось еще в ЦК КПСС в 1940—1950-х годах. Именно высокая репутация и авторитет О. Куусинена в международном рабочем движении и в кругах Коминтерна удержали Сталина от уничтожения этого политика во времена террора 1937–1938 годов. Были арестованы, однако, его жена и сын. Надо отметить также, что Ленин не только хорошо знал, но и ценил О. Куусинена. Однажды Григорий Зиновьев пожаловался Ленину на медлительность Куусинена в подготовке резолюции по национальному вопросу. Ленин ответил: «Он знает и думает». А в скобках по-немецки и с явным намеком добавил: «что очень редко среди революционеров»[21].

Тяжелые испытания ждали карельскую партийную организацию в 1950 году. Организованное Лаврентием Берией и Георгием Маленковым «ленинградское дело» сопровождалось не только массовыми репрессиями в Ленинграде, волны террора прошли и по всем районам Северо-Запада. В начале января 1950 года в Петрозаводск прибыла комиссия из ЦК ВКП(б), возглавляемая Г. В. Кузнецовым. В Карелию прибыла также группа московских чекистов. Первым секретарем ЦК КП(б) Карелии был с 1938 года Геннадий Николаевич Куприянов, в Петрозаводск он был направлен из Ленинграда по рекомендации А. А. Жданова. В годы Отечественной войны Куприянов был прямым начальником Андропова по партизанскому штабу, а также членом Военного совета Карельского фронта. В конце войны бригадному комиссару Куприянову было присвоено звание генерал-майора. Андропов относился к Куприянову с большим уважением, у них не было конфликтов. Все изменилось за несколько дней.

Почти все репрессии по «ленинградскому делу» проводились по общему сценарию. Вначале выдвигались обвинения в разного рода хозяйственных нарушениях, мелких злоупотреблениях или даже личной нескромности. Обвиненного снимали с работы и исключали из партии. Вокруг него возникала зона отчуждения. Только через 2–3 месяца следовал арест с предъявлением политических обвинений. По такой схеме шли дела и в Карелии. Найти разного рода недостатки в хозяйственной деятельности здесь было нетрудно: республике не удавалось в 1947–1949 годах

выполнить план по заготовкам древесины. Комиссия выдвинула против Куприянова обвинения в хозяйственных злоупотреблениях и в корысти. Обвинения в адрес второго секретаря ЦК КП(б) Карелии были не столь серьезны, и Андропов должен был председательствовать на пленуме ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, состоявшемся 24–25 января 1950 года по «делу Куприянова». У Андропова имелся не слишком большой выбор. Он мог выступить с защитой Куприянова и очень скоро разделить его судьбу. Или промолчать, найти отговорки, сослаться на незнание дела. Наказание и в этом случае было бы неизбежным. Я наблюдал подобные ситуации в Ленинградском университете, где учился в 1946–1951 годах и где десятки профессоров и преподавателей оказались жертвами «ленинградского дела». Андропов выбрал третий путь. Он выступил с унизительной самокритикой и поддержал все обвинения в адрес Куприянова. Недавний генерал был снят с поста первого секретаря и выведен из бюро ЦК КП(б) Карелии. Через два месяца он был арестован и вскоре приговорен по статье 58 УК к 25 годам лишения свободы. Занимать в тоталитарной системе высокий пост и не предавать время от времени своих друзей, соратников или просто ни в чем не повинных людей было невозможно. Здесь каждый сам делал свой выбор, и каждый сам искал оправдания своим прегрешениям. Куприянов не погиб в лагерях. Он вышел на свободу в 1956 году, был полностью реабилитирован и работал до конца жизни директором дворцов-музеев и парков города Пушкина Ленинградской области. Ему помог Никита Хрущев.

Позднее Андропов рассказывал своим помощникам и консультантам, что именно Отто Куусинен спас его от серьезных неприятностей в 1950-м. В 1967 году, оказавшись Председателем КГБ, Андропов попросил принести ему «дело Куприянова». Фальсификации были очевидны, но ни Куприянов, ни другие арестованные не отказывались называть Андропова среди своих «соучастников».

Не только репрессии 1950 года преподали Андропову тяжкий урок политического приспособления. Существовало немало и других факторов, учивших его осторожности и скрытности в политической деятельности. Карелия являлась тогда самым важным в стране центром лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Здесь добывалась также железная руда и большое количество нерудных строительных материалов. Однако значительную часть рабочей силы в республике составляли заключенные. Еще при строительстве знаменитого Беломорско-Балтийского канала в Карелии была создана густая сеть лагерей, в которых работали главным образом

«раскулаченные» крестьяне. Эта система принудительного труда затем продолжала лишь расширяться, и в 1940-е годы «Карлаг» оставался одним из крупных островов «Архипелага ГУЛАГа». Юрий Андропов не мог заниматься экономикой республики без постоянного контакта с руководителями НКВД — МВД — МГБ.

С конца 40-х годов началось значительное расширение аппарата ЦК КПСС. С благословения О. Куусинина, Ю. Андропов был переведен в Москву и стал работать инспектором ЦК. Уже через год он возглавил здесь один из подотделов. Как можно судить по статье Андропова в «Правде», он контролировал регион Северо-Запада. Андропов писал в газете о проблемах лесопильного и целлюлозно-бумажного производства. Но он недолго работал в аппарате ЦК. Сейчас уже трудно прояснить все обстоятельства и причины, по которым Андропов был переведен в 1953 году на работу в Министерство иностранных дел. После смерти Сталина главой МИДа снова стал В. М. Молотов.

Глава вторая. ПОСОЛ В ВЕНГРИИ

Новое назначение

В Министерстве иностранных дел Ю. В. Андропов возглавил 4-й европейский отдел, в компетенцию которого входили отношения с Польшей и Чехословакией. В 1953–1954 годах в советских верхах происходила острая борьба за власть и влияние, и это обстоятельство вело к кадровым перестановкам, объяснявшимся часто не деловыми качествами работника, а его принадлежностью к той или иной политической группировке. Одна из таких перестановок привела Андропова в МИД, однако уже через несколько месяцев он был вынужден покинуть свой кабинет на Смоленской площади. Недавнего заведующего отделом направили в посольство СССР в Венгрии на скромную должность советника- посланника. В отсутствие посла такой советник замещает его в качестве временного поверенного. По одной из версий, удаление Андропова из Москвы было связано с небольшим конфликтом между ним и всесильным тогда Георгием Маленковым. Однако осенью 1954 года влияние Маленкова резко ослабло, а влияние Молотова ненадолго усилилось. Между тем энергичная работа Андропова в посольстве была замечена. В конце 1954 года отношения между советским руководством и венгерскими лидерами стали ухудшаться. Посла Советского Союза в Будапеште Е. Д. Киселева отозвали в Москву. Пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Венгерской Народной Республике занял Юрий Андропов — очень важное повышение статуса в неофициальной советской и партийной иерархии. Для многих наблюдателей уже тогда казалось очевидным, что посольства Советского Союза в странах Восточной Европы являлись не только дипломатическими учреждениями, но и важной частью в структурах власти тех стран, в которых они работали. Посол в странах народной демократии выполнял, таким образом, и некоторые функции наместника и мог не только задавать вопросы, но и давать советы лидерам данной страны. Андропов это понимал, но очень осторожно, хотя и настойчиво пользовался новым влиянием. Расширил он и свои связи. В 1955 году в Будапешт прибыл 30-летний дипломат и юрист Владимир Александрович Крючков, который окончил в 1954 году Высшую дипломатическую школу МИДа СССР и несколько месяцев проработал секретарем одного из отделов министерства. В Венгрии Крючков занял пост секретаря советского посольства. Вскоре он стал одним из самых доверенных сотрудников Юрия Андропова.

Венгрия — страна с противоречивой и сложной историей.

Еще в XV–XVI веках Венгерское королевство вело тяжелую борьбу с Османской, а затем и с Австрийской империями. В итоге большая часть венгерских земель оказалась в XVI веке под властью австрийско-немецкой династии Габсбургов. Венгры не раз поднимались на борьбу за независимость и почти добились ее в 1848 году. Российский император Николай I пришел на помощь разбитым австрийским войскам, направив за Карпаты 130-тысячную армию. Вся демократическая Европа с восхищением говорила тогда о героях Венгерской революции Людвиге Кошуте и Шандоре Петефи, называя не только Николая I, но и всю Россию «жандармом Европы». Император Франц Иосиф I был вынужден преобразовать Австрийскую империю в «двуединую» монархию Австро-Венгрию, в которой Венгрия имела частичный суверенитет. Но ее королем оставался все тот же Франц Иосиф, умерший в 1916 году в возрасте 86 лет. Поражение в Первой мировой войне привело к крушению империи Габсбургов и распаду Австро-Венгрии. В ноябре 1918 года Венгрия провозгласила независимость, а уже в марте 1919 года здесь победила советская власть; в молодой республике к власти пришли левые социал-демократы и социалисты. Венгерская Советская республика не продержалась, однако, и полугода. В 1920 году была установлена правая диктатура, возглавляемая контр-адмиралом габсбургского флота Миклошем Хорти. В 1941 году хортистская Венгрия не только поддержала Гитлера, но стала одним из самых верных его союзников. Движение Сопротивления в Венгрии оказалось слабее, чем в других странах порабощенной Европы. Коммунисты не имели здесь сильных подпольных организаций и крупных партизанских отрядов, как это было в Болгарии, Югославии или Словакии. Когда наступавшие на Запад советские армии подошли в 1944 году к границам Венгрии, Хорти попытался заключить с Англией и США сепаратный договор. Германия ответила оккупацией Венгрии, где к власти пришла возглавляемая Ференцем Салаши фашистская организация «Скрещенные стрелы». 76-летний Хорти бежал из страны. Продвижение советских войск по территории Венгрии сопровождалось тяжелыми боями. Только после изгнания гитлеровцев и салашистов в стране было образовано Временное национальное правительство, заключившее с Советским Союзом перемирие. Советские войска и военные комендатуры остались, однако, в Венгрии и после войны.

Первое послевоенное венгерское правительство было создано на коалиционной основе. В него вошли руководители еще малочисленной коммунистической, а также влиятельной социал-демократической партий. В правительстве были представлены

некоторые буржуазные партии и независимая партия мелких сельских хозяев. Эта коалиция продержалась, однако, недолго. Венгрия находилась в зоне прочного советского влияния, что и предопределило быструю, хотя и не всегда естественную эволюцию венгерского общества и руководства. Немалое значение для страны имел и тот простой факт, что сотни тысяч чиновников хортистского режима, офицеров, воевавших на Востоке, помещиков и капиталистов, богатых крестьян и всех тех, кто сотрудничал с гитлеровцами, бежали в 1944–1945 годах на Запад, составив весьма значительную венгерскую эмиграцию.

Во главе Венгерской компартии стоял Матиас (или Матьяш) Ракоши — участник Венгерской революции 1919 года, народный комиссар общественного производства Венгерской Советской республики. В 1921–1924 годах он являлся одним из секретарей Коминтерна и лидером подпольной КПВ. В 1925 году Ракоши был арестован и 15 лет находился в тюрьме. Только в 1940 году Советский Союз смог добиться освобождения Ракоши, который возглавил заграничное бюро ЦК КПВ. Именно Ракоши был избран в 1945 году генеральным секретарем ЦК КПВ. Его ближайшим соратником стал Эрне Гере.

Венгерская компартия быстро расширяла свое влияние и численность и уже в 1947 году фактически взяла под свой контроль и правительство, и парламент страны. После объединения коммунистов с левым крылом венгерской социал-демократии название партии было изменено, и вместо КПВ появилась ВПТ — Венгерская партия трудящихся. В ее руководстве не было полного единства не только между недавними социал-демократами и коммунистами. Влиятельной группой в партии были недавние лидеры венгерского Сопротивления, возглавляемые Ласло Райком. Другая часть руководства во главе с Имре Надем работала в Коминтерне и вернулась в страну после многолетней эмиграции. Одним из заместителей Ракоши, а также секретарем Будапештского горкома партии стал в конце 1940-х годов Янош Кадар. Ситуацию в партии осложнил и острый конфликт между Сталиным и Тито. Значительная часть руководителей ВПТ поддерживала деловые и дружеские связи с руководством Югославской компартии, которое было объявлено Сталиным «бандой фашистских провокаторов, шпионов и убийц». К тому же немало коммунистов не одобряло диктаторских методов, которыми управляли страной и партией М. Ракоши и Э. Гере. На критику и недовольство режим Ракоши ответил репрессиями. Сотни коммунистов были арестованы. Райк был казнен после фальсифицированного судебного процесса. В тюрьме оказался в 1951 году и Янош Кадар.

Хотя Венгрия в начале 1950-х годов оставалась еще отсталой в экономическом отношении страной, здесь был принят курс на быстрое развитие социализма, причем по советским образцам. Под лозунгом «Превратим Венгрию в страну железа и стали!» в небольшой и бедной стране стали создаваться огромные металлургические и машиностроительные заводы, сталелитейные комбинаты. Это подрывало экономику страны и силы нации. К ухудшению дел в деревне вели поспешные меры по коллективизации сельского хозяйства. На рост недовольства режим Ракоши ответил массовыми репрессиями: в небольшой стране в тюрьмах и лагерях томились тысячи политических заключенных. Однако репрессии не могли остановить то брожение и недовольство, которые охватили после смерти Сталина большую часть интеллигенции, а затем и другие слои венгерского общества. Общая политическая атмосфера изменялась в 1953–1955 годах и в Советском Союзе. Был преодолен острый политический конфликт между СССР и Югославией. И. Тито и М. Ракоши были антагонистами, и новые отношения между Советским Союзом и Югославией ставили режим Ракоши в Венгрии в трудное положение. Многие из недавних узников венгерских тюрем, включая и Яноша Кадара, вышли на свободу. Однако успокоения общества не наступило, скорее напротив, возбуждение и требования перемен возросли. В такой обстановке начал свою работу новый советский посол в Будапеште Ю. В. Андропов.

К своим обязанностям посла и дипломата Андропов отнесся очень серьезно. Он начал основательно изучать венгерский язык и очень скоро смог общаться с венграми на их родном языке. Андропов изучал также историю и культуру

Венгрии, он старался завести знакомых в различных слоях венгерского общества, в первую очередь среди политиков.

Еще в июне 1953 года Матиас Ракоши, оставаясь лидером партии, уступил пост премьер-министра Имре Надю, который считался либеральным и склонным к умеренным реформам политическим деятелем. Заместителем Имре Надя стал 30-летний член Политбюро ВПТ Андраш Хегедюш. Он отвечал, в частности, за все вопросы, связанные с сельским хозяйством, и оказался тем венгерским политиком, с которым чаще других общался Юрий Андропов.

По счастливому стечению обстоятельств именно Андраш Хегедюш пригласил автора этой книги в феврале 1991 года в Венгрию. В то время я был не только автором нескольких книг по истории сталинизма, но и депутатом Верховного Совета СССР и членом ЦК КПСС. Хегедюш уже не занимал никаких

государственных постов, но оставался уважаемым в стране независимым политиком и ученым. При всех переменах, которые произошли в Венгрии с 1955 по 1991 год, Хегедюш остался сторонником социализма. Он преподавал в Будапештском университете и основал независимый фонд рабочей академии, целью которого являлось содействие в повышении образовательного и политического уровня трудящихся Венгрии. В этой академии я должен был провести несколько бесед со слушателями и прочесть лекцию на тему «Сталинизм, перестройка и рабочее движение». Было организовано также два диспута о судьбах социализма в Институте социологии и на телевидении. Демократическая революция в Венгрии, как я мог убедиться, была действительно «бархатной». В стране не проводилось никаких люстраций или чисток. Конституционный суд Венгрии отклонил закон о преследовании лиц, участвовавших в деятельности правоохранительных органов в 1945–1990 годах. На своих постах остались почти все офицеры Народной армии. Сохранилась свобода печати. Хотя у власти находились тогда политические партии правого толка, никто не жаловался на политические преследования. Несмотря на крайнее ослабление Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) и поражение социализма, многие из старых и молодых сторонников социализма не пали духом, а решили все начинать снова — как и сто лет назад — с соединения социализма с рабочим движением. А. Хегедюш поделился со мной некоторыми из своих воспоминаний об Андропове.

Чтобы знать положение дел в сельском хозяйстве, Хегедюш часто посещал кооперативы и хозяйства всех провинций Венгрии. Андропов просил обычно брать его с собой в эти поездки. Проблемы венгерской деревни занимали немалое место в сообщениях посольства СССР, которые регулярно направлялись из Будапешта в Москву. Андропов хотел получать наиболее важные сведения из первых рук, подкрепляя их личными впечатлениями. По свидетельству Хегедюша, Андропов внимательно изучал процессы в венгерской деревне, но не навязывал никому своего мнения. Он не был надменен и не старался поучать венгров, как это было свойственно другим влиятельным визитерам из СССР. Правда, Андропов был всегда очень осмотрителен и осторожен в беседах, касались ли они политических и хозяйственных или обычных житейских дел. Хегедюша удивляло, что Андропов даже во время отдыха на международном курорте близ озера Балатон вел себя как на официальных приемах. Впрочем, это было характерно и для других советских функционеров высокого ранга. Андропов

интересовался мнением Хегедюша не только о политике, но и о политических деятелях Венгрии. Однако он избегал высказывать свое мнение о членах советского руководства. Хегедюш встречался со многими советскими политиками, включая Берию, Молотова, Маленкова и Хрущева. Но его книга воспоминаний была опубликована в 1988 году только на венгерском языке.

Политический кризис в Венгрии

В 1955 году внутренняя борьба в руководстве ВПТ вновь обострилась. Попытки Имре Надя провести в стране умеренные политические и экономические реформы и раздвинуть рамки независимости страны были поддержаны большей частью общества, но не партийной верхушкой. Ракоши сумел убедить Хрущева в том, что Надь проводит «ревизионистский курс» и поощряет национализм. Между тем растущая популярность, по мнению Хегедюша, сделала Имре Надя слишком беспечным и пассивным. В результате он не только потерял пост Председателя Совета Министров Венгрии, но и был в декабре 1955 года исключен из рядов ВПТ. Андропов не был согласен с таким решением. Сообщая в Москву о событиях в Венгрии, советский посол оценивал исключение И. Надя из партии как большую ошибку. Руководство ВПТ теряло контроль за деятельностью Имре Надя и его окружения. В Москве, однако, события в Венгрии не вызвали большой тревоги, отчасти потому, что премьером страны стал Андраш Хегедюш, о котором в донесениях Андропова содержались всегда только положительные отзывы.

В 1991 и 1992 годах в России были рассекречены не только многочисленные материалы из бывшего архива ЦК КПСС, но и многие архивы МИДа СССР. Историки получили возможность ознакомиться с большим массивом документов по советско-венгерским отношениям 1950-х годов. Уже в ходе заседаний Конституционного суда РФ по делу о судьбе КПСС были обнародованы закрытые ранее материалы о советском вторжении в Венгрию в 1956 году. Немало таких документов Ельцин передал венгерской стороне во время своего визита в Будапешт в ноябре 1992 года. На шифрограммах — самых важных документах внутренней дипломатической переписки — стоит подпись Андропова. На многих справках и пояснительных материалах — подпись секретаря посольства В. А. Крючкова. Часть этих документов была в 1991–1996 годах опубликована в российской печати[22].

Как можно судить из донесений посольства, популярность Имре Надя после его смещения с поста премьера и исключения из партии не уменьшилась, а возросла. Возрастала популярность и Яноша Кадара, который был восстановлен в рядах партии, но занимал в 1955 году скромный пост секретаря одного из райкомов партии. Напротив, авторитет М. Ракоши продолжал падать даже среди высших кругов ВПТ. Настоящим крушением для Ракоши стал XX съезд КПСС в Москве и секретный доклад Н.

С. Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях» на последнем закрытом заседании съезда. Руководители коммунистических партий, присутствовавшие на съезде КПСС, включая Ракоши, смогли ознакомиться с текстом секретного доклада еще в Москве, на другой день после закрытия съезда. В середине марта его начали зачитывать на партийных собраниях в Советском Союзе. В Венгрии с текстом доклада Хрущева ознакомились сначала члены ЦК, а затем и партийный актив ВПТ. Однако слухи о докладе будоражили все общество. Уже реабилитация Белы Куна и группы венгерских коммунистов, погибших в СССР в конце 1930-х годов, стала серьезной политической проблемой для Ракоши. В конце марта 1956 года, выступая на партийном активе в городе Эгере, Ракоши сообщил о предстоящей реабилитации Ласло Райка и его товарищей. Началось освобождение венгерских коммунистов, которые находились в советских тюрьмах, главным образом во Владимирской тюрьме. Приходилось освобождать политзаключенных и из венгерских тюрем. Их возвращение к общественной деятельности усиливало брожение в обществе. Ракоши попытался направить общественное недовольство в сторону венгерских и советских органов безопасности и внутренних дел. Он объявил, что не только Л. Берия, но и венгерский генерал Габор Петер, возглавлявший венгерскую службу безопасности, являлся «агентом империализма». Однако для многих было очевидно, что именно Ракоши стал инициатором политических репрессий в стране в 1948–1953 годах. Как свидетельствует В. А. Крючков, «Ракоши чувствовал надвигающуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой, но, разумеется, никаких вразумительных ответов не получил, кроме призывов "действовать по обстановке". Ракоши неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю. В. Андропову, интересовался его личным мнением, просил выяснить позиции Москвы по некоторым вопросам, но все было тщетно. Андропов сам ломал голову над тем, что же все-таки происходит в Москве, поскольку никаких четких ориентировок не получал. А тем временем опасные для венгерского руководства слухи стали обретать еще более драматическую окраску, продолжая все сильнее будоражить общество»[23]. Андропов позже рассказывал, что сразу после XX съезда его неожиданно пригласил на охоту Матиас Ракоши. Когда они остались одни, Ракоши по-русски сказал (явно рассчитывая, что разговор будет передан в Москву): «Так делать нельзя. Не надо было торопиться. То, что вы натворили на своем съезде, это — беда. И я еще не знаю, во что она выльется и у вас, и у нас»[24].

Наибольшую активность проявляла гуманитарная интеллигенция Венгрии, особенно писатели. На партийном собрании в Союзе писателей в апреле критика в адрес Ракоши звучала открыто и прямо, а один из молодых литераторов назвал Ракоши «Иудой». Кампанию против Ракоши в ясной для всех форме вела и газета Союза писателей «Иродалми Уйшаг». Некоторые из писателей были исключены из партии, но это только подливало масла в огонь. Центром общественно-политических дискуссий и недовольства стал кружок, или «клуб Петефи», организованный с одобрения ЦК партии еще в 1955 году будапештским Союзом трудовой молодежи. На заседания клуба приходили сначала сотни, а потом тысячи человек, дискуссии продолжались по 4, 6, 8 часов. Огромное впечатление на венгерское общество произвели выступления в «клубе Петефи» вдовы Ласло Райка Юлии и известного философа Дьердя Лукача, он говорил уже не только о культе Сталина, но о феномене сталинизма.

Положение выходило из-под контроля. Ракоши метался. С его одобрения к руководству партии начал выдвигаться Янош Кадар. Выступая на будапештском партийном активе 19 мая, Ракоши был вынужден признать свою вину не только в культе личности, но и в недостаточном контроле за органами безопасности, что сделало возможными серьезные нарушения законности. Юрий Андропов с тревогой наблюдал за ходом событий в Венгрии, почти ежедневно направляя шифрограммы в Москву. В одном из донесений в ЦК КПСС Андропов писал, что меры Ракоши по расширению состава Политбюро и особенно выдвижение Яноша Кадара представляют уступку «правым и демагогическим элементам» в расчете на ослабление критики с их стороны. Посол СССР советовал Центру высказать венгерской стороне опасения в связи с этими кадровыми решениями[25].

Советское руководство внимательно следило весной и летом 1956 года за событиями в Венгрии, хотя наибольшую тревогу в Кремле вызывали в эти месяцы перемены в Польше. Из членов Политбюро ЦК КПСС больше всего был вовлечен в венгерские дела Михаил Суслов, который еще в 1955 году приезжал в Будапешт и беседовал с членами руководства ВПТ и Андроповым. По просьбе Ракоши Суслов прибыл в Будапешт в начале июня 1956 года. Суслов не мог не видеть, что очень многие люди из партийного актива, из работников государственного аппарата, а тем более из интеллигенции выступают персонально против Ракоши. В стране ширилось требование реабилитации Ласло Райка и его соратников. Суслов беседовал не только с Ракоши и другими членами Политбюро, но также с Яношем Кадаром и даже

с Имре Надем. Однако московский гость решительно высказался против смещения или замены лидера партии, заявив, что это было бы «подарком американцам» или «таким подарком враждебным силам, лучше которого они не могут ждать»[26]. Не советовал Суслов и проводить какие-либо судебные процессы над бывшими руководителями карательных органов Венгрии. Он не возражал, однако, против возвращения в Политбюро Яноша Кадара. Аналогичные рекомендации были даны Ракоши, Гере и Хегедюшу в Москве в конце июня. Однако реализовать эти рекомендации с целью укрепления единства партии в Венгрии было уже невозможно. Слишком велика была неприязнь венгерской общественности и партийного актива к М. Ракоши. В первых числах июля 1956 года Андропов докладывал в Москву, что «наши друзья» в Венгрии слабо реализуют данные им советы об укреплении единства в составе ЦК, а также о проведении твердой линии в отношении враждебных элементов и демагогов[27]. Вместе с тем советский посол с тревогой писал и о том, что недовольство в стране охватывает не только интеллигенцию, но и трудящихся.

Визит Суслова не остановил развития кризиса в Венгрии. Митинги и собрания с участием оппозиционных писателей стали все чаще проводиться на заводах и фабриках. В раде публикаций последних лет можно прочесть, что Ракоши принял решение остановить наступление оппозиции суровыми силовыми методами. Вместе с доверенными лицами Ракоши составил якобы список из 400–500 человек, подлежащих немедленному аресту. В этом списке был назван и Янош Кадар. Вполне возможно, что при обсуждении ситуации М. Ракоши и его окружение могли говорить и о силовых решениях. Но серьезных планов на этот счет не имелось. По свидетельству В. Крючкова, в июне 1956 года по настоятельному совету Москвы Матиас Ракоши взял шестимесячный отпуск по состоянию здоровья и остался после визита в Москву для отдыха и лечения в Советском Союзе[28]. Конечно, он не думал тогда, что покинул Венгрию навсегда.

13 июля 1956 года в Будапешт прибыл Анастас Микоян. Он констатировал углубление политического кризиса. По мнению Микояна, власть уплывала из рук венгерских товарищей. Отставку Ракоши Микоян считал неизбежной и необходимой. На пост лидера партии он предлагал А. Хегедюша. Однако венгерские лидеры боялись столь радикальных перемен и просили поддержать кандидатуру Эрне Гере. Микоян согласился, и это стало большой ошибкой и Микояна, и всего советского руководства. Гере не пользовался никаким авторитетом в обществе, его считали верным и преданным соратником

ненавистного Ракоши. Микоян участвовал в работе пленума ЦК ВПТ 18–19 июля 1956 года, который поддержал отставку Ракоши. Его преемником стал Э. Гере. В состав Политбюро вернулся Янош Кадар. Вскоре после пленума в ряды партии вернулся и Имре Надь, с которым встречались Гере и Кадар.

На всех почти встречах как Суслова, так и Микояна с венгерскими политиками присутствовал и Юрий Андропов, который вел записи этих встреч и бесед. Эти записи были опубликованы только через несколько десятилетий[29].

Как и следовало ожидать, ни визит Суслова и Микояна, ни проведенный в июле 1956 года пленум ЦК ВПТ не произвели большого впечатления на венгерскую общественность. Недовольство в стране продолжало нарастать. В советском руководстве начали возникать мысли о том, что в Польше и Венгрии может возникнуть ситуация, при которой применение Советской Армии окажется неизбежным.

В соответствии с Варшавским Договором в Венгрии находились две гвардейские механизированные дивизии и две авиационные дивизии, а также несколько специализированных полков — зенитно-артиллерийский, понтонно-мостовой и другие. Все эти части были объединены в Особый корпус, которым командовал генерал-полковник Петр Николаевич Лащенко. В июле 1956 года перед руководящим составом корпуса в городе Секешфехерваре выступил Юрий Андропов. Он рассказал офицерам о сложной обстановке в стране, о наличии враждебных режиму настроений и оппозиции. Андропов предупредил, что венгерское руководство может обратиться за помощью к советским войскам и эту помощь нужно будет оказать. Вскоре после этого выступления из Москвы было получено распоряжение разработать план действий войск Особого корпуса по поддержанию и восстановлению общественного порядка на территории Венгрии и в Будапеште[30]. Аналогичный план был разработан венгерским Генштабом. Предусматривались совместные действия венгерской и советской армий, органов безопасности и полиции Венгрии.

Драма октября. Начало восстания

Ситуация в венгерском обществе продолжала обостряться, однако руководство ВПТ демонстрировало странную самоуверенность и беспечность. После беседы, которая состоялась 28 августа между Э. Гере и Андроповым, советский посол докладывал в Москву: «По мнению т. Гере, дела в стране идут пока нормально»[31]. Сам Андропов не разделял этого мнения. Еще в конце июля он писал в одном из своих донесений: «Гере не пользуется должной популярностью среди широких партийных масс, сухость в обращении с людьми заставляет многих работников сдержанно принимать его кандидатуру»[32]. Андропова поразил тот факт, что 30 августа Э. Гере ушел в отпуск и отправился отдыхать в Советский Союз, где находился почти полтора месяца. Вернувшись в Будапешт, Гере обнаружил, что ни он, ни другие члены руководства ВПТ не контролируют ситуацию в стране. Советское посольство докладывало в Москву в середине октября, что ситуация в Венгрии ухудшается и что «наши друзья» не сумели после июльского пленума принять серьезные меры для улучшения положения в стране. Э. Гере, вернувшись после полуторамесячного отдыха в СССР, сказал советскому послу, что политическая обстановка в Венгрии во время его отсутствия резко ухудшилась и речь идет об очень серьезных проблемах не только в партии, но и в стране в целом[33]. На многих партийных собраниях все громче звучало требование вернуть к руководству партией и страной Имре Надя. С ним начали вести переговоры, убеждая его признать хотя бы некоторые из своих ошибок. Гере и Кадар готовы были разделить власть с Имре Надем, но они не хотели, чтобы этот шаг выглядел как капитуляция. Однако И. Надь отказался признавать свои ошибки, предлагая провести в партии широкую дискуссию. Но для дискуссий уже не оставалось времени. Андропов также считал невозможным принять условия И. Надя. Он с озабоченностью сообщал в Москву, что уступки Имре Надю могут повлечь за собой усиление «правых настроений» и фракционных тенденций в партии.

6 октября в Будапеште с разрешения властей состоялось перезахоронение останков Ласло Райка и его товарищей. Их официальная реабилитация была объявлена еще летом. Несмотря на осеннюю непогоду, десятки тысяч венгров приняли участие в этой торжественно-траурной церемонии. 13 октября состоялось торжественное перезахоронение семи венгерских генералов, казненных в 1950 году. В церемонии приняли участие тысячи солдат и офицеров венгерской Народной армии. Массовые

шествия на улицах Будапешта 6 и 13 октября проходили под лозунгами обновления социализма. Было, однако, очевидно, что речь идет об открытом противостоянии народа и власти. Посольство СССР в Будапеште, и Андропов в частности, получало и передавало в Москву огромное количество противоречивой информации. Анализировать и оценивать события в стране было крайне трудно. Оппозиция в Венгрии не имела единой организационной или идеологической базы, в ней причудливо сплелись самые разные, порой противоположные по своим целям движения. Всех объединяло лишь недовольство политикой и режимом, существовавшим в стране в 1948–1956 годах. У движения не имелось и ясно обозначивших свои позиции лидеров. Имре Надь был вовлечен в движение, но не контролировал его. Иногда открыто, но чаще всего тайно в Венгрии проводили работу многочисленные и сильные эмигрантские организации, штаб-квартиры которых располагались по преимуществу в соседней Австрии. Но и они не имели ни общего центра, ни общих целей. Имело место и вмешательство западных стран, идеологических и разведывательных центров, что порождало среди части советских лидеров примитивный взгляд на события в Венгрии как результат «заговора» сил империализма и реакции.

Развитие событий в октябре 1956 года шло по большей части стихийно, и это делало почти невозможными ни точный анализ, ни прогноз. В оппозиционном движении в Венгрии были очень сильны группы, выступавшие за обновление социализма, хотя степень и характер этого обновления разные люди понимали по-разному. Однако все более сильным становилось и влияние радикального национализма, антисоциализма и антикоммунизма. В этих условиях Андропова больше всего беспокоила растущая дезинтеграция руководства ВПТ, граничащая с расколом партии. Посол СССР обращал внимание Центра на то, что ВПТ утратила контроль за обстановкой. Андропов писал в одном из донесений, что «друзья так слабо держат власть, что при любом сильном толчке они ее потеряют и судьба социализма в Венгрии будет решаться на улице».

Углубление кризиса в Венгрии вызывало огромное беспокойство и в Москве. С 20 октября в Кремле почти непрерывно заседал Президиум ЦК КПСС. Шли консультации с руководством компартии Китая, а также с лидерами ГДР, Румынии, Чехословакии и Болгарии. Не имелось ни единой, ни ясной точки зрения. Не только Хрущев, но и большая часть руководителей КПСС склонялись в эти дни не к военному, а к мирному разрешению кризиса. Хрущев говорил о необходимости

более равноправных отношений между СССР и странами народной демократии, о недопустимости вмешательства в дела «друзей». Были подняты вопросы о выводе части советских войск из стран Варшавского Договора, о сокращении числа советских советников в государственном аппарате этих стран, в частности в армии, в КГБ и МВД. Однако лишь В. Гомулка, только что возглавивший ПОРП, поддерживал эти предложения. Другие лидеры социалистических стран придерживались более жестких позиций. Вальтер Ульбрихт, Тодор Живков и Антонин Новотный прибыли в Москву самолично. Эти люди боялись сокращения советского присутствия в своих странах. Они были не готовы взять на себя большую, чем прежде, ответственность за ситуацию. Советское военное вмешательство в Венгрии, а если надо — и в Польше, казалось им не только возможным, но и предпочтительным способом решения кризиса. 22 или 23 октября в Москву прибыл из Пекина Лю Шаоци.

События в Польше, которые привели здесь к отставке первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Охаба и к избранию на этот пост Владислава Гомулки, лишь недавно освобожденного из тюрьмы, всколыхнули венгерскую общественность. Молодежные организации призвали студентов Будапешта принять участие в демонстрации в знак солидарности и поддержки польских товарищей. О подробностях польских событий венгерские граждане узнавали не из газет, а из передач радиостанции «Свободная Европа», которая почти круглые сутки вела вещание на венгерском языке. С утра 23 октября на улицы города вышли десятки тысяч молодых людей. К ним присоединялись большие группы рабочих, служащих, интеллигенции. К середине дня число демонстрантов достигало уже 200 тысяч человек. Лидеры ВПТ, только что вернувшиеся из Югославии, были в растерянности. Министерство внутренних дел сначала объявило о запрещении демонстрации, но затем разрешило ее. Лозунги демонстрантов казались сверхрадикальными. Демонстранты требовали провозглашения национальной независимости, демократизации страны, удаления всех «ракошистов» и наказания лиц, ответственных за репрессии. Раздавались требования немедленного съезда партии, назначения Имре Надя премьер-министром, вывода советских войск из Венгрии, разрушения памятника Сталину. Андропов, наблюдавший за демонстрацией из окон посольства и из посольской машины, был потрясен. Ничего подобного он никогда не видел. Попытки полиции вмешаться в ход бурного шествия привели к столкновению населения и сил правопорядка. Характер демонстрации стал меняться, звучали все более радикальные требования. К вечеру

тысячи молодых людей устремились к площади Героев, чтобы сбросить с пьедестала огромную бронзовую статую Сталина. Обмотав шею статуи стальными тросами, прикрепленными к лебедкам, грузовикам и автокранам, сотни людей не смогли, однако, свалить бронзового Сталина. Из соседнего предприятия прибежали сварщики и начали разрезать бронзу. Пламя врезалось в колени статуи, и через несколько минут ее удалось сбросить вниз. Грузовики оттащили поверженного тирана к другой площади, где статую еще и обезглавили. На мраморном пьедестале остались стоять лишь огромные бронзовые сапоги. Фотография этих сапог, а также отрезанной головы статуи Сталина обошли на следующий день мировую прессу. В этот же вечер в разных частях города зазвучали выстрелы, началось восстание. Ничего не смог сделать Имре Надь, который обратился к молодежи на большом митинге перед парламентом. Среди демонстрантов шла раздача оружия, группы восставших захватили радиостанцию, ряд военных и промышленных объектов.

Около 7 часов вечера Андропов позвонил генералу Лащенко. Он кратко сообщил об обстановке в Будапеште. Посол и генерал обменялись мнениями. Оба они имели лишь право совещательного голоса, но не принимали решений. Однако ровно через час после разговора с Андроповым Лащенко получил распоряжение из Генерального штаба Вооруженных Сил СССР о приведении корпуса в боевую готовность[34].

Между тем восстание расширялось. Демонстранты нападали на казармы, воинские склады, полицейские управления, чтобы захватить как можно больше оружия. Часть армии и курсантов военных училищ присоединилась к восставшим. Лидеры ВПТ не знали, что делать. Эрне Гере выступил в 8 часов вечера по радио. Он назвал всех, кто вышел на улицы Будапешта, врагами Венгрии и контрреволюционерами. Между тем в демонстрации участвовали и члены партии, а также молодежь, выступавшая под лозунгами демократического социализма. Никаких путей выхода из кризиса Гере не указывал. Его выступление еще больше дестабилизировало обстановку в стране и в столице. Гере позвонил в Москву и просил о немедленном вмешательстве. В Кремле, в зданиях ЦК, в помещениях Министерства обороны СССР горел свет. В 1 час ночи по московскому времени начальник советского Генштаба маршал В. Д. Соколовский отдал приказ командиру Особого корпуса советских войск о вступлении воинских частей в Будапешт.

В ночь с 23 на 24 октября в Будапеште собрался пленум ЦК ВПТ. На заседание пленума, а еще раньше на заседание

Политбюро ВПТ был приглашен и Имре Надь. Он получил предложение возглавить или даже сформировать заново правительство страны. Надь принял это предложение и сделал первые назначения. В Кремле всю ночь шло заседание Президиума ЦК КПСС. Об обстановке в Будапеште докладывал Г. К. Жуков. Связь с Хрущевым и Сусловым постоянно поддерживал и Андропов. Хотя устная просьба о военном вмешательстве уже прозвучала и даже Имре Надь не возражал против вступления в Будапешт Особого корпуса, Хрущев указал Гере и Андропову на желательность письменного обращения к правительству СССР о военном вмешательстве. Андропов попросил утром 24 октября Имре Надя подписать такое обращение, но тот отказался. Такое письмо подписал А. Хегедюш, для которого 24 октября было последним днем его пребывания на посту премьера. Хотя И. Надь уже был назначен партией на пост главы правительства, это решение требовало формального утверждения парламентом или руководством парламента. Текст обращения, которое получил Андропов, гласил: «От имени Совета Министров Венгерской Народной Республики прошу Правительство Советского Союза прислать на помощь советские войска в Будапешт для ликвидации возникших в Будапеште беспорядков, для быстрого восстановления порядка и создания условий для мирного, созидательного труда»[35]. Это письмо, подписанное утром 24 октября, поступило в Москву 28 октября.

Операция «Компас»

В полночь по венгерскому времени механизированные соединения Особого корпуса начали движение на Будапешт. Началась операция, которой было присвоено кодовое наименование «Компас». Из мест постоянной дислокации танкам и бронетранспортерам предстояло пройти от 75 до 120 километров. Рано утром 24 октября советские танки с разных сторон вступили в город. Я не буду излагать здесь подробности боевых действий Особого корпуса 24–26 октября. Советские войска смогли взять под охрану все важнейшие объекты города: здания ЦК ВПТ, парламента, горсовета, горкома партии, госбанка, почтамта, вокзалы и мосты через Дунай. Удалось отбить у повстанцев несколько зданий. В разных местах города шли небольшие бои и перестрелки. Войска несли потери, несколько танков было подбито. Город заполнен людьми, отрядами повстанцев, в разных местах шли митинги и манифестации. В ряде районов города по манифестантам открывался огонь с крыш. Венгерская армия бездействовала, часть солдат и офицеров перешла на сторону восставших. Начала распадаться и Венгерская партия трудящихся.

Утром 24 октября в Венгрию прибыли Микоян и Суслов. Вместе с ними были Председатель КГБ генерал И. Серов и генерал армии М. Малинин. Из штаба Особого корпуса вся эта группа в колонне танков и БТР направилась в Будапешт. После бесед с Гере, Надем, Кадаром, с советскими военачальниками и с Андроповым Суслов и Микоян сделали странный вывод о том, что военные и политики в Будапеште преувеличивают сложность обстановки, преувеличивают силы повстанцев и преуменьшают собственные возможности. В донесении в Москву говорилось, что «все очаги повстанцев подавлены, идет ликвидация самого главного очага на радиостанции, где сосредоточено около 4 тысяч человек»[36]. Предполагалось, что в ночь на 25 октября советские войска займут здание Радио. В Будапеште было объявлено чрезвычайное положение и введен комендантский час. Жителям запрещалось выходить на улицы до 7 часов утра, проводить митинги и демонстрации. Восставшим предлагалось немедленно прекратить вооруженную борьбу и сложить оружие. Было объявлено о создании военно-полевых судов. С обращением к народу выступил Янош Кадар. Однако повстанцы, число которых, по оценкам военных, достигало 3_4 тысяч, не подчинились этим распоряжениям. Из тюрем в ночь на 25 октября были выпущены заключенные, через австрийскую границу, не встречая

сопротивления венгерских пограничников, в страну хлынули группы эмигрантов. Многие из них были вооружены. Полиция и военные части в Будапеште бездействовали. Хотя советские войска получили в эту ночь пополнение, сил было недостаточно. Изменилось и поведение Имре Надя. Он отменил 25 октября комендантский час и запрещение на демонстрации. Начав формирование правительства, он пригласил в его состав несколько политиков из бывшей партии мелких сельских хозяев. Суслов и Микоян не возражали. Был, наконец, смещен с поста первого секретаря ЦК ВПТ Э. Гере. На его место назначили Я. Кадара. Через день Гере покинул Венгрию. Он смог, однако, возвратиться в Будапешт в 1960 году и жил в Венгрии до смерти в 1988 году.

26 и 27 октября в Будапеште сохранялось неустойчивое равновесие. Подготовленные ранее операции по ликвидации главных узлов сопротивления повстанцев были отменены венгерской стороной. Силы вооруженной оппозиции непрерывно росли. Увеличилась и численность советских войск, но их было недостаточно для контроля над ситуацией в двухмиллионном городе. Под давлением оппозиции Имре Надь сделал решительный поворот к сближению с повстанцами. Выступая по радио, он заявил: «Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция… Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернув процесс демократизации нашей общественной, экономической и политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране». Поясняя свою позицию и логику решения на большом заседании ЦК ВПТ 27–28 октября, И. Надь говорил: «Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, то не останется другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии… Это трагедия… Это не наш путь… Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение»[37]. Несомненно, это была разумная логика, но она не учитывала очень важных внешних и внутренних факторов. Для советских лидеров были в то время совершенно неприемлемы лозунги полной национальной независимости Венгрии, ее выхода из Варшавского Договора, создания в стране многопартийного демократического режима. Не собирался Советский Союз и выводить свои войска из Венгрии, которая еще недавно являлась военным противником СССР в тяжелой войне. Но и западные страны считали в то время Венгрию страной, входившей в

советскую зону влияния, и не готовы были оказывать будапештским повстанцам никакой реальной помощи. Для США, Англии и Франции самым важным событием осенью 1956 года являлся Суэцкий кризис, который перерос вскоре в короткий, но ожесточенный вооруженный конфликт. Тезисы Имре Надя не могли пока принять и многие активисты Венгерской партии трудящихся, а также значительная часть ее руководства. У И. Надя не имелось влиятельных союзников, его отказались поддержать даже лидеры Югославии и Польши, на которых он очень рассчитывал. Выступление Надя 28 октября вызвало сумятицу в головах офицеров Особого корпуса и породило разногласия между советскими лидерами. Юрий Андропов оценивал позицию, занятую Имре Надем, резко отрицательно и именно в этом духе составлял свои донесения в Москву. Генерал-лейтенант в отставке Евгений Иванович Малашенко, который возглавлял в 1956 году оперативную группу штаба Особого корпуса в Будапеште, позднее вспоминал: «В эти дни к нам, в здание министерства обороны, приехал посол Ю. Андропов. Петр Николаевич Лащенко пригласил его позавтракать с нами. Как раз накануне Имре Надь и его помощники назвали повстанцев "борцами за свободу". Получалось, что мы боремся против свободы. Юрий Владимирович сказал, что он говорил А. И. Микояну и М. А. Суслову о том, что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж и возглавляет его Имре Надь. Вооруженное выступление в Венгрии, считал он, имеет антисоциальный характер, в нем участвует незначительная часть трудящихся, в основном бывшие хортисты, контрреволюционеры, деклассированные и подрывные элементы, переброшенные с Запада. Мне показалось, что Ю. В. Андропов продолжал односторонне оценивать события, выхватывая из всей массы факторов имеющие лишь антисоциалистическую направленность. Затем перешли к самому главному. Что делать в связи с требованием о выводе наших войск из Будапешта? П. Н. Лащенко полагал, что в сложившейся обстановке наши войска надо выводить из города, так как они, по существу, бездействуют.

Ю. В. Андропов не согласился: "Что, оставим народную власть, коммунистов и патриотов на растерзание?" Лащенко сказал, что пусть они сами защищают себя и свою власть. Мы не должны за них воевать. Кто желает, пусть уходит с нами. "Советские войска уйдут, — сказал Андропов, — а завтра здесь будут США и их союзники. Надо разгромить в Будапеште вооруженные отряды мятежников, и все здесь успокоится". Такого же мнения придерживались Микоян и Суслов. Они считали, что обстановка в Венгрии ухудшается и надо усилить военную

помощь»[38].

Этот разговор с Андроповым происходил, как можно судить, утром 29 октября. После выступления Имре Надя советские части получили приказ прекратить огонь. Но уже утром 30 октября новое правительство Имре Надя официально потребовало немедленного вывода советских войск из Будапешта. Исчезала, таким образом, какая-либо юридическая база для их пребывания в столице Венгрии. Я не буду говорить здесь о том, как обсуждалось требование Имре Надя в Москве. Против вывода войск решительно возражал Г.Жуков, а также Суслов, который находился в Будапеште. Но Микоян, по свидетельству Хрущева, считал необходимым вывести советские войска, угрожая даже своей отставкой[39]. О поддержке со стороны советских войск просил также Янош Кадар, который вошел в новое правительство Имре Надя, но явно не находил с ним общего языка. При поддержке своих единомышленников Янош Кадар провел решение о роспуске Венгерской партии трудящихся, о чем стало известно из официальных источников 30 октября 1956 года. Но уже на следующий день было объявлено о создании новой партии — Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Первым ее секретарем стал Янош Кадар, но в состав исполкома входил и И. Надь. В такой обстановке командование Особого корпуса получило приказ покинуть Будапешт. В 17 часов 30 октября венгерское радио, прервав передачи, сообщило, что правительство Советского Союза удовлетворило требование Имре Надя о выводе советских войск из Будапешта.

Вывод войск начался в ночь на 31 октября. К концу дня почти все советские подразделения покинули столицу Венгрии и сосредоточились в 15–20 километрах от города. Штаб Особого корпуса разместился на одном из советских военных аэродромов в Текеле.

Сообщение о выводе советских войск вызвало не только энтузиазм у повстанцев. Еще 28 октября Имре Надь объявил о роспуске венгерских органов безопасности. На следующий день многие из помещений, занятых органами безопасное — ти, разгромили, некоторые из сотрудников были убиты. 30 и 31 октября в Будапеште началась настоящая охота на работников органов безопасности. Их избивали, убивали, вешали вниз головой на деревьях и столбах уличного освещения. Вскоре начался и разгром партийных комитетов. Разрушались памятники советским солдатам, нападению подверглись здания многих государственных органов, в здании городского комитета партии при этом были зверски убиты 25 сотрудников горкома и защищавших его венгерских солдат. Погиб секретарь горкома

Имре Мезе. Эта жестокая вакханалия расправ и самосудов решительно изменила позицию советских лидеров, еще не готовых к применению силы. Решительно требовал использовать силовые средства в Венгрии Лю Шаоци, а также все руководство КПК. Согласился на применение силы и И. Броз Тито, что имело крайне важное значение для Хрущева. Не видел другого решения и Юрий Андропов, который наблюдал за происходившими в Будапеште беспорядками и расправами с самого близкого расстояния. Он отправлял в Москву в эти дни и часы множество шифрограмм и фотографий повешенных на деревьях и фонарях коммунистов, и большая часть из них попадала сразу же к Никите Хрущеву. Мнения менялись, и Хрущев также начал склоняться к силовому варианту. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1956 года на бывшей сталинской «дальней» даче в Волынском состоялось совещание делегации ЦК КПСС во главе с Хрущевым и делегации КПК во главе с Лю Шаоци. Звонил сюда и Мао Цзэдун. Позиции менялись, но мнение о том, что Советский Союз и КПСС должны оказать помощь своим друзьям в Венгрии, преобладало. Утром к Хрущеву был вызван маршал И. Конев. На вопрос, сколько потребуется времени войскам Варшавского пакта, если им будет поручено разгромить контрреволюционные силы и навести порядок в Венгрии, Конев ответил: «Трое суток, не больше»[40]. В этот день, 1 ноября, Хрущев с одобрения Президиума ЦК КПСС принял окончательное решение о военном вмешательстве в Венгрии.

Операция «Вихрь»

Еще 31 октября Суслов и Микоян были вызваны и вылетели в Москву. Суслов был настроен в пользу военного вмешательства, Микоян решительно возражал. В Будапеште на своем посту продолжал оставаться Андропов, поддерживая связь со всеми участниками событий. В Венгрию быстро вводились войска из Прикарпатского, Одесского и других военных округов. Началась подготовка крупномасштабной военной операции, которая получила кодовое наименование «Вихрь». Командование было поручено маршалу И. С. Коневу. Конев в это время являлся главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. Прибыв немедленно в Венгрию, маршал Конев расположил свою ставку в городе Сольнок, недалеко от Будапешта. На венгерские аэродромы вокруг Будапешта и по всей стране высаживались подразделения советских воздушно-десантных войск, немедленно захватывавших эти аэродромы. Будапешт оказался отрезан от провинции, граница Венгрии с Австрией была взята под контроль.

Имре Надь не знал деталей военных приготовлений, но знал о быстром наращивании советских военных сил. 1 ноября Надь вызвал посла СССР Андропова на заседание узкого состава правительства и потребовал объяснений. Андропов пытался объяснить появление новых войск в Венгрии и захват венгерских аэродромов необходимостью спокойно эвакуировать из страны советские части в условиях восстания. Разумеется, это не могло звучать убедительно, Имре Надь не только вручил Андропову ноту протеста. С согласия членов правительства и руководства партий, входящих в новую коалицию, Имре Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского Договора и принятии Венгрией статуса нейтрального государства. Правительство Надя обратилось в ООН с просьбой о помощи и защите своего нейтралитета. Янош Кадар не возражал, как и новое руководство ВСРП, но у него уже имелись иные планы и иные решения. В тот же день, 1 ноября, Янош Кадар и небольшая группа его сторонников покинули резиденцию венгерского правительства и приехали в советское посольство, которое тщательно охранялось. После коротких бесед Я. Кадару предоставили несколько бронетранспортеров и охрану, чтобы он мог тайно покинуть Будапешт. Поздно вечером в тот же день Янош Кадар в сопровождении двух своих сотрудников и одного сотрудника посольства прибыл в штаб Особого корпуса в Текель. Отсюда они перебрались в Сольнок в штаб маршала Конева и на военном

самолете были отправлены в Москву. Здесь их встретили Н. С. Хрущев и группа советских лидеров. Из Москвы Я. Кадар прилетел в Ужгород, где уже был создан с помощью венгерских и советских спецслужб временный венгерский центр. 3 ноября 1956 года по радио было объявлено, что Янош Кадар, Ференц Мюнних, Антал Апро и Иштван Кошша вышли из состава правительства Имре Надя и создали новое венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство. В воззваниях этого правительства, которые одно за другим передавались по радио, события в стране характеризовались как контрреволюция. «Новое правительство не может безучастно смотреть, как под прикрытием демократии контрреволюционеры и террористы зверски убивают наших лучших братьев, рабочих и крестьян и держат в страхе мирных граждан страны… Поэтому революционное рабоче-крестьянское правительство в интересах народа, рабочего класса, родины обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно помогло разбить черные силы реакции и контрреволюции и возродить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие».

И. Надь оказался в изоляции. Ни ООН, ни западные страны не откликнулись на призыв о помощи. Отряды повстанцев увеличивались незначительно. В стране и в столице было много людей, которые готовы были поддержать Яноша Кадара и его новое правительство. Очень многие выжидали и не хотели вмешиваться в события ни на той, ни на другой стороне. Из числа офицеров венгерской армии, перешедших на сторону восставших, выделялся своей активностью 40-летний Пал Мелетер, недавний командир корпуса. Имре Надь назначил генерал-майора Мелетера министром обороны Венгрии. Надь отправил телеграмму в Москву с просьбой назначить место и время для переговоров. 2 ноября Надь снова пригласил к себе Андропова. Было видно, что советский посол провел бессонную ночь. Он не был даже выбрит, одежда помята. И. Надь потребовал объяснений по поводу исчезновения двух министров — Кадара и Мюнниха. Надь сам распорядился дать Мюнниху машину для поездки в посольство. Кто-то видел, как Мюнних пересаживался недалеко от посольства в советский бронетранспортер. Посольство, заявил Надь, занимается «плохими делами», и это может создать о посольстве «плохое впечатление». Но Андропов отклонил все претензии Надя. К тому же ему трудно было следить за событиями, которые происходили за пределами Будапешта. В то время когда Андропов встречался с И. Надем в его резиденции, Хрущев, Молотов и Маленков вели переговоры с польскими лидерами на польско-советской границе в Бресте. Поляки далеко

не во всем соглашались с Хрущевым, но они признавали, что в Венгрии берет верх контрреволюция и что другого выхода у СССР нет. Маленков и Хрущев вылетели из Бреста в Бухарест, а затем и на остров Бриони для встречи с Тито. Об этих секретных встречах не сообщалось в печати, посольство СССР в Венгрии сообщений также не получало.

В штабе И. Конева шла ускоренная подготовка к военной операции. Было известно, что в поспешно созданной в Будапеште «национальной гвардии» было более 10 тысяч человек. Существовали и разного рода «независимые» вооруженные группы и отряды. В Будапеште находились и части венгерской армии, численность которых составляла не менее 50 тысяч человек, но далеко не все эти части собирались сражаться против советских войск. Министерство обороны Венгрии пыталось создать вокруг столицы оборонительный пояс, но времени и сил для этого было слишком мало. У повстанцев имелось всего лишь 100 танков и несколько сотен зенитных орудий. Конев распоряжался уже тысячами танков. Если 24 октября в Будапешт вступили войска общей численностью всего 6 тысяч человек, то теперь на подступах к столице Венгрии находились 60 тысяч человек. Тем не менее Москва согласилась на переговоры, которые начались утром 3 ноября сначала в Будапеште, потом в Текеле. С советской стороны переговоры вел генерал армии М. С. Малинин. Пал Мелетер возглавлял венгерскую делегацию, куда входили начальник генштаба венгерской армии Иштван Ковач и другие офицеры. Речь шла о выводе советских войск из Венгрии. Вечером 3 ноября после окончания бесед Хрущева с Тито все было решено окончательно. В помещение, где шли переговоры с венгерскими военными, явился Председатель КГБ СССР Иван Серов с группой чекистов. Они объявили венгерскую делегацию арестованной. Венгерские офицеры были потрясены, но держались с достоинством. Их разместили в различных комнатах в здании воинской гауптвахты. О психологическом состоянии тех дней свидетельствует тот факт, что венгерские военные руководители, допрошенные в ночь на 4 ноября, ничего не скрывали. Все, что они говорили о составе и дислокации венгерских войск в Будапеште, впоследствии подтвердилось[41]. У делегации была и карта обороны Будапешта. По имевшейся в их распоряжении венгерской радиостанции был отдан приказ венгерским командирам: «По советским войскам огня не открывать!»

По приказу № 1, который был подписан маршалом Коневым и прочитан в ночь с 3 на 4 ноября всем участникам операции «Вихрь», советские войска начали движение к Будапешту в 6 часов утра 4 ноября с разных направлений, и в 7 часов утра они уже

ворвались в город. Имре Надь объявил по радио, что «правительство находится на своем месте», но тут же покинул здание парламента и укрылся вместе с группой министров в югославском посольстве. Кардинал Миндсенти, который активно призывал венгров выступить против Советского Союза, скрывался в посольстве США. Командование повстанцами принял на себя генерал Бела Кирай.

Я не буду говорить здесь о подробностях боев в Будапеште. Силы были неравны, большая часть населения столицы пережидала события в своих домах. Венгерские отряды хорошо знали город, они использовали для передвижения подземные коммуникации, защищались в старых замках и крепостях. Но уже к концу дня 7 ноября сопротивление было подавлено. 8 ноября советские части ликвидировали отдельные оставшиеся очаги сопротивления. 9 ноября венгерские повстанцы в Будапеште начали складывать оружие. К концу дня 11 ноября вооруженное сопротивление было сломлено на всей территории Венгрии. Отряды повстанцев переходили через границу на территорию Австрии. Операция «Вихрь» завершилась. Потери советских войск за все дни боев составили 669 убитыми и умершими от ран, пропали без вести 51 человек. Около 1500 солдат и офицеров было ранено. Венгерские повстанцы потеряли убитыми и умершими от ран от 2 до 4 тысяч человек. Официальные данные, которые приводились позднее в венгерской печати, содержат сведения о 2700 погибших.

С 4 по 7 ноября 1956 года, когда правительство Надя укрывалось в югославском посольстве, а правительство Я. Кадара и Ф. Мюнниха находилось в Ужгороде, советское посольство, охраняемое советскими танками и подразделением десантников, превратилось в важный центр власти в Будапеште, в разных частях которого шли ожесточенные бои. Несколько раз здание посольства подвергалось автоматному и пулеметному обстрелу. По свидетельству И. С. Розанова, уже в 1973 году, посетив Будапешт, Юрий Андропов, войдя в кабинет советского посла В. Н. Базовского, поглядел на противоположную от окна стену и спросил: «А где же следы от пуль?» Посол ответил, что все уже давно заделано и прикрыто плафонами.

В трудных условиях оказался в Будапеште весь дипломатический корпус, и Андропов старался оказать помощь дипломатам всех стран, а не только социалистических. С большинством из них он был знаком, так как старался не пропустить ни одного официального приема, которые происходили в посольствах других стран главным образом в связи с национальными праздниками. Он казался общительным и

относительно откровенным человеком, хотя узнать от него что-либо новое было трудно. Среди собеседников Андропова нередко оказывался австрийский посол социал-демократ Валтер Пайнсип. «Вот я коммунист, — сказал ему однажды Андропов, — а вы представляете противоположную точку зрения. Но это не мешает нам понимать друг друга… Каждый человек имеет убеждения, должен их иметь. Без них человек ничего не значит. Было бы прекрасно и просто, если бы все люди на земле имели одни и те же взгляды… Но, поверьте мне, это было бы скучно». По свидетельству Пайнсипа, советский посол помогал составлять план эвакуации дипломатических работников из Будапешта в Австрию. На машине самого австрийского посла развевался герб послевоенной Австрии: одноглавый орел, державший в правой лапе серп, а в левой — молот над разорванной цепью. Этот герб символизировал свободу и союз рабочих и крестьян. В послевоенной Австрии у власти почти все время находились социал-демократы. С некоторой долей сарказма Андропов посоветовал Пайнсипу быть осторожным, так как венгерские повстанцы, увидев серп и молот, подумают, что это советская машина[42].

К концу дня 7 ноября 1956 года в Будапешт прибыло правительство Яноша Кадара. Восстанавливались органы власти. Появились и советские военные комендатуры. Под руководством Ференца Мюнниха началось создание новых венгерских частей по охране общественного порядка. В Будапеште были организованы три революционных офицерских полка, формировались новые военные части и в других районах Венгрии. Уже к концу ноября их численность превысила 20 тысяч человек.

Еще в дни боев в Будапеште и в первые дни после окончания столкновений большое число венгров, главным образом молодежь, было взято в плен или арестовано. Этих людей начали вывозить с территории Венгрии на Украину. Депортация венгров проводилась по распоряжению и под наблюдением И. Серова. Андропов знал об этом, но у него не имелось оснований для возражений. Однако слухи о высылке молодых венгров «в Сибирь» вызывали не только беспокойство, но и возмущение среди рабочих. Железнодорожники объявили забастовку. Кадар и Мюнних потребовали объяснений у советского посла, но он не знал, что и как отвечать. 14 ноября 1956 года Председатель КГБ И. Серов и посол Ю. Андропов направили в Москву шифрограмму, в которой говорилось: «Сегодня в течение всего дня нам неоднократно звонили товарищи Кадар и Мюнних (каждый в отдельности), которые сообщили, что советские военные власти отправили в Советский Союз (в Сибирь) эшелон венгерской

молодежи, принимавшей участие в вооруженном мятеже. Кадар и Мюнних заявили в связи с этим, что они не одобряют подобных действий с нашей стороны, поскольку эти действия вызвали якобы всеобщую забастовку венгерских железнодорожников и ухудшили внутриполитическое положение в стране в целом… В действительности сегодня, 14 ноября, был отправлен на станцию Чоп небольшой эшелон с арестованными, следственные дела на которых оформлены как на активных участников и организаторов вооруженного мятежа… При передвижении эшелона заключенные на двух станциях выбросили в окно записки, в которых сообщили, что их отправляют в Сибирь. Эти записки были подобраны железнодорожниками, которые сообщили о них в правительство. По нашей линии дано указание впредь арестованных отправлять на закрытых автомашинах под усиленным конвоем»[43]. Слухи о депортации ширились, к железнодорожникам примкнули другие рабочие, начиналась всеобщая забастовка, и это мешало Яношу Кадару вести переговоры с рабочими советами, которые пользовались на предприятиях большим авторитетом. Вскоре выяснилось, что отправка венгерской молодежи в СССР не была санкционирована высшими властями в Москве, и арестованных вернули из Закарпатья в Венгрию. Тем не менее в стране еще долго жила легенда о томящихся в Сибири венгерских борцах за свободу. Ю. В. Андропов оставался на посту посла СССР в Венгрии еще несколько месяцев после утверждения там нового руководства. Он был отозван в Москву для другого назначения в марте 1957 года. Но нередко не только в мыслях возвращался он к трагедии в Венгрии. Эти события, а также собственное в них участие часто являлись предметом разговоров Андропова с близкими ему людьми. Он вспоминал, например, как еще в конце октября 1956 года посольская машина попала под обстрел на окраине Будапешта и вместе с военным атташе и водителем он пешком два часа шел по ночному городу в свое посольство. Андропов видел не на фотографиях повешенных на деревьях и телеграфных столбах коммунистов и работников органов безопасности Венгрии. Известный советский дипломат Олег Трояновский позднее свидетельствовал: «Мне всегда казалось, что на Андропова произвели очень большое впечатление события 56-го года в Венгрии, очевидцем которых он тогда оказался. Он постоянно возвращался к ним в своих рассказах. Он часто говорил: "Вы не представляете себе, что это такое — стотысячные толпы, никем не контролируемые, выходят на улицы". И эта боязнь повторения подобного уже в СССР накладывала отпечаток на его понимание политики. Осознавая необходимость реформ, он боялся допустить реформы "снизу"»[44].

«Трагические события в Венгрии, — свидетельствовал также Георгий Арбатов, — наложили очень глубокий отпечаток на Андропова, оказавшегося в их эпицентре. Понимал он их как вооруженную контрреволюцию — это я знаю от него самого. Вместе с тем он, я уверен, лучше других видел, что распад существующей власти, размах и накал массового недовольства имели в своей основе не только и не столько то, что официально объявлялось главными причинами (заговор контрреволюционеров и происки из-за рубежа), сколько некоторые реалии самой венгерской действительности. В частности, связанные с тем, что сталинские извращения, появившиеся на свет у нас, были пересажены на венгерскую почву и приняли там крайне уродливую форму. Свою роль сыграли и экономические проблемы, включая неравноправное положение Венгрии в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом. Повлияли на Андропова, наверное, его личные впечатления. К нему стекалась информация о безжалостных расправах над коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Вокруг посольства шла стрельба. Обстреляли как-то при выезде и машину Андропова. Нервное потрясение стало причиной серьезной, на всю жизнь, болезни его жены. Все это, вместе взятое, содействовало, как мне кажется, становлению определенного психологического комплекса. Те, кто знал Андропова, называли позже этот комплекс "венгерским", имея в виду крайне настороженное отношение к нарастанию внутренних трудностей в социалистических странах и, это уже мое мнение, готовность чересчур быстро принимать самые радикальные меры, чтобы справиться с кризисом. Хотя надо сказать, что в отличие от многих других наших деятелей причины такого рода кризисов он оценивал отнюдь не примитивно»[45].

Оценки и домыслы

Вокруг событий 1956 года в Венгрии и роли в этих событиях Андропова накопилась большая литература, в которой можно найти не только много фактов, разнообразных оценок, но и явных домыслов. Сам характер этих событий оценивался в разное время по-разному как в венгерской, так и в российско-советской литературе. Вот некоторые из этих оценок.

1. Между 23 октября и 4 ноября 1956 года в Венгрии происходил антисоветский контрреволюционный мятеж, направляемый империализмом.

2. Между 23 октября и 4 ноября 1956 года в Венгрии вспыхнуло демократическое народное движение, направленное на реформу социализма.

3. Демократическое народное движение, направленное на реформу социализма, переросло в антисоветскую контрреволюцию.

4. Осенью 1956 года в Венгрии шла гражданская война.

5. Осенью 1956 года в Венгрии началась национально-освободительная революция.

Я не ставлю своей задачей анализировать эти и другие версии. Как и во всякой народной революции, в Венгрии осенью 1956 года сплелись разные политические движения. Здесь действовали политические группы, ставившие разные цели, к тому же характер движения искажался вмешательством с Востока и с Запада. «Чистых» революций, как известно, не бывает. В истории отношений между СССР и Венгрией имеется немало страниц, которыми не может гордиться ни одна, ни другая сторона. Но все же главными идеями, которые воодушевляли в 1956 году молодежь, интеллигенцию, солдат и рабочих Венгрии, были идеи свободы, демократии, национальной независимости и гуманного социализма. Поэтому в историческом сознании венгерского народа события 1956 года занимают место рядом с событиями 1848 года.

Одним из видных участников восстания в Венгрии был Бела Кирай. Этот офицер хортистской армии сотрудничал в 1945–1951 годах с режимом Ракоши и занимал пост начальника военной академии Венгрии в 1950–1951 годах. В 1951 году генерал-майор Б. Кирай был, однако, арестован и приговорен к пожизненному заключению. Его освободили в сентябре 1956 года, и в октябре он возглавил революционный комитет обороны, а также национальную гвардию. Имре Надь назначил его комендантом Будапешта. После поражения Кирай бежал в США и только в 1989

году вернулся в Венгрию. В одной из своих многочисленных публикаций времен эмиграции он писал: «Андропов использовал дипломатическую неприкосновенность, чтобы оставаться в нервном центре революции и дезинформировать венгерское правительство. Его обманные заверения держали венгров до самой последней минуты в неведении относительно советских намерений. Советский посол был даже хуже пирата. Капитан пиратов поднимает черный флаг перед нападением, чтобы жертвы знали, что им предстоит. После того как советские войска подавили революцию, Андропов оставался в Венгрии еще в течение года. Он был советским губернатором и руководил разгулом террора, не имеющим аналогии в новейшей истории Восточной и Центральной Европы. Он являлся верховным инквизитором современного аутодафе»[46]. В этих словах слишком много явных преувеличений. Ни в октябре, ни в ноябре 1956 года Андропов не был главным действующим лицом венгерской драмы, хотя его роль была отнюдь не малозначительной. Все же не он принимал решения и не он проводил главные из них в жизнь. Тем не менее нельзя считать Андропова и простым советником или посредником, который собирает информацию и передает ее в МИД или в ЦК КПСС. Основная обязанность посла — защита интересов своей страны в стране пребывания, и выполнять эту обязанность в Венгрии в 1955–1957 годах было крайне сложно. Как и многие авторы, Б. Кирай явно преувеличивает масштаб репрессий после поражения восстания в Венгрии. Вопреки ожиданиям и прогнозам многих западных политологов новая власть в Венгрии утвердилась быстро, хотя при этом было арестовано около 10 тысяч человек и почти 200 тысяч эмигрировало. Однако ряд последовавших скоро амнистий смягчил политическую напряженность. Режим Кадара не стал новой тиранией и мало чем напоминал режим Ракоши. Янош Кадар сумел быстро стабилизировать экономическое положение, провести важные реформы, успокоить страсти и в результате добился даже значительной популярности в Венгрии и в странах Восточной Европы. Венгрию называли на Западе страной «гуляш-социализма»; по сравнению с Советским Союзом и другими странами здесь был относительный материальный достаток и даже некоторые элементы гласности. Я. Кадар возглавлял коммунистическую партию Венгрии, получившую название Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), более 30 лет. Он не помогал, однако, выдвижению новых ярких политиков, и все более громкие требования перемен, которые стали раздаваться после 1985 года, уже не смог реализовать. В результате в Венгрии начал развиваться новый экономический и

политический кризис и отношение к Кадару стало меняться. Янош Кадар был освобожден от всех постов в мае 1988 года и умер год спустя в возрасте 77 лет. В своем «Завещании» он писал: «Трагедия Имре Надя — это и моя личная трагедия». Но в этом же документе Кадар заявлял, что не испытывает сожалений о своей роли в событиях 1956 года. «Мы сделали то, что диктовала наша совесть. Кому-то ведь надо было брать на себя ответственность. Я тогда считал и сейчас думаю, что мы действовали в интересах венгерского народа»[47].

Некоторые из авторов явно преувеличивали близость Яноша Кадара и Андропова, полагая, что именно Андропову Кадар был обязан своим выдвижением. Однако еще в мае — июне 1956 года у Андропова имелись на этот счет некоторые сомнения. Хрущев выдвигал в это время кандидатуру Ференца Мюнниха, участника гражданской и Великой Отечественной войн, которого Никита Сергеевич знал еще в 1920—1930-е годы. Мюнниха назначили в 1956 году министром внутренних дел Венгрии, и позднее он стал ближайшим сподвижником Я. Кадара, Председателем Совета Министров. Яноша Кадара поддерживала значительная группа венгерских коммунистов, и он обязан своим выдвижением прежде всего себе самому, он не являлся «чьим-то человеком», это был прирожденный и умный лидер — Андропов это понял и осенью 1956 года решительно поддержал Кадара. Сергей Семанов утверждает в своей книге, что именно Андропов настоял на избрании Яноша Кадара главой нового революционного правительства и лидером новой партии. «Глава нового правительства, — пишет Семанов, — был выбран Андроповым исключительно удачно: Янош Кадар, коренной венгр, рабочий, подпольщик в годы фашизма, подвергся репрессиям со стороны Ракоши, три года отсидел в тюрьме, только что реабилитирован, молод — 44 года! Лучше для московского ставленника придумать трудно! Главное же, что Андропов в это напряженное время не только нашел нужного человека, но и сумел убедить его в единственно правильном действии — свергать Надя силой, чтобы спасти социализм в Венгрии. Кадар оказался не только верным союзником, но и твердым, решительным руководителем»[48]. Эти утверждения искажают реальные дела и отношения. До осени 1956 года Кадар и Андропов почти не встречались друг с другом. Более того, сам Янош Кадар относился тогда к Андропову не лучшим образом. Наибольшей поддержкой за пределами Венгрии Кадар пользовался в Югославии, а мнение Тито было в эти недели крайне важным. У некоторых советских лидеров существовали сомнения насчет Кадара, и тот знал об этом, считая, что посольство неправильно информирует Москву о его

позиции и политическом облике. Свое недовольство Андроповым Янош Кадар высказывал и Хрущеву. Бывший заведующий международным отделом ЦК ВСРП, личный секретарь и переводчик Кадара в 1956–1957 годах К. Эрден рассказывал позднее, что после 4 ноября 1956 года Хрущев лично развеял подозрения Кадара в отношении Андропова, дав указание ознакомить венгерского лидера с секретными телеграммами советского посла из Будапешта за 1956 год. Доверие между Кадаром и посольством было восстановлено[49]. Решение о выдвижении и поддержке Кадара принималось Хрущевым, к которому Янош Кадар не перестал хорошо относиться и после октября 1964 года. Кадар был единственным из лидеров социалистических стран, присылавшим Хрущеву поздравления по случаю советских праздников и юбилеев самого Хрущева, уже смещенного со всех своих постов. В декабре 1956-го и в начале 1957 года Янош Кадар и Юрий Андропов встречались уже очень часто, и между ними возникли теплые неофициальные отношения. Когда летом 1957 года Кадар в первый раз приехал в Москву с официальным визитом, Андропов был болен. В заключительной беседе с Хрущевым Кадар сказал при всех участниках этой встречи, что он многого не успел сделать во время визита и прежде всего не смог навестить в больнице советского посла Андропова.

Немало домыслов было связано и с трагической судьбой Имре Надя. Укрывшийся в посольстве Югославии Имре Надь поддался на ложные обещания и после переговоров, в которых участвовал югославский посол, вышел со своими соратниками из посольства, чтобы сесть в автобус и покинуть территорию Венгрии. Однако здесь же на улице он был задержан по приказанию И. Серова и увезен в неизвестном направлении. Неясно, почему многие авторы обвиняли в этой связи Ю. Андропова. Английский биограф Андропова Джонатан Стил приводил в своей книге убедительные свидетельства того, что Андропов не имел отношения к аресту Имре Надя[50]. Однако скандал, который вызвала эта акция, серьезно ухудшил начавшиеся лишь недавно налаживаться советско-югославские отношения. И не Серову, а Андропову пришлось давать по этому поводу малоубедительные объяснения. Как стало позднее известно, Имре Надя сначала увезли в расположение советских войск, обещая ему не только свободу, но и пост министра, если он заявит о поддержке Яноша Кадара. В этих переговорах Андропов не участвовал. Позднее недавнего венгерского премьера отправили в Румынию, где он находился под домашним арестом на правительственной вилле близ Бухареста[51]. Он получал здесь

газеты «Непсабадшаг», «Юманите» и «Правду» и вел записи, пытаясь оценить свои действия на посту премьера и проанализировать характер и развитие национально-освободительного движения в Венгрии. Венгерский историк Я. М. Райнер и российский историк В.Л. Мусатов давали предварительный анализ дневников и заметок Имре Надя, в которых он высказывался о теоретических проблемах социализма, вел полемику со своими оппонентами, а также вспоминал свое детство и молодые годы. Он пытался оправдаться перед историей. Имре Надь был арестован 14 апреля 1957 года. Его тайно перевезли не в Москву, как говорилось в некоторых публикациях, а в Будапешт. Следствие по его делу шло в Венгрии, но следственные материалы присылались в Москву в порядке консультации. Обвинительное заключение было составлено совместно советскими и венгерскими юристами. Ю. Андропов ознакомился с этим документом в конце августа 1957 года. В российской печати приводились выдержки из секретной записки в ЦК КПСС, в которой Ю. Андропов и Генеральный прокурор СССР Роман Руденко сообщали о беседе с министром внутренних дел Венгрии Б. Биску. Обсуждалось содержание обвинительного заключения и решения венгерского руководства. Андропов и Руденко докладывали, что «проект обвинительного заключения приемлем, но нуждается в доработке и прежде всего в той части, где освещаются связь предательской группы Надя с империалистами и роль последних в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа»[52]. Судебный процесс по делу Имре Надя и нескольких его сотрудников и соратников, включая Пала Мелетера, происходил в Будапеште в закрытом режиме. Имре Надь и генерал П. Мелетер были приговорены к расстрелу, приговор приведен в исполнение на следующий день. Позднее Андропов говорил своим друзьям, что Имре Надь заслуживал сурового наказания, но не казни. Выказывал недовольство и Хрущев. По свидетельству Сергея Хрущева, его отец не хотел даже соглашаться на арест и выдачу Имре Надя из Румынии в Венгрию. Хрущев звонил Яношу Кадару уже во время суда и выражал свои сомнения в целесообразности слишком тяжкого приговора. Однако Янош Кадар настоял на своем. Казнь Имре Надя и Пала Мелетера вызвала многочисленные протесты во всем мире. Ухудшились отношения между Югославией, с одной стороны, и Венгрией и СССР — с другой. Однако на отношениях СССР и Венгрии это событие не отразилось.

Только через 30 лет Имре Надь был реабилитирован. В 1989 году в Будапеште состоялось торжественное перезахоронение его останков. Траурная церемония, на которой присутствовало более

трехсот тысяч венгров, стала важной вехой в политической жизни страны, уже вступившей на путь «бархатной» революции. При посещении Венгрии в 1991 году во время бесед с А. Хегедюшем и И. Пожгаи я узнал, что уже после всех торжественных церемоний, связанных с перезахоронением Имре Надя, КГБ СССР передал венгерским политикам документы, неоспоримо свидетельствующие о том, что в 1930-е годы, находясь в Москве, Имре Надь активно сотрудничал с НКВД и писал доносы на работавших в Коминтерне венгерских коммунистов, а также на многих других деятелей эмиграции. По доносам, собственноручно написанным Имре Надем, были арестованы десятки человек, из которых 15 были расстреляны или погибли в лагерях. Все они позднее реабилитированы. Он имел агентурную кличку «Володя» и, как отмечали его начальники, работал инициативно, умело и бескорыстно, материального вознаграждения не получал. В написанной Надем секретной автобиографии говорилось: «С НКВД я сотрудничаю с 1930 года. По его поручению я занимался многими врагами народа». В одном из рапортов руководству НКВД Надь писал: «Товарищи! Я долгое время честно и преданно сотрудничал с НКВД в борьбе против врагов народа всех мастей для их выкорчевывания. Я полностью сознаю ответственность этой работы». О сотрудничестве Имре Надя с НКВД знали Берия и Молотов. Когда уже после войны в Москве проходило формирование венгерского правительства, то именно по предложению Берии и Молотова И. Надя назначили на пост заместителя премьер-министра. Однако посол СССР в Венгрии Юрий Андропов ничего этого не знал, так же как и Хрущев или Ракоши. Специальные службы почти никогда не раскрывают своих секретных агентов.

Документы о работе И. Надя в Коминтерне и НКВД передали по совету М. С. Горбачева Генеральному секретарю ЦК ВСРП К. Гроссу, который по поручению Политбюро доложил о вскрывшихся фактах на пленуме ЦК ВСРП. Для участников заседания это стало шоком. Приняли, однако, решение не публиковать и даже не обсуждать полученные документы. С одной стороны, казалось неэтичным публиковать такого рода сведения о невинно загубленном человеке. С другой стороны, вся эта история могла нанести ущерб престижу КПСС и СССР, не говоря уже о коммунистическом движении в Венгрии, преемником которого считала себя ВСРП. Не были заинтересованы в публикации таких документов и другие политические партии Венгрии. В 1991 году все это являлось предметом бесед и слухов. Однако в феврале 1993 года секретная записка В. А. Крючкова Горбачеву о связях И. Надя с НКВД

появилась в итальянской газете «Стампа». Часть документов и комментариев к ним опубликовал и российский журнал «Источник»[53]. Наиболее подробное изложение биографии Имре Надя с 1918 по 1941 год содержится в документальном очерке В. Л. Мусатова «Трагедия Имре Надя», опубликованном в журнале «Новая и новейшая история» в 1994 году[54]. В венгерской газете «Непсабадшаг» были опубликованы интервью с К. Гроссом, а также с В. Крючковым[55]. Никто из венгерских политиков не настаивает, насколько известно, на публикации всех этих документов. Как заявил директор Института истории политики в Будапеште Д. Фельдеш, данные документы и материалы нуждаются в беспристрастном расследовании. Их копии находятся в архиве в Будапеште, и доступ к ним закрыт[56]. Мало изучены и документы о следствии и суде по делу Имре Надя и его соратников в 1957–1958 годах. Материалы этого следствия обсуждались в конце 1957 года на закрытом заседании ЦК ВСРП, но протоколы заседания не публиковались.

Бывший сотрудник международного отдела ЦК КПСС и один из наиболее осведомленных и объективных исследователей истории Венгрии 1950—1960-х годов Валерий Мусатов писал, подводя итог анализу новых архивных документов о венгерских событиях 1956–1957 годов: «Правительство Кадара, применяя репрессии и в то же время идя на уступки, используя многие предложения оппозиции, сумело сравнительно быстро стабилизировать обстановку в стране, поднять уровень жизни и в конце концов добиться поддержки населения. К 1963 году ВНР вышла из международной изоляции. Первоначально Кадар не имел большой самостоятельности. Из Москвы его щедро снабжали советами. Но, будучи человеком независимого мышления и харизматической личностью, он сумел даже в рамках постсталинизма и прежней союзнической системы проводить свой курс. После 1956 года за короткое время он поменял трех советских послов, пытавшихся совать нос в венгерские дела. Хрущев поддерживал молодого Кадара. Будучи мастером компромиссов, Кадар находил общий язык со всеми советскими лидерами, сохраняя при этом достоинство и независимость»[57]. Нет никаких сомнений, что Андропов многому научился именно у Кадара, хотя он никогда не говорил об этом.

Глава третья. СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

Аппаратчик со Старой площади

Весной 1957 года Юрий Андропов вернулся в Москву. Его деятельность в Венгрии оценивалась положительно не только Дмитрием Шепиловым, который осенью 1956 года занимал пост министра иностранных дел СССР, а с февраля 1957 года снова стал секретарем ЦК КПСС. Работой Андропова был доволен и Н. С. Хрущев, который именно весной 1957 года начал проводить крупнейшую реорганизацию как всей системы государственного управления, так и аппарата ЦК КПСС. В стране ликвидировались промышленные министерства и создавались региональные совнархозы. Одновременно в ЦК КПСС образовывались новые отделы по отраслям народного хозяйства, некоторые из прежних отделов разукрупнялись. Так, например, вместо одного отдела по связям с коммунистическими партиями, во главе которого стоял член ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев, было решено образовать два отдела: один по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран и стран «третьего мира», другой по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Именно Андропова назначили заведующим вторым отделом, который должен был поддерживать отношения с руководством коммунистических и рабочих партий стран Восточной Европы, а также с Китайской коммунистической партией, с компартиями Северной Кореи, Северного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, а после 1959 года и с Коммунистической партией Кубы. Решение общих проблем, связанных с коммунистическим движением в мире, контролировал тогда член Президиума и Секретариата ЦК М. А. Суслов.

В ряде очерков об Андропове приходилось читать, что именно Суслов покровительствовал и поддерживал в 1957 году Андропова. Старейший работник идеологического аппарата ЦК КПСС И. С. Черноуцан утверждал, однако, обратное. Я упоминал выше о конфликте между Маленковым и Андроповым. По свидетельству Черноуцана, конфликт был связан в первую очередь с интригами Суслова, который и после возвращения из Прибалтики, где он возглавлял бюро ЦК по Литве, внимательно наблюдал за происходящими там процессами и особенно за тем, что происходило в Литве. Черноуцан утверждал, что вскоре после смерти Сталина по наущению Суслова в Вильнюс была направлена комиссия под руководством Черноуцана и Андропова. Она должна была собрать компрометирующие материалы на Первого секретаря ЦК КПСС Литвы А. Ю. Снечкуса и подготовить вопрос о его снятии. Однако, изучив деятельность

республиканской партийной организации, комиссия оценила ее положительно.

— Вас зачем туда посылали? — по сусловской подсказке топал ногами Маленков.

— Для того, чтобы мы объективно разобрались в делах республики, — отвечал Черноуцан.

— Не занимайтесь демагогией.

Именно после этого эпизода Маленков и Суслов затаили неприязнь к Андропову, и его постепенное возвышение вызывало у Суслова настороженное и ревнивое отношение, а отнюдь не покровительство»[58]. О неприязни самого Андропова к Суслову писали позднее Бурлацкий и другие помощники и консультанты Андропова.

Об отношениях с Маленковым Андропов вскоре мог уже не думать. Не успел Юрий Владимирович завершить формирование своего отдела, как в Кремле произошло острое политическое столкновение группы Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова и «примкнувшего к ним Шепилова» с группой Хрущева. На июньском Пленуме ЦК КПСС в 1957 году Хрущев и его сторонники, в их числе и Суслов, одержали нелегкую победу. Вскоре после этого Молотов был направлен послом СССР в Монголию, а Маленков назначен директором одной из электростанций в Сибири. После июньского пленума вернулся в Москву и избран Секретарем ЦК КПСС и членом Президиума ЦК Отто Куусинен, с которым у Андропова давно сложились добрые отношения.

В 1950—1960-е годы у нас в стране не применялся термин «публичный политик». На такую роль могли претендовать тогда лишь несколько человек, и в первую очередь сам Хрущев. Заведующий отделом ЦК не имел ни возможности, ни права быть публичным политиком. Его влияние было велико, но он работал практически анонимно, принимая решения в тиши кабинета, а в более сложных случаях обращался с советами и рекомендациями к лидеру партии и государства. Андропов строго следовал этому правилу, и хотя работы у него всегда было много, о его деятельности в аппарате ЦК КПСС мы почти ничего не знаем.

У отдела, которым руководил Андропов, в 1957–1961 годах было не так уж много проблем с Болгарией и Чехословакией. Сложнее складывались отношения с Румынией, которая в начинающемся идеологическом конфликте с КПК все более открыто принимала китайскую сторону. К тому же у больного румынского лидера Г. Георгиу-Дежа появился заместитель и преемник — Николае Чаушеску, амбициозное и надменное поведение которого вызвало уже в конце 50-х годов ряд

протокольных конфликтов. Существовало немало проблем и с Польшей, где новый лидер В. Гомулка занимал все более консервативные позиции в политике и идеологии и терял популярность в стране. Особенно много затруднений было в отношениях с Албанией и с Югославией. Сближение между Хрущевым и Тито, которое наметилось в 1955–1956 годах, оборвалось после ареста Имре Надя в Будапеште и речи Тито в городе Пуле, где он обвинил советских руководителей в вероломстве и назвал их всех сталинистами. И хотя дело не дошло до прежнего межгосударственного конфликта, идеологическое противостояние между КПСС и югославскими «ревизионистами» расширялось. Претензии Яноша Кадара были более скромными, и он к тому же больше зависел от Москвы. Однако он твердо заявил, что никогда не станет «марионеткой Москвы», и почти все дела внутри страны решал самостоятельно. Это явно не нравилось Н. С. Хрущеву, и он долго искал подходящую кандидатуру на пост посла СССР в Венгрии. В конце концов выбор пал на генерал-полковника и члена ЦК КПСС Терентия Фомича Штыкова. Однако попытки 52-летнего Т. Штыкова вмешиваться в дела Венгрии и давать советы Я. Кадару сразу же решительно пресекались. По стилю работы, по характеру и биографии Штыков был совсем другим человеком, чем Андропов. В конце 1930-х годов он занимал пост 2-го секретаря Ленинградского обкома партии. Как член Военного совета 7-й армии он участвовал еще в советско-финской войне 1939–1940 годов, а в Отечественную был членом Военного совета Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. В конце войны генерал-полковник Т. Штыков входил в Военный совет 1-го Дальневосточного фронта, войска которого освобождали Северную Корею. После войны он занимал пост заместителя командующего войсками Дальневосточного округа и военного представителя Верховного советского командования в Корее. Именно Штыков помог выдвижению и укреплению власти Ким Ир Сена и формированию Трудовой партии Кореи. В 1949–1951 годах он занимал пост посла СССР в КНДР и при его участии решались многие вопросы самого острого периода войны в Корее. Штыков не был дипломатом и, по свидетельству одного из работников аппарата ЦК Георгия Туманова, во время одного из резких объяснений с Яношем Кадаром сказал: «Жаль, что тебя тогда не расстреляли»[59]. Хрущев немедленно отозвал Штыкова из Будапешта. Оставаясь еще членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета, Штыков работал до своей смерти в 1964 году заместителем председателя исполкома города Калуги.

В ноябре 1957 года Юрий Андропов участвовал в подготовке

и проведении Международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Сразу же после этого совещания состоялось еще более широкое совещание представителей коммунистических и рабочих партий более чем 60 стран мира, прибывших на празднование 40-летия Октябрьской революции. Стенограммы этих совещаний не были опубликованы. Уже тогда между отдельными партиями или группами партий выявились разногласия, которые эти партии не хотели выносить даже на суд коммунистической общественности.

После июньского пленума ЦК и смещения маршала Г. К. Жукова с поста министра обороны СССР лидирующее положение и власть Хрущева значительно усилились. Однако в это же время, не без влияния драматических событий в Польше и Венгрии, произошло существенное изменение многих важных принципов, ранее регулировавших отношения между СССР и странами Восточной Европы. Степень свободы социалистических стран в решении внутренних и внешних проблем заметно возросла. Эти сдвиги должны были признать и многие из наиболее внимательных западных аналитиков. В одном из докладов Института исследований коммунистических стран при Колумбийском университете в США можно прочесть: «Попытки Хрущева создать в Восточной Европе жестко связанную и все же подвижную систему, как и отдельные его успехи в этом направлении, хорошо известны… Хрущев по-новому сформулировал теоретические принципы равенства между правительствами социалистических государств. Исходя из этих принципов, он рассматривал Варшавский Договор и Совет Экономической Взаимопомощи как орудия обеспечения более прочной "жесткой связи" как между СССР и странами Восточной Европы, так и между ними самими. В то же время Хрущев более энергично по сравнению с его предшественниками и преемниками подчеркивал необходимость подвижности стран Восточной Европы, которую считал столь же важной для достижения советских целей, как и "жесткую связь"… Несмотря на противоречия между концепциями Хрущева и его необычными методами, следует признать, что он все же старался оживить коммунистическую систему, сделав ее более привлекательной и более устойчивой. Ломая жесткие рамки сталинской системы, Хрущев проводил такую же политику непосредственно в СССР. И это косвенно влияло на внутриполитическое положение стран Восточной Европы. Влияние хрущевских мероприятий в странах Восточной Европы было огромным — как в области межгосударственных отношений, так и во внутренней политике. Восточноевропейские государства постепенно начали приучаться

защищать свои права… по крайней мере эти страны могли отстаивать свои отличия в масштабах, которые при Сталине были немыслимы. При Хрущеве возник климат, благодаря которому руководство стран Восточной Европы могло добиться в отношениях с Советским Союзом определенной автономии. Тем самым восточный блок приобрел некоторые типичные черты межгосударственных союзов — он мог оказывать давление на своего основного партнера — СССР, мог вести с ним переговоры. Достигнутая странами Восточной Европы автономия стимулировала перемены в их внутренней политике»[60].

Юрий Андропов и его отдел в ЦК КПСС принимали участие в проведении этой политики. Уже в первые три года работы в ЦК Юрий Владимирович побывал во всех странах Восточной Европы и лично познакомился с их лидерами. Особенно трудными оказались для него поездки в Югославию и Албанию. Андропов приезжал сюда и в составе больших делегаций, возглавляемых Хрущевым, и в составе небольших конфиденциальных делегаций, работа которых не освещалась в печати. Личная роль Андропова в решении международных проблем в конце 1950-х годов не особенно заметна, хотя ее нельзя считать незначительной.

Имя Андропова мало что говорило тогда даже партийным чиновникам и работникам партийной печати. «Первая моя встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, — писал в своих воспоминаниях публицист Федор Бурлацкий, — состоялась в начале 1960 года. Был он тогда одним из заведующих в одном из многих отделов ЦК. И я почти ничего не слышал о нем до того, как стал редактировать его статью в журнале "Коммунист". Он пожелал встретиться со мною непосредственно… Он уже тогда носил очки, но это не мешало разглядеть его большие голубые глаза, которые проницательно и твердо смотрели на собеседника. Огромный лоб, большой внушительный нос, толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, — словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию. Он как-то сразу расположил меня к себе еще до того, как произнес первые слова.

— Вы работаете, как мне говорили, в международном отделе журнала? — раздался благозвучный голос.

— Да, я заместитель редактора отдела.

— Ну и как вы отнеслись бы к тому, чтобы поработать здесь у нас, вместе с нами? — неожиданно спросил он.

— Я не думал об этом, — сказал я… — Не уверен, что буду полезен в отделе. Я люблю писать…

— Ну, чего другого, а возможности писать у вас будет сверх

головы. Мы, собственно, заинтересовались вами, поскольку нам не хватает людей, которые могли бы хорошо писать и теоретически мыслить»[61].

Еще в начале 1958 года Н. С. Хрущев принял на себя руководство Советом Министров СССР, сосредоточив в своих руках все главные рычаги власти в стране. Хрущев лично решал главные вопросы не только внутренней, но и внешней политики, мало прислушиваясь к мнению своего нового министра иностранных дел А. А. Громыко. По свидетельству дипломатов и партийных работников, Хрущев ценил советы Бориса Пономарева и Юрия Андропова, но действовал часто им вопреки. Иной, гораздо меньшей, чем позднее при Брежневе, была и роль Суслова: у Хрущева не было в аппарате «главного идеолога». Все это служило причиной нередких и грубых ошибок во внешней политике. Известно, что отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой уже в 1957–1959 годах развивались не лучшим образом. Этому имелось немало объективных, но и субъективных причин. Между ЦК КПСС и ЦК КПК шел обмен конфиденциальными письмами, которые становились все более резкими. Тексты писем со стороны ЦК КПСС готовились и редактировались в отделе Андропова. Однако Хрущев нередко вмешивался самым неожиданным образом в этот идеологический спор. Можно не сомневаться, например, что такое важное и имевшее далеко идущие последствия решение, как приказ всем советским специалистам, работавшим в Китае, немедленно покинуть свои рабочие места и вернуться в СССР, было принято Хрущевым единолично. Такого неразумного во всех отношениях — по условиям 1960 года — решения не могли подсказать ни Суслов, ни Андропов. Отзыв 1600 советских специалистов и резкое сокращение всех других видов экономической помощи и сотрудничества нанесли значительный ущерб Китаю, который и без того с трудом преодолевал последствия «великого скачка».

Углубление конфликта между КПСС и КПК, а также между КПСС и компартиями Италии, Румынии и Албании потребовало созыва нового Международного совещания коммунистических и рабочих партий. В подготовке этого совещания активно участвовали отделы ЦК, возглавляемые Пономаревым и Андроповым. Совещание, наиболее представительное за всю историю коммунистического движения, состоялось в ноябре 1960 года: в Москву прибыли делегации 81 партии со всех континентов мира. Совещание не свидетельствовало, однако, об усилении мирового коммунистического движения, и оно не остановило развития в нем внутренних противоречий и конфликтов,

обострившихся уже на следующий год. Полная стенограмма Международного совещания не публиковалась. Общественность узнала только содержание Заявления компартий и их Обращения к народам всего мира. Эти документы, полные компромиссных формулировок, быстро забылись.

Развитие ситуации в Китае не зависело от ЦК КПСС, и международные отделы ЦК могли ее только изучать и комментировать, направляя по этому поводу информационные записки другим компартиям. Другое дело — ситуация в Западном Берлине, который входил в зону прямой ответственности Советского Союза. Два немецких государства — ФРГ и ГДР не входили еще в Организацию Объединенных Наций. ФРГ, однако, являлась важным участником военного блока НАТО, а ГДР вошла в военную организацию Варшавского Договора. Несмотря на враждебные отношения между этими государствами, у них не имелось обычных государственных границ. Существовала лишь «секторальная» граница, установленная в 1945 году союзниками при разделении Германии на зоны оккупации. Она не служила препятствием для передвижения немцев из одного государства в другое. Чисто символической можно считать и границу между Западным и Восточным Берлином. Город имел единую систему транспорта и единое коммунальное хозяйство. Многие граждане Восточного Берлина работали в Западном, и наоборот. Для передвижения из одной части Берлина в другую не требовалось никаких документов. Все это создавало немалые трудности для Восточной Германии, которая и раньше являлась менее развитой в экономическом отношении и сильнее пострадала от военных действий. Общий уровень жизни в ГДР был ниже, чем в ФРГ. Власти ГДР не слишком огорчились, когда с Востока на Запад ушли бывшие промышленники, крупные и средние землевладельцы, богатые крестьяне, недовольные происходящими в ГДР социальными преобразованиями. Все чаще, однако, из ГДР в ФРГ уходили квалифицированные рабочие и дипломированные специалисты. Такая «утечка умов» являлась существенной потерей для ГДР. Отделы ЦК внимательно изучали сложившуюся ситуацию. Еще 25 августа 1958 года Юрий Андропов направил в Политбюро записку по германской проблеме. В ней говорилось: «Отдел ЦК КПСС располагает данными о том, что за последнее время значительно увеличился уход интеллигенции из ГДР в Западную Германию. Если общее количество населения, ушедшего в последнее время из ГДР, несколько снизилось, то количество переходов на Запад интеллигенции по сравнению с прошлым годом увеличилось на 50 %. За первые 6 месяцев этого года из республики ушло 1000 учителей, 518 врачей, 796 человек

из числа технической интеллигенции, 844 учащихся специальных школ, а также ряд видных ученых и специалистов. В республике уже начинает ощущаться острый недостаток различных специалистов, технической интеллигенции и особенно врачей. Обращает на себя внимание тот факт, что среди уходящих в ФРГ много таких людей, которые раньше лояльно относились к народно-демократическому строю и политике СЕПГ. Руководство СЕПГ объясняет причины ухода интеллигенции из ГДР более высоким жизненным уровнем в Западной Германии. Однако из заявлений самих перебежчиков видно, что их уход объясняется не столько материальными причинами, сколько политическими. Из ГДР ушли многие специалисты, которые получали зарплату по 4–5 тысяч марок, имели хорошие квартирные условия, а иногда и собственные машины… Как видно из ряда немецких сообщений, основная причина ухода интеллигенции на Запад заключается в том, что многие организации СЕПГ неправильно относятся к работникам умственного труда, не считаются с их нуждами и запросами, что усиливает их недовольство. Большая часть интеллигенции выражает свое несогласие с решениями ЦК СЕПГ об обязательном изучении интеллигенцией диалектического материализма и о социалистической перестройке высшей и народной школы… Вместо постоянной кропотливой работы с интеллигенцией первичные партийные организации, особенно в университетах Ростока, Берлина, Иены, Галле и Лейпцига, допускают грубое командование и окрик. Особенно недопустимые извращения и ошибки имеются в отношении первичных партийных организаций к старой интеллигенции, прослойка которой является в ГДР очень большой. Многие работники СЕПГ склонны рассматривать всех представителей старой интеллигенции как консерваторов, не желающих участвовать в социалистическом строительстве… Ввиду того, что вопрос об уходе из ГДР на Запад работников умственного труда приобрел в настоящее время особенно острый характер, было бы целесообразным переговорить об этом с т. Ульбрихтом, используя его пребывание в СССР, высказать ему наши опасения по данному вопросу…»[62].На записке стояла резолюция: «Ознакомить секретарей ЦК» и пометка: «Беседа с тов. Ульбрихтом по этому вопросу состоялась 16 октября

1958 г.». С документом ознакомились и расписались секретари ЦК КПСС М. Суслов, А. Кириленко, Н. Мухитдинов, Е. Фурцева, А. Аристов, Л. Брежнев.

Однако каких-либо серьезных мер по изменению ситуации в Берлине и в целом на германо-германской границе не было принято. По данным западногерманских историков, в 1959 году

ГДР покинули 144 тысячи человек, в 1960-м — 203 тысячи, в июле 1961-го — 30 тысяч, а лишь с 1 по 12 августа 1961 года — 48 тысяч граждан ГДР перебралось в ФРГ[63]. Ситуация выходила из-под контроля, и она ставила в трудное положение власти не только ГДР, но и ФРГ. Вальтер Ульбрихт и другие лидеры ГДР были в июле — августе 1961 года в панике, но и Хрущев не знал, что делать, и его предложения были путаными и противоречивыми. Шли непрерывные секретные совещания, в том числе и по линии военных структур и специальных служб. С 3 по 5 августа в Москве по просьбе В. Ульбрихта собралось закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. На заседаниях у Хрущева присутствовали только первые секретари ЦК и председатели советов министров. Историки предполагают, что именно на этом совещании было принято решение о возведении Берлинской стены и установлении строжайшей границы между ГДР и ФРГ. Была выбрана и дата — воскресенье 13 августа. До сих пор никаких точных документов на этот счет не опубликовано — ни на Западе, ни в России. Некоторые историки считают, что решение насчет границ было настолько секретным, что его никто не хотел заносить на бумагу. Ни одна из западных разведок не заметила в эти дни никакой подготовки к изменениям на границе, хотя этот процесс должен был проходить в крупных масштабах. Историки позднее свидетельствовали, что утром 13 августа президент США спокойно отправился на морскую прогулку. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан вместе с главой британского МИДа лордом Хоумом продолжали начатую накануне охоту на болотную дичь. Французский президент Шарль де Голль отдыхал в своем загородном поместье. Боннский канцлер Конрад Аденауэр отменил свою поездку в Берлин, не желая встречаться со своим противником по избирательной борьбе Вилли Брандтом, бургомистром города и социал-демократом. Подготовка к возведению стены шла всю ночь, а утром работа закипела по всей границе и особенно вокруг Западного Берлина. Со всех сторон на границах города укладывались бетонные блоки, устанавливались противотанковые «ежи», натягивалась колючая проволока. В первые же часы перекрыли 80 переходов из восточной в западную часть города. Закрылись 48 станций и вокзалов, оказалось прерванным движение на 12 линиях метро и надземки. 193 улицы города превратились в пограничную зону. По свидетельству немецких историков, Вилли Брандт, увидев все это, только и мог сказать: «Ужасно». Но Конрад Аденауэр воскликнул: «Слава Богу!» После окончания строительства стена представляла собой громадное

сооружение из непроглядных бетонных плит в 112 километров по внешним окраинам города и 43 километра в самом Берлине. По всей линии расположились более 300 сторожевых башен и вышек. Имелись также глубокие рвы, прочный металлический забор, контрольные полосы. Большой европейский город безжалостно разрезали на две части.

Число проблем, порожденных сооружением стены, оказалось очень велико. Доступ граждан из Западного Берлина в Восточный и обратно стал возможным лишь при наличии специальных пропусков. Бурные протесты западных стран оставались без внимания. Не удались и попытки разрушить Берлинскую стену. На протяжении почти двух месяцев продолжался острый международный кризис, который получил наименование «Берлинского». В Берлине по одну сторону воздвигнутой стены стояли американские, а по другую — советские танки. В. Ульбрихт был доволен, но для Советского Союза и для Хрущева стена стала признанием серьезного поражения: от всех планов превращения ГДР в «витрину» социализма пришлось отказаться, началось быстрое укрепление сурового авторитарного режима. На многие годы Берлинская стена стала символом всего того, что и до нее на Западе получило наименование «железного занавеса», знаком и символом разобщенности Востока и Запада.

Называя ГДР «епархией Андропова», Сергей Семанов задавался в своей книге вопросом: «Не его ли это была идея — разделить стеной огромный город?» Нет, это было идеей в первую очередь Вальтера Ульбрихта. В 1961 году ни Андропов, ни посол СССР в ГДР Михаил Первухин не имели на руководство ГДР и на В. Ульбрихта почти никакого влияния. Руководство ГДР далеко не всегда следовало тогда и советам Н. С. Хрущева. В 1961 году Юрий Андропов почти не привлекался к решению крупных международных проблем даже на уровне советника или члена делегации. Но у него не находилось и никаких возражений, в том числе и по поводу решения о возведении Берлинской стены.

Секретарь ЦК КПСС

Роль Андропова в решении проблем международной политики возросла после XXII съезда КПСС, на котором его избрали членом ЦК. Ю. В. Андропов и его отдел принимали активное участие и в подготовке основных документов этого съезда. В начале 1962 года Андропов стал также секретарем ЦК. Предлагая Пленуму ЦК его кандидатуру, Хрущев заметил: «Что касается Андропова, то он, по существу, давно выполняет функции секретаря ЦК. Так что, видимо, нужно лишь оформить это положение».

В этой роли Ю.Андропов мог значительно расширить аппарат своего отдела, пополнив его рядом аналитических и консультативных подразделений. Еще в 1959 году он пригласил В. А. Крючкова, с которым уже работал в Венгрии. Крючков занял здесь вначале пост референта в секторе по Венгрии и Румынии, в 1962 году — помощника секретаря ЦК КПСС. Важным нововведением стало приглашение в аппарат отдела значительного числа молодых интеллектуалов: философов, китаистов, экономистов, юристов, политологов. Именно в отделе, руководимом Андроповым, начинали свою партийно-аппаратную карьеру в качестве советников и консультантов такие известные позднее ученые, публицисты и дипломаты, как Г. Арбатов, А. Бовин, Г. Шахназаров, Ф. Бурлацкий, Л. Делюсин, Ф. Петренко, О. Богомолов, Г. Герасимов и другие. Аналогичную группу консультантов стал создавать и Борис Пономарев, а также секретарь ЦК КПСС и председатель Идеологической комиссии при ЦК партии Леонид Ильичев. Здесь работали в качестве консультантов Ю. Красин, Ю. Карякин, И. Черноуцан и другие. Как правило, эти люди продолжали и свою научно-публицистическую деятельность, поддерживая друг с другом не только формальные связи. Многие из них опубликовали в 1990-е годы мемуары, где немало страниц посвящены их общению с Андроповым.

«Вот как состоялось наше знакомство, — писал Георгий Шахназаров. — Когда меня пригласили в большой светлый кабинет с окнами на Старую площадь, Юрий Владимирович вышел из-за стола, поздоровался и предложил сесть лицом к лицу в кресла. Его большие голубые глаза светились дружелюбием. В крупной, чуть полноватой фигуре ощущалась своеобразная "медвежья" элегантность… Он расспросил меня о работе журнала "Проблемы мира и социализма", поинтересовался семейными обстоятельствами, проявил заботу об устройстве быта и

одобрительно отозвался о последней моей статье. Затем переменил тему, заговорил о том, что происходит у нас в искусстве, проявив неплохое знание предмета.

— Знаешь, — сказал Андропов (у него, как и у М. С. Горбачева, была манера почти сразу же переходить со всеми на ты), — я стараюсь просматривать "Октябрь", "Знамя", другие журналы, но все же главную пищу для ума нахожу в "Новом мире", он мне близок.

Поскольку наши вкусы совпали, мы с энтузиазмом продолжали развивать эту тему, обсуждая последние журнальные публикации… Мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. Я говорю грозный, потому что он исходил из большого белого аппарата с гербом, который соединял секретаря ЦК непосредственно с "небесной канцелярией", то есть с Н. С. Хрущевым. И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не доводилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнять любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания. Впрочем, подобные метаморфозы мне пришлось наблюдать позднее много раз. В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека — русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначение в служении партии. Я подчеркиваю: не делу коммунизма, не отвлеченным понятиям о благе народа, страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей»[64].

«Я был приглашен консультантом в отдел Ю. В. Андропова в мае 1964 года, — писал в своих воспоминаниях Георгий Арбатов. — Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся "оазисов" творческой мысли того времени… Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все "задействованные" в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку — и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа

превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный… Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещенный взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям больше всего и недоставало. Он все это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: "В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело — когда выходишь за дверь, тогда уж веди себя по общепризнанным правилам"»[65]. В некоторой степени эти методы работы использовались в общении Андропова с лидерами социалистических стран. Он настаивал на поиске более гибких форм общения между странами, стараясь с помощью политических и экономических средств предотвращать развитие ситуаций, которое могло бы повести к конфликту. Его не пугало отступление от каких-то сторон советского опыта, разумеется, до определенных пределов. Интересны воспоминания Александра Бовина, который начал работать в отделе Андропова с 1963 года. «Тогда еще продолжалась инерция XX съезда, — писал Бовин, — и Юрий Владимирович собирал вокруг себя сведущих людей.

Во время первой беседы с Андроповым произошел один любопытный эпизод. Тогда наши отношения с китайцами только начинали портиться. И полемика шла в завуалированной форме. Например, в "Коммунисте" появилась серия редакционных статей с рассуждениями, является ли вторая половина XX века эпохой революций и бурь или эпохой мирного сосуществования, возможен мирный переход к социализму или невозможен.

Андропов спрашивает:

— Вы читали статьи?

— Конечно.

— Как вы их находите?

А поскольку я никак их не "находил", то стал говорить об

отсутствии логики, слабой аргументации и рыхлой композиции этих публикаций. Мой товарищ, сидевший рядом, наступил мне на ногу. И я умолк.

Оказывается, я устроил разнос переложенным для журнала речам Суслова, Пономарева и самого Андропова. Тем не менее, на работу в ЦК меня взяли, и проработал я там девять лет…»[66].

Я был знаком с некоторыми консультантами из аппарата ЦК КПСС. Те, кто работал с Андроповым, считали, что им повезло. Обстановка здесь была по тем временам более свободной и творческой. Андропов отличался от других секретарей ЦК и методами работы с аппаратом, что шло на пользу и ему, и работникам аппарата. Подготовка разного рода документов в ЦК КПСС всегда являлась длительным, коллективным и многосложным делом. При этом чем больше ступеней проходил документ, чем больше людей над ним работало, тем менее интересным и содержательным он становился. Продукция отдела по социалистическим странам все же отличалась от продукции других отделов в лучшую сторону. «Я очень быстро убедился, — свидетельствует Федор Бурлацкий, — что, какой бы ты ни принес текст, он все равно будет переписывать его с начала и до конца собственной рукой, пропуская каждое слово через себя. Все, что ему требовалось, — это добротный первичный материал, содержащий набор всех необходимых компонентов, как смысловых, так и словесных. После этого Андропов вызывал несколько человек к себе в кабинет, сажал нас за удлиненный стол, снимал пиджак, садился сам на председательское место и брал стило в руки. Он читал документ вслух, пробуя на зуб каждое слово, приглашая каждого из нас участвовать в редактировании, а точнее, в переписывании текста. Делалось это коллективно и довольно хаотично, как на аукционе. Каждый мог предложить свое слово, новую фразу или мысль. Ю. В. принимал или отвергал предложенное… Он любил интеллектуальную политическую работу. Ему просто нравилось участвовать самолично в писании речей и руководить процессом созревания политической мысли и слова. Кроме того, это были очень веселые застолья, хотя подавали там только традиционный чай с сушками или бутербродами. "Аристократы духа" (так называл нас Ю. В.) к концу вечерних бдений часто отвлекались на посторонние сюжеты: перебрасывались шутками, стихотворными эпиграммами, рисовали карикатуры. Ю. В. разрешал все это, но только до определенного предела. Когда это мешало ему, он обычно восклицал: "Работай сюда!" и показывал на текст, переписываемый его большими, округлыми и отчетливыми буквами»[67].

Андропов использовал иногда свой авторитет и возможности секретаря ЦК КПСС для того, чтобы помочь решению некоторых не слишком крупных, конечно, проблем культуры и идеологии. Так, например, через своих консультантов он познакомился с работой популярного, но считавшегося едва ли не крамольным театра на Таганке. В одном из интервью главного режиссера театра спросили, правда ли, что Андропов в прошлом покровительствовал Любимову и его театру. Юрий Любимов ответил: «Нет, просто когда мне закрыли первый спектакль "Павшие и живые", то друзья устроили мне встречу с ним. Он был секретарем ЦК. Я с ним имел долгую беседу. Он начал ее с того, что сказал: "Благодарю вас как отец". Я не понял, говорю: "За что, собственно?" — "А вы не приняли моих детей в театр". Оказывается, они очень хотели быть артистами, пришли ко мне. Мама с папой были в ужасе. Ребята были совсем молодые, действительно дети, и я сказал им, что все хотят в театр, но сперва надо кончить институт, а сейчас не надо… Они вернулись в слезах — жестокий дядя отказал, нам долго читал мораль… И за это он меня зауважал. Он сказал: "Мы с матерью не сумели их отговорить, а вы так сурово сказали, что они послушались"». На вопрос, помогал ли Андропов театру на Таганке в последующие годы, Любимов ответил: «Он уже не вмешивался в дела театра. Когда я с ним разговаривал, он произвел на меня впечатление человека умного. Он сразу мне сказал: "Давайте решим небольшую проблему, всех проблем все равно не решишь". Я говорю: "Конечно, конечно, самую маленькую. Вот если бы вы помогли, чтобы пошел спектакль "Павшие и живые"! Это же о погибших на войне, в их память. А тут поднялось такое…" А за всей этой историей с "Павшими и живыми" просто крылось то, что мы выбрали не тот состав поэтов. Так они в этом некомпетентны: они Кульчицкого приняли за еврея и просили заменить Светловым, а на самом деле Светлов — еврей. Среди избранных нами поэтов были Коган, Кульчицкий, Багрицкий, Пастернак, который тоже вызвал большой гнев»[68]. Андропов помог театру, и «Павшие и живые» много лет с успехом шли на сцене. Можно привести немало других примеров, когда Андропов проявлял независимость суждений и здравый смысл, хотя обычно он не пытался вступать в открытый спор с Хрущевым или с Сусловым. Так, например, Андропов ценил лучшие из картин советских авангардистов и поддерживал их хотя бы тем, что приобретал немало «абстракционистских» полотен. Это же делали и многие из сотрудников его отдела. Андропов знал, насколько популярен этот стиль живописи в Польше или на Кубе. Явно не разделял Андропов и поощрение Хрущевым нелепой монополии Т. Д.

Лысенко в биологической и сельскохозяйственной науках. Конечно, Андропов не был экспертом в генетике. Но ему приходилось вести дела с Чехословакией, где основатель классической генетики Г. Мендель считался гордостью страны и нации. При Сталине чехам все же пришлось убрать в 1948 году памятник Менделю и закрыть музей. Но в 1960-е годы власти Чехословакии под давлением общественного мнения стали требовать возвращения памятника великому ученому на прежнее место и открытия музея Менделя. В Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) давно уже установился обычай: отмечать во всех странах мира юбилеи величайших деятелей и величайших открытий в истории цивилизации. К каждому из таких юбилеев готовились несколько лет, их «расписание» устанавливалось заранее. Еще в самом начале 1960-х годов объявили, например, что 1965 год будет отмечен как «год Менделя». За сто лет до этого, в 1865 году, в Брно Грегор Мендель доложил на одном из научных собраний о своих опытах и открытиях в области наследственности. Чехословакия гордилась этим и готовилась достойно и широко отметить день рождения менделизма. Однако Хрущев под влиянием Лысенко запретил Академии наук СССР готовиться к менделевскому юбилею. Андропову это обстоятельство доставляло немало хлопот, так как он становился посредником между чехословацким и советским руководством. В 1963 году по всей стране и особенно в Москве распространялась в списках большая и острая работа моего брата Жореса «Биологическая наука и культ личности», содержащая уничтожающую критику Лысенко и его «учения». Не знаю, читал ли эту самиздатскую рукопись Андропов, но в кругу его консультантов работа Жореса была хорошо известна.

Как секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов должен был присутствовать на еженедельных заседаниях Секретариата. Он принимал участие в разработке всех документов, которые готовились в ЦК КПСС по мере развития советско-китайского конфликта. Очередной кризис в отношениях между СССР и КНР разразился, как известно, в связи с подписанием Советским Союзом, США и Великобританией Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Китай активно работал тогда над созданием собственного атомного оружия и решительно возражал против заключения договора, считая его уступкой империализму. После ожесточенной заочной полемики и переписки в Москву прибыла китайская делегация во главе с Дэн Сяопином. Советскую делегацию возглавлял М. А. Суслов, но в нее входили также Андропов и Пономарев. Как и следовало

ожидать, переговоры ни к чему не привели. Китайская делегация вела переговоры в июне 1963 года, а договор с США, Великобританией и Францией Советский Союз подписал в августе. Ю. В. Андропов возглавил делегацию СССР, вылетевшую в 1963 году во Вьетнам для переговоров с Хо Ши Мином. В конце августа Андропов сопровождал Н. С. Хрущева в поездке по Югославии. Весной 1964 года ему было поручено прочесть от имени ЦК КПСС доклад на торжественном заседании по случаю дня рождения Ленина. Это свидетельствовало о росте авторитета Андропова как политического лидера. Значительная часть доклада была посвящена все более обостряющимся отношениям с Китаем[69]. Ю. В. Андропову было поручено сделать от КПСС доклад на научной сессии в Берлине, посвященной 100-летию I Интернационала. Эта сессия проходила в сентябре 1964 года[70].

Андропов не входил в круг ближайших соратников Хрущева, но у него не имелось серьезных причин для недовольства Хрущевым, какие были, например, у Михаила Суслова, над которым Хрущев позволял себе открыто издеваться на некоторых не особенно узких совещаниях. Видимо, поэтому никто не посвящал Андропова в планы смещения Хрущева, и события октября 1964 года оказались для него неожиданностью. Он не сумел дать им адекватную оценку и предсказать будущее. По свидетельству Г. Арбатова, в первое же утро после октябрьского Пленума ЦК Андропов собрал руководящий состав отдела, включая несколько консультантов, чтобы как-то сориентировать их в ситуации. Рассказав о пленуме и перечислив множество обвинений, выдвинутых против Хрущева, склонного не только к «субъективизму», но и к авантюризму во внутренней и внешней политике, Андропов заключил выступление следующими словами: «Хрущева сняли не за критику культа личности Сталина и политику мирного сосуществования, а потому, что он был непоследователен в этой критике и в этой политике». «Увы, — замечает Арбатов, — вскоре начало выясняться, что Андропов глубоко заблуждался»[71].

Андропов, впрочем, достаточно быстро уяснил свою ошибку. Его отдельные выступления на узких совещаниях в ЦК встречали отпор, а некоторые материалы, подготовленные в отделе, возвращались Андропову на доработку. В 1965 году он в какой-то мере оказался в изоляции и даже в опале. Брежнев с ним не встречался, почти не консультировался с ним и М. Суслов. В общественной и культурной жизни в стране в 1965–1966 годах практически открыто разворачивалась борьба между поднимавшими голову сталинистами и противниками сталинизма. Юрий Андропов сочувствовал последним и

сторонникам умеренной демократизации советского общества. Но это сочувствие не переходило в активную поддержку. Андропов отказался занимать позицию, которую занял в 1965 году член ЦК КПСС и главный редактор «Правды» А. М. Румянцев. Руководимая им редакция добилась в 1965-м и в начале 1966 года публикации ряда больших статей, содержащих протест против восхвалений Сталина и восстановления методов сталинизма, особенно в отношениях партии и интеллигенции. На работу в редакцию «Правды» перешли и некоторые из консультантов международных отделов ЦК, например Юрий Карякин и Федор Бурлацкий. Для газеты, которая являлась органом ЦК КПСС, эта борьба не могла в то время кончиться успехом. Уже весной 1966 года «группа Румянцева» распалась. Румянцев подал в отставку и ушел на работу в президиум Академии наук СССР.

Юрий Андропов не поддержал Румянцева. Он держался крайне осторожно, не примыкая ни к одной из группировок, возникших в это время и вокруг Брежнева, и вокруг Косыгина, и вокруг Шелепина, и вокруг Суслова. На XXIII съезде КПСС состав ЦК значительно изменился. Но Андропов был вновь избран членом ЦК, а затем и его секретарем. Он продолжал возглавлять свой прежний отдел. Однако характер работы в отделе и прежняя атмосфера «интеллектуальной вольницы» изменились, это оказался очень трудный период и для самого Андропова. Он видел, что в стране происходит консервативный поворот. Но он не мог открыто восстать против него. Андропов являлся профессиональным политиком и кадровым партийным работником. Для такого человека не существовало в то время никаких возможностей выступать самостоятельно в идеологии или политике. К тому же он не хотел потерять те позиции в партийной иерархии и в структуре власти, которых добивался и которых достиг с немалым трудом. Пример Дмитрия Шепилова, которому Андропов направлял в 1956 году свои шифрограммы и который трудился теперь в архивном управлении Совета Министров СССР, был хорошо ему известен. Поэтому он решил остаться, вероятно, в надежде на то, что в стране со временем возобладают иные политические течения и он получит шанс использовать их, разумеется, не столько в личных интересах, сколько в интересах народа, как он их понимал. Это был мучительный личный компромисс, который даже в его ближайшем окружении далеко не все могли понять и одобрить.

Андропов часто выглядел подавленным, мрачным, раздраженным. Его ближайшее окружение начало постепенно распадаться. Одним из первых ушел из аппарата ЦК Ф. Бурлацкий. «…Это было, — вспоминает Федор Михайлович, — в

конце декабря 1964 года. В девять часов вечера я все еще сидел в своем просторном кабинете, просматривая последние сообщения ТАСС и деловые бумаги. Попалась на глаза подготовленная мной для Политбюро записка "О планировании внешней политики СССР". Перечитывая текст, я с горечью думал о том, как гибнут или превращаются в свою противоположность самые разумные идеи, о повороте, который начался после падения Хрущева. Вдруг зазвонил телефон.

— Вы не могли бы зайти ко мне? — раздался в трубке какой-то растерянный и хрипловатый голос Андропова.

Я зашел к нему, сел в кресло напротив и поразился необычно печальному и удрученному выражению его лица. Посидели несколько минут молча: он — опустив глаза, а я — всматриваясь в его лицо и пытаясь понять, что происходит. И тут — по какому-то совершенно необъяснимому импульсивному движению души — я неожиданно сказал:

— Юрий Владимирович, мне хотелось бы поговорить с вами об этом все последнее время. (Он удивленно вскинул на меня глаза.) Я чувствую все большую неуместность продолжения своей работы в отделе. Вы знаете, что я никогда не стремился, да, вероятно, и не мог стать работником аппарата. Я люблю писать. Но главное, пожалуй, не это. Сейчас происходит крутой поворот во внутренней и внешней политике. Вначале казалось, что мы пойдем дальше по пути реформ, по пути Двадцатого съезда. Теперь видно, что эта линия отвергнута. Наступает какая-то новая пора. А новая политика требует новых людей. Я хотел просить вас отпустить меня. Я давно мечтал работать в газете политическим обозревателем, и сейчас, считаю, для этого самый подходящий момент, кроме того, вероятно, и вам это в чем-то развяжет руки, поскольку на меня многие косятся, считая фанатичным антисталинистом.

Все это я выложил залпом. И тут увидел лицо Андропова. У меня нет слов, чтобы передать его выражение. Он смотрел на меня каким-то змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. Я до сих пор мучаюсь загадкой — что означал этот взгляд? В тот момент мне казалось, что в нем выражалось недовольство моим неожиданным заявлением. Ничего подобного, конечно, Ю. В. от меня не ожидал… Через некоторую паузу с хрипотцой в голосе Ю. В. медленно сказал:

— А кого вы предлагаете вместо себя?

Он не назвал меня Федором, как это делал обычно, а задал вопрос в безличной, равнодушной, даже во враждебной манере.

— Я думаю, что для этой роли равно годятся Шахназаров и Арбатов — по вашему выбору. Каждый из них вполне в состоянии

руководить группой. Они работают уже больше двух лет и хорошо овладели делом.

— Наверное, Арбатов все-таки больше подходит, — сказал Андропов… — Что касается вашего перехода политическим обозревателем в "Правду", то помогать вам я не буду, хлопочите сами.

После этого разговора… я вышел из кабинета в странном состоянии пережитого потрясения. Как будто я добился своего: давно мечтал о работе политического обозревателя… Но я не ожидал такого разговора с Андроповым. Почти пять лет непрерывной безотказной службы, большой человеческой близости — и такой финал. Этого не могло быть. Все должно быть как-то иначе. Вот почему мне думается, что я попал в самую неподходящую и трудную для него минуту жизни. Он расценил мой шаг не как акт мужества человека, который уходит в отставку, бросает политическую карьеру по принципиальным мотивам. А я **думал,** что поступаю именно так…»[72].

У Ф. Бурлацкого имелось немало оснований уйти из аппарата ЦК КПСС. Однако при тех отношениях, которые у него сложились с Андроповым, не следовало действовать, подчиняясь «необъяснимому импульсивному движению души», да еще в один из самых трудных для шефа дней, когда он сидел с «необычайно печальным и удрученным выражением лица».

У Андропова были все основания считать поступок Бурлацкого не просто проявлением нелояльности или личным вызовом, но даже предательством. Очень трудно было рассматривать решение Бурлацкого как акт мужества.

Ф. Бурлацкий ушел в «Правду», но продержаться здесь долго уже не смог, времена были не те. Когда его в 1966 году снимали с должности обозревателя, он позвонил Андропову с просьбой о заступничестве. Но Юрий Владимирович посоветовал обратиться к Суслову. До самой смерти Андропова между ним и Бурлацким уже не было ни личных, ни серьезных деловых контактов, кроме нескольких случайных встреч. Г. Шахназаров, А. Бовин и Г. Арбатов остались работать рядом с Андроповым.

Конечно, Андропов хорошо понимал возможности и уровень Брежнева как политика и государственного деятеля. Однако он явно предпочитал недалекого и тщеславного, но благожелательного и компанейского Брежнева его основному в то время сопернику — «железному Шурику», А. Шелепину. Андропов попытался даже сблизиться с Брежневым, и когда последний, отправляясь с официальным визитом в Румынию, по дороге остановился в столь памятном для него Кишиневе, чтобы отметить свое возвышение в кругу старых приятелей и

сотрудников, именно Андропов произнес наиболее пышный тост в честь Леонида Ильича — нового и достойного лидера, которого наконец-то обрела партия. Брежнев, казалось бы, не обратил внимания на льстивые слова, но не забыл их. Отношения между Генеральным секретарем и секретарем ЦК стали улучшаться.

Андропов стал реже и реже приглашать к себе Г. Шахназарова и пропускал мимо ушей слова о новых трудностях театра на Таганке. Иногда Андропов даже выказывал раздражение по поводу советов своего консультанта. Руководителем группы консультантов стал в 1965 году Г. Арбатов. В воспоминаниях он рассказывает, в каких стрессовых ситуациях часто оказывался Юрий Андропов в условиях сложных интриг и борьбы 1965–1967 годов. Свертывались инициативы прежних лет в отношении Запада, недостаточно продуманные шаги предпринимались и в отношении стран Восточной Европы. Мнением Андропова часто пренебрегали. Он не вступал в конфликты с членами Политбюро, но тяжело переживал многие вынужденные компромиссы. Дело кончилось серьезными осложнениями со здоровьем и больницей, в которой Андропов провел несколько месяцев. Он продолжал, правда, руководить своим отделом по телефону, принимал помощников. Даже обменивался с консультантами шуточными стихотворениями, много читал. К концу 1966 года Андропов уже был здоров и, казалось, вполне адаптировался к новой политической обстановке в стране. Его особое внимание в эти месяцы привлекала обстановка в Китае, где полным ходом развертывалась так называемая «культурная революция», постоянно вносившая в советско-китайские отношения напряженность и тревогу. Андропов, однако, не мог предвидеть, что скоро и в его судьбе наступит неожиданный и резкий поворот.

Глава четвертая. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

Как профессиональный политик Андропов не мог не думать об укреплении и расширении своего влияния и власти, и он несомненно просчитывал свои шаги на этом полном неожиданностей и опасностей пути. В окружении Андропова были убеждены, что именно их шеф сможет со временем возглавить все идеологические службы ЦК КПСС; Михаил Суслов уже в середине 1960-х годов казался человеком больным, а временами немощным и недолговечным. Однако вряд ли Андропов когда-либо предполагал, что он будет вынужден возглавить столь специфическое учреждение, как КГБ. Еще труднее было предположить, что именно Андропов окажется наиболее эффективным руководителем этой организации после Ф. Дзержинского и проработает на Лубянке ровно 15 лет.

Тот факт, что Андропов стал одним из «семи вождей» СССР и КПСС, придает дополнительный интерес описанию и анализу его работы в КГБ. Судьба предшественников Андропова, занимавших ранее его новый большой кабинет с окнами, выходящими на Лубянскую площадь: Менжинского, Ягоды, Ежова, Берии, Серова, Шелепина, Семичастного, — не внушала большого оптимизма. Однако для Андропова именно работа в КГБ создала наилучшие возможности выдвижения. Это определялось общей обстановкой в стране, составом ее лидеров и личными качествами самого Андропова.

Деятельность КГБ была секретной, и все документы, которые писал или подписывал на новом посту Ю. Андропов, имели гриф «Совершенно секретно». Многие из документов КГБ были позднее уничтожены; так поступают в критической ситуации все спецслужбы мира. Некоторые дела вообще не фиксировались. Это была военная организация, в которой принято выполнять не только письменные приказы. Тем не менее сегодня в распоряжении историков имеются тысячи материалов из архива ЦК КПСС и КГБ, на которых стоит подпись или виза Андропова. Как один из экспертов Конституционного суда по «делу КПСС», в 1992 году я имел возможность знакомиться со многими из них. В последние годы изданы или готовятся к печати несколько тематических сборников документов КГБ и ЦК КПСС. Поэтому кроме проблем поиска дополнительных документов и свидетельств передо мной стояла и проблема отбора материалов, наиболее важных для понимания личности и политической

биографии Ю. В. Андропова.

Деятельность КГБ являлась особым и часто кривым зеркалом, отражающим историю, достижения и болезни советского общества. Как диссидент и автор книг по истории сталинизма я давно начал знакомиться в теории и на практике с работой КГБ. Это особая тема, и я хорошо понимаю, что у других людей может быть иная точка зрения на те эпизоды из политической биографии Андропова, которые будут изложены ниже.

Первые месяцы в КГБ

Новое назначение

В середине мая 1967 года на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС было принято решение о смещении Владимира Семичастного с поста Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Официально объявлялось, что Семичастный «переходит на новую работу». И действительно, вскоре его назначили одним из заместителей председателя Совета Министров Украинской ССР Владимира Щербицкого, у которого и без того уже имелось несколько заместителей, в том числе двое первых. Неофициально по партийным организациям была распространена информация о смещении Семичастного в связи с побегом на Запад дочери Сталина Светланы Аллилуевой, а также с серией крупных провалов советской разведки в Западной Европе и «за раздувание мелких дел». Вопрос о судьбе Семичастного обсуждался в самом узком кругу незадолго до заседания Политбюро, и для многих участников заседания, включая самого Семичастного, это оказалось полной неожиданностью. Бывший член Политбюро и первый секретарь ЦК КП Украины Петр Шелест писал в своих воспоминаниях: «Я приехал в Москву на заседание Политбюро. На повестке дня много сложных и важных вопросов… В кратком промежутке Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел и сказал: "Позовите Семичастного". В зал заседания вошел В. Семичастный, чувствовалось, что он не знал, по какому вопросу его пригласили на заседание Политбюро, смотрел на нас с каким-то недоумением, даже казался растерянным… Брежнев объявляет: "Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном". "А что обсуждать?" — подал реплику Семичастный. Последовал ответ Брежнева: "Есть предложение освободить вас от должности Председателя КГБ в связи с переходом на другую работу". Семичастный подал голос: "За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна"… Последовал грубый окрик Брежнева: "Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа… А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США?"… По всей реакции было видно, что многие члены Политбюро и секретари ЦК были не в курсе этого вопроса. Я был просто поражен, что с Семичастным перед решением этого вопроса никто не переговорил, ему не дали опомниться»[73]. Тем не менее решение было принято единогласно, за него голосовал и Петр Шелест,

который в воспоминаниях осуждает такие «подлые, коварные и трусливые приемы при перестановке кадров».

Новым Председателем КГБ Брежнев предложил назначить Ю. В. Андропова, который, как и многие секретари ЦК КПСС, присутствовал на заседании Политбюро. Никто не возражал. По свидетельству П. Шелеста, «было заметно, что для Андропова это предложение не было неожиданным. Но он все же сказал: "Может быть, не надо это делать? Я в таких вопросах совершенно не разбираюсь, и мне будет очень трудно освоить эту сложную работу". Но вопрос был решен самым "коллегиальным" образом»[74].

Истинные причины этого важного перемещения были далеки и от официальных, и от неофициальных объяснений. В 1965–1967 годах Брежнев не являлся единоличным лидером партии и государства, а многие считали его лишь временной и промежуточной фигурой. Очень велико было влияние Председателя Совета Министров Алексея Косыгина, который претендовал на главную роль в решении не только хозяйственно-экономических проблем, но и многих вопросов внешней политики. Не желал быть только формальным лидером государства и энергичный Николай Подгорный — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Были ситуации, когда именно эти три человека собирались вместе в Кремле и принимали решения по ряду не просто важных, но и неотложных проблем. Значительно возросла после октябрьского Пленума роль М. Суслова, который, оттеснив Л. Ильичева, претендовал на роль «главного идеолога» партии. Однако наиболее открыто на лидерство претендовал Александр Шелепин. Этот 49-летний честолюбивый политик являлся не только членом Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, но и одним из первых заместителей Председателя Совета Министров СССР. Шелепин возглавлял также созданную при Хрущеве специальную организацию партийно-государственного контроля с большими формальными правами и собственным штатом контролеров. Семичастный был ближайшим другом и единомышленником Шелепина, и все понимали, что Шелепин, который возглавлял КГБ в 1958–1961 годах, продолжает контролировать эту организацию. В середине мая 1967 года Шелепин заболел, и его с диагнозом «аппендицит» положили для срочной операции в Кремлевскую больницу. В это время Брежнев, поддержанный Сусловым, Косыгиным и Подгорным, и решил провести через Политбюро смещение Семичастного. Вернувшись из больницы, Шелепин обнаружил, что он лишился не только больного аппендикса.

Вечером 19 мая 1967 года, сразу же после окончания

заседания Политбюро, комиссия ЦК КПСС в составе М. Суслова, А. Кириленко и И. Капитонова прибыла на Лубянку и, созвав коллегию КГБ, объявила решение Политбюро, представив членам коллегии КГБ их нового начальника Ю. В. Андропова.

Назначение Андропова Председателем КГБ вполне устраивало Суслова, который видел в нем соперника при решении идеологических проблем. Не возражал и Косыгин, у которого с Андроповым далеко не всегда имелось полное понимание при решении вопросов экономического сотрудничества со странами социалистического лагеря, в первую очередь с Китаем. Очень доволен был и Брежнев, у которого сложились трудные отношения не только с Шелепиным, но и с Семичастным. Андропов не принадлежал к числу друзей Брежнева, но был в 1967 году далек и от других лидеров. В многочисленных мемуарах 1990-х годов можно встретить самые разные комментарии к переходу Андропова в КГБ. «Юрий Владимирович, — пишет Шахназаров, — был по природе осторожен, опасался соглядатаев, и не без оснований: новый генсек не только явно благоволил ему, но и зорко присматривал. Брежнев, разумеется, читал статьи из иностранных журналов, в которых говорилось о восходящей звезде советской политики — Андропове, ему предрекали в скором времени стать лидером. Это не могло не насторожить хитрого генсека, и он в своей обычной интриганской манере нашел оригинальный способ не только обезопасить себя от соперника, но и извлечь максимальную выгоду — отправил Андропова в Комитет государственной безопасности. Зная о его безусловной порядочности, Леонид Ильич с тех пор спал спокойно: наиболее ответственный участок был поручен умному человеку, одновременно его, мягко говоря, отодвинули в сторонку»[75]. С этими оценками трудно согласиться. В 1967 году об Андропове мало что знали и в нашей стране, и за границей, и иностранные журналы не писали о нем как о «восходящей звезде», он не являлся тогда даже членом Политбюро. К тому же Брежнев не читал иностранных журналов, он очень бегло просматривал обзоры ТАСС и не считал Андропова своим соперником, хватало других, более влиятельных. Переход в КГБ являлся для Андропова движением не только в сторону, но и вверх. Председатель КГБ в СССР в конце 1960-х годов — более влиятельная фигура, чем один из рядовых секретарей ЦК. К тому же Андропова, оставившего Секретариат ЦК, избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК. Это значительное продвижение в партийной иерархии означало, что КГБ и его Председатель получили дополнительные полномочия.

Хорошо помню, что смещение Семичастного и назначение

Андропова вызвало тогда в кругах интеллигенции и особенно среди диссидентов различные толки и предсказания. Никто не сожалел об отставке Семичастного. Еще в 1966 году после судебного процесса над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, вызвавшего множество протестов и коллективных писем в ЦК КПСС, в Москве ходили слухи о том, что Семичастный якобы просил санкции на арест нескольких сотен или даже тысяч человек. Об Андропове же многие говорили как об умном, интеллигентном и трезво мыслящем человеке. Его не считали сталинистом.

Кадровые перестановки в КГБ

Свою работу в КГБ Андропов начал, естественно, со знакомства с начальниками главных управлений и управлений КГБ, а также важнейших отделов Комитета. Таких самостоятельных подразделений в КГБ имелось около 20 — от Первого главного управления по внешней разведке до Главного управления пограничных войск и от следственного отдела до отдела по прослушиванию телефонных разговоров и помещений. Лишь несколько человек из числа членов коллегии или начальников управлений КГБ написали после этих бесед заявления об отставке. Из ЦК КПСС Андропов пригласил в КГБ Владимира Крючкова, которого назначил начальником Секретариата КГБ. Они работали вместе уже почти 13 лет и полностью доверяли друг другу. Первый документ, с которым должны были познакомиться как Андропов, так и Крючков, — «Положение о КГБ при СМ СССР», утвержденное Президиумом ЦК КПСС и введенное в действие постановлением СМ в январе 1959 года (продолжало действовать до середины 1991 года). Этот значительный по объему, совершенно секретный документ даже в КГБ читали только его высшие руководители. Место КГБ в политической системе СССР определялось здесь следующим образом: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также охране государственных границ СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства… Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»[76].

Численность сотрудников КГБ в разное время была различной. При Хрущеве дважды проводилось значительное сокращение штатов этой организации, во времена Андропова число сотрудников КГБ существенно возросло. По данным последнего Председателя КГБ СССР Вадима Бакатина, к началу 1991 года здесь работало 480 тысяч сотрудников[77]. Естественно, речь шла лишь о штатных сотрудниках КГБ. Число внештатных, или секретных, сотрудников, получавших зарплату в других ведомствах, вряд ли поддается точному подсчету, но можно

предположить, что общее число людей, связанных теми или иными обязательствами с КГБ, еще в 1967 году достигало миллиона. Это была мощная, богатая, влиятельная и закрытая силовая структура.

Андропов не мог не произвести в КГБ некоторых кадровых перестановок. По свидетельству генерала армии Филиппа Бобкова, проработавшего в органах безопасности 45 лет, положение дел в КГБ к моменту назначения Андропова было «сложным и напряженным… Оно определялось распрями между отдельными группами руководящих работников. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. "Старики" из числа партработников не хотели сдавать позиции… Трудно приходилось профессиональным работникам, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый Председатель? С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому Председателю. Зарекомендовать себя его сторонниками»[78]. Явно по рекомендации Брежнева одним из заместителей Андропова назначен генерал Семен Цвигун, работавший ранее в органах МВД и КГБ в Молдавии и Азербайджане. Еще одним заместителем Андропова стал генерал Георгий Цинев, которого Брежнев знал еще в молодости в Днепропетровске. Управление кадров КГБ возглавил в 1967 году Виктор Чебриков из Днепропетровска, а одно из управлений контрразведки — Виталий Федорчук.

Дело Светланы Аллилуевой

Одним из первых конкретных дел, которым должен был заняться Андропов, стало, конечно, дело Светланы Аллилуевой. Сбежав из посольской гостиницы в Дели и появившись поздно вечером 7 марта 1967 года в американском посольстве, С. Аллилуева была отправлена на самолете в Рим и провела затем шесть недель вдали от журналистов в монастырских кельях Швейцарии. С ней находились работники Государственного департамента, ЦРУ, известные советологи. 22 апреля она прибыла в аэропорт Джона Кеннеди в США, где ее встречала большая толпа журналистов и публики. Западная печать превратила бегство дочери Сталина из СССР в сенсацию. О ней писали как об «изящной жизнерадостной женщине сорока одного года, с рыжими вьющимися локонами, робкими голубыми глазами и привлекательной улыбкой, весь образ которой светился чувствами добра и искренности». Попытку некоторых газет напомнить, что она мать, бросившая двух детей, никто не поддержал. Рукопись ее книги «Двадцать писем к другу» уже находилась в США, над ее переводом работали лучшие переводчики издательства «Харпер энд Роу», одного из крупнейших в Америке. Договор предусматривал огромный тираж и большой гонорар. Ведущие издательства других стран торопились купить права на перевод и издание книги, о том же беспокоились и самые популярные западные журналы. Было объявлено, что книга Светланы Аллилуевой выйдет в свет сразу на нескольких языках в конце октября 1967 года, как раз к 50-й годовщине Октябрьской революции.

Андропов хотел в первую очередь познакомиться с текстом рукописи, о существовании которой ранее никто, казалось бы, не знал. Допросили всех знакомых, родственников и друзей Аллилуевой. По свидетельству Петра Шелеста, рукопись нашли уже в мае у одного из интимных друзей Светланы. Книга была интересной и хорошо написанной, но не содержала никаких сенсаций, а тем более разоблачений. Речь шла главным образом о семейных делах. Светлана пыталась как-то оправдать своего отца, представляя его жертвой происков Берии. Решение, принятое Андроповым, не лишено оригинальности. Поскольку издание книги Аллилуевой оказалось неизбежным, он решил перенести сенсацию на более ранний срок, чтобы не смешивать ее с юбилеем. В архивах собрали редкую коллекцию семейных фотографий Сталина, его друзей и родственников. Один из близких КГБ журналистов Виктор Луи вывез все эти материалы за

границу и передал частному издательству «Флегон-Пресс» в Англии. Это издательство было создано в Британии неким Флегоном еще в середине 1960-х годов главным образом для разного рода «пиратских» изданий. Оно скрывало свой адрес и телефон, а также банковские счета. Все это являлось частью весьма специфического «черного рынка» советской и русской литературы, в котором могли участвовать и спецслужбы, причем и с той и с другой стороны. Русское издание «Двадцати писем к другу» подготовили очень быстро, и уже в начале августа 1967 года оно появилось в продаже. Многие западные газеты и журналы публиковали отрывки из книги или ее изложение, а большой немецкий журнал «Штерн» начал переводить и печатать всю книгу. Светлана Аллилуева негодовала, она потребовала судебного разбирательства и сумела к сентябрю остановить поток «пиратских» изданий. Однако КГБ достиг цели: обсуждение книги Аллилуевой началось за несколько месяцев до октябрьского юбилея и не поддавалось контролю. Многочисленные и в основном критические рецензии появились задолго до ее официального выхода в свет на нескольких языках, что снизило интерес к книге. Не получилось и громкой рекламы. Кроме того, С. Аллилуева уже не имела возможности существенно изменить первоначальный текст, страдающий серьезными недостатками. Издательства, с которыми заключили договор, заплатили автору предусмотренный гонорар в миллион долларов, но сами понесли убытки. Огромный тираж английского издания не удалось продать. Книга продавалась сначала по 10 долларов за экземпляр, потом — за 1 доллар. В конце тираж пошел в распродажу по 50 центов за книгу.

Национальные проблемы

Еще в конце 1966 года крымские татары, высланные в 1945 году в Среднюю Азию, провели массовые митинги в Ташкенте, Чирчике, Самарканде и Фергане, отмечая 45-летие Крымской АССР. Митинги были разогнаны, а десятки людей арестованы. Сотни крымских татар приехали в Москву, они осаждали приемные высших советских и партийных организаций, пользуясь поддержкой всех диссидентских групп в столице. В квартире генерала Петра Григоренко постоянно ночевало 10–15 «гостей». Андропову поручили встретиться с представителями татар и разобраться в их проблемах и требованиях. На встречу в здание ЦК КПСС пришли 20 представителей крымско-татарского народа. Кроме Андропова здесь находились министр внутренних дел Н. Щелоков, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе и Генеральный прокурор Р. Руденко. На встрече, проходившей 21 июня 1967 года, крымские татары попросили уточнить, в каком качестве выступает здесь Андропов: как Председатель КГБ или как кандидат в члены Политбюро? «А разве это не все равно?» — спросил Андропов. «Нет, не все равно, — ответили делегаты. — Если вы здесь как представитель Политбюро, мы начинаем высказываться, если же как Председатель КГБ, мы покинем зал». «Конечно, — ответил Андропов, — я поставлен во главе комиссии как кандидат в члены Политбюро». Результатом встречи стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года. С крымских татар снималось выдуманное Сталиным и его приспешниками обвинение в предательстве, якобы совершенном в годы Отечественной войны. Крымские татары реабилитировались, им возвращались гражданские права. Однако в указе имелась коварная фраза об «укорененности крымских татар в новых местах проживания», о них шла речь как о «татарах, ранее проживавших в Крыму». Татарская молодежь получила право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но семьи не могли приезжать и селиться в Крыму. Поэтому движение крымских татар за право возвращения на историческую родину и за национальную автономию продолжалось и даже усилилось. Прощаясь с делегацией, Андропов сказал, что они могут уведомить о состоявшейся беседе свой народ. Однако многотысячное собрание в Ташкенте — встреча с делегатами, принятыми в правительстве, — было разогнано.

Со сложными проблемами Ю. В. Андропов столкнулся и в сентябре 1967 года, когда в Москву в поисках защиты прибыла

группа деятелей культуры из Абхазии. Обиды на притеснения в Абхазии копились давно, но чаша терпения переполнилась после небольшой «научной» работы, опубликованной в Тбилиси, автор которой пытался доказать, что абхазской национальности вообще не существует; абхазы — это грузины, принявшие когда-то мусульманство. Узнав о публикации, группа абхазских литераторов пришла в обком КПСС в Сухуми. Они требовали изъять из обращения указанную «научную» работу. Первый секретарь обкома, однако, не принял писателей. Через несколько дней в тот же обком вместе с литераторами пришло более двадцати стариков из абхазских сел. Но в обкоме отказались беседовать и со старейшинами, что, по обычаям гор, было недопустимо. Через неделю во всей республике все названия и вывески на грузинском языке были заменены на абхазские. При этом был замечен и арестован только один человек. Страсти накалились, но абхазские авторитеты призвали народ к спокойствию. Власти в Тбилиси и Сухуми были в растерянности. В Абхазии отозвали из отпусков всех работников КГБ, даже войска привели в состояние боевой готовности. Никаких отделов для решения национальных проблем в ЦК КПСС уже давно не имелось, и все дело шло по разделу «национализма», то есть через КГБ. Андропов потребовал от властей Грузии обходиться мирными средствами. Еще через несколько дней в Сухуми собрались на народный сход более двухсот представителей абхазского народа. Это не было нарушением закона, так как возможность народного схода в особых случаях предусматривалась конституцией Абхазии. Организаторы скупили все билеты на одно из представлений Сухумского драматического театра, но не разошлись после окончания спектакля. Сход продолжался без перерыва трое суток. Партийных руководителей Абхазии таким образом вынудили прийти и выслушать собравшихся в театре народных представителей. Требования сводились к следующему: восстановить в правах абхазский язык и письменность, принять меры к развитию промышленности в Абхазии, выдвигать абхазцев на высшие руководящие посты в республике, вернуть абхазским жителям те приморские земли, которые были изъяты в годы войны под предлогом размещения беженцев и на которых сейчас построены дачи тбилисских сановников. Наиболее радикальные участники выдвигали требование о переходе Абхазии из состава Грузинской ССР в состав РСФСР, но позднее оно было снято. Сход избрал пятерых полномочных представителей, поручив им снова отправиться в Москву. Абхазские власти дали гарантию безопасности этим избранникам. На Старой площади и на

Лубянке проявили разумную уступчивость, так как многие абхазские требования являлись очевидно справедливыми. Прежних секретаря обкома и председателя Совета Министров Абхазии освободили от должностей и на их место рекомендовали абхазцев. Грузинские названия официально заменили абхазскими. В Тбилисском университете открыли отделения абхазского языка и литературы.

Еще 17 мая 1967 года в городе Фрунзе Киргизской ССР произошли крупные беспорядки, для подавления которых пришлось применять оружие. По справке республиканского управления КГБ, которая легла на стол уже не Семичастного, а Андропова, волнения происходили не на национальной почве, а стали результатом разного рода провокационных слухов о преступных действиях милиции. При наведении порядка один человек был убит, трое ранены и 18 человек арестованы. В любом случае эти события свидетельствовали о напряженной национальной и социальной ситуации в столице Киргизии. Не успела комиссия из Москвы подвести итоги проверки разного рода версий о событиях в городе Фрунзе, как в одной из областей Южного Казахстана в городе Чимкенте начались еще более крупные волнения. Несколько тысяч жителей этого города громили отделения милиции, блокируя другие административные здания. 13 июня в Чимкент ввели войска, которые применили оружие. По официальным данным, 7 человек были убиты, 50 ранены и 43 привлечены к уголовной ответственности. Причин для волнений в Чимкенте существовало немало, и они накапливались давно. По свидетельству Ф. Д. Бобкова, различного рода массовые беспорядки происходили и позднее в разных регионах страны почти каждый год, но Андропов не разрешал вызывать войска и применять оружие, хотя арестов после каждого из таких волнений производилось немало.

Дела международные

Большую работу пришлось проделать Ю. Андропову и особенно Первому главному управлению КГБ и Главному управлению пограничных войск в связи с кризисом в советско-китайских отношениях и так называемой «шестидневной войной» на Ближнем Востоке.

Проблемы советско-китайских отношений находились в центре внимания Андропова еще как заведующего отделом и секретаря ЦК КПСС. Однако теперь ему приходилось искать аргументы не только в идеологических дискуссиях. Уже в мае и июне 1967 года пограничная служба фиксировала до десяти нарушений советско-китайской границы ежедневно. К концу года эти нарушения исчислялись тысячами. Некоторые из инцидентов оказались настолько значительными, что стали предметом специальных представлений по линии Министерства иностранных дел СССР. Специальная группа КГБ охраняла советское посольство в Пекине, которое находилось в осаде еще с января 1967 года. Продукты питания доставлялись советским дипломатам машинами других посольств. 17 августа 1967 года толпа хунвейбинов ворвалась на территорию посольства, устроив погром в некоторых его помещениях. Были сожжены автомашины и сторожевая будка. Китайская наружная охрана не мешала хунвейбинам. Внутренняя советская охрана и специальные службы посольства получили приказ не применять оружие.

На Ближнем Востоке существовали другие проблемы, но не менее сложные. Еще в мае 1967 года обстановка здесь обострилась до предела. Хорошо вооруженные войска ОАР (Египет), Сирии и Иордании были придвинуты к границам Израиля. Здесь же находились и вооруженные формирования палестинцев. ОАР и ее президент Г. А. Насер являлись в 1960-е годы самыми близкими союзниками СССР в регионе. Египетская армия вооружалась советским оружием, в ней работали сотни советских военных специалистов. Немалую военную и экономическую помощь СССР оказывал и Сирии. Советская военная разведка и внешняя разведка КГБ внимательно следили за развитием ситуации. По данным западной печати, к 5 июня 1967 года только ОАР сосредоточила в районе Газы и на Синае 8 дивизий по штатам военного времени. К границам Израиля подошли более 900 египетских танков и около 300 танков со стороны Сирии и Иордании. Арабская сторона имела двукратное превосходство в численности сухопутных сил и трехкратное в авиации. Многие из арабских лидеров, включая Насера, делали

заявления о том, что пришло время уничтожить государство Израиль. В Каире почти непрерывно происходили демонстрации под лозунгами: «Мы хотим войны!» Лидер палестинцев Шукейри заявил в конце мая на специальной пресс-конференции, что государство Израиль будет уничтожено, а все евреи, приехавшие в Палестину, выселены в те страны, из которых они приехали. Останутся только те, кто жил здесь до 1947 года, если они «уцелеют в войне». Насер потребовал в начале июня от ООН вывести подразделения этой организации с линии перемирия, которую они занимали после войны 1956 года. Он объявил также о блокаде Акабского залива для всех судов, идущих из Израиля и в Израиль. Конфликт на Ближнем Востоке затрагивал интересы очень многих стран. Западный блок почти безоговорочно поддерживал Израиль, социал-демократические партии заявляли о поддержке демократических сил на Ближнем Востоке в их борьбе против всех видов «феодализма и диктатуры». Советский Союз поддерживал Египет и Сирию. Некоторые из аналитиков писали позднее, что, «балансируя на грани войны», Г. Насер не хотел самой войны, рассчитывая демонстрацией военного превосходства и политическим давлением добиться целей. Не согласовывались с Советским Союзом такие действия Насера, как изгнание войск ООН из района противостояния и закрытие Тиранского пролива. Советская разведка получила убедительные данные о возможности превентивного удара Израиля и передала эти сведения Насеру. Он выехал в расположение египетских частей и предупредил высших офицеров своей армии, что нападение Израиля на арабские войска ожидается в течение ближайших 24–48 часов. Он получил заверения о полной боевой готовности всех родов войск, и особенно ВВС. Однако дальнейшие события стали для многих шоком и не имели, казалось бы, рационального объяснения. Израильская армия нанесла удар по арабским войскам в 6 часов утра 5 июня, когда верующие мусульмане совершают намаз, особую молитву на коврике и без обуви. Хотя советские военные советники предложили египетскому командованию поднять самолеты в воздух заблаговременно, никто не последовал этому совету. Командующий авиацией на Синае Сидхи Махмуд в ночь на 5 июня устроил большой банкет в честь помолвки дочери, собрав в свои шатры почти всех офицеров. Большинство летчиков были 4 июня отпущены домой на 24 часа. Уставший маршал Махмуд лег спать под утро и приказал не будить его до 10 часов утра. Последствия для арабов были ужасны. Почти вся египетская авиация была уничтожена в первые часы войны. Одновременно уничтожили сотни танков. Деморализованные дивизии начали

отступать к Суэцкому каналу. Разгрому подверглись также сирийская и иорданская армии. Весь Иерусалим, Газа, Голанские высоты, Западный берег Иордана были заняты израильтянами. Совет Безопасности уже 6 июня предложил прекратить огонь, но Насер, не владея ситуацией, отказался. «О прекращении огня, — заявил он, — не может быть и речи». 7 июня Совет Безопасности повторил предложение. Его приняла Иордания, но Насер заявил, что «война с Израилем только начинается». Лишь днем 9 июня, когда на Синае завершилось окружение разбитой египетской армии, а израильские танки вышли к Суэцкому каналу, Насер сдался и направил телеграмму в ООН о своем согласии на прекращение огня. Еще через два дня он заявил об отставке с поста президента ОАР.

Брежнев, Косыгин и Подгорный в течение трех дней не покидали Кремль даже ночью. Андропов большую часть времени находился в штаб-квартире советской разведки. Поражение было очевидным, и его удалось немного смягчить, убедив Насера не оставлять свой пост и наладив новые массовые поставки оружия для разбитой египетской армии. По быстро организованному «воздушному мосту» на Ближний Восток прибывали не только военные советники, но и десятки советских летчиков и даже танкистов. В Москве началась работа по пересмотру многих аспектов советской политики на Ближнем Востоке, но отнюдь не по сокращению наших обязательств. Экономическая, финансовая и военная помощь Египту со стороны СССР увеличивалась и вскоре превзошла советскую помощь всем странам Восточной Европы вместе взятым. Расширилась помощь Египту и Сирии со стороны ГДР, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. Это позволило Каиру и Дамаску начать подготовку к новой войне против Израиля, которая вспыхнула, как известно, в октябре 1973 года и проходила уже по другому сценарию.

К Андропову и его ведомству упреков в 1967 году не было. Он не являлся новичком во внешней политике в отличие от Семичастного или Шелепина. Однако до сих пор ему приходилось заниматься лишь странами Восточной Европы, Китаем, Кореей и Вьетнамом. Теперь приходилось начать более основательное изучение отношений с США, странами Западной Европы и Ближнего Востока.

КГБ и интеллигенция

После «дела Пастернака», а тем более после судебного процесса по делу Синявского и Даниэля отношения между КГБ и верхушкой московской и питерской интеллигенции существенно ухудшились, хотя и раньше они не отличались особой теплотой. Как секретарь ЦК Ю. Андропов имел репутацию либерала. Но на своем новом посту ему трудно было сохранить многие из прежних связей с интеллигенцией. Однако если для секретаря ЦК по международным проблемам эти связи являлись как бы его частным делом, то для Председателя КГБ они становились частью его работы, и Андропов оказался гораздо лучше к ней подготовлен, чем Семичастный или Шелепин. Советская интеллигенция всегда была неоднородна, и многим ее деятелям приходилось идти на компромисс с властями, ибо без этого работа режиссера, артиста, писателя, художника, ученого, педагога становилась просто невозможной. Советский Союз не являлся страной с демократическим и плюралистическим режимом, и никто не мог открыто пренебрегать положениями и догмами господствующей идеологии.

Несколько раз Андропов беседовал с популярными в те годы поэтами Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским. Евтушенко получил возможность и право звонить Председателю КГБ по прямому телефону и очень гордился этой привилегией. С писателем и сценаристом Юлианом Семеновым, работавшим в жанре детектива и приключений, Андропов даже подружился. Как раз в 1966–1967 годах на экраны один за другим вышли фильмы по сценариям Ю. Семенова «Пароль не нужен», «Майор Вихрь», «По тонкому льду». Эти фильмы о трудной работе советских чекистов понравились Андропову, и он решил познакомиться с писателем. «Мы сидели с друзьями и выпивали, — вспоминал Семенов. — Звонок. "Товарища Семенова, пожалуйста". Я говорю: "А кто его спрашивает?" — "Андропов". — "Какой Андропов?" Он говорит: "Вы знаете, меня Председателем КГБ назначили". — "Здравствуйте, Юрий Владимирович". Он сказал, что прочитал роман, посмотрел фильм и хотел познакомиться со мной поближе. "Вы бы ко мне не зашли? У нас есть два входа: один для сотрудников и другой с площади. Вы в какой хотите?" Я говорю: конечно, с площади! А когда я пришел, он посмеялся: "Академик Харитон, наш ядерщик, тоже все с первого подъезда заходит". Первое, о чем я его спросил, когда вошел к нему в кабинет: можно ли посмотреть, что лежит на столе у Председателя

КГБ? Он перевернул несколько листков — смотрите. А

смотреть не на что. Я говорю: мне бы архивы ваши… Он подумал и сказал: "Вы знаете, раз уж я стал Председателем КГБ, то мне пришлось о вас узнать… Ну зачем вам носить в голове государственные секреты? Вы сепаратны, живете сами по себе, связывают с семьей вас только дети, вы любите застолья, много путешествуете… Зачем архивы? Вам достаточно воображения и того, что вы читаете по-английски, испански, немецки". И он, кстати, натолкнул меня на идею "Семнадцати мгновений весны"»[79]. И не только натолкнул на идею этого лучшего советского сериала, но и помогал затем в работе над фильмом, разумеется, понимая важность такого фильма и для своего ведомства.

Осенью 1967 года Ю. Андропов познакомился с популярным певцом и артистом Муслимом Магомаевым, который ненадолго оказался в опале у Министерства культуры СССР. Позднее Магомаев вспоминал: «Министерство постоянно вмешивалось в мой репертуар и следило за заработками. По городам, где я выступал с концертами, неизменно следовали ревизоры, чтобы выяснить, сколько я спел и сколько получил. А гонорар мой был тогда похож на пособие для безработного. И это при том, что моим именем заполнялись 50-тысячные стадионы, и филармонии могли таким образом аннулировать свои "долговые" картотеки. Однажды один из директоров решил совершить доброе дело и незначительно завышенной суммой в договоре поощрил меня. Я эту бумажку подписал и этим… подписал себе приговор. Меня наказали полуторагодовым затворничеством, запретив показ по ТВ и отменив все выступления в СССР и за рубежом. Спас положение Андропов. Во Дворце съездов должен был проходить юбилей КГБ. Юрий Владимирович позвонил Фурцевой и сказал, что сотрудники хотят на юбилейном концерте послушать "Бухенвальдский набат" в исполнении Магомаева. Екатерина Алексеевна возразила: это невозможно, ибо он наказан. Андропов сурово ответил, что его Комитет меня не наказывал, поэтому мое выступление должно состояться. Так пришло "прощение"».

Английский журналист Ноэль Барбер, несколько раз встречавшийся с Андроповым, писал о нем как об «узколобом сталинисте, лишенном чувства юмора, с непроницаемой физиономией»[80]. Совсем иначе вспоминал об Андропове известный советский дипломат Олег Трояновский, которого связывали с Андроповым многолетние добрые отношения. «Андропов любил мыслить аллегориями, — вспоминает Трояновский, — и обладал чувством юмора. Он почти наизусть знал Ильфа и Петрова, любил цитировать их, а иногда и сам не прочь был подшутить. Вскоре после того как его назначили

Председателем КГБ, он позвонил мне и говорит: Олег Александрович, куда вы исчезли? Приезжайте к нам, посадим вас (на слове "посадим" он сделал многозначительную паузу)… напоим чаем»[81].

Андропов продолжал поддерживать добрые отношения с А. Бовиным, который, в свою очередь, имел много знакомых в мире писателей и художников. Бовин никогда не был партийным чиновником, хотя вскоре его назначили референтом Генерального секретаря с прямым доступом к Брежневу. Доверительные отношения связывали Андропова и с Георгием Арбатовым, который в 1968 году, покинув аппарат ЦК КПСС, начал работать директором только что созданного Института Соединенных Штатов Америки и Канады. Через несколько лет Арбатов стал уже академиком и членом ЦК КПСС, а также советником Брежнева по проблемам советско-американских отношений. Однако отнюдь не научные или политические успехи Арбатова привлекали Андропова. «На чем основывались, — размышлял позднее Георгий Аркадьевич, — эти более чем двадцатилетние и не лишенные доверительности отношения? С моей стороны — на искреннем уважении, которого не меняли и понимание слабостей Юрия Владимировича, несогласие с ним, споры по ряду вопросов, в том числе крупных. А также на ощущении долга. Я считал, что, излагая ему соображения по тому или иному вопросу, могу хоть в минимальной мере содействовать принятию верных политических решений и препятствовать решениям неверным, опасным. Случалось и обращаться к нему, чтобы помочь людям, попавшим в беду, кого-то избавить от несправедливых преследований, восстановить, где можно, справедливость. Для себя я у него ни разу ничего не просил, хотя он меня, случалось, прикрывал от наветов и доносов, — некоторые мне (наверное, в назидание, чтобы держал ухо востро!) даже показывал, давал прочесть…

Почему он поддерживал добрые отношения со мной?.. Андропов, во-первых, знал (и как-то даже сказал об этом), что не услышит от меня неправды, тем более из желания угодить или из опасения вызвать недовольство и гнев… и ценил это; во-вторых, он с интересом и вниманием относился к моим суждениям (хотя нередко их проверял), прежде всего по вопросам внешней политики. В-третьих, по моим высказываниям (как и по высказываниям других людей, с которыми общался) он судил о настроениях интеллигенции. И в-четвертых, у него, как у каждого нормального человека, иногда возникала потребность поговорить по душам, — а со временем он убедился, что я ни разу его не подвел, умел о деликатных вещах молчать»[82].

Заслуживает внимания и история возвращения в Москву крупнейшего русского философа, литературоведа и теоретика искусства М. М. Бахтина. В сталинские времена он подвергался репрессиям, однако и после XX съезда КПСС его реабилитировали не полностью. Бахтин жил в это время в городе Саранске в Мордовии. Он мог не только преподавать в местном университете, где руководил кафедрой литературы, но и публиковаться в журналах. Однако его возможности общения с коллегами были ограниченны. Чтобы перебраться в Москву или Ленинград, нужно было решить вопрос не только с работой, но и с квартирой и пропиской, а это по тем временам не представлялось возможным без высокого покровительства. Вскоре после того как Андропова назначили Председателем КГБ, к нему обратилась группа писателей во главе с В. Кожиновым и В. Турбиным. Им помогла дочь Ю. В. Андропова Ирина, которая училась тогда на филологическом факультете в МГУ. Андропов внимательно выслушал одного из своих гостей — доцента В. Турбина и попросил немедленно принести ему «дело» Бахтина. Бегло просмотрев полученную тоненькую папку, Андропов обещал помочь. Вскоре 72-летний и уже тяжело больной ученый смог вернуться в Москву. Из Саранска его везли на машине, а по приезде в Москву поместили для лечения в Кремлевскую больницу. После больницы Бахтин некоторое время жил в доме инвалидов под Москвой, потом получил квартиру. Он написал здесь несколько новых статей и смог переиздать ряд ранее опубликованных книг. В 1975 году Бахтин умер, окруженный уважением и вниманием, и теперь заслуженно считается одним из классиков российской культуры.

Андропов продолжал следить за работой некоторых художников и скульпторов-модернистов, которых отвергало тогда официальное руководство Союза художников. Несколько художников-абстракционистов из Прибалтики получили при Андропове заказ на оформление ряда санаториев и служебных дач КГБ в Сочи и в других курортных районах страны. Известно, насколько трудно сложилась судьба одного из крупнейших скульпторов XX века Эрнста Неизвестного. Даже после резкого столкновения с Хрущевым в 1962 году художник не утратил возможности активно работать над некоторыми из своих проектов. Он руководил оформлением новых больших зданий в Средней Азии, одного из новых городов в Прибалтике, создавал самое значительное по размеру в нашей стране скульптурное панно в Доме электроники на проспекте Вернадского. Именно Неизвестный создал необычное по своей художественной выразительности надгробие на могиле самого Хрущева. Однако

нажим на него возрастал и работать становилось все труднее, ибо скульптор-монументалист должен иметь большую мастерскую, много помощников, хорошие материалы. Между тем его не только ограничивали в творчестве, но однажды, сломав замок в мастерской, перебили все его заготовки из гипса.

Как ни печально, эта ненависть исходила в первую очередь не от властей, а от коллег-скульпторов, работавших совсем в другом стиле; образцом их творчества может служить мемориал в Ульяновске, созданный к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, или мемориальный комплекс в Киеве, посвященный победе в Великой Отечественной войне. Эрнст Неизвестный решил покинуть СССР. Однако ему нужно было увезти с собой и многотонные скульптуры, заготовки, огромный художественный архив, для чего требовалось зафрахтовать специальный самолет. Неизвестному всячески мешали, даже за его собственные скульптуры, которые не разрешали выставлять ни на одной выставке, теперь от автора требовали заплатить огромную пошлину. По свидетельству скульптора, в конечном счете именно Андропов помог ему выехать за границу. Понимая, какого крупного художника теряет страна, Юрий Владимирович даже пытался сохранить за Неизвестным советское гражданство, и только по настоянию Суслова у него отобрали советский паспорт.

Оценивая отношения Андропова и КГБ с советской интеллигенцией, последний пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев, многие годы работавший в аппарате ЦК КПСС, писал: «По ряду личных качеств Андропов и впрямь лучше подходил для "работы" с интеллигенцией, чем такие "профессиональные" идеологи, как Суслов, Зимянин или заведовавшие отделом культуры ЦК Петр Демичев и Василий Шауро, не имевшие авторитета в творческой среде люди, отслуживавшие свой должностной срок в кабинетах и президиумах торжественных собраний и игравшие, в сущности, роль идеологических надзирателей, "комиссаров", приставленных к несознательным деятелям искусства… Напротив, Андропов даже в роли хозяина зловещего КГБ внушал интеллигенции наряду со страхом и определенное уважение масштабностью личности, трезвостью и откровенностью суждений, а также репутацией аскетичного ригориста. В чем-то, по-видимому, Андропову даже помогала его малопочтенная должность: Председателю КГБ не было нужды опускаться до примитивной демагогии, без чего не могли обойтись из-за служебных обязанностей идеологические руководители ЦК. Он мог позволить себе вести себя прямее и честнее, хотя явно жестче и суровее своих собратьев по Старой площади. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и традиционную

зачарованность сильными, тираническими личностями, угодливую готовность поддаться их гипнозу и раболепие, увы, столь распространенное среди российских интеллектуалов»[83].

Диссиденты. Новый отдел в КГБ

Хорошо помню, что смещение Семичастного и назначение Андропова вызвало тогда в кругах интеллигенции и особенно среди диссидентов положительные отклики и предсказания. Об Андропове говорили как об умном, интеллигентном и трезво мыслящем человеке. Его не считали сталинистом. Некоторые из известных тогда диссидентов предполагали, что назначение Андропова ослабит репрессии среди инакомыслящих, заметно возросшие в 1966 году и начале 1967 года. Именно тогда по инициативе КГБ в Уголовный кодекс РСФСР (и соответственно других республик) была внесена новая статья — 190 (1), в которой предусматривалась уголовная ответственность «за распространение ложных и клеветнических сведений, порочащих советский государственный и общественный строй». Хотя наказания по новой статье казались не столь суровы, как по статье 70 УК РСФСР, она была сформулирована слишком неопределенно, что позволяло привлекать к ответственности более широкий круг лиц. Среди диссидентов, возможно не без оснований, ходили слухи, что В. Семичастный после принятия новой статьи Уголовного кодекса попросил у Политбюро санкции на арест пяти тысяч человек, на которых уже завели дела в КГБ. Он обещал якобы, что после такой акции со всякими движениями диссидентов будет покончено. Андропов не возобновлял этого ходатайства и вел себя, конечно, более осторожно и осмотрительно. Однако ожидания диссидентов, связанные с переменами в руководстве КГБ, не оправдались.

Андропов отложил на несколько месяцев ряд судебных процессов над диссидентами, например по делу Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга. Их арест весной 1967 года вызвал очень много протестов, и к судебным процессам следовало, по мнению Андропова, лучше подготовиться. Не отложили, однако, судебный процесс по делу Владимира Буковского и Виктора Хаустова, приговоренных к трем годам лишения свободы за организацию одной из манифестаций на площади Пушкина. Если в Москве традиционным местом собраний и манифестаций стал памятник Пушкину, то в Киеве многочисленные манифестации происходили ежегодно у памятника Тарасу Шевченко — 22 мая, в годовщину перенесения праха поэта из России, где он умер, на его родину в украинский город Канев на Днепре. Эти манифестации разгонялись как «националистические», а часть организаторов подвергалась аресту и судебному преследованию. Особенно крупные репрессии обрушились на украинскую

интеллигенцию в мае 1965 года, но и в мае 1967 года несколько участников «шевченковской» манифестации были арестованы, часть из замеченных на демонстрации людей уволена с работы. Арестовали и львовского журналиста Вячеслава Черновила, который собрал сборник документов о репрессиях на Украине и распространил его под названием «Горе от ума» с именем составителя на обложке. Судебный процесс по делу В. Черновила происходил во Львове осенью 1967 года. Черновил выступал тогда как демократ и социалист. В своем последнем слове на суде он говорил: «Когда победила революция и началось строительство государства нового типа, Ленин постоянно требовал, чтобы как можно больше граждан принимали участие в руководстве государством и обществом, и в этом он видел единственную гарантию успешного развития социализма. "Социализм, — говорил Ленин, — не может вести меньшинство — партия. Его могут вести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами". Я попытался действовать в соответствии с этими ленинскими указаниями — и о результатах этой попытки вы мне сейчас сообщите». Львовский суд сообщил Черновилу и участникам процесса, что Черновил осуждается на три года лишения свободы.

Андропов рекомендовал изменить некоторые формы и методы борьбы с политической оппозицией. В записке, направленной 3 июля 1967 года в ЦК КПСС, ссылаясь на наращивание подрывных действий реакционных сил, он отмечал, что наши враги делают ставку «на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов… Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия». В этой связи Андропов предлагал создать как в Центре, так и на местах самостоятельные управления или отделы КГБ и возложить на них задачи «организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны»[84]. Политбюро одобрило предложение Андропова, и уже к концу июля сформировалось новое управление КГБ. Начальником стал недавний секретарь Ставропольского крайкома КПСС А. Ф. Кадашев. Одним из его заместителей назначен кадровый контрразведчик Филипп Бобков. Через два года Бобков возглавил Пятое управление и руководил

им в течение многих лет.

Понятие «идеологическая диверсия» с трудом поддается или не поддается вообще однозначному определению. В советской юридической литературе и в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР можно было прочесть следующее: «Идеологическая диверсия — это такие способы воздействия на сознание и чувства людей, которые направлены на подрыв, компрометирование и ослабление влияния коммунистической идеологии, на ослабление или раскол революционного и национально-освободительного движения и социалистического строя и осуществляются с использованием клеветнических, фальсифицированных или тенденциозно подобранных материалов как легальными, так и нелегальными путями с целью причинения идеологического ущерба»[85]. Мы видим, что все эти рассуждения и комментарии тесно связаны с характером советского общества 1960-х годов, которое можно определить как авторитарно-идеологическое, но отнюдь не демократическое.

Среди первых дел, которые приняло в свое ведение Пятое управление КГБ, оказались и дела Александра Солженицына и Андрея Сахарова.

В начале мая 1967 года завершалась подготовка к очередному, Четвертому всесоюзному съезду писателей, который должен был открываться 18 мая. Солженицын обратился к съезду с большим письмом, которое с помощью друзей было разослано 15–16 мая по 250 писательским адресам. Около 30 копий отправили в редакции различных газет и журналов. Каждое из этих писем Солженицын подписал собственноручно, и практически все делегаты съезда в день его открытия знали текст письма Солженицына, ставшего одним из главных событий в общественной и культурной жизни страны весной 1967 года, так как самиздат размножил его сразу же в тысячах копий. Уже 17 мая, за два дня до отставки, В. Семичастный направил в ЦК КПСС информацию о письме и его фотокопию. Дальнейшее наблюдение за деятельностью писателя, который впервые открыто выступил в качестве диссидента, перешло в руки Андропова. Хотя известность Солженицына была уже велика, мало кто знал подробности его личной и творческой биографии. Составлением обширной справки «О Солженицыне А. И.» пришлось заняться Пятому управлению КГБ. В этом документе, распространенном летом 1967 года среди работников ЦК КПСС, говорилось о семье и родителях писателя, его службе в армии, аресте в 1945 году, о местах заключения, а также о реабилитации и работе учителем математики в Рязани.

К лету 1967 года относится и первый разговор Ю. В.

Андропова с академиком А. Д. Сахаровым. Занимая высокие должности в мире секретной науки, Сахаров имел право пользоваться услугами особой правительственной связи и разговаривать без посредников с любым из министров. Его первый разговор с Андроповым состоялся летом 1967 года, вскоре после назначения того на пост Председателя КГБ. Речь шла о судьбе Юлия Даниэля. Вот как пишет об этом сам Сахаров: «В июне или июле 1967 года мне по просьбе М. А. Леонтовича передали конверт, в котором было письмо Ларисы Богораз — жены находившегося тогда в Мордовских лагерях Юлия Даниэля — о тяжелом положении ее мужа, с просьбой помочь, и статья, нечто вроде художественного репортажа о ее поездке к мужу в лагерь. Я как раз собирался улетать на объект и взял письмо с собой. Приехав на объект, я из своего кабинета по ВЧ позвонил Андропову. Сказал, что получил письмо, в котором сообщается о тяжелом положении Даниэля, просил его вмешаться и принять меры. Андропов сказал, что он получил уже 18 сигналов на ту же тему, что он проверит эти сообщения, а меня очень просит прислать подлинник полученного мной письма. Я спросил — зачем? Он ответил — ради коллекции. Я, однако, сделал вид, что не понял его слов о подлиннике и, перепечатав полученное письмо, послал Андропову копию. Через полтора месяца на московскую квартиру мне позвонил заместитель Генерального прокурора Маляров… и сказал, что тов. Андропов поручил ему проверить сообщение о Даниэле. Он осуществил эту проверку. В настоящее время мне нет оснований беспокоиться об этом деле, так как к 50-й годовщине Октябрьской революции будет широкая амнистия и Даниэль, так же как и Синявский, будет освобожден»[86]. Это обещание не было выполнено. Подготовленный правоохранительными органами Указ об амнистии существенно изменили на заседании Политбюро. В новом варианте документ уже не предусматривал амнистию политических заключенных.

Круг знакомых А. Сахарова в 1967 году был очень узким, и он не стремился тогда, а возможно, не имел права его расширять произвольно. Еще весной 1967 года мне передали домашний телефон А. Сахарова и его просьбу о встрече. Сахаров хотел прочесть мою работу о Сталине и сталинизме, которая еще не была завершена. Однако ее машинописный текст я давал читать некоторым писателям и ученым — с просьбой о замечаниях и дополнениях. Я позвонил Сахарову лишь через два-три месяца после повторной просьбы. Знакомство и встречи с ним могли, как мне казалось, усилить внимание «компетентных органов» к моей работе, я этого опасался. Мы встретились на квартире Сахарова в

Москве, и я спросил, прослушивается ли его квартира. Он считал это вполне вероятным, но не в целях слежки, а в целях охраны. «Мы проходим по другим ведомствам, которых не интересует история. В нашем доме всегда заперты чердак и подвал». Сахаров сказал, что раньше охрана была постоянной и явной. «Даже в булочную или во двор я не мог выйти без телохранителя». Но по просьбе ученого охрану сняли, хотя он не был уверен, что она не стала просто незаметной. Наша беседа длилась недолго, но через месяц, когда Сахаров прочел мою рукопись, мы встретились снова и разговаривали несколько часов. В ноябре и декабре 1967 года наши встречи были довольно частыми. Несколько раз Сахаров приезжал ко мне на такси. Он брал у меня и читал с большим интересом разные рукописи, статьи и материалы, которые распространялись тогда в самиздате. Эти встречи и беседы зафиксированы органами КГБ. Через 15 лет на одном из заседаний Конституционного суда по «делу КПСС» Сергей Шахрай передал мне копию докладной записки Андропова в ЦК КПСС, в которой говорилось о «близких отношениях, установившихся между Сахаровым и Медведевым». Андропов рекомендовал повлиять на Сахарова через министра среднего машиностроения Ефима Славского и академика Юлия Харитона. Однако эволюцию взглядов и поведения Сахарова уже никто и ничто не могло остановить.

50-летие ВЧК — ГПУ — НКВД — МГБ — КГБ

1967 год был «юбилейным». После торжеств по случаю 50-летия Октябрьской революции и Советской власти юбилеи следовали один за другим. В середине декабря отмечалось и 50-летие органов безопасности. Декрет о создании ВЧК был подписан Лениным 7 (20) декабря 1917 года. Этот юбилей чекисты отмечали вначале в своем кругу. Многие из собравшихся говорили между собой и об Андропове. За два дня до торжеств Семен Цвигун отправил на квартиру нового Председателя КГБ ящик азербайджанского коньяка. Но посланца отправила назад вместе с коньяком жена Андропова. Этот факт получил огласку. 20 декабря юбилей органов государственной безопасности отмечался на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов. Доклад сделал Андропов. Он принимал поздравления и приветствия от многих людей и учреждений и в первую очередь от ЦК КПСС. Брежнев был доволен, Ю. В. Андропов оправдал его ожидания. Никто не думал тогда, что Андропов будет находиться на своем посту еще долгие 15 лет.

Начало и конец «Пражской весны»

Еще осенью 1967 года главным источником беспокойства для советских лидеров стала Чехословакия, которая считалась ранее одним из самых прочных звеньев социалистической системы.

В годы Отечественной войны эмигрантское правительство Чехословакии, возглавляемое Э. Бенешом, сотрудничало с СССР и странами антигитлеровской коалиции. В Чехословакии не устанавливался поэтому оккупационный режим, и отсюда были выведены как американские, так и советские войска. Промышленный потенциал Чехословакии почти не пострадал в годы войны, это была страна с развитой экономикой и прочными демократическими традициями. Армия ЧССР считалась одной из наиболее сильных и дисциплинированных армий в Европе.

Известно, что сталинский террор 1948–1952 годов захватил и Чехословакию. Тысячи граждан страны были арестованы, многие из них умерли в заключении или были казнены. В тюрьмах оказались и такие видные деятели КПЧ, как Йозеф Смрковский, Густав Гусак, Эдвард Гольдштюккер, Владимир Клементис, Мария Швермова. Репрессии проводились с ведома и одобрения президента ЧССР Клемента Готвальда и первого секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского. Но в 1951 году сам Сланской и группа его сотрудников оказались осуждены на смерть.

Клемент Готвальд простудился на похоронах Сталина и умер в апреле 1953 года. Положение в стране начало меняться. 1956 год прошел в Чехословакии относительно спокойно. Хотя новый лидер КПЧ Антонин Новотный принимал участие в репрессиях прежних лет, он санкционировал реабилитацию и освобождение почти всех политических заключенных. Отменялись и приговоры суда по делу Сланского. При поддержке Хрущева Новотный стал президентом ЧССР. Но в это же время в составе ЦК, а затем и Президиума ЦК КПЧ появился Александр Дубчек. В политическую деятельность стали включаться и недавние политзаключенные. В то самое время как в Советском Союзе после октябрьского Пленума 1964 года начался консервативный поворот, в Чехословакии набирало силу движение против сталинизма в идеологии и культуре: здесь множились предложения о реформах в политике и экономике. Это движение в противоположных направлениях создавало возможность конфликта, хотя опасность такого хода событий еще не сознавали ни в Москве, ни в Праге.

Информация, которую КГБ получал от своей резидентуры в посольстве Советского Союза в Праге, была не особенно обширной и достаточно односторонней. Органы безопасности

СССР не вели систематической разведки и не создавали агентурной сети в социалистических странах Европы, у которых как у членов единого социалистического лагеря не имелось, казалось бы, никаких секретов от своего «старшего брата». Исключением здесь были только Югославия и Албания. Обширная информация о положении дел в странах Восточной Европы поступала через партийные органы, структуры Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, по обычным дипломатическим каналам и через систему ТАСС. Органы безопасности СССР активно сотрудничали и обменивались опытом с органами безопасности всех стран Варшавского Договора; нередкими были также их совместные операции в западных странах и странах «третьего мира». Юрий Андропов, еще как секретарь ЦК, хорошо знал руководителей ЧССР и КПЧ и внимательно наблюдал за развитием общественно-политической ситуации в этой стране. Однако именно летом 1967 года, когда Андропов занимался делами КГБ, в развитии общественного сознания Чехословакии произошел сдвиг, все значение которого было осознано гораздо позднее. Волна антисталинизма, демократических требований и экономического реформаторства привела к изменению в соотношении сил в руководстве КПЧ. Осенью 1967 года наибольшее влияние в стране обрела группа коммунистов-реформаторов во главе с Александром Дубчеком и Й. Смрковским, возглавившим Федеральное собрание ЧССР. В Словакии наиболее значительной политической фигурой становился Г. Гусак. Брожение внутри партии и общества усилились настолько, что А. Новотный и его ближайшее окружение стали терять контроль.

Еще в июле 1967 года президент ЧССР «жаловался» в Москве на Дубчека и на Гусака. Однако Брежнев прямо сказал Новотному: «То, что делается у вас в стране и в партии, это ваше внутреннее дело — сами и разбирайтесь!» Ответный визит Брежнева в Прагу в декабре не прояснил ситуации. Было очевидно, что Брежнев относится к Новотному с раздражением. Но он также не выразил предпочтения ни одной из других группировок, образовавшихся в партийном руководстве Чехии и Словакии. На обращенный к нему вопрос, кого бы ЦК КПСС рекомендовал на пост главы КПЧ, Брежнев ответил: «Это ваше дело»[87]. Слова Брежнего решили участь Новотного.

В январе 1968 года Первым секретарем ЦК КПЧ был избран А. Дубчек. Через несколько месяцев Новотный потерял и пост президента. Сменил его 73-летний генерал Людвиг Свобода, который пользовался авторитетом не только в Чехословакии, но и в советских военных кругах. Л. Свобода командовал

чехословацким корпусом на советско-германском фронте и был знаком с генерал-майором Л. Брежневым. По Конституции ЧССР полномочия президента не слишком велики, и реальная власть в стране оказалась в руках Дубчека, поддержка которого в широких кругах населения быстро росла. В Чехословакии ширилась кампания по осуждению сталинизма и политических репрессий прошлых лет. Печать была полна подробностей работы карательных органов времен Готвальда, фактов коррупции в аппарате партии и государства. Фактически, а позднее и формально в стране прекращалось действие цензуры; в органах массовой информации шел свободный обмен мнениями, появлялись новые журналы и газеты. Широко обсуждались проблемы коренной экономической реформы.

Перемены в Праге вызывали растущую озабоченность не только в Москве, но и в Варшаве и ГДР. В конце марта 1968 года в Дрездене прошло совещание лидеров стран Варшавского Договора по проблемам Чехословакии. Здесь были Вацлав Гомулка, Вальтер Ульбрихт, Тодор Живков, Янош Кадар, Брежнев и Дубчек. Не был приглашен только Николае Чаушеску из Румынии. Дубчек заверял присутствующих в том, что коммунисты прочно контролируют положение в Чехословакии. Однако участников встречи больше всего беспокоила политика самого Дубчека и КПЧ.

Как Председатель КГБ Ю. Андропов не мог участвовать в этой работе в качестве официального члена советской делегации. Но он внимательно следил за развитием событий, собирал и изучал информацию и участвовал во многих обсуждениях ситуации. В окружении Брежнева на переговорах появился, однако, недавний первый секретарь Горьковского обкома партии Константин Катушев. Он выдвинулся еще в 1950-е годы как конструктор танков, но затем перешел на партийную работу. Именно Катушев был избран весной 1968 года на пост секретаря ЦК КПСС по международным делам, который ранее занимал Ю. Андропов.

Апрель стал во многих отношениях решающим месяцем «Пражской весны». Дубчек заявил, что страна и партия вступают в новый этап социалистической революции и нужно придать сознательность и планомерность идущему в стране процессу обновления, чтобы избежать крайностей и возродить авторитет КПЧ, подорванный в прежние годы. Пленум ЦК КПЧ утвердил «Программу действий», в которой давался краткий анализ происходящего кризиса и намечались пути демократической перестройки всех областей общественной и экономической жизни. Новое правительство страны возглавил Олдржих Черник, его заместителями стали О. Шик и Г. Гусак. В стране наблюдался

подъем духа, повсюду шли многолюдные собрания. В рамках Национального фронта возрождалась деятельность других партий, существовавших долгое время лишь формально. Бурный рост общественной активности и критики шел, однако, не во вред, а на пользу КПЧ; в партию вступали десятки тысяч новых членов, преимущественно из молодежи. Авторитет ЦК КПЧ быстро возрастал, а Александр Дубчек превратился в национального героя. Далеко не все в ЦК КПЧ и среди актива партии разделяли идеи «пражской весны». Здесь была группа радикалов, для которых апрельская «Программа действий» казалась уже недостаточной. Давала знать о себе и группа противников реформ — «консерваторов», возглавляемая Василем Биляком и Алоизом Индрой. Не менее 40 процентов членов ЦК придерживались промежуточных позиций: весной 1968 года эти люди поддерживали Дубчека, но эта поддержка не всегда была прочной. Некоторые из известных ранее партийных и государственных деятелей ушли в тень, покинули свои посты или даже вышли из партии. Один из членов Верховного суда покончил с собой.

События 1968 года показали не только достоинства, но и недостатки А. Дубчека. Он не сумел консолидировать власть в стране и не устранил с важных постов не только скрытых, но и открытых противников реформ. С другой стороны, он не смог обозначить ясную границу между реформаторами- социалистами и множеством групп, которые выступали против социализма и против Советского Союза. «Авторитет Дубчека, — писал позднее его соратник Зденек Млынарж, — укреплялся с космической скоростью. Это было неожиданностью не только для окружавших его в Праге людей, но и для Москвы… Было чему поражаться: первый секретарь компартии становится героем всенародного движения за гуманизм и демократию. В истории коммунистического движения такого еще не было… У Дубчека были не только положительные качества, но и недостатки. Прежде всего он был нерешительным. Он оттягивал принятие решений даже тогда, когда необходимо было реагировать немедленно. Это было оборотной стороной стремления Дубчека "убедить товарищей". В ряде ситуаций, когда уже были известны все "за" и "против" и когда решение зависело только от него, Дубчек все еще колебался, нерешительно лавируя не только между различными группами в КПЧ, но и в конфликтах между Москвой и Прагой. И все же ореол Дубчека оказался решающим фактором, так что даже противники реформ не только не осмеливались выступить против Дубчека, а, напротив, старались перетянуть его на свою сторону»[88].

Не было ясной позиции в отношении «Пражской весны» и Дубчека и в руководстве КПСС. Из членов Политбюро в пользу умеренности и сдержанности выступали А. Косыгин, Н. Подгорный и М. Суслов. В пользу решительных действий против «ревизионистов» из КПЧ, не исключавших и военное вмешательство, выступали А. Кириленко, А. Шелепин, К. Мазуров и особенно украинский лидер П. Шелест. Брежнев колебался, хотя именно он должен был принимать главные решения. Явно в группе «ястребов» находились советские маршалы, а также В. Ульбрихт и В. Гомулка, которые оказывали на Брежнева сильное давление. Среди сторонников «решительных мер» был и Юрий Андропов. Георгий Арбатов позднее писал: «На основании того, что я слышал, могу сказать, что среди сторонников "решительных мер", к сожалению, был и Ю. В. Андропов, у которого после событий в Венгрии в 1956 году сложился определенный синдром нетерпимости, может быть связанный с убежденностью в том, что нерешительность и затяжки ведут к более серьезному кровопролитию»[89]. Это свидетельство существенно расходится, однако, со свидетельством сына Ю. Андропова, профессионального дипломата Игоря Юрьевича Андропова. Он писал, полемизируя с Арбатовым: «Я не "слышал", а знаю точно, что позиция Андропова в 1968 году была значительно более многоплановой. Никаких параллелей между обстановкой в Венгрии 1956 года и "пражской весной" Ю. В. не проводил. Наоборот, говорил мне о неоднородности этих событий. Во-первых и главное — разные лозунги. В Чехословакии на повестке дня стоял вопрос о "совершенствовании социализма" (при всей неопределенности платформы) и активности социалистических элементов, которые, однако, не представляли большинства. В Венгрии уже через неделю события приняли антисоциалистический характер. Во- вторых, в Венгрии возмущение шло снизу, в Чехословакии идеи "реформирования социализма" проводились сверху. В-третьих, чехословацкие друзья пока крепко держали ситуацию в социалистическом русле. Значит, говорил Ю. В., с ними надо работать. В истории, говорил Ю. В., "ситуации- близнецы" практически не бывали, а тут, мол, вообще ничего похожего; военное вмешательство, с учетом венгерского резонанса, *нежелательно "до невозможности"* (курсив И. Ю.). Но, естественно, следить за событиями и работать с друзьями "до упора" необходимо. Вот, в общих чертах, была позиция Ю. В., и именно в этом плане он, в силу ограниченных своих возможностей, пытался воздействовать на Брежнева. Андропов считал роль Шелеста в "Пражской весне" неуместной, а его дальнейшую несдержанность пагубной для процесса

переговоров»[90].

В конце мая пленум ЦК КПЧ решил созвать через 2–3 месяца чрезвычайный съезд партии, чтобы закрепить демократические реформы в стране и изменить состав партийного руководства. Это очень обеспокоило «здоровые силы» в КПЧ и советских лидеров. Именно в конце мая 1968 года с согласия ЦК КПСС в советских военных кругах стал разрабатываться план вооруженного вмешательства в дела ЧССР. Под предлогом летних маневров к западным границам Советского Союза начали подтягиваться войска. 23 мая 1968 года ночью в одном из небольших поселков на словацко-украинской границе состоялась первая конфиденциальная встреча Петра Шелеста и Василя Биляка. Шелест не только выслушал, но и записал на магнитофон подробную информацию словацкого лидера. Биляк просил о постоянной связи и помощи «здоровым силам». Шелест передал все записи Брежневу и Андропову, которому было поручено обеспечить продолжение этих контактов. В июле Шелест пригласил Биляка на отдых в Крым, но тот опасался открытых связей и просил о тайной встрече. Брежнев был информирован о желании Биляка встретиться с Шелестом как полномочным представителем Политбюро. Петр Ефимович записывал в своем дневнике: «20 июля. Воскресенье. Во второй половине дня позвонил Брежнев и сказал, что я должен сегодня же вылететь в Будапешт для встречи с Я. Кадаром. "Он тебе все расскажет, как надо действовать… У тебя должна состояться встреча на Балатоне с Биляком. Он там отдыхает с группой. Надо вести себя осторожно, незаметно, чтобы не привлечь внимания остальных чехословаков. Действуй самостоятельно, ориентируясь по обстановке и настроению Биляка"»[91].

Шелест вылетел в Венгрию тайно на военно-транспортном самолете. С ним были техники из КГБ с приборами скрытой записи. Он приземлился на военном аэродроме близ Будапешта. Его встреча с Кадаром также была тайной и продолжалась более двух часов. На дачу Кадара у озера Балатон Шелест прибыл к 10 часам вечера. Биляк был извещен о приезде Шелеста, но отказался идти на дачу и просил выйти на берег озера в условленное место. Лидеры двух республик — Украины и Словакии — вели себя как тайные агенты. «Я вышел на набережную, — записывал Шелест, — темень, шум волн, ветер, трудно даже на близком расстоянии узнать человека, тем более расслышать его голос. Назначенное время истекает, а Биляка нет… Через некоторое время появился Василь, я его окликнул, он отозвался. Так мы встретились». На берегу озера невозможно было вести записи беседы, и Шелест уговорил Биляка пройти на

дачу. Они говорили друг с другом до 5 часов утра. Биляк просил о помощи, требовал решительных действий. Шелест ответил, что Москва готова к самым крутым действиям, но нужно, чтобы и «здоровые силы» не сидели сложа руки. «Почему вы активно не действуете?» Биляк подумал и ответил: «Мы боимся, что нас обвинят в измене родине. Мы готовы всеми способами вас поддержать, но что нам делать, мы не знаем». Шелест сказал: «Нам нужно от вас письмо, в котором была бы изложена ваша просьба о помощи. Мы даем полную гарантию, что письмо не будет обнародовано и его авторы не будут известны». Биляк обещал подготовить такое письмо как можно быстрее[92].

В Москве, однако, не было пока единого мнения. Брежнев и Косыгин предложили провести еще одну встречу с лидерами КПЧ. Это предложение, однако, вызвало возражение у некоторых членов Политбюро. На заседаниях Политбюро еще со времен Ленина не велась стенографическая запись. Делались лишь короткие рабочие записи самими участниками. Этот порядок сохранился и при Брежневе. Правда, рабочие записи стали более подробными и хранились в архиве Политбюро в качестве официальных документов. Очень многие из этих документов в настоящее время опубликованы. Мы знаем, например, что 19 июля 1968 года на заседании Политбюро подробно обсуждался вопрос о целесообразности новой двусторонней встречи с лидерами Чехословакии. Брежнев ясно показал в своем выступлении, что он сторонник политического давления на ЦК КПЧ, что он с большой осторожностью относится к перспективе применения «крайних мер». С ним согласился Косыгин, который считал, что двусторонняя встреча может стать формой оказания политического давления.

Однако позиция Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР не разделялась рядом участников заседания. Они полагали, что уже пора переходить к крайним мерам. Возникла даже полемика. Так как напрямую критиковать генерального секретаря не полагалось, то объектом критики стал Косыгин. Председатель КГБ СССР Андропов заявил: «Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступаете на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением… Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас».

«Я хотел бы также ответить т. Андропову, — возражал Косыгин, — я на вас не наступаю, наоборот, наступаете вы. На

мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем что-то похожее на Австрию»[93]. Андропова поддержали на этом заседании Устинов, Мазуров и Капитонов. Кроме Мазурова все они были еще кандидатами в члены Политбюро, а Капитонов лишь одним из секретарей ЦК. В задачу Андропова входило информирование партийного руководства о взглядах и настроениях населения страны по поводу тех или иных аспектов советской политики. В информационной записке КГБ в ЦК КПСС от 24 июля 1968 года Андропов сообщал о реакции населения СССР на решения июльского Пленума ЦК о событиях в ЧССР. Пользуясь случаем, Андропов давал в этой записке и свои комментарии. «Существующее положение в Чехословакии, — писал он, — требует немедленного вовлечения рабочего класса и народной милиции в борьбу с антисоциалистическими силами, а при необходимости — и создания рабочих революционных отрядов»[94]. Эти предложения не соответствовали, однако, тем настроениям, которые преобладали летом 1968 года в рабочем классе Чехии и Словакии.

Решение о новой встрече делегаций КПСС и КПЧ было принято. На этой не совсем обычной встрече на границе между Чехословакией и СССР в местечке Чиерна-над-Тиссой должны были встретиться полные составы Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ. Подготовка возлагалась на Андропова и Шелеста. «25 июля, — записывал в своем дневнике Шелест, — из Москвы позвонил Андропов, переговорили по вопросам размещения, санитарных условий, охраны, питания. Окончательно остановились на варианте Чиерны-над-Тиссой. Андропов доверительно сообщил мне, что дела в Чехословакии еще более усложняются, но двойственную позицию занимают некоторые товарищи из Политбюро. Назвал фамилии Суслова, Косыгина, Подгорного. Брежнев ищет опору. У него появилась какая-то растерянность, нерешительность, вокруг него образовывается сложная ситуация. Я сказал Андропову, что мое мнение по этому вопросу известно. Надо переходить от бесконечных разговоров к конкретным делам. Андропов с моими соображениями согласился»[95].

Встреча в Чиерне продолжалась пять дней — с 28 июля по 1 августа. Согласно коммюнике, она «проходила в обстановке полной откровенности и взаимопонимания и была направлена на поиски путей дальнейшего развития и укрепления традиционных дружеских отношений между нашими народами и партиями». На

самом деле переговоры шли в атмосфере жесткой полемики и даже угроз. Одно из заседаний было прервано, так как Шелест обрушился с грубыми нападками на лидеров КПЧ, обвинив их в предательстве коммунистических идеалов и солидарности. Чехословацкая делегация покинула в знак протеста Чиерну и вернулась лишь после извинений со стороны советской делегации. 1 августа на заключительной личной встрече Брежнева и Дубчека было решено продолжить переговоры, но уже с участием лидеров других социалистических стран. Местом встречи избрали Братиславу.

Дубчеку и его соратникам казалось, что Брежнев искренне хочет мирного разрешения конфликта. Такой же вывод содержался в материалах западных аналитических центров и американской разведки. На самом деле никакого согласия не было, а в ряде вопросов разногласия обострились. В последние дни июля, отдыхая в городе Обнинске Калужской области у своего брата, я с удивлением наблюдал непрерывно идущие на запад эшелоны с солдатами и техникой. Осведомленные люди говорили мне в начале августа, что вопрос о военном вмешательстве предрешен. Дубчек учитывал такую возможность, но считал ее незначительной. Советские лидеры прибыли в Братиславу 2 августа, и Шелест напомнил Биляку об обещанном письме. Через сутки это желанное письмо от «здоровых сил» находилось уже в руках Шелеста. В его дневнике на этот счет можно прочесть: «3 августа 1968 года. К вечеру я встретился с Биляком. Мы условились, что в 20.00 он заходит в общественный туалет, там должен появиться и я, и он мне через работника КГБ Савченко передаст письмо. Так и было. Мы встретились "случайно" в туалете, и Савченко незаметно, из рук в руки, передал мне конверт, в котором было долгожданное письмо. В нем излагалась обстановка в КПЧ и в стране, разгул правых элементов, политический и моральный террор против коммунистов, стоящих на правильных позициях. Завоевания социализма находятся под угрозой… В письме высказывалась просьба, чтобы мы в случае надобности вмешались и преградили путь контрреволюции, не допустили гражданской войны и кровопролития. Письмо подписали: Индра, Биляк, Кольдер, Барбирек, Калек, Риго, Пилер, Швестка, Кофман, Ленарт, Штроугал». Прочитав письмо, Шелест передал его Брежневу, который взял документ трясущимися руками, бледный, растерянный и потрясенный. «Спасибо тебе, Петро, — сказал Брежнев. — Мы этого не забудем»[96]. Итак, одно из самых важных событий в истории СССР и мирового коммунистического движения получило начало в общественном туалете гостиницы

«Интурист» на окраине Братиславы. Поистине, от великого до смешного только один шаг.

Подлинник письма, полученного П. Шелестом, а также его отредактированные в ЦК КПСС варианты были еще в конце 1990 года по инициативе М. Горбачева переданы новым чехословацким лидерам. Они опубликованы в независимой газете «Лидове новины». Комментарии по этому поводу, а также подробные и пространные выдержки из переписки Брежнева и Дубчека летом 1968 года появились еще в 1991 году в газете «Известия» от 12 февраля и 14 августа. Из этих публикаций мы видим, как менялись стиль, тон и содержание писем Брежнева. В письмах апреля — мая 1968 года Брежнев обращается к Дубчеку на ты и пишет «Дорогой Александр Степанович!» или даже «Дорогой Саша!» По свидетельству посла СССР в Праге С. В. Червоненко, Брежнев писал эти письма под диктовку членов Политбюро не на машинке, а от руки. «Мы садились за стол в один ряд, — рассказывал Червоненко, — а Брежнев против нас. Чтобы придать больше доверительности, решили не на машинке писать письмо Дубчеку. Брежнев садился и писал своей рукой. Мы обсуждали все фразы вместе, и он пишет "Александр" или "Саша"… "Дорогой Александр Степанович! — выводил слова Брежнев под диктовку членов Политбюро. — Я искренне надеюсь, что ты поймешь и извинишь мою откровенность, зная, что она вытекает из добрых чувств. Как своему товарищу, хочу высказать некоторые мысли, которые меня беспокоят…" Эти письма Брежнева Дубчеку отправляются не по дипломатическим или партийным каналам. Чтобы создать доверительную атмосферу, посылали в Прагу специального человека»[97].

В середине августа тон и характер писем Брежнева изменился. В послании от 16 августа 1968 года Брежнев обращается к Дубчеку на вы и обвиняет его в невыполнении договоренностей Чиерны-над-Тиссой. «В Чиерне-над-Тиссой, — писал Брежнев, — Вы твердо заявили нам, что Вами будут освобождены от обязанностей тт. Кригель, Цисарж, Пеликан. В беседе по телефону по этому вопросу Вы почему-то проявили нервозность. Трудно было понять, чем она вызвана, и тем более я не понял, что предпринимается в этом направлении. Я не хочу давать преждевременные оценки тому, на что это промедление рассчитано, и поэтому решил просить Вас ответить мне через т. Червоненко»[98].

Нервозность Дубчека была, однако, понятна, а требования Брежнева и Политбюро ЦК КПСС удивляют своей неадекватностью. Франтишек Кригель в то время был не только членом Президиума ЦК КПЧ, но и занимал выборный пост

Председателя Национального фронта ЧССР. Честмир Цисарж был секретарем ЦК КЦСС по идеологии и также членом Президиума ЦК КПЧ. Оба они участвовали в переговорах в Чиерне-над-Тиссой, и непонятно, как мог Дубчек принимать на себя обязательство об их смещении. Это мог сделать только пленум ЦК или съезд КПЧ, но отнюдь не под давлением Брежнева. Не мог Дубчек убрать с политической арены и популярного в партии и стране Иржи Пеликана. Для этого также нужна была понятная для всех причина. В любом случае все эти проблемы не могли служить убедительным мотивом для отказа советского руководства от переговоров и для военного вмешательства. Между тем войска Варшавского Договора занимали уже исходные позиции на границах Чехословакии.

Письмо, полученное Шелестом и Брежневым, не имело юридического значения: подписавшие его лица не были руководителями страны и партии. Но для советских лидеров это не казалось важным, ибо именно люди, подписавшие письмо, должны были после советского вмешательства возглавить КПЧ и ЧССР. Алоиз Индра был намечен на пост Первого секретаря ЦК КПЧ, Василь Биляк должен был возглавить правительство Чехословакии, а Драгомир Кольдер — заменить Кригеля на посту Председателя Национального фронта. Президентом ЧССР предполагалось оставить Л. Свободу. С получением «письма» вопрос о вступлении войск Варшавского Договора в Чехословакию был решен окончательно, и никакие новые переговоры и контакты не могли ничего изменить.

Считается, что чехословацкие руководители ничего не знали о советском вторжении до его начала. Это не так. В СССР хотели исключить возможность сопротивления со стороны армии и пограничников ЧССР. Поэтому министр обороны СССР маршал Андрей Гречко лично предупредил министра обороны ЧССР генерала Дзура о предстоящем вступлении советских войск, а также немецких, польских и венгерских подразделений на территорию ЧССР. Гречко без обиняков сказал Дзуру, что он пожалеет, если со стороны Чехословацкой армии прозвучит хотя бы один выстрел. Дзур подчинился, но он не мог не отдать на этот счет необходимых приказов. Накануне вторжения Брежнев позвонил и президенту ЧССР Л. Свободе, попросив того отнестись с пониманием к предстоящей акции, дабы не вызывать вмешательства НАТО. Заранее знали о вторжении и некоторые высшие офицеры службы безопасности ЧССР, они срочно создавали группы поддержки. Под видом туристов в Прагу начали прибывать офицеры КГБ и ГРУ. У каждой из таких групп была какая-то своя конкретная задача. Были предупреждены о

предстоящем вторжении и главные фигуры из так называемых «здоровых сил».

17 августа я узнал от друзей, что Брежнев и Косыгин вернулись в Москву из Крыма, прервав отпуск. В Москве началось расширенное заседание Политбюро с участием военных. Ничего, казалось бы, не произошло после встречи в Братиславе, но тон печати стал более резким. С 17 по 20 августа в Москве непрерывно проходили совещания на самых высоких уровнях, и это обстоятельство не предвещало ничего хорошего. Мысль о вторжении в Чехословакию витала в воздухе. Вечером 20 августа я был в гостях у известного кинорежиссера Михаила Ромма на его даче в Пахре. Мы говорили почти исключительно о Чехословакии. Ромм ждал вторжения, но я надеялся на мирное разрешение конфликта, оккупация ЧССР казалась мне бессмысленным и губительным актом. Очень скоро выяснилось, что Ромм был более точен в своих ожиданиях.

По чехословацкому времени вторжение войск Варшавского Договора началось 20 августа в 23 часа. Приказ требовал подавления всех очагов сопротивления, и орудия были готовы к бою. Но сопротивления нигде не было, не считая нескольких одиночных выстрелов, что могло быть и актом отчаяния, и провокацией. Население наблюдало идущие по дорогам войска с удивлением и гневом. Солдатам не давали воды, с ними не вступали в контакты. На перекрестках жители снимали указатели, закрывали названия улиц, даже номера домов. Пограничники не вмешивались: многие из них считали, что речь идет о плановых перемещениях войск Варшавского Договора или о крупных учениях. Армия ЧССР была поднята по тревоге, но не покидала мест своей дислокации, солдаты оставались в казармах.

Еще вечером 20 августа большая группа «туристов» из ГРУ и КГБ захватила Рузский аэропорт близ Праги, на который через несколько часов стали прибывать военно-транспортные самолеты. Шум моторов этой армады слышала вся столица. Началась высадка воздушно-десантных войск и частей Таманской танковой дивизии. Вскоре мощная колонна двинулась, не встречая сопротивления, к центру Праги. С чисто военной точки зрения, как отмечали позднее западные специалисты, операция по оккупации ЧССР была проведена четко, быстро, точно и эффективно, хотя в ней было задействовано около 700 тысяч человек.

Днем 20 августа в здании ЦК КПЧ началось заседание Президиума ЦК. Многие ждали вторжения, но Дубчек, ссылаясь на заверения Брежнева, надеялся на чудо. Сообщения о начале вторжения пришли сразу с разных сторон. У Дубчека было еще

много противников в ЦК КПЧ и в Президиуме ЦК. Здесь было немало людей с не вполне четко обозначенной позицией. Биляк предупреждал Брежнева, что в критический момент за Дубчека будут голосовать только 5 членов Президиума ЦК из 11. Эти расчеты на перевес «здоровых сил» были опрокинуты волной возмущения грубым попранием прав ЧССР и КПЧ. Семь членов Президиума ЦК КПЧ проголосовали за Обращение к стране, предложенное Дубчеком. Биляк и Индра поспешили в советское посольство, которое превратилось в штаб «здоровых сил». Здесь собралось около 20 членов ЦК КПЧ. Но даже авторитетный в стране Любомир Штроугал отказался поддержать Биляка и Индру. Между тем заседание Президиума ЦК КПЧ продолжалось, и Дубчек дал согласие на срочный созыв партийного съезда, делегаты на который были уже избраны по всей стране. К 4.30 утра здание ЦК было окружено плотным кольцом советских солдат, бронемашин и танков. Отряд парашютистов вошел в здание, телефоны молчали, на руководителей КПЧ направили дула автоматов. Несколько часов никто не знал, что делать дальше. На площади собралась огромная толпа, люди пели гимн ЧССР, скандировали имя Дубчека. Один из граждан был убит, несколько человек ранено. Лишь в 9 часов утра в кабинет Дубчека вошла группа работников безопасности Чехословакии, объявив, что Дубчек, Смрковский, Кригель и Шпачек арестованы от имени «революционного трибунала», которым руководит Алоиз Индра. Арестованных увели. Вскоре стало известно об аресте премьера Черника и еще нескольких человек. Остальные могли разойтись.

Весь день 21 августа Брежнев, Косыгин, Андропов и Гречко получали множество противоречивых сообщений из Чехословакии. Не только Прага, но также Братислава, Брно и другие города представляли море негодующих людей, в кольце которых находились танки и солдаты Советской армии и других частей Варшавского Договора. Войска не могли и не имели права и повода разгонять массовые манифестации, они пришли помогать друзьям. Специальные выпуски газет и пражское радио призывали граждан к спокойствию и просили не строить баррикад и не выходить без нужды из дома. С призывом к спокойствию обратился к стране и Л. Свобода. Советские десантники в Праге находились в полной изоляции, их окружала враждебная, но не агрессивная толпа, были случаи, когда молодые люди бросались под танки. Горожане не давали солдатам пить, не разрешали пользоваться туалетами, что создавало трудности при 30-градусной жаре. Любители забивали передачи военных радиостанций. Среди офицеров и солдат росло недоумение и недовольство. Вместе с войсками в Прагу прибыл

член Политбюро и заместитель премьера СССР Кирилл Мазуров. Он находился здесь под именем «генерала Трофимова», хотя на нем была форма полковника. Он имел все полномочия и поддерживал постоянную связь с Косыгиным и Брежневым. Но и он не знал, что делать: обстановка в стране и в Праге не соответствовала плану, наспех разработанному в Москве. «Здоровые силы» попрятались по углам или даже примкнули к манифестациям протеста. В ночь с 21 на 22 августа в посольстве СССР, а затем в одной из гостиниц были предприняты попытки создать новое — «рабоче-крестьянское правительство Чехословакии» во главе с А. Индрой. Эти попытки провалились. Было очевидно, что народ отвергнет любое созданное в посольстве антидубчековское правительство. Гораздо успешнее действовали противники оккупации. Оставшиеся на свободе 22 министра во главе с заместителем премьера Любомиром Штроугалом объявили, что берут управление страной в свои руки. Хотя подпись Штроугала стояла на письме, переданном Шелесту в туалете в Братиславе, об этом никто не знал, да и сам Штроугал отказался от контактов со своими недавними единомышленниками. 22 августа в пригороде Праги на одном из крупных заводов и под охраной рабочей милиции собрался Чрезвычайный съезд КПЧ. Сюда не успели прибыть делегаты из Словакии, но они составляли меньшинство, а медлить было нельзя. Съезд принял ряд документов с оценкой ситуации и избрал новый состав ЦК КПЧ.

Во главе военной акции 20–21 августа стоял генерал армии Иван Павловский, командующий сухопутными войсками СССР. 22 августа Павловский отдал приказ войскам Варшавского Договора покинуть небольшие города и поселки, прекратить блокаду правительственных зданий, сосредоточившись в парках и на площадях больших городов. Генерал настоятельно просил Политбюро незамедлительно найти какое-то политическое решение. Но в Политбюро не знали, что делать. Все тот же Шелест записывал в дневнике: «22 августа 1968 года. Наступило почти катастрофическое положение. Наши войска в Чехословакии, а порядки там правых, антисоветских элементов. ЦК, правительство, Национальное собрание выступают против нас, требуют немедленного вывода войск из страны. Подавлять все силой — чревато опасностью вызвать в стране гражданскую войну, возможное вмешательство НАТО. Оставаться в бездействии — значит обречь себя на позор, презрение, показать наше бессилие… Это результат мягкотелого, неорганизованного действия, и в этом прежде всего виноват Брежнев. В Киеве распространяются листовки, где поддерживается Чехословакия.

Ползут слухи, что Брежнев снят с работы»[99].

Утром 22 августа Брежнев дал указание КГБ тайно вывезти из Чехословакии Дубчека и его товарищей на Украину. Председатель КГБ Украины получил указание от Андропова держать этих людей в изоляции, но не в тюрьме, обеспечить охрану, безопасность и хорошее питание. Лидеров КПЧ доставили в Ужгород, а отсюда отдельно друг от друга в бронетранспортерах — в местечко Каменец в загородные особняки «особого назначения». По докладам сопровождающих лиц и охраны, Дубчек и Черник вели себя нервозно, требовали сказать, что с ними будет, иногда плакали. Смрковский и Кригель вели себя дерзко, вызывающе, заявляли протесты. Шпачек и Шимон были безразличны, но держались с достоинством. Их изоляция продолжалась, однако, только до вечера 23 августа.

23 августа президент ЧССР принял решение лететь в Москву. Для встречи Свободы в аэропорт Внуково выехал Косыгин. Вместе со Свободой в Москву прибыли Гусак, Биляк, Дзур, Индра. В Кремле Свобода отказался вести переговоры, ультимативно потребовав освобождения Дубчека и других и включения их в чехословацкую делегацию. Он, Свобода, не может вернуться в страну без ее законных руководителей. В противном случае ему, как офицеру, остается только одно — застрелиться в своей московской резиденции. Брежнев был вынужден уступить. Все «политические заложники» были доставлены в Москву.

Переговоры начались в Кремле 24 августа. Состав делегаций был почти тем же, что и в Чиерне-над-Тиссой, но обстановка и настроение людей иными. Не буду останавливаться на деталях переговоров, они шли трудно и продолжались несколько дней. Брежнев и Суслов держались вначале грубо, но скоро сменили тон. Политическая неудача была очевидна, и речь могла идти лишь о масштабе уступок. В то время как Брежнев и Суслов вели переговоры, поддерживая также связь со столицами стран Варшавского Договора, Алексей Косыгин провел вечером 25 августа заседание неполного состава Политбюро. В своем выступлении он был вынужден признать неудачу «крайних мер». Косыгин проинформировал присутствующих о позиции Тодора Живкова, Вальтера Ульбрихта и Владислава Гомулки, которые настаивали на самых жестких мерах, ибо «если Дубчек и Черник будут у руководства, тогда зачем вводили войска?». За компромисс с Дубчеком высказывался Янош Кадар. Косыгин сказал, что и он сам, и Брежнев также высказываются за компромисс. Хотя Косыгин и аттестовал Дубчека как «подлеца», он считал, что в Чехословакии нет людей, которые могли бы возглавить Революционное правительство. С мнением Косыгина

согласился А. Шелепин, его поддержал и Петр Демичев. Если не соглашение с Дубчеком, сказал Демичев, «значит, война, никакого иного выхода не будет, тогда надо будет воевать. Надо ли это? Надо подумать». За устранение Дубчека, но против создания Революционного правительства высказались Н. Подгорный и Дм. Полянский. Дм. Устинов продолжал настаивать на создании Революционного правительства, заявляя, что «надо дать большую свободу нашим войскам». Юрий Андропов не полемизировал с Косыгиным и не вел заочной полемики с Брежневым. Он полемизировал с Демичевым и предлагал учитывать все точки зрения. «Мне кажется, — говорил Андропов, — что не надо нам шарахаться из стороны в сторону, а то получается непонятно: кто же ввел войска — мы к ним или они к нам? Я считаю правильным, что надо использовать все три варианта». Из дальнейших объяснений следовало, что Председателю КГБ были все еще ближе «крутые меры». Он считал, что «надо предусмотреть сумму мер, которые бы разрешили ужесточить порядок в стране, в которую введены войска союзников». Нужно прекратить, по мнению Андропова, деятельность 20 министров во главе со Штроугалом, которые укрылись в свободной от советских войск резиденции президента Свободы. Министра внутренних дел Павела Андропов предлагал арестовать[100]. Большинство членов Политбюро поддержало все же компромиссные предложения Брежнева и Косыгина. Советская сторона отказалась от планов создания нового руководства КПЧ и нового правительства. Дубчек, Черник и Смрковский вернулись к исполнению своих обязанностей. Однако с руководящих постов в партии должны были уйти Ф. Кригель, Ч. Цисарж и Отто Шик, отвечавший за блок экономических реформ. КПСС принимала на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела КПЧ. От чехословацкой стороны требовалось признать законным пребывание в стране определенного контингента советских войск и аннулировать решение Чрезвычайного съезда КПЧ. В составе ЦК должны остаться Биляк, Индра, Швестка и другие «искренние друзья» СССР. Часть чехословацкой делегации приняла эти условия сразу. Их считал приемлемыми и генерал Л. Свобода. Был готов согласиться Черник, решительно возражал Кригель. Дубчек и Смрковский колебались. Они не хотели разрыва с Советским Союзом и раскола в социалистическом лагере. Им казалось, что и при наличии в стране части советских войск они смогут продолжить, хотя и медленнее, программу реформ, как это удалось в Венгрии Яношу Кадару. Брежнев дал ясно понять в кулуарах, что в случае провал а. переговоров к власти в Советском Союзе придет новый, более жесткий лидер. В конце

концов на исходе четвертого дня переговоров все, кроме Кригеля, подписали соглашение.

Хотя документы, подписанные в Москве, вызвали у многих граждан ЧССР недовольство, народ восторженно встретил вернувшихся в Прагу Дубчека, Черника, Смрковского и Свободу. В первый же день все они дважды выступали по национальному радио. Повсеместно принимались резолюции о доверии к руководителям страны, но не с одобрением «московского коммюнике». Советские войска начали покидать столицу, часть подразделений, в первую очередь немецкие, венгерские, польские и болгарские бригады, выводились из ЧССР. К 15 сентября 1968 года все советские войска были выведены из городов и расположились в лесных массивах и сельской местности. Общая численность войск Варшавского Договора в ЧССР уменьшена в несколько раз. В советской печати стали появляться разного рода концепции, призванные оправдать оккупацию союзной страны. Появились концепции «тихой», «мирной», или «ползучей», контрреволюции, которая скрывала якобы свои коварные замыслы лозунгами «хорошего» социализма. Еще менее убедительной была и концепция «упреждающего удара» по планам контрреволюционных сил в Чехословакии, тесно увязанным с планами НАТО. 26 сентября в «Правде» была напечатана пространная статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран» за подписью «С. Ковалев». Публикация вызвала осуждение и критику во всем мире; против нее высказывались и многие органы коммунистической печати. Именно доктрина, изложенная в этой статье, и получила позднее название «доктрина Брежнева» или «доктрина ограниченного суверенитета социалистических стран». В статье С. Ковалева читаем: «Никто не вмешивается в конкретные меры по совершенствованию социалистического строя в разных странах социализма. Но дело коренным образом меняется, когда возникает опасность самому социализму в той или иной стране. Мировой социализм, как социальная система, является общим завоеванием трудящихся всех стран, он неделим, и его защита — общее дело всех коммунистов, всех прогрессивных людей земли, в первую очередь трудящихся социалистических стран… Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна (ЧССР) подвергается опасности антисоциалистического перерождения». Это была не только лживая, но и крайне опасная доктрина. Однако она стала на 12–13 лет основой политики СССР в Восточной Европе. Советское

руководство отказалось от нее лишь в начале 1980-х годов в связи с польскими событиями, и позже я буду говорить об этом.

Что касается Чехословакии, то, вернувшись из московского «плена», Дубчек и его сторонники попытались закрепить достигнутые во время «Пражской весны» успехи и продолжали формирование «социализма с человеческим лицом». С другой стороны, советское руководство путем сложных политических маневров, интриг и давления стремилось отстранить реформаторов от власти. Шли поиски «центристской» группы, не скомпрометированной в августе 1968 года, но способной принять советскую программу «нормализации». Эти усилия поддержал вскоре словацкий лидер Густав Гусак, вокруг которого сплотились все противники Дубчека. Через несколько месяцев Гусака избрали лидером КПЧ, а через несколько лет и президентом ЧССР. Дубчек стал послом Чехословакии в Турции, а позднее — лесничим в одном из словацких лесов, где в годы войны он участвовал в партизанском движении. Большинство других получивших известность деятелей «Пражской весны» эмигрировало.

Советский Союз еще 20 лет платил огромную цену за поддержку режима, который не пользовался ни малейшей популярностью в ЧССР. Чехи и словаки терпели, но не смирились. Когда в СССР началась перестройка, в Чехословакии победила, быть может, самая «бархатная» революция из всех аналогичных революций в Восточной Европе.

Андропов и диссиденты

Значительное место в деятельности КГБ и работе Юрия Андропова занимала борьба с теми группами и отдельными лицами, которые открыто, хотя и с разных позиций, критиковали политику советского руководства. Во все эпохи своей истории Советское государство строилось как авторитарная диктатура, при которой легальная оппозиция политике партии и публичная критика ее лидеров были запрещены. Между тем различные формы критики и протеста, получившие в нашей исторической публицистике название «движение диссидентов», стали расширяться и множиться как раз в конце 1960-х годов. Именно Комитету государственной

За границей еще в 1970—1980-е годы было опубликовано немало книг о работе советского КГБ. Некоторые из них написаны западными специалистами или публицистами, но большая часть принадлежит перебежчикам, главным образом из органов разведки и контрразведки. В этих книгах основное внимание уделяется истории и структуре КГБ, а также таким областям деятельности Комитета, как разведка и контрразведка, научно-технический шпионаж, вербовка агентуры, дезинформация, дипломатическое прикрытие, и т. п. Я уже упоминал выше книги Джона Баррона. Немалую рекламу на Западе и в России получила работа бывшего полковника КГБ Олега Гордиевского и британского историка Кристофера Эндрю «КГБ»[101]. При всей тенденциозности подобного рода книг, авторы которых стремятся как-то оправдать свое отступничество, справедливо порицаемое в любой стране и в любой спецслужбе мира, эти работы содержат немало подробностей как некоторых наиболее успешных операций советской разведки, так и ее провалов. В 1990-е годы в России было опубліковано более 20 книг и очерков, принадлежащих перу офицеров и генералов КГБ, трудившихся в самых различных управлениях этого ведомства. Эти работы стали важным источником и для меня. Однако автор данной книги, как и большинство его друзей и знакомых, знал работу КГБ прежде всего по его «пятому направлению». К тому же моей задачей является изложение и изучение политической биографии Ю. В. Андропова, который всегда старался вести себя не как профессиональный чекист, а как профессиональный политик, которому ЦК КПСС поручило руководство советскими специальными службами.

Некоторые из известных участников диссидентских движений предполагали, что назначение Андропова ослабит репрессии

среди инакомыслящих, усилившиеся в 1966 году и в начале 1967 года. Однако ожидания диссидентов, связанные с переменами в руководстве КГБ, не оправдались, хотя Андропов был несомненно более осторожен и осмотрителен в своих публичных выступлениях. По многим причинам, в том числе и под влиянием событий в Чехословакии, деятельность оппозиционных групп значительно расширилась в 1967–1968 годах. Но в это же время возросли и масштабы репрессий. Разумеется, создание в КГБ специального управления по «борьбе с идеологическими диверсиями» не означало, что руководство КПСС отказалось от жестокого контроля за деятельностью КГБ, особенно в сфере внутренней жизни советского общества. Комитет оставался одним из специфических инструментов власти партийных верхов. Не только КГБ и МВД, но также Генеральная прокуратура и высшие судебные органы контролировались соответствующими отделами ЦК КПСС. В ЦК разрабатывались все основные директивы для правоохранительных и карательных органов. В то время как большинство операций, связанных с разведкой и контрразведкой, планировались и проводились в КГБ самостоятельно, решение судьбы почти всех известных диссидентов требовало одобрения ЦК КПСС или становилось предметом обсуждения на Политбюро. Существовало, конечно, и обратное влияние КГБ на ЦК, так как, представляя в партийные отделы соответствующую информацию, органы государственной безопасности стимулировали принятие тех или иных решений.

Как политик Андропов никогда не стремился вывести КГБ из-под контроля и руководства Политбюро и Секретариата ЦК, о чем свидетельствуют сотни докладных и информационных записок в ЦК КПСС, подписанных Андроповым и опубликованных в нашей печати в последние 6–7 лет. Он никогда не пытался оспаривать те директивы ЦК КПСС, которые требовали усилить борьбу против диссидентов. Заслуживают внимания общие статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и распространение «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». За 5 лет — с 1956-го по 1960-й — было осуждено по политическим мотивам 4676 граждан СССР. В 1961–1965 годах по этим же мотивам — 1072 человека. При этом в 1965 году пострадали всего 20 человек, а в 1966 году — 48. В 1967 году число осужденных по политическим мотивам составило 103, а в 1968-м — 129 человек. В 1969 году потеряли свободу 195, а в 1970 году — 204 гражданина СССР. В 1976–1980 годах — 347, а в 1981—1985-м — 540 человек. Общее число лиц, осужденных по статье 70 и статье 190 УК РСФСР в 1956–1987 годах, составило

8145. Под арест и осуждение за антисоветскую агитацию и пропаганду попадало, таким образом, в среднем за год 254 или 255 человек[102]. Эти данные содержатся в специальной справке, которую за подписью Виктора Чебрикова руководство КГБ направило Михаилу Горбачеву в 1988 году. Все историки с тех пор используют и комментируют эту таблицу, хотя она является неточной и неполной. Во многих случаях, когда это было возможно, диссидентов привлекали к ответственности по другим, не «политическим» статьям Уголовного кодекса. Так, например, основателя Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Александра Подрабинека привлекли к ответственности за «незаконное хранение огнестрельного оружия» (малокалиберная винтовка без патронов). Одного из известных украинских диссидентов и деятелей национального движения отправили в тюрьму «за попытку изнасилования» (была устроена соответствующая провокация). Менее известных диссидентов осуждали за «тунеядство» (не могли устроиться на работу). Группу активистов из движения за свободную эмиграцию из СССР в Израиль осудили за «терроризм». Они купили все билеты на один из самолетов местных авиалиний и хотели улететь на нем в Швецию или Финляндию. Даже проживание в Москве без прописки могло служить поводом не только к высылке из города, но и для осуждения на год изоляции. Психиатрические репрессии или лишение гражданства далеко не всегда оформлялись в качестве судебного решения. Увольнение с работы и исключение из партии также в условиях 1960— 1970-х годов было для многих диссидентов серьезной репрессивной акцией, так как государство выступало в то время в качестве единственного работодателя. Именно в конце 1960-х и в начале 1970-х годов формы и методы борьбы с диссидентами становились более разнообразными и изощренными. Общее давление на крамольное меньшинство возросло, но оно носило не прямой, а косвенный характер или принимало форму официальных угроз и предупреждений со стороны органов прокуратуры, МВД или КГБ. В документах карательных органов это именовалось «профилактированием». Отказ от самых прямых и грубых форм репрессий был связан в первую очередь с изменением международной обстановки, с политикой разрядки, с расширением международных контактов. Тем не менее и прямые политические репрессии не прекратились и в годы «детанта», и это давало немало поводов для критики советской модели социализма.

Поводом для политических репрессий послужили и некоторые проявления протеста против оккупации Чехословакии.

Уже на следующий день после вступления в Чехословакию войск Варшавского Договора в Москве было принято решение о возобновлении глушения всех западных радиопередач на русском языке и языках союзных республик. 25 августа в 12 часов дня небольшая группа правозащитников, включая Павла Литвинова, Ларису Богораз и Константина Бабицкого, вышла на парапет у Лобного места напротив Кремля, развернув лозунги: «Руки прочь от Чехословакии!», «За нашу и вашу свободу!», «Позор оккупантам!» Манифестация продолжалась несколько минут, подбежали работники КГБ, вырвали лозунги и арестовали участников. Уже в октябре состоялся суд, на котором Литвинов, Богораз и Бабицкий приговаривались соответственно к пяти, четырем и трем годам ссылки. Для конца 1960-х годов это был относительно мягкий приговор.

В 1969 году давление на интеллигенцию усилилось, продолжались проработки, увольнения и исключения из партии, а также обыски и аресты отдельных диссидентов. Всеобщее внимание привлекло в этом году дело генерал-майора в отставке Петра Григоренко, который в 1966–1969 годах стал ведущей фигурой в движении диссидентов. Бывший боевой генерал Григоренко был лично знаком с Брежневым по службе в 18-й армии, и его арест был санкционирован КГБ по секретной информационной записке Андропова. Григоренко подвергли экспертизе в Институте судебной медицины им. Сербского. Здесь он был признан невменяемым и направлен на «лечение» в специальную психиатрическую больницу. Подобного рода акции применялись КГБ и в начале 1960-х годов, но участились в конце десятилетия. Опубликованные документы показывают, что Андропов поддерживал в это время использование психиатрии в карательных целях. Так, например, 29 апреля 1969 года он направил в ЦК письмо с планом развертывания сети психиатрических лечебниц, а также с собственными соображениями по поводу их использования для защиты советского государственного и общественного строя. Эти предложения были приняты и закреплены секретными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР[103].

В статье «Психического террора у нас не было», опубликованной недавно в газете «Известия», доктор медицинских наук, руководитель экспертного отдела Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Федор Кондратьев не отрицает фактов использования психиатрии в политических целях, но полагает, что эти случаи были достаточно редкими. «За 25 лет работы по всей территории Советского Союза обвинявшихся

органами госбезопасности по политическим статьям 70 и 190-1 УК РСФСР в Институт им. Сербского было направлено на экспертизу всего 370 человек». Ясно, что о массовости говорить нельзя. Далеко не все из направленных Комитетом госбезопасности на экспертизу признавались невменяемыми. К сожалению, можно говорить о тенденции признавать невменяемыми политически неугодных. При всем этом необходимо помнить, что основная масса диссидентов все же не подвергалась принудительному лечению, а сидела в ГУЛАГе. История злоупотребления психиатрией, свидетельствует Ф. Кондратьев, не может быть сведена только к признанию инакомыслящих психически больными. Но именно эта практика оказалась в центре внимания общественности. Представляется, что историю вопроса об использовании психиатрии в политических целях можно связать с высказанной Н. С. Хрущевым «идеей», что только психически ненормальные при коммунизме будут совершать преступления, что только они способны выступать против существующего строя. Позже, когда появились признаки публичного свободолюбивого противостояния Системе, Председатель КГБ Юрий Андропов направил 29 апреля 1969 года в ЦК КПСС письмо с предложением использовать психиатрию для борьбы с диссидентами, по поводу чего было принято секретное постановление Совмина СССР[104].

Я не буду оспаривать приведенные профессором Ф. Кондратьевым цифры. Замечу, однако, что далеко не всегда психиатрическая экспертиза диссидентов проводилась в Институте им. Сербского. Вызывает недоумение и попытка автора оправдать некоторых врачей-психиатров, которые, «видя абсурдность обвинения или его фактическую безобидность (например, арест за рассказ политического анекдота), в своем заключении могли «дотягивать» описание тяжести психических расстройств до невменяемости, тем самым устраняя угрозу именно политических репрессий, заменяя их на пребывание в больницах, условия в которых были значительно менее тяжелыми, чем в зонах ГУЛАГа».

Психиатрические репрессии для диссидентов были гораздо более тяжким испытанием, чем лагерь, тюрьма или ссылка. Жестокость подобного рода репрессий вызывала широкие протесты в СССР и на Западе. Протестовала не только демократическая, но и медицинская общественность западных стран. Это существенно мешало тому политическому курсу на разрядку международной напряженности и экономическое сотрудничество, который сначала осторожно, а потом и более активно советское руководство начало проводить с 1970 года.

Юрий Андропов был несомненным сторонником этого «детанта», и ему пришлось постепенно отказываться от наиболее жестких форм политических репрессий. Был освобожден и смог снова активно включиться в движение диссидентов и П. Григоренко. Однако, по данным правозащитных организаций, многие все еще находились на принудительном «лечении». Поэтому давление Запада не прекращалось. Это наносило немалый ущерб всей советской психиатрии и медицинской службе. В одной из секретных записок в ЦК КПСС Андропов отмечал: «В ряде западных стран нагнетается антисоветская кампания с грубыми измышлениями об использовании в СССР психиатрии якобы в качестве инструмента политической борьбы с "инакомыслящими"… Последние данные свидетельствуют, что эта кампания носит характер тщательно спланированной антисоветской акции. Ее организаторы стремятся, как видно, подготовить общественное мнение к публичному осуждению "злоупотреблений психиатрией в СССР" на предстоящем VI Всемирном конгрессе психиатров в США в августе 1977 года, рассчитывая вызвать политически негативный резонанс в канун празднования 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции… Активную роль в нагнетании антисоветских настроений играет Королевский колледж психиатров Великобритании. В июне 1976 года вопрос о "положении советской психиатрии" рассмотрен на Генеральной ассамблее Союза французских психологов, где была принята резолюция, "осуждающая действия психиатров СССР". Предпринимаются попытки втянуть в кампанию Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ). Инспираторы акции оказывают нажим на руководство Всемирной ассоциации психиатров (ВАП).

Комитетом госбезопасности через оперативные возможности принимаются меры по срыву враждебных выпадов, инспирируемых на Западе вокруг советской психиатрии. Вместе с тем полагали бы целесообразным по линии отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС и отдела пропаганды поручить Минздраву СССР осуществить в период подготовки и проведения VI Всемирного конгресса психиатров (1977 г.) соответствующие мероприятия по каналам международного научного обмена, организовав их пропагандистское обеспечение совместно с органами информации. Просим рассмотреть. Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[105].

Усилий отделов науки и пропаганды ЦК, органов печати и Минздрава СССР оказалось недостаточно, чтобы снять обвинения в злоупотреблении психиатрией в СССР. Поэтому Советский Союз

в конце концов отказался от участия во Всемирном конгрессе психиатров и даже вышел из Всемирной ассоциации психиатров. Этому шагу последовали и некоторые из союзников СССР. Международному сотрудничеству ученых был нанесен еще один удар.

Не отказываясь от борьбы с диссидентами, Комитет государственной безопасности начал искать такие формы и методы этой борьбы, которые вызывали бы меньшее раздражение наших партнеров по переговорам на Западе. Постепенно, хотя и не без колебаний и сомнений, руководство КГБ, а также руководство КПСС пришли к тому же выводу, к какому в 1921–1922 годах пришел Ленин — начать высылку из страны наиболее активных и известных представителей оппозиционной интеллигенции. Как известно, движение диссидентов было неоднородно. Значительную часть его представляло «правозащитное движение», или движение демократов-западников. Под влиянием событий в Чехословакии в СССР получило развитие движение за «социализм с человеческим лицом», я называл его тогда движением партийных демократов. Значительная часть диссидентов принадлежала к национальным и националистическим движениям. Такие движения развивались в Грузии и Армении, в Литве и Латвии, на Западной Украине, среди крымских татар и среди российских немцев. В различных формах происходило развитие движения русского национализма. Очень заметным стало и еврейское национальное движение, которое частично формировалось вокруг машинописного журнала «Евреи в СССР». Были среди диссидентов и религиозные группы — евангелисты, пятидесятники, свободные адвентисты, католики, мусульмане, а также группы православных, выступающие за расширение прав православной церкви в стране. И в немецком национальном движении, и особенно в различных группах советских евреев постепенно стали усиливаться требования свободы эмиграции. Эти требования поддерживались давлением Запада, особенно в том, что касалось еврейской эмиграции. Приходилось идти на уступки. Сначала десятки, потом сотни, а с 1970 года уже и тысячи советских евреев получали ежегодно разрешение на выезд из СССР. Многие из этих эмигрантов выезжали, однако, не в Израиль, а в США, небольшая часть оставалась в Западной Европе. К этому потоку эмиграции присоединились и очень многие из диссидентов еврейской национальности из числа западников и правозащитников. Но очень скоро по израильским визам с молчаливого согласия или, напротив, под настойчивым давлением властей стали выезжать на Запад многие писатели, ученые, драматурги, художники из числа

русских, украинцев, белорусов, грузин и других. На Западе оказались в 1970-е годы не только поэты Иосиф Бродский и Александр Галич, но и такие писатели, как Владимир Максимов и Виктор Некрасов. Во Франции стали жить Наталья Горбаневская и Андрей Амальрик, Александр Гинзбург и Андрей Синявский. В США стали работать писатель Василий Аксенов, художник Михаил Шемякин и историк Александр Некрич. В Германии жили и работали философ Александр Зиновьев и писатель Владимир Войнович. В разных странах Запада работали и жили физик Валентин Турчин, правовед Валерий Чалидзе, скульптор Эрнст Неизвестный, литературовед Лев Копелев, философ Александр Янов, поэт Наум Коржавин, писатель Георгий Владимов и многие другие. Известного правозащитника Владимира Буковского, находившегося в тюрьме, обменяли на чилийского коммунистического лидера Луиса Корвалана, а активиста еврейского движения Анатолия Щаранского — на четырех советских разведчиков, арестованных на Западе. Были освобождены из психиатрических клиник и отправлены на Запад украинский правозащитник Леонид Плющ и московский партийный демократ Петр Абовин-Егидес.

В результате этой кампании на Западе стала возникать некая общность людей, получившая название «третья эмиграция».

Известно, что русские, украинцы, евреи начали выезжать из России главным образом в США еще в конце XIX и в начале XX века. В основном это была беднота, большая часть которой ассимилировалась в США, Канаде и отчасти в Австралии. Эти люди почти нигде не создавали своих национальных организаций. Только в США в 1911 году появилась первая русская газета «Новое русское слово». С понятием «первой эмиграции» связывают обычно тот поток беженцев из России, который хлынул в западные страны в годы Гражданской войны и особенно после поражения Белого движения. Значительные группы российской интеллигенции высылались или выезжали из страны также в 1921–1923 годах. В «первой эмиграции» задавали тон офицеры, вообще дворяне, русские промышленники, писатели и ученые, хотя немало было в ней и простых людей, особенно из казачества.

«Вторая эмиграция» образовалась на Западе после Второй мировой войны — в основном за счет принудительно перемещенных в Европу советских людей, часть которых побоялась вернуться на родину. Осталась на Западе и часть военнопленных. Там же оказалось немало бывших советских граждан, которые в годы войны сотрудничали с оккупантами или даже участвовали в военных формированиях, входивших в состав гитлеровской армии.

С начала 1970-х годов на Западе возникла «третья эмиграция», не столь многочисленная, как две первые, но в ней имелось много людей, известных в нашей стране и во всем мире. Представители «третьей эмиграции» стали создавать собственные журналы, газеты, издательства — свою культуру, которая постепенно объединялась, хотя полностью так и не слилась с очень богатой культурой «первой» и менее значительной культурой «второй эмиграции». Благодаря связям, которые имелись у «третьей эмиграции», книги, журналы и газеты, изданные на Западе, стали мелкими ручейками проникать в Союз. Были предприняты попытки организовать в СССР журналы, которые затем публиковались на Западе и частично возвращались обратно. Такими изданиями стали альманахи «Память», «Метрополь» и некоторые другие.

В 1977 году в КГБ возникла идея побудить к выезду за границу и генерала П. Григоренко. 70-летний генерал был в это время серьезно болен и нуждался в срочной операции. Через посредников его начали убеждать, что лучше всего нужную операцию могут сделать только в США. Григоренко поддался на уговоры и попросил у ОВИР МВД разрешение на частную поездку в США. Вопрос о выезде решали, однако, в КГБ и в ЦК КПСС. 24 ноября 1977 года Андропов направил в ЦК КПСС специальную записку: «Секретно. В ЦК КПСС. О выезде в частном порядке в США Григоренко П. Г. Последние годы среди лиц, проводящих антиобщественную деятельность, активную роль играет бывший генерал Советской армии Григоренко П. Г. С ним связаны многочисленные пресс-конференции, различного рода "заявления" и "обращения" по пресловутому вопросу о "правах человека", постоянно используемые зарубежной пропагандой в антисоветских целях. Дважды Григоренко привлекался к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность и оба раза в судебном порядке направлялся на принудительное лечение, так как, по заключению экспертов, страдал и страдает психическим заболеванием. В октябре месяце Григоренко возбудил ходатайство о разрешении ему поездки в США, мотивируя это необходимостью операции предстательной железы. По заключению советских врачей, Григоренко действительно нуждается в этой операции, которая, однако, невозможна по состоянию его здоровья. Возможный неудачный исход операции, если она будет проводиться в СССР, может вызвать нежелательные кривотолки и политически невыгодный для нас резонанс. Учитывая эти обстоятельства, принято решение не возражать против его выезда в США в частном порядке. Предложения по вопросу о возвращении Григоренко в Советский

Союз будут представлены в зависимости от его поведения за границей. Сообщается в порядке информации. Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[106]. Григоренко выехал в США 30 ноября, и в одной из американских больниц ему была сделана успешная операция. Григоренко не спешил назад, виза была выдана на шесть месяцев. Но уже 4 февраля 1978 года, ссылаясь на контакты Григоренко с организациями украинских националистов, которые оплатили опальному генералу лечение и операцию, КГБ предложил лишить его советского гражданства, что и было сделано Указом Президиума Верховного Совета от 10 февраля 1978 года.

Надо отметить, что сам Андропов почти никогда не встречался с арестованными или находящимися под следствием диссидентами. Поэтому в тех книгах и мемуарах, которые написали и опубликовали оказавшиеся за границей П. Григоренко, Л. Плющ, А. Амальрик, В. Делоне, В. Буковский, А. Гинзбург и другие, мы не найдем его имени, там есть имена следователей, надзирателей, начальников лагерей и изоляторов. Исключение составляет книга-исповедь В. Красина «Суд», опубликованная в Нью-Йорке в 1983 году. Виктор Красин и его друг и ближайший соратник Петр Якир были арестованы в 1972 году и приговорены к трем годам тюремного заключения и трем годам ссылки. На следствии они держались не лучшим образом, выдавая все «тайны» своей небольшой организации, все связи и пути получения литературы с Запада. Они не только признали себя виновными, но на очных ставках призывали к тому же и тех, кто был арестован по так называемому «делу Якира — Красина». Поведение этих ранее признанных лидеров демократического движения деморализовало значительную часть диссидентов. Были даже случаи самоубийства.

Чтобы расширить деморализующее влияние предательства Якира и Красина, в органах КГБ возникла мысль о проведении в Москве пресс-конференции с участием «раскаявшихся» диссидентов, на которую можно было бы пригласить не только советских, но и иностранных корреспондентов. Возникали, однако, и опасения, что на пресс-конференции Якир и Красин поведут себя иначе, чем на суде, и изменят свои показания. Поэтому, прежде чем дать согласие на это «шоу», Ю. В. Андропов решил лично встретиться с ними.

Якир не оставил никакого описания этой встречи. Вскоре после пресс-конференции он был отправлен в ссылку в Рязань, где жил крайне замкнуто. Через несколько лет получил разрешение вернуться в Москву, но и здесь мало кто общался с ним. Здоровье Якира было подорвано непомерным употреблением алкоголя, и

он вскоре умер. По-иному сложилась судьба Красина, которому разрешили эмигрировать на Запад и даже снабдили для начала тремя тысячами долларов. Но в эмиграции с ним также поддерживали отношения немногие, и через десять лет после своего нравственного падения он решил написать книгу-исповедь. В предисловии к ней читаем:

«КГБ не удалось подавить движение (правозащитное. — Р. М.) репрессиями. Очевидно, тогда и возник план — обесчестить его. Для этого надо было найти участников движения — известных и вместе с тем достаточно нестойких: принудить их отречься от дела, предать сам дух движения. По замыслу КГБ, это должно было вызвать негодование, презрение, осуждение и — в конечном счете — раскол. Выбор КГБ пал на Якира и на меня. Они не ошиблись. Мы не были людьми, освободившимися от унизительного страха перед коммунистической диктатурой, способными лучше умереть, чем принять позор. Мы были старыми зэками, выросшими в сталинском рабстве, пытавшимися взбунтоваться, но сохранившими навсегда страх перед карательной машиной госбезопасности. Угрозами смертной казни, с одной стороны, подачками — с другой, КГБ удалось сломить нас и заставить участвовать в их низком замысле. А для того, чтобы возмущение общественности было полным, они подарили нам за предательство свободу».

Я не намерен писать здесь о том, как именно проходило следствие по делу Красина и Якира, как на одного за другим они доносили на своих товарищей, обрекая их на тяготы заключения, сопровождавшиеся к тому же глубоким разочарованием, легко ломавшим волю к сопротивлению у более слабых, которые, в свою очередь, становились на путь доносительства и предательства. Хочу привести лишь ту часть небольшой книги В. Красина, где он рассказывает о своей встрече с Андроповым.

«…Дверь камеры открылась, и на пороге появился тот самый лейтенант, который так точно предсказал нам наши сроки. "Собирайтесь, быстренько, — и уже на ходу, — вас примет Председатель КГБ". По дороге меня перехватил начальник тюрьмы полковник Петренко — он и ввел меня в кабинет. Из-за стола встал высокий человек и пошел навстречу мне. "Вы можете идти", — сказал он Петренко. Тот вышел. Мы остались вдвоем. "Я — Председатель КГБ Андропов", — сказал он, протягивая мне руку. Я пожал ему руку. "Узнаю вас по портретам", — ответил я. Он предложил сесть. Разговор начался. "Мне доложили, что у вас назрел кризис доверия к КГБ". — "Неудивительно, — сказал я. — Мы сдержали свое слово, а нам по шесть лет". — "Ну, на это не обращайте внимание. Подайте заявление на кассацию, вам снизят

до отсиженного и пока оставят ссылку. Далеко мы вас отправлять не собираемся. Можете сами выбрать город поближе к Москве. А там пройдет месяцев восемь, подадите на помилование и вернетесь в Москву.

Нельзя же было вас выпустить из зала суда. Согласитесь, вы с Якиром наломали немало дров. Кроме того, ваш процесс мы широко освещали в печати. А приговор по кассации публиковать не будем".

Хозяин закончил первую часть речи. Потом сказал: "Вот вы пишете в своих документах, что в СССР происходит возрождение сталинизма. Вы действительно так думаете?" Я сказал, что имеется много фактов, свидетельствующих об этом. "Это чепуха, — сказал Андропов. — Возрождения сталинизма никто не допустит. Вы хорошо помните, что было при Сталине. Я знаю, что Якир и вы незаслуженно пострадали в сталинские годы. Знаю, что погибли ваши отцы. Все это не прошло бесследно для вас. Между прочим, после войны я тоже ждал ареста со дня на день. Я был тогда вторым секретарем Карело-Финской республики. Арестовали первого секретаря. Я ждал, что арестуют и меня, но пронесло". Лирическая часть окончилась. Андропов приступил к делу. "А как вы смотрите на то, чтобы выступить на пресс-конференции перед иностранными журналистами? Они столько пишут лжи о вашем деле. Нужно прочистить им мозги. Чтобы на Западе знали, что вы говорили на суде не под давлением, а по доброй воле. Только не думайте, что я вас покупаю; Если не хотите, то и не надо. Все то, о чем я говорил, будет и без этого".

Нужно было отвечать. Времени на обдумывание было несколько секунд. Я ответил: "Я уже говорил о своей вине на суде. Могу повторить это и на пресс-конференции. Какая разница?" "Ну вот и хорошо, — сказал Андропов. — Это правильное решение. А то подняли целую бучу вокруг вашего процесса. Кто вы по специальности?" — спросил он. "Экономист".

"Когда вы освободитесь, мы возьмем вас в наш научно-исследовательский институт". Я промолчал. "Есть ли у вас какие-нибудь вопросы или просьбы ко мне?" — спросил он».

Красин обратился с просьбой об освобождении одного известного диссидента, который отбывал в 1973 году наказание в психиатрической больнице. Он не называет фамилии, но я полагаю, что речь шла о П. Г. Григоренко, борьба за освобождение которого в это время велась в нашей стране и за рубежом.

«"Но ведь он больной человек", — возразил Андропов. "Я не врач, — сказал я, — но из общения с ним, а я его близко знал, у меня сложилось твердое убеждение, что он вполне здоровый человек. Но дело даже не в моем мнении. Я знаю, что недавно

врачи рекомендовали его на выписку из психиатрической больницы, а прокуратура отменила это решение". "Я этого не знал, — сказал Андропов. — Если это так, то я посмотрю, что можно сделать. Вы напишите заявление о своих предложениях. Я с ним ознакомлюсь".

Как он понял то, что я ему сказал? Конечно, как торг: я прошу дать сдачу за свое участие в пресс-конференции. И он понял правильно. Разве меня волновала участь людей, о которых я собирался писать в заявлении? Волновала, но далеко не в первую очередь. Я заботился о другом — подготовить оправдание своему поведению в Лефортово, когда выйду на волю. Для этого я и просил дать сдачу людьми. Перед тем как отпустить меня, Андропов сказал: "Если у вас будут какие-либо жалобы, предложения, в том числе и личные, не стесняйтесь, пишите. Обещаю вам, что я прочту все и сделаю все, что можно". Аудиенция закончилась. Вошел Петренко и повел меня назад в камеру»[107].

Известно, что пресс-конференция Красина и Якира состоялась. Она проходила в большом зале кинотеатра «Октябрь» на проспекте Калинина. Зал был переполнен. С точки зрения организаторов представления, все прошло удачно и цель достигнута. Эту акцию долго и по-разному комментировали в западной и особенно в эмигрантской печати. Позиция советской подцензурной прессы была однозначной, но общественность также много и по-разному оценивала проведенный спектакль. Разумеется, мало кто верил в искренность раскаяния Якира и Красина. Однако их моральная и политическая нечистоплотность была очевидна, а это, несомненно, и являлось главной задачей, которую ставил КГБ. Ослабло движение диссидентов, ослабли на некоторое время и репрессии. В 1974 году по политическим мотивам осудили 178 человек, в 1975 году — 96, а в 1976 году — 60.

С высылкой и выездом за границу большинства наиболее известных лидеров оппозиции ее масштабы внутри страны сократились, однако в целом оппозиция не исчезла. В ней начали участвовать новые люди. В оппозиционной среде стали появляться полуподпольные или даже глубоко законспирированные организации и группы, программные требования которых нередко строились на национальной и религиозной почве. Работы для органов КГБ, в частности для Пятого управления, хватало. На заводах и в НИИ, даже не имеющих отношения к оборонной тематике, стал усиливаться режим секретности; вводились пропуска в учреждениях, где раньше их никогда не имелось. Даже в обычную московскую

гостиницу теперь было трудно войти без специального пропуска.

В своих нечастых выступлениях перед общественностью Ю. В. Андропов утверждал, что неусыпная борьба против диссидентов — одна из важных обязанностей возглавляемого им учреждения. В 1977 году в докладе по случаю 100-летия со дня рождения Ф. Э. Дзержинского он говорил: «Надо сказать, что сам термин "диссидент" является ловкой пропагандистской выдумкой, призванной ввести в заблуждение общественность… Пустив его в ход, буржуазная пропаганда рассчитывает изобразить дело так, будто советский строй не терпит самостоятельной мысли своих граждан, преследует любого, "кто думает иначе"…

Господа буржуазные идеологи, посмотрите на 49-ю статью проекта новой Советской Конституции. Там четко сказано о праве граждан СССР и на критику, и на внесение предложений… Другое дело, когда несколько оторвавшихся от нашего общества лиц становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы, снабжают Запад клеветнической информацией, пытаются организовать различные антиобщественные вылазки. У этих отщепенцев нет и не может быть никакой опоры внутри страны. Именно поэтому они не решаются выступать где-либо на заводе, в колхозе, в учреждении.

Оттуда им пришлось бы, как говорят, поскорее уносить ноги. Существование так называемых "диссидентов" стало возможным лишь благодаря тому, что противники социализма подключили к этому делу западную прессу, дипломатические, а также разведывательные и иные специальные службы. Уже ни для кого не секрет, что "диссидентство" стало своеобразной профессией, которая щедро оплачивается валютными или иными подачками, что по существу мало отличается от того, как расплачиваются империалистические спецслужбы со своей агентурой…

Развитый социализм не застрахован от появления отдельных лиц, чьи действия не вписываются ни в моральные, ни в юридические рамки советского общества… Причины тут, как известно, могут быть разные — политические или идейные заблуждения, религиозный фанатизм, националистические вывихи, личные обиды и неудачи, воспринимаемые как недооценка обществом заслуг и возможностей данного человека, наконец, в ряде случаев психическая неустойчивость отдельных лиц. И со всем этим нам приходится встречаться. Строительство нового общества, новой коммунистической цивилизации — сложный и нелегкий процесс. Иным он быть и не может»[108].

Нетрудно увидеть предвзятость подобной оценки движения диссидентов. Я не хочу идеализировать диссидентов, изображая их рыцарями без страха и упрека. Принимая участие в этом

движении около двадцати лет, я могу подтвердить, что среди его участников встречались морально опустившиеся неудачники, люди, искавшие в первую очередь любое «паблисити», люди, готовые принимать отнюдь не «щедрые» подачки за свое «диссидентство», а также психически неустойчивые лица. Но разве среди ответственных партийных деятелей не только во времена Сталина, но и Брежнева не было различного рода моральных уродов, развратников, взяточников и вымогателей? Разве не было в составе советской «элиты» людей, злоупотребляющих властью, очковтирателей, бюрократов, карьеристов, алкоголиков или психически неуравновешенных? Разве не было случаев, когда даже работники КГБ продавали за доллары Родину и переходили на службу в западные разведки?

Нет ничего необычного в том, что зарубежные идеологические службы и западная пресса проявляли повышенное внимание к движению диссидентов в СССР. Советская пропаганда и печать создавали еще более широкую и громкую рекламу таким деятелям культуры Запада и Востока, как Поль Робсон, Ив Монтан, Назым Хикмет, многим борцам против американской агрессии во Вьетнаме, не говоря уже о лидерах коммунистических партий почти всех стран мира. Таковы были правила и логика «холодной войны». Среди диссидентов можно было встретить отдельных людей, для которых именно западное «паблисити» становилось постепенно главным мотивом их деятельности. Однако движение в целом не было инспирировано извне, оно порождалось недостатками и пороками самого советского общества и государства, корни его идут еще из мрачных сталинских времен, когда бесчеловечный террор и государственные преступления были нормой жизни. Это движение стало также ответом на попытки реабилитировать Сталина и сталинизм и вновь до крайности ограничить законные права граждан, религиозных и национальных групп. Это движение порождалось и общим недовольством широких народных масс положением в стране, недостатками в снабжении населения и в организации производства, произволом и коррупцией, которые сохранились еще во многих звеньях и на всех этажах советской партийно-государственной иерархии, а также честным поиском истины.

Верно то, что среди диссидентов имелось много людей, выступающих не только против марксизма и ленинизма, но и против социализма вообще. Но единственным орудием этих людей было слово, музыка, живопись. Они защищали свои убеждения статьями, рассказами, песнями, а не насилием, не тюрьмами, лагерями или психиатрическими больницами.

«Морально-политическое единство советского народа», о котором так много говорилось в нашей печати, было на деле одним из мифов советской пропаганды. Даже среди тех, кто находился у нас в стране на вершине пирамиды, встречалось много людей, ничего не понимающих ни в марксизме, ни в ленинизме, но объявляющих себя «марксистами-ленинцами» лишь потому, что это было необходимо для продвижения по службе и сохранения власти.

Андропов не был искренен и тогда, когда говорил, что диссиденты «не решаются выступать где-либо на заводе, в колхозе, в учреждении». Он хорошо знал, что эти выступления были решительно запрещены еще в конце 1960-х годов и ни одно учреждение или учебное заведение, желавшее пригласить к себе кого-либо из «неблагонадежных», не получало разрешения райкома или горкома партии. Впрочем, на заводах и фабриках в 1960—1970-е годы с полным равнодушием встречали и официальных партийных пропагандистов. Успех здесь имели только некоторые из артистов.

Трудно согласиться и с утверждением Андропова относительно нарушения диссидентами советских законов. Законодательство об «антисоветской деятельности» не могло бы выдержать серьезной правовой экспертизы. В данном случае законы подводились под уже существовавшую практику карательных органов. Формулировки статей 70 и 190 Уголовного кодекса были настолько расплывчаты, что им можно было давать самые различные толкования. Что означает, например, формула «ложные сведения, порочащие советский государственный и общественный строй»?

В мою задачу не входит описание борьбы против диссидентов в 1967–1982 годах, когда Ю.В.Андропов стоял во главе КГБ. Несомненно, эта борьба существенно подрывала авторитет Советского Союза, особенно в леволиберальных, социал-демократических и даже коммунистических кругах большинства западных стран. Так же несомненно, что Андропов несет за всю борьбу с оппозицией прямую ответственность. Отнюдь не для оправдания, но для лучшего понимания его позиции и положения я все же должен сделать некоторые пояснения.

Ю. В. Андропов никогда не стыдился своей роли в борьбе с диссидентами. При всей образованности и интеллекте он был убежден в ее важности и не допускал мысли о возможности демократической оппозиции или публичной критики КПСС и Советского государства. Он вовсе не был сторонником плюрализма или гласности и считал КГБ чрезвычайно важной и нужной для партии и Советской власти организацией.

Андропов не решал единолично судьбу диссидентов. Более того, на заседаниях Политбюро, Секретариата или в заочных обсуждениях он нередко настаивал на более мягких решениях и приговорах, чем этого требовали Подгорный, Шелепин, Суслов, даже Косыгин и Брежнев. Известно, например, что при обсуждении судьбы философа Александра Зиновьева после издания на Западе его книги «Зияющие высоты» М. Суслов потребовал для автора этой острой сатиры семь лет лагерей строгого режима и пять лет ссылки. Зиновьева сняли со всех постов и исключили из партии, но все же не арестовали. Испытывая сильное давление властей, он принял через два года после издания книги решение об эмиграции. В записке Андропова на этот счет, направленной в ЦК КПСС, говорилось: «Имеющиеся в Комитете госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что вся деятельность *Зиновьева* является противоправной и есть юридические основания для привлечения его к уголовной ответственности. Однако эту меру пресечения антисоветской деятельности *Зиновьева*, по нашему мнению, в настоящее время применять нецелесообразно… Известно, что *Зиновьеву* поступили приглашения для участия в симпозиумах, чтения лекций по логике в некоторых университетах Западной Европы и США, а также частное приглашение из Франции. *Зиновьев* делает попытки оформить документы на выезд за границу совместно с женой и дочерью дошкольного возраста. Комитет госбезопасности считает возможным разрешить *Зиновьеву* и его семье выезд в одну из капиталистических стран в частном порядке и закрыть ему въезд в СССР… Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть. Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*»[109].

Андропов не мешал, а возможно, и поощрял усиление давления на А. Галича — популярнейшего барда и поэта конца 1960-х — первой половины 1970-х годов. В конце концов Галич решил уехать за границу. Но другой, еще более популярный в широких слоях населения поэт и бард В. Высоцкий не собирался, несмотря ни на что, покидать родину. «Не надейтесь, — говорилось в одной из его песен, — я не уеду». По свидетельству В. Чебрикова, вскоре после высылки Солженицына и выезда из страны многих других писателей и художников Андропов получил от высших партийных инстанций указание об аресте Владимира Высоцкого. Юрий Владимирович был крайне растерян: он хорошо помнил, какой отрицательный резонанс получило в 1966 году судебное дело писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. А Высоцкий был гораздо более известным человеком и как бард, и как артист театра на Таганке. Он снимался и в кино,

создав несколько запоминающихся образов. У него было много не только резко критичных, сатирических, но и глубоко патриотических песен. Андропов вызвал к себе Чебрикова и долго совещался с ним, чтобы найти какой-то выход и избежать совершенно ненужной, по его мнению, репрессивной акции. В конечном счете им удалось переубедить Брежнева и Суслова. Думаю, именно Суслов выступал инициатором гонений на Высоцкого, так как Брежнев иногда и сам слушал записи некоторых его песен.

Случалось, Андропов отказывался принимать рекомендации по поводу тех или иных диссидентов, исходившие от его заместителей, включая и Чебрикова. Андропов внимательнее, чем другие члены ЦК и Политбюро, учитывал возможную реакцию не только международного общественного мнения, но и общественного мнения, уже зародившегося в Советском Союзе. Из публикаций последних лет мы узнали немало подробностей о «переписке» между ЦК КПСС и КГБ СССР относительно творчества Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Аркадия Райкина, Юрия Трифонова, Ильи Глазунова, Юрия Любимова, Александра Твардовского, Владимира Лакшина. Предложения о разного рода карательных мерах по отношению к этим деятелям советской культуры не принимались Андроповым, но и не полностью отвергались. КГБ продолжал «оперативное наблюдение», или «разработку», этих людей, включая самые мелкие подробности их частной жизни. Не оставались без внимания даже вполне благонадежные деятели культуры.

Юрий Андропов и Александр Солженицын

По свидетельствам Георгия Шахназарова и Федора Бурлацкого, Андропов с вниманием и интересом прочел осенью 1962 года повесть «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, опубликованную «Новым миром». Андропов также познакомился и с другими рассказами и повестями Солженицына, опубликованными «Новым миром» в 1963–1964 годах. По свидетельству сына Ю.Андропова И. Андропова, его отец очень хвалил «Один день Ивана Денисовича» и «почти восхищался» рассказом «Матренин двор». Он хорошо отзывался о повести «Раковый корпус» и романе «В круге первом». Повесть Солженицына готовилась к печати в «Новом мире», о ней с похвалой говорили на большом собрании прозаиков в Союзе писателей. Значительный по объему роман Солженицына распространялся в списках в 1968–1969 годах.

Трудно сказать точно, когда и при каких обстоятельствах КГБ принял решение о постоянном и тщательном наблюдении за всеми действиями и передвижениями писателя. Вадим Бакатин, проработавший в 1991 году несколько месяцев на посту Председателя КГБ СССР, свидетельствует в книге «Избавление от КГБ», что за людьми такого масштаба, как Александр Солженицын, следили с особым вниманием. Комитет, писал Бакатин, «тщательнейшим образом следил за каждым их шагом и словом, используя все мыслимые контрразведывательные средства — слежку, прослушивание телефонных и всех иных разговоров, разработку связей и т. д. Свидетельство тому — 505 томов дела оперативной разработки по Сахарову и 105 томов — по Солженицыну, которые хранились в архивах КГБ. Но об их полном содержании мы уже никогда не узнаем. В 1989–1990 годах по приказу руководства Комитета досье были уничтожены, а "печи после сожжения проверены", о чем составлены соответствующие акты»[110]. Сохранились лишь отдельные документы, главным образом те записки и предложения, которые направлялись из КГБ в ЦК КПСС и некоторые другие учреждения. Однако в 1967–1969 годах наблюдение за Солженицыным было все же не таким «плотным», как в начале 1970-х. Это позволило писателю без особых помех закончить первый том «Архипелага ГУЛАГа» и надежно спрятать копии рукописи у друзей, а также передать одну из фотокопий своему швейцарскому адвокату. Если «Раковый корпус» попал за границу и был там опубликован без ведома Солженицына, то роман «В круге первом» увезен за границу и переведен на английский язык доброй знакомой

писателя Ольгой Андреевой-Карлайл[111]. Этот роман имел большой успех в литературных кругах Запада и у публики. Книгу быстро перевели почти на все европейские языки, включая шведский.

В советской печати старались в то время как можно меньше писать о Солженицыне, замалчивая его новые книги и отклики на них. Различного рода материалы о Солженицыне или его письма и протесты распространяли только в самиздате. Мой брат Жорес был в то время дружен с Солженицыным и часто встречался и беседовал с ним. Я говорил с Солженицыным всего три раза; на своей небольшой даче близ Обнинска он увел меня для беседы в соседний лесок, а при встрече в Москве — в один из скверов близ метро «Сокол». В 1969 году Солженицын был исключен из Союза писателей СССР, и некоторым чиновникам от литературы казалось, что вопрос о нем можно снять с повестки дня.

Положение дел решительно изменилось в начале октября 1970 года после присуждения Солженицыну Нобелевской премии по литературе. Решение Нобелевского комитета было объявлено 8 октября, а уже 10-го Андропов направил в ЦК КПСС первое из большой серии писем о Солженицыне. В нем говорилось:

«Секретно. ЦК КПСС. 10 октября 1970 г. По поступившим в Комитет госбезопасности данным, сообщение о присуждении *Солженицыну* 8 октября 1970 года Нобелевской премии заметно оживило активность аккредитованных в Москве иностранных корреспондентов и вызвало ряд поздравительных телеграмм и писем в его адрес… В кругах советской интеллигенции решение Нобелевского комитета воспринято в основном неодобрительно. Многие писатели, кинематографисты, художники, деятели театра, композиторы считают присуждение *Солженицыну* премии очередной антисоветской акцией и обсуждают вопрос, как на нее следует реагировать. Характерны такие высказывания. Ученый секретарь Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР *А. Ушаков:* "Солженицын как политик от литературы добился всего: публики, известности, признания. Теперь он может даже умереть. Видимо, в ближайшем будущем поднимется шумиха в западной печати, которая неминуемо приобретет антисоветскую окраску. И именно это обстоятельство обнажит политический характер решения Нобелевского комитета. Правда, многое будет зависеть от нашей позиции. Что касается *Солженицына,* то это враг. Я лично не могу себя убедить, что в свое время он случайно попал в лагерь, откуда его не надо было и выпускать". Композитор *Л. Афанасьев:* "В последнее время *Солженицын* стал на антисоветский путь, пишет про нашу действительность хуже, чем фашистские писаки. Вот за это ему и

присвоили Нобелевскую премию". Писатель *Ю. Трифонов:* "Было бы идиотизмом уделять присуждению *Солженицыну* Нобелевской премии слишком много внимания и не следует делать из него проблемы номер один". Композитор Я. *Богословский:* "В наших сообщениях и публикациях, видимо, не нужно допускать таких выражений, как "достойно сожаления", "обидно" и тому подобное. По-моему, достаточно промолчать или ограничиться строгой информацией по существу вопроса". Писатель *В. Максимов:* "Трудно сейчас решать, что делать, поскольку *Солженицын* — человек неуправляемый и идет напролом. Мы можем предполагать, намечать меры, а он вдруг выступит с "яркой" речью, и все пойдет прахом". Отдельные представители интеллигенции выразили положительное отношение к факту присуждения *Солженицыну* Нобелевской премии. Академик *А. Колмогоров:* "Солженицыну присудили Нобелевскую премию за 1970 год. Хорошо, что дали: он этого заслуживает. Интересно, пустят ли Солженицына за границу получить эту премию?" Литературный критик, сотрудник "Нового мира" Л. *Левицкий:* "Это наш большой праздник, ведь *Солженицына* впервые открыл и напечатал "Новый мир". Заслуженная награда". По поводу получения премии сам *Солженицын* заявляет, что он поедет в Швецию лишь в случае, если ему будет гарантирована обратная въездная виза. Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов»[112].

Всего через неделю Андропов подписал второе письмо в ЦК КПСС на ту же тему. В нем говорилось:

«Секретно.

ЦК КПСС.

17 октября 1970 г.

В Комитет госбезопасности продолжают поступать материалы о реагировании представителей интеллигенции на присуждение *Солженицыну* Нобелевской премии. Многие деятели литературы, науки и искусства выражают возмущение, считая, что решение Нобелевского комитета продиктовано исключительно политическими соображениями. Украинский литературовед *А. Трипольский:* "Присуждение премии Солженицыну — это еще одна идеологическая диверсия против нас". Кинорежиссер студии «Мосфильм» *М. Анджапаридзе:* "Солженицын — писатель хороший, но Нобелевской премии он недостоин". Прозаик *Е. Пермитин:* "Вопрос с Солженицыным — это не литература, а политика, о которой нас не спрашивают. Здесь мы не решаем". Некоторые творческие работники при этом высказывают суждения о поездке Солженицына в Швецию и комментируют

наши возможные ответные меры.

Отдельные писатели восприняли присуждение премии *Солженицыну* с удовлетворением. Ленинградский прозаик *Д. Дар* (муж *В. Пановой*): "Вопреки всем провокациям *Фединых, Соболевых, Михалковых* русская литература еще раз получила всемирное признание. У нас с Верой Федоровной (*Пановой)* сейчас просто праздник. Весть о всемирном признании писательского и нравственного подвига *Солженицына* была воспринята с ликованием и счастьем". Писатель *Ю. Нагибин:* "Присуждение Нобелевской премии Солженицыну поможет нам в борьбе против консерваторов". Писатель *В. Каверин,* признав присуждение Солженицыну премии справедливым, подчеркнул вместе с тем политический характер этой акции: "Решение Нобелевского комитета — это вызов, который брошен нам, и сделан он вполне сознательно". *Солженицын* в настоящее время проживает на даче виолончелиста *М. Ростроповича* и свое отношение к премии подтвердил в телеграмме в адрес Шведской академии: "Вашу телеграмму получил, благодарю. В присуждении Нобелевской премии вижу дань русской литературе и нашей трудной истории. К традиционному дню намерен приехать в Стокгольм для личного получения". Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов»[113].

В письме КГБ от 29 октября был приведен еще с десяток откликов писателей и ученых о присуждении Солженицыну Нобелевской премии, но здесь появилась и новая тема. Андропов сообщал в ЦК КПСС, что Солженицын считает возможной свою поездку в Стокгольм для получения Нобелевской премии.

«Комитет государственной безопасности полагает, что в случае официального обращения *Солженицына* с ходатайством о выезде в Швецию для получения Нобелевской премии можно было бы пойти на удовлетворение его просьбы. Что касается вопроса об обратном въезде в Советский Союз, то его следовало бы решать в зависимости от поведения *Солженицына* за границей. Если *Солженицын* решит остаться за рубежом, то принимать какие-либо меры к его возвращению в Советский Союз, по нашему мнению, вряд ли целесообразно.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов»[114].

В конце ноября 1970 года в КГБ подготовили проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о «выдворении Солженицына из пределов СССР» и лишении его советского гражданства. Желание избавиться от писателя было настолько

велико, что Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и Андропов поясняли в одной из записок секретарям ЦК КПСС:

«Проживание Солженицына в стране после вручен™ ему Нобелевской премии укрепит его позиции и позволит активнее пропагандировать свои взгляды… Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции — позиции внутреннего эмигранта и всех преимуществ, связанных с этим… Сам же акт выдворения вызовет кратковременную антисоветскую кампанию за рубежом с участием некоторых органов коммунистической прессы… Взвесив все обстоятельства, считали бы целесообразным решить вопрос о выдворении Солженицына из пределов Советского государства».

Как известно, Солженицын решил воздержаться от поездки в Швецию. Он завершил в 1970 году работу над романом «Август 1914-го». Подготовка к его изданию началась сразу же в нескольких странах; в Москве у друзей и знакомых писателя появились машинописные копии новой книги. КГБ продолжал следить за всеми действиями и передвижениями Солженицына и его встречами. В записках КГБ фиксируются его встречи с А. Твардовским и Л. Копелевым, с Л. К. Чуковской и М. Ростроповичем и другими. Особое внимание было уделено встречам и беседам Солженицына с известным немецким писателем Генрихом Бёллем. Некоторые информационные записки удивляют своей мелочностью. КГБ информирует Политбюро обо всех подробностях конфликта писателя с его первой женой Н. Решетовской, о «связи» с Натальей Светловой, у которой родился первый, а затем и второй сын от Солженицына. На самом высшем уровне решается вопрос о получении Солженицыным части его премии в форме валютных сертификатов, о попытке писателя получить московскую прописку. Желание Солженицына купить за валюту кооперативную квартиру в Москве встретило решительное возражение КГБ. Любопытно, что вокруг этого «квартирного вопроса» в руководстве страны возникли разногласия. Против позиции и политики КГБ в отношении Солженицына выступило Министерство внутренних дел СССР. Министр внутренних дел Николай Щелоков, отношения которого с Андроповым складывались не лучшим образом, направил Л. Брежневу большую записку «К вопросу о Солженицыне». «В истории с Солженицыным, — писал Щелоков, — мы повторяем те же самые грубейшие ошибки, которые допустили с Борисом Пастернаком… Солженицын стал крупной фигурой в идеологической борьбе. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Ни замолчать, ни обойти этот факт нельзя… Объективно Солженицын талантлив.

Это — явление в литературе. С этой точки зрения он представляет безусловный интерес для Советской власти. Было бы крайне выгодно, чтобы его перо служило интересам народа. При правильном решении "проблемы Солженицына" вполне реальной является задача поворота его творческих интересов в сторону тематики, безупречной в идеологическом отношении… Солженицыну нужно дать срочно квартиру. Его нужно прописать, проявить к нему внимание. С ним должен поговорить кто-то из видных руководящих работников, чтобы снять у него весь этот горький осадок, который не могла не оставить травля против него. За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Нашим издательствам пора понять, что в настоящее время надо не отвергать литературные произведения, а трансформировать их. В данном случае надо не публично казнить врагов, а душить их в объятиях. Это элементарная истина, которую следовало знать тем товарищам, которые руководят литературой»[115]. Брежневу очень понравилась записка его доброго приятеля Щелокова, он ее внимательно прочел, подчеркнув многие фразы. Своему помощнику Цуканову Брежнев написал: «Эту запись иметь временно у себя. Л. Брежнев». Никого из членов Политбюро с запиской Щелокова Брежнев знакомить на стал, но и попыток «задушить Солженицына в своих объятиях» генсек не предпринимал. В начале 1970-х годов Н. Щелоков дружил с Мстиславом Ростроповичем, жена которого Галина Вишневская была родственницей жены Щелокова. Их дачи находились по соседству в поселке Жуковка. Здесь же на даче Ростроповича месяцами жил тогда и сам Солженицын. Несмотря на столь высокую протекцию, никакой квартиры писатель в Москве не получил. Даже после официальной регистрации брака со Светловой в московской прописке ему было отказано.

Вопрос о выдворении Солженицына из СССР обсуждался на всех уровнях и в 1972 году. 30 марта этот вопрос подробно рассматривался на заседании Политбюро. Некоторые из членов Политбюро настаивали на немедленном выдворении писателя из страны. Однако А. Косыгин не хотел, чтобы ответственность за решение брало на себя Политбюро. «Вопрос, связанный с Солженицыным, — сказал Косыгин, — это частный вопрос. Солженицын перешел все рамки терпимого, все границы, и с этим должен решать вопрос сам т. Андропов в соответствии с теми законами, которые у нас есть. А мы посмотрим, как он эти вопросы решит. Если неправильно решит, то поправим его»[116]. Но Андропов не хотел брать на себя всю ответственность. В апреле 1972 года Политбюро еще раз обсудило вопрос о Солженицыне, однако решение не было принято.

В 1973 году КГБ продолжал внимательно следить за работой и поведением Солженицына. «Действия Солженицына контролируются…» — говорилось в одной из записок Андропова в ЦК КПСС. В материалах КГБ приводятся выдержки из бесед писателя с его неродным сыном Дмитрием, что свидетельствовало о прослушивании квартиры Светловой, где жил в это время Солженицын. Особый интерес КГБ проявляет к знакомым Солженицына в Ленинграде. В этой связи в материалах КГБ появляются имена не только литературоведа Ефима Эткинда, но и пенсионерки Е. Воронянской, которая обнаруживает хорошее знание текста «Архипелага ГУЛАГ». За Воронянской было установлено более пристальное наблюдение. Одновременно КГБ начал готовить возбуждение уголовного дела на Солженицына. В начале августа провели обыск на квартире еще одной ленинградской знакомой Солженицына — Н. Ф. Пахтусовой. Среди многих изъятых при обыске материалов были найдены краткие конспекты «Архипелага», принадлежавшие перу Воронянской и Пахтусовой. Почти сразу же после этого обыск был проведен у Воронянской. Начались допросы обеих женщин. По их показаниям прошли новые обыски, и наконец КГБ достиг поставленной цели — обнаружил огромную рукопись «Архипелага ГУЛАГ» или ее полную фотокопию. Через несколько дней Воронянская покончила жизнь самоубийством. В записке Андропова в ЦК КПСС об этом было сказано следующее: «По результатам обыска *Воронянская* была допрошена и дала показания о характере знакомства с *Солженицыным*, поручениях, которые выполняла по его просьбе, подробно рассказала о содержании романа «Архипелаг ГУЛАГ». Прибыв с допроса домой, *Воронянская* пыталась покончить жизнь самоубийством, но принятыми мерами попытка была предотвращена. В дальнейшем *Воронянская* пояснила, что причиной к этому послужил тот факт, что она дала показания, направленные против Солженицына. Воронянская была помещена в больницу для приведения ее в нормальное физическое состояние, однако, будучи выписанной оттуда 23 августа 1973 года, находясь в своей квартире, покончила жизнь самоубийством через повешение. По линии органов госбезопасности г. Ленинграда приняты меры к локализации возможных нежелательных последствий, и 30 августа 1973 года *Воронянская* похоронена своими родственниками. В связи со смертью *Воронянской* близкие знакомые *Солженицына* в Ленинграде проявили серьезное беспокойство о ее архиве, в особенности потому, что в органы безопасности может попасть «Архипелаг ГУЛАГ», обнаружение которого крайне опасно, по их мнению, для дальнейшей судьбы

Солженицына. Принятыми мерами удалось обнаружить и изъять архив *Воронянской*, в том числе роман «Архипелаг ГУЛАГ». О нем будет доложено специально. Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[117].

Смерть Воронянской и изъятие «Архипелага» сохранить в тайне от Солженицына было невозможно. Он говорил многим из друзей, что эта главная книга будет опубликована только после его смерти или в случае ареста. Но и изъятие рукописи «Архипелага» создавало угрозу для писателя, и он решил как можно быстрее опубликовать книгу, фотокопии которой давно уже находились у адвоката в Швейцарии. В мемуарных записках Солженицын писал: «Выкопан был "Архипелаг", и худые вести не сидят на насесте — 1 сентября пришли мне сказать об этом, еще не совсем точно. 3-го уже наверняка… Жаль было бедную опрометчивую женщину с ее порывом — сохранить книгу лучше меня, и вот погубившую — и ее, и себя, и многих. Но достаточно уже ученый на таких изломах, я в шевелении волос теменных провижу: Божий перст! Это ты! Благодарю за науку!…Разве я бы сам решился? Разве понял бы, что пришло время пускать "Архипелаг"? Наверняка — нет, все так же бы — откладывал на весну 75-го, мнимо-покойно сидя на бочках пороховых. Но перст промелькнул: что спишь, ленивый раб? Время давно пришло и прошло — открывай!!! 3-го вечером я узнал, 5-го вечером посылал не только извещение о взятии "Архипелага" — но распоряжение: немедленно печатать»[118].

Подготовка «Архипелага» — огромной по объему и трудной для перевода книги — не могла стать быстрым делом. Однако русскоязычный вариант первого тома можно было издать быстро, а кроме того, отдельные главы начали переводиться для публикации в наиболее известных газетах и журналах — в США и в странах Западной Европы. Точного графика работы не знали ни в КГБ, ни в окружении Солженицына, но было ясно — речь идет всего о 3–4 месяцах.

10 сентября 1973 года КГБ распространил по отделам ЦК КПСС и по своему особому списку краткую — на 20 страницах — аннотацию «сочинения *Солженицына* "Архипелаг ГУЛАГ"», слово «роман» в документах КГБ уже не употребляется. В сентябре и октябре Андропов направил в ЦК КПСС несколько записок по «делу Солженицына». Председатель КГБ настойчиво убеждает своих коллег по Политбюро, что высылка Солженицына в одну из западных стран будет наиболее правильным решением. Это предложение встретило возражения у некоторых советских лидеров, которые настаивали на более суровом наказании. Брежнев колебался, решили создать специальную комиссию ЦК

КПСС для изучения дела. Между тем Солженицын осенью 1973 года почти ежедневно встречался с иностранными корреспондентами в Москве, давал интервью, «вел встречный бой».

«В первый раз, — писал он в декабре 1973 года в своих записках, — выхожу на бой в свой полный рост и в свой полный голос. Для моей жизни — момент великий, та схватка, для которой я, может быть, и жил… Не то ли время подошло наконец, когда Россия начнет просыпаться?…Вероятно, опять есть ошибки в моем предвидении и в моих расчетах. Еще многое мне и вблизи не видно, еще во многом меня поправит Высшая Рука. То и веселит меня, то и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударе! Не выпасть из руки Твоей!»[119].

В записке Андропова от 12 декабря, напротив, чувствовалась некоторая неуверенность. Чтобы выслать писателя из Советского Союза, нужно было и согласие какой-либо из западных стран. Между тем неофициальные запросы на этот счет оставались без ответа. Как пояснял Андропов, «имеющиеся материалы дают полное основание привлечь *Солженицына* к уголовной ответственности по статье 70 УК РСФСР. Привлечение *Солженицына* к уголовной ответственности имело бы положительное значение в том смысле, что положило бы конец безнаказанности его действий, вызывающей подчас недоумение советских граждан и ненужные кривотолки. Однако во избежание всякого рода спекуляций и имея в виду предложения ряда известных представителей советской общественности, можно было бы заменить такую меру лишением *Солженицына* советского гражданства и выдворением за пределы СССР. Поскольку для осуществления такого замысла необходима въездная виза одного из иностранных государств, считаем возможным поручить послам СССР в Швеции, Швейцарии, Дании и Ливане официально обратиться к правительствам этих стран с просьбой предоставить *Солженицыну* въездную визу в эти страны»… «Не исключено, — отмечал Андропов, — что такое обращение послов достигнет цели. Однако и в случае отказа зарубежных стран в предоставлении *Солженицыну* прав на жительство мы будем иметь безусловные преимущества. Во-первых, оно еще раз покажет мировой общественности гуманность Советского правительства… Во-вторых, *Солженицын*, узнав об этом шаге, может пойти на некоторое снижение своей враждебной активности и сокращение связей с антисоветскими кругами за рубежом. Просим рассмотреть. Председатель Комитета

госбезопасности Андропов»[120].

В первый день нового, 1974 года западные информационные агентства сообщили об издании книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» — первого тома на русском языке. Сообщениями и комментариями была переполнена печать Запада. Крупные заголовки на первых страницах извещали читателей об этом событии как о крупнейшей сенсации. 2 января 1974 года КГБ распространил среди членов Политбюро ксерокопию рукописи всего «Архипелага», а не только аннотацию. По решению Секретариата ЦК КПСС вся печать и другие средства массовой информации СССР начали массированную кампанию, направленную против Солженицына. 7 января вопрос о Солженицыне был рассмотрен на заседании Политбюро. Предлагали самые разные меры — выслать Солженицына в одну из социалистических стран или в Ирак, но Андропов говорил, что социалистические страны на это не согласятся, а Ирак и Швейцария — хорошо, но от них также пока нет согласия. Николай Подгорный, однако, возражал против высылки, считая, что Солженицына необходимо арестовать и содержать в заключении в СССР. Почему в Китае можно публично казнить людей, заявил Подгорный, а мы не можем держать в тюрьме такого врага, как Солженицын? Еще более жестко высказывался Косыгин. Он сказал: «Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов»[121]. Косыгин был тогда Председателем Совета Министров СССР, а Подгорный — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, и с их мнением нельзя было не считаться. Особенно решительно выступал Подгорный. Он несколько раз брал слово и настаивал на самом суровом наказании. «Нам надо провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость… Нам нужно разоблачить Солженицына. Если мы его вышлем за границу, то он и там будет нам вредить». С Подгорным согласился Громыко, осторожно заявив, что «внутренний вариант был бы предпочтителен». За судебный процесс над Солженицыным и против высылки высказался и А. Шелепин. В конце это же мнение поддержал и Брежнев.

Политбюро приняло постановление «О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А. И.», в котором исполнение всех карательных мер, включая арест, проведение следствия и судебного процесса было поручено Андропову и Руденко, Генеральному прокурору СССР. Это не означало, что действовать надо немедленно. Андропов и Руденко должны были

сначала определить порядок и процедуру следствия и судебного процесса и внести затем предложения на этот счет в ЦК КПСС. Только после начала следствия или после ареста можно было действовать самостоятельно, «информируя ЦК КПСС в оперативном порядке».

Андропов был крайне озабочен возложенной на него миссией. Он понимал, что в случае ареста и судебного процесса пострадает не только престиж СССР, но и его личный престиж. Перед всем миром именно он, Андропов, а также КГБ предстанут в неприглядном виде. Он пригласил к себе одного из ведущих работников контрразведки КГБ генерал-майора Вячеслава Кеворкова, который уже не раз выполнял разнообразные, в том числе и весьма деликатные, поручения своего шефа. Именно Кеворков, по поручению Андропова, осуществлял неофициальную и даже тайную связь между Брежневым, Андроповым и Громыко, с одной стороны, и канцлером ФРГ Вилли Брандтом — с другой. Теперь речь шла о том, чтобы склонить германских лидеров к предоставлению Солженицыну политического убежища в ФРГ. Андропов действовал в данном случае с согласия Брежнева, с которым подробно беседовал уже после заседания Политбюро. Обобщая разговоры с Андроповым о судьбе Солженицына, В. Кеворков писал в своих мемуарах: «Ю. Андропов поведал мне о событиях, непосредственно предшествовавших принятию решения по Солженицыну. В январе 1974 года на заседании Политбюро разгорелась жаркая дискуссия по поводу писателя. Все выступавшие дружно предали его анафеме как врага Советского Союза, который, опираясь на поддержку Запада и осознавая в связи с этим безнаказанность своих действий, мажет грязью советскую действительность. Крайне резко выступили на заседании президент Н. Подгорный и премьер А. Косыгин. Каждый из них стремился доказать Брежневу, что именно он является наиболее непримиримым борцом с каждым, кто покушается на устои советской власти. Предложение Андропова ограничиться высылкой Солженицына из страны Подгорный квалифицировал как признак слабости, проявляемый советской властью к ее врагам. Премьер Косыгин в своем выступлении против предложения Андропова был более предметен. Он предложил арестовать Солженицына и сослать его в наиболее холодные районы Советского Заполярья… Оба выступления не на шутку напугали Андропова, и, рассказывая об уже свершившемся, он нервничал так, как будто все неприятное предстояло ему пережить еще раз… В данном случае речь шла об устойчивой неприязни премьера Косыгина и президента Подгорного к Генеральному секретарю Л. Брежневу и его ставленнику Ю.

Андропову. Очевидным было и желание первых двух потеснить на политической арене последнего. Косыгин и Подгорный видели в Андропове сильную политическую фигуру, которая становилась реальной угрозой их политическим и административным амбициям. Однако поскольку он был приближенным лицом Л. Брежнева, имевшим на него сильное влияние, то прямое выступление против него могло повлечь за собой конфронтацию с Генеральным секретарем, а это было уже опасно. Поэтому Косыгин и Подгорный избрали тактику дезавуирования дееспособности Андропова. В истории с Солженицыным им представлялся великолепный случай поставить его в достаточно сложное положение как члена Политбюро и еще больше как руководителя госбезопасности. Для этого требовалось навязать Политбюро принятие в отношении писателя наиболее жесткого решения: арест с последующей ссылкой в лагерь с особым режимом и тяжелыми климатическими условиями, откуда мало кто возвращался. Создавалась парадоксальная ситуация: для того чтобы спасти себя, руководитель карательного органа должен был спасать писателя, которого преследовал. Может быть, действуя таким образом в отношении Солженицына, Андропов все же руководствовался какой-то тайной симпатией к писателю и его творчеству? Нет. Скажем прямо, симпатий к писателю он не испытывал. Что касается творчества, то в отличие от остальных членов Политбюро он читал много и с книгами Солженицына был хорошо знаком. С точки зрения литературы ценил их невысоко и, по его словам, дочитывал каждую из них с большим трудом. Единственной силой, двигавшей им в этом направлении, было желание остаться незапятнанным после непомерно затянувшегося пребывания на посту руководителя госбезопасности. Желание это было настолько велико, что очень скоро превратилось в комплекс, развитию которого способствовали многие обстоятельства, в том числе и одно, казалось бы, малозначительное событие. Александр Шелепин, весьма знаменитый советский политический деятель, во время своей поездки в Англию был освистан английской общественностью только за то, что менее четырех лет стоял во главе советской государственной безопасности. Легко спроецировав имевший место инцидент на себя, Андропов невольно пришел к печальному выводу и неоднократно возвращался к этой истории, трактуя ее каждый раз не в свою пользу»[122].

Даже такой сторонник крайних оценок и резких суждений, как Владимир Буковский, ознакомившись с протоколами и рабочими записями Политбюро, был удивлен относительным либерализмом Ю. Андропова. В середине 1970-х годов, отмечал

он, «западная пресса была полна рассуждений советологов о борьбе "голубей" и "ястребов" в Кремле… Но, как легко убедиться из приведенного протокола, единственным "голубем" оказался Андропов, да и тот предпочитал выслать Солженицына не по доброте душевной. Хорошо было Политбюро решать, что должны делать другие, не неся при этом никакой ответственности за исполнение решений. Андропов же знал, что все негативные последствия ареста и суда над Солженицыным повесят ему на шею. И он, разумеется, нашел выход, как повернуть решение Политбюро на 180 градусов, а точнее говоря, нашел страну, которая согласилась принять Солженицына вопреки его воле.

Для Андропова и отчасти для Громыко решение Политбюро об уголовном преследовании Солженицына было крайне неприятно. Мало того, что Политбюро с ними не согласилось и отвергло их рекомендации — а такое поражение уже само по себе ничего хорошего не предвещало, — но все их хитрые игры в "детант" оказывались под ударом. Что же им оставалось делать, как не обратиться к "партнерам" по этой игре — германским социал-демократам? И те не подвели»[123].

Еще 2 февраля 1974 года в одном из своих публичных выступлений Вилли Брандт заявил, что при желании Солженицын может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ и у него не будет тех трудностей, с которыми всемирно известный писатель встречается в своей стране. Андропов немедленно доложил об этом выступлении Брандта Брежневу и поручил Кеворкову лететь в Берлин, чтобы провести тайные переговоры с Эгоном Баром, статс-секретарем ведомства канцлера. 7 февраля Андропов направил письмо лично Брежневу. В нем говорилось:

«Совершенно секретно.

Особая папка.

Леонид Ильич!…Обращает на себя внимание тот факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции… Исходя из этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны. Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ. Сегодня, 7 февраля, т. Кеворков вылетает для встречи с Баром с целью обсудить практически вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ.

Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9—10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то мне представляется, что не позже чем 9—10 февраля следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10–11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение. Если же по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, мне думается, что следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова.

Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и с арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

С уважением, Ю. Андропов»[124].

Брандт «не дрогнул», и главные детали этой «операции» были с германской стороной согласованы. Практические действия — задержание Солженицына, предъявление ему обвинения и т. п. — были осуществлены Прокуратурой СССР, и Солженицын подробно описал все это в своих мемуарах.

14 февраля 1974 года в «Правде» и «Известиях» появилось сообщение ТАСС о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза «за систематическое совершение действий, несовместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Советскому Союзу». «Семья Солженицына, — говорилось в сообщении, — сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым». И действительно, никто не чинил препятствий и к выезду семьи Солженицына, и к вывозу его огромного архива.

В течение нескольких недель КГБ давал информацию в ЦК

КПСС о многочисленных откликах в Союзе и за границей на высылку Солженицына. Но уже в апреле имя Солженицына почти полностью исчезает из докладных и информационных записок, подписанных Андроповым. КГБ старался следить за поездками и встречами Солженицына за границей, за его интервью, заявлениями и публикациями. При этом с удовлетворением констатируется тот факт, что «после выдворения *Солженицына* за рубеж интерес к нему на Западе неуклонно падает». На самом деле интерес к Солженицыну во всех странах Запада был в 1970-е годы очень велик и начал уменьшаться только в 1980-е годы. Однако советская печать почти полностью перестала писать что-либо о Солженицыне. В июне 1975 года Андропов информирует ЦК КПСС об издании за границей мемуарной книги Солженицына «Бодался теленок с дубом», а также о работе над книгами «Октябрь шестнадцатого» и «Март семнадцатого» — из эпопеи «Красное колесо». КГБ принимает меры к публикации на Западе книги первой жены Солженицына Натальи Решетовской, а также других материалов, «которые раскрывают классовые корни его ненависти к Советской власти». После 1977 года почти все информационные записки о Солженицыне подписывал уже не Юрий Андропов, а его заместитель Семен Цвигун.

Юрий Андропов и Андрей Сахаров

Я уже писал выше о первой беседе между академиком А. Д. Сахаровым и Ю. В. Андроповым, состоявшейся летом

1967 года. Осенью того же года и весной 1968-го общественная активность Сахарова возросла, но, соответственно, возросло и внимание к нему со стороны органов КГБ. Первый документ из «Особых папок», посвященный общественной и правозащитной деятельности Сахарова, датирован 22 мая 1968 года. В этом обширном документе, в частности, говорилось: «КГБ при Совете Министров СССР, № 1169-А. Сов. секретно. Особой важности. ЦК КПСС.

Действительный член Академии наук СССР Сахаров Андрей Дмитриевич, 1921 года рождения, русский, беспартийный, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной и Ленинской премий, заместитель научного руководителя Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики Министерства среднего машиностроения СССР (гор. Арзамас-16)…

16 мая с. г., находясь в институте, Сахаров предложил одной из машинисток отпечатать 5 экземпляров имевшихся у него материалов.

По получении данных о политическом характере размножаемого документа принятыми мерами удалось добыть одну из его копий, начиная со страницы 6.

В документе освещаются вопросы политического, экономического и социального развития общества в основном с антимарксистских позиций. Рассматривая современное общественное развитие и говоря об опасности "чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов Сталина, Гитлера и Мао Цзэдуна", автор отмечает, что "фашизм в Германии просуществовал 12 лет. Сталинизм в СССР — вдвое больше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это гораздо более изощренный наряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть…"

Затрагивая вопрос об "угрозе интеллектуальной свободе", автор пишет: "На сегодня ключ к прогрессивной перестройке государственной системы в интересах человечества лежит в интеллектуальной свободе. Это поняли, в частности, в

Чехословакии, и мы, без сомнения, должны поддержать их смелую и очень ценную для судеб социализма и всего человечества инициативу".

Во второй части документа автор отрицает наличие противоречий между производственными силами и производственными отношениями капиталистического общества, утверждая, что "и капиталистический, и социалистический строй имеют возможность неограниченно развиваться, черпая друг у друга положительные черты (и фактически сближаясь в ряде существенных отношений)".

В заключение автор пишет, что "капиталистический мир не мог не породить социалистического; но социалистический мир не должен разрушать породившую его почву. Это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях".

Приложение: по тексту на 36 листах (С. 6—41). Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[125].

С весны 1968 года наблюдение со стороны КГБ за деятельностью Сахарова стало особенно пристальным, и в одной из последующих записок Андропова на этот счет можно было прочесть: «СССР. Комитет государственной безопасности. Секретно. № 2095-А. Москва. ЦК КПСС… В июне сего года *Медведев* получил от САХАРОВА исправленный экземпляр его статьи "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", ознакомил с ней некоторых своих знакомых и размножил ее вместе с *Петровским Л. #.*, членом КПСС, научным сотрудником музея В. И. Ленина. *Медведев*, в целом, одобряет статью *Сахарова,* так как она, по его мнению, призывает к демократизации духовной жизни, но вместе с тем он отмечает ее утопический характер. *Медведев* высказывает беспокойство за судьбу *Сахарова…* Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[126]. Андропов попросил научного руководителя Арзамаса-16 академика Ю. Б. Харитона как-то воздействовать на Сахарова. Сам Сахаров свидетельствовал позднее: «В первых числах июня я вместе с Ю. Б. ехал на объект в его персональном вагоне. Мы сидели за столом в салоне, когда Ю. Б. начал явно трудный для него разговор. Он сказал: "Меня вызвал к себе Андропов. Он заявил, что его люди обнаруживают на столах и в вещах у некоторых лиц (т. е. при негласных обысках. — *А. С.)* рукопись Сахарова, нелегально распространяемую. Содержание ее таково, что в случае ее попадания за границу будет нанесен большой ущерб… Андропов открыл сейф и показал мне рукопись. Он просил поговорить с Вами. Вы должны изъять рукопись из распространения…" Я

сказал: "Содержание соответствует моим убеждениям, и я полностью принимаю на себя ответственность за распространение этой работы. Только на себя. "Изъять" ее уже невозможно"»[127].

Статья Сахарова была опубликована в самых разных западных изданиях в июле 1968 года, ее текст много раз передавали все западные радиостанции. Появилось много статей и комментариев и о статье, и о самом Сахарове. По распоряжению министра среднего машиностроения Ефима Славского Сахарову был закрыт доступ на «объект», и он уже никогда не появлялся здесь в своем кабинете. Это явилось фактическим отстранением от участия в атомных проектах. Сахаров не особенно огорчился, он мог теперь отказаться от прежних ограничений в знакомствах и начал встречаться с разными людьми, в первую очередь с писателями и учеными.

Вторжение войск Варшавского Договора в Чехословакию оказалось для всех нас тяжелым шоком. Андрей Дмитриевич очень хотел как-то отреагировать на это событие. Возникла мысль о коллективном протесте наиболее известных тогда деятелей интеллигенции. Сразу появилось несколько проектов такого протеста. Неожиданно для меня очень эмоциональный и глубокий по содержанию текст предложил кинорежиссер Михаил Ромм. Этот проект и был принят за «основу». Сахаров готов был подписать данный протест, но не хотел, чтобы его подпись стояла первой. Вечером 23 августа под документом подписался академик Игорь Тамм, затем еще несколько крупных ученых. 24 августа в Москву приехал для знакомства с ситуацией и подготовки протеста А. Солженицын. Он искал встречи с Сахаровым. Первая продолжительная беседа этих двух людей состоялась 26 августа на квартире одного из их общих знакомых. Подготовка текста коллективного протеста, однако, затянулась, а обстановка в Чехословакии изменилась. Между тем Сахаров хотел ясно обозначить свою позицию. Узнав с некоторым запозданием о манифестации диссидентов на Красной площади, он позвонил Андропову. «Я позвонил Андропову, — вспоминал он позднее. — Когда-то Курчатов распорядился пускать меня в Институт атомной энергии в любое время, без пропусков и формальностей, и его секретарши выполняли это до поры до времени. Я пошел в кабинет А. П. Александрова, директора института, и позвонил по ВЧ. Я сказал Андропову, что очень обеспокоен судьбой арестованных после демонстрации на Красной площади 25 августа. Они демонстрировали с лозунгами о Чехословакии — этот вопрос привлекает большое внимание во всем мире, в том числе и в западных компартиях, и приговор демонстрантам обострит ситуацию. Андропов сказал, что он крайне занят в связи

с событиями в ЧССР, он почти не спал последнюю неделю, вопросом о демонстрации занимается не КГБ, а прокуратура. Но он думает, что приговор не будет суровым. Это был мой второй и последний разговор с Андроповым»[128].

В 1969 году тяжелая болезнь, а затем и смерть жены А. Д. Сахарова Клавдии Алексеевны (урожд. Вихиревой) надолго выбили его из колеи. Он почти ни с кем не встречался, не занимался наукой и был только рад переходу из сверхсекретного «объекта» в один из академических институтов (ФИАН). Но в 1970 году Сахаров вернулся к научной работе и к диссидентской деятельности. Он активно участвовал во всех кампаниях по защите прав человека начала 1970-х годов и, в частности, много сделал для освобождения Жореса Медведева, которого в мае — июне 1970 года пытались заточить в психиатрическую больницу. Вместе с Валерием Чалидзе Сахаров образовал небольшой Комитет прав человека. Это была уже организация, и власти сделали все возможное, чтобы прекратить ее деятельность. Под давлением КГБ Чалидзе был вынужден выехать за границу, и вскоре его лишили советского гражданства. В США Чалидзе основал небольшое русское издательство и начал выпускать журнал «СССР. Внутренние противоречия». Заместитель министра иностранных дел СССР Анатолий Ковалев, с которым у Андропова были дружеские и доверительные отношения, как-то спросил: «А почему все-таки нельзя разрешить и Сахарову выезд за границу? Он уже не работает по специальности, и секреты, которые он знал, наверное, устарели?» Андропов ответил: «Потому что у него "золотые мозги", редкие в мире, которых, может быть, на Западе и нет»[129].

В феврале 1970 года Андрей Сахаров и физик Валентин Турчин подготовили новый «меморандум» в форме письма руководителям СССР и КПСС по проблемам демократизации, необходимой для развития и оздоровления советского общества и для более эффективного развития экономики страны. Предполагалось, что это письмо, спокойное по форме и лояльное по содержанию, будет подписано 15–20 наиболее крупными учеными и деятелями культуры Советского Союза. Все, с кем встречался Сахаров, одобряли текст документа, но отклоняли под разными предлогами предложение его подписать. В конечном счете письмо подписали Сахаров, Турчин и я. В небольшой сопроводительной записке, которую Сахаров написал от руки, он предупреждал, что мы ознакомим с текстом письма общественность, если ответа на него не будет в течение двух недель. Мы сделали это в конце марта или в апреле. Правда, уже после публикации нашего письма в западных газетах А. Д.

Сахарова пригласил для беседы президент АН СССР Мстислав Келдыш, а вскоре и завотделом науки ЦК КПСС Сергей Трапезников. Их доводы были, в сущности, одинаковы: демократизация в СССР очень нужна, но сначала надо поднять уровень жизни широких масс населения, «накормить народ». Как я узнал в конце 1990 года из публикации в новом журнале ЦК КПСС, наше письмо поступило в ЦК 19 марта 1970 года, но только в начале апреля его текст по указанию заведующего общим отделом К. Черненко разослали для ознакомления членам Политбюро[130]. Письмо прочли, но не обсуждали. Руководство ЦК КПСС было в это время очень обеспокоено кризисом власти в Польше. Решили пересмотреть многие из заданий на десятую пятилетку (1971–1975) и принять меры к увеличению производства товаров народного потребления и продукции сельского хозяйства. Отголоски всех этих событий можно найти и во многих беседах Андропова со своими единомышленниками. «Разговаривая со мной, — свидетельствует Анатолий Ковалев, — Андропов нередко ходил по кабинету. Когда его монологи несколько затягивались, он, словно извиняясь, говорил, что это все накатанные, как он выражался, мысли. Одна из таких мыслей заключалась в следующем: вот лет через пятнадцать-двадцать мы сможем себе позволить то, что позволяет себе сейчас Запад, — большую свободу мнений, информированности, разнообразия в обществе, в искусстве. Но это только лет через пятнадцать-двадцать, когда удастся поднять жизненный уровень населения. "А сейчас — ты даже не представляешь, какие настроения в стране, — говорил он. — Может все пойти вразнос — жизненный уровень народа крайне низок, культурный уровень тоже, школьное дело поставлено отвратительно, литература… Что это за литература? Почему КГБ — а не Министерство культуры и отдел ЦК — должен работать с деятелями культуры и литературы? Почему они все взваливают на нас? Потому, что у них ничего не получается…

Принцип нерушимости границ — это, конечно, хорошо, очень хорошо, — продолжал Андропов. — Но меня беспокоит другое: границы будут нерушимыми в военном отношении, а во всех других отношениях в результате расширения контактов, потока информации они станут прозрачными… Но я думаю, что наше общество созреет до этого, как я уже говорил, лет через пятнадцать-двадцать, когда улучшатся условия существования людей. Пока что игра идет в одни ворота: МИД набирает очки, а КГБ теряет их"»[131].

Через 15 лет на дворе у нас был, как известно, 1985 год, а через 20 — 1990 год. Общество не смогло к этому времени

«созреть» для демократии, об этом в 1970-е годы никто не заботился.

В феврале или в марте 1970 года академик Ю. Харитон передал Сахарову просьбу Андропова срочно позвонить ему. «А почему, в таком случае, он сам ко мне не позвонит?» — спросил Сахаров. «Ну, у этих людей свои представления об авторитете и церемониалах»[132]. Харитон передал Сахарову городской служебный, а не прямой личный или правительственный номер телефона Председателя КГБ. Сахаров звонил несколько раз, и каждый раз секретари из канцелярии КГБ говорили, что Андропова нет на месте.

Сахаров возобновил знакомство с Солженицыным, но никакой совместной деятельности у них не получилось, это были слишком разные люди с очень разными взглядами, в том числе и на задачи диссидентского движения. Солженицын, в частности, решительно отказался участвовать в разного рода кампаниях по защите людей, подвергшихся политическим репрессиям. «Я спросил его, — свидетельствует Сахаров, — можно ли что-либо сделать, чтобы помочь Григоренко и Марченко. Солженицын отрезал: "Нет! Эти люди пошли на таран, они избрали свою судьбу сами, спасти их невозможно. Любая попытка может только принести вред им и другим". Меня охватило холодом от этой позиции, так противоречащей непосредственному чувству»[133].

КГБ внимательно наблюдал за деятельностью Сахарова, но, как я уже писал выше, 505 томов оперативных документов по «делу Сахарова» были уничтожены в 1989–1990 годах. Сохранились, однако, десятки докладных и информационных записок КГБ в ЦК КПСС. Часть из них имеется в документах Конституционного суда, многие такие записки хранятся в созданном в 1991 году архиве А.Д.Сахарова. Приведу здесь лишь одну из типичных записок подобного рода:

«В Секретариат ЦК КПСС.

Совершенно секретно.

26 июня 1972 года.

…В последнее время западная пропаганда все шире использует в антисоветских целях всякого рода письма и "трактаты" академика Сахарова. А. Д. Сахаров стал известен на Западе после появления его идеологически вредного трактата "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Подрывные идеологические центры противника активно взяли на вооружение имя Сахарова, выдавая его за наиболее крупного представителя якобы имеющегося в СССР "оппозиционного движения". Сахарову явно импонирует такое представление буржуазной пропагандой его личности, и он

систематически выступает с разного рода протестами и письмами в защиту антиобщественных элементов типа Буковского, Медведева и других. Политические пасквили и обращения в различные инстанции Сахарова подхватываются и широко муссируются западной пропагандой.

23 июня радиостанции капиталистических государств начали новую серию передач, посвященных письмам Сахарова, которые, по имеющимся оперативным данным, были переданы на Запад Якиром незадолго до его ареста. Письма Сахарова содержат грубые нападки на советскую действительность, политику КПСС и Советского правительства. "Наше общество, — пишет Сахаров, — заражено апатией, лицемерием, узколобым эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство в партийном и правительственном аппарате и в наиболее преуспевающем слое интеллигенции упорно цепляется за свои явные и тайные привилегии". Советский строй Сахаров именует "бюрократической и нетерпимой системой", которая будто бы характеризуется "тоталитарным вмешательством правительства в жизнь граждан".

Сахаров пытается очернить национальную политику КПСС и поставить под сомнение суверенитет союзных республик. Сахаров демагогически выступает за "демократизацию советского общества" и "сближение его с Западом". Одновременно он пытается представить себя в роли реформатора в области социально-экономических отношений. В частности, Сахаров ратует за увеличение "частных наделов" колхозников, введение "частных торговых предприятий", "частной врачебной практики" и т. п. Агентство "Рейтер" сообщило о требовании Сахарова создать "Международный совет экспертов по вопросам мира, разоружения, экономической помощи развивающимся странам, защиты прав человека, защиты окружающей среды", который состоял бы из "авторитетных людей всего мира", независимых "от правительств своих стран". Оценивая последние письма Сахарова, западные буржуазные пропагандисты подчеркивают, что в них он идет гораздо дальше, чем в своих ранее опубликованных работах. И это обстоятельство противник пытается использовать в своей подрывной деятельности. Все это показывает, что антиобщественные действия Сахарова объективно все более смыкаются с подрывной деятельностью идеологических центров противника. В этих условиях возникает необходимость публичного реагирования на действия Сахарова.

Председатель Комитета госбезопасности

Ю. Андропов»[134].

Вспоминаю, что именно в 1973 году пропагандистская кампания против А. Д. Сахарова стала особенно активной и

грубой. 6 сентября 1973 года Секретариат ЦК утвердил на своем заседании текст большой информационной записки «Об антиобщественной деятельности академика А. Д. Сахарова». С этой запиской было решено ознакомить не только партийный актив по всей стране, но также всех руководителей министерств и ведомств, командный и политический состав Советской армии. Аналогичное решение было принято и на Политбюро[135]. Но и Сахаров не оставался в долгу. Он стал еще шире распространять свои письма и «трактаты», затрагивая теперь и многие вопросы внешней политики СССР. При этом Сахаров перестал пользоваться помощью Якира или кого-либо еще. Он начал приглашать к себе иностранных корреспондентов и давать им интервью у себя дома. Все чаще и чаще он писал теперь обращения и письма, адресованные не советскому правительству, а президенту США и главам западных государств, американскому конгрессу и т. п.

После высылки из СССР Александра Солженицына Сахаров превратился в главную фигуру не только в движении диссидентов, но и в сводках Пятого управления КГБ. О Сахарове было трудно писать как о «неудачнике», как о человеке, чья неприязнь к Советскому государству имеет «классовые корни», чье социальное происхождение «сомнительно» и т. п. В отличие от Солженицына прошлые заслуги Сахарова перед Советским государством были велики и очевидны. Он является одним из главных создателей самого мощного оружия нашего государства. Сахарову трижды присуждалось звание Героя Социалистического Труда, он стал лауреатом Ленинской и Государственной премий. Авторитет Сахарова в Академии наук был очень высок. Для давления на Сахарова использовались проблемы, возникавшие с образованием и трудоустройством трех его родных детей и двух детей его второй жены Елены Георгиевны Боннэр. Нередко острие критики было направлено на Боннэр и ее семью, что, естественно, больно отражалось на Сахарове. Дело доходило до мелочей. Сахарову и его жене не разрешали произвести удобный для всех обмен квартир и решать разного рода бытовые проблемы.

В начале октября 1975 года А. Д. Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира. Эта награда вызвала новый поток статей и писем, направленных на дискредитацию Сахарова. Почти все советские газеты и журналы включились в эту кампанию. С другой стороны, в западной печати появилось множество статей и комментариев в поддержку ученого. В Осло на торжественной церемонии получения премии присутствовала жена Сахарова Е. Боннэр.

Многие из публичных заявлений и обращений А. Д. Сахарова

вызывали полемику среди диссидентов. Еще в 1973 году Солженицын возражал Сахарову, заявившему, что право на свободу эмиграции и выезда из страны является самым главным из всех демократических прав человека. Сахаров обратился к Конгрессу США с призывом — не ратифицировать подготовленный с большим трудом торговый договор с СССР до тех пор, пока в Советском Союзе не будет обеспечена свобода эмиграции. В результате договор о торговле так и не был ратифицирован, а эмиграция из Советского Союза не возросла, а сократилась. Серьезные возражения среди диссидентов вызвало и заявление Сахарова по поводу взрыва в московском метро. 8 января 1977 года в одном из вагонов в московском метро было взорвано самодельное устройство. Пострадало много ни в чем не повинных людей, многие москвичи были ранены. Этот небывалый ранее для советской столицы террористический акт вызвал много слухов. Говорили, например, что на место трагедии приезжал сам Брежнев, который в присутствии членов Политбюро сделал несколько малоприятных и резких замечаний Андропову. В. М. Чебриков свидетельствовал позднее, что Брежнев не приезжал на место взрыва, а разговаривал с Андроповым по телефону.

В тот же день в Москве прогремело еще два взрыва — в торговом зале продуктового магазина № 15 Бауманского района и около продовольственного магазина № 5 (в урне для мусора). Журналист из малоизвестной лондонской газеты «Evening News» Виктор Луи, чьи связи с КГБ не составляли секрета, опубликовал заметку о том, что эти взрывы, по всей вероятности, дело рук советских диссидентов. Это была явная клевета, но А. Сахаров ответил на нее очень быстро и неадекватно. Он обвинил в террористических актах в Москве КГБ. «Я не могу избавиться от ощущения, — писал Сахаров, — что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов, возможно, совершивших это преступление, чтобы иметь повод для массового преследования диссидентов и изменения внутреннего климата в стране»[136].

Это было опрометчивое заявление. Нельзя было о столь важных и опасных делах высказываться только на основе «ощущений». Однако западная пресса «раздула» слова Сахарова. Генеральная прокуратура СССР сделала официальное предупреждение Сахарову о том, что его заявление о взрывах приведет к аресту по обвинению в клевете. С другой стороны, Государственный департамент США в своем заявлении выразил восхищение Сахаровым и полное к нему доверие. Некоторые из диссидентов, поддержавших версию Сахарова, были арестованы

за «клевету», а самиздатовский журнал «Поиски», также обвинивший во взрывах в Москве КГБ, фактически разгромлен. Взаимное раздражение было очень велико, кампания в печати против Сахарова усилилась. Некоторые из писем, опубликованных в газетах, принадлежали родственникам погибших в метро людей. Судебные приговоры, вынесенные диссидентам в 1977 году, оказались более суровыми, чем в 1975–1976 годах. Обосновывая эту практику, Ю. Андропов и Генеральный прокурор СССР Р. Руденко отмечали в своем письме в ЦК КПСС, что «главари так называемых диссидентов (не говоря уже о Сахарове) все более наглеют, представляя собой крайне отрицательный и опасный пример для других».

Вскоре после взрыва в метро на Курском вокзале была обезврежена еще одна самодельная бомба с часовым механизмом, заложенная в чемодан в зале ожидания. Хозяин чемодана ушел, поручив его вниманию соседки. Возможно, что этот случай дал какую-то нить. В Москве арестовали трех армянских радикал-националистов из подпольной Национальной объединенной партии Армении (НОП) Степана Затикяна, Акопа Степаняна и Завена Багдасаряна. Их обвинили в подготовке и проведении серии террористических актов в Москве. Следствие было долгим, его материалы составили 64 тома. Судебный процесс по данному делу происходил уже в январе 1979 года в Верховном суде СССР под председательством Евгения Смоленцева. Этот процесс был практически закрытым и продолжался всего четыре дня. Смертный приговор был вынесен 24 января, его сообщили родным осужденных 28 января и разрешили 30-минутное свидание. Ходатайство о помиловании было Президиумом Верховного Совета СССР отклонено 30 января 1979 года. Постановление об этом за подписью Брежнева и Георгадзе было отправлено в Верховный суд и в КГБ 30 января, и в этот же день приговор был приведен в исполнение, о чем появилась короткая информация в печати. А. Сахаров публично и решительно протестовал по поводу этого скорого и закрытого суда, хотя и не повторял более версии о виновности КГБ в террористических актах. На Сахарова снова обрушился поток не только статей в газетах, но и угроз по телефону. Несколько человек хотели ворваться к нему в квартиру, выдавая себя за родственников погибших в метро. Ю. Андропов внимательно следил за ходом следствия, а затем и судебного процесса по данному делу, но воздержался от каких-либо публичных высказываний.

В декабре 1979 года Советский Союз ввел войска в Афганистан. Международные протесты по поводу этой акции были очень значительны, специальное решение с осуждением

СССР приняла подавляющим большинством голосов Генеральная Ассамблея ООН. Почти все западные страны приняли решение в знак протеста против советского вторжения в Афганистан воздержаться от участия в очередных Олимпийских играх, которые впервые в истории этих Игр должны были проходить в Москве. Но внутри Советского Союза общественность протестовала против этой акции довольно вяло, и дело было не только в страхе перед возможными репрессиями. А. Д. Сахаров поднял голос протеста одним из первых, и этот протест был хорошо слышен на Западе. Его интервью немецкой газете «Ди Вельт» много раз передавалось по радиостанции «Немецкая волна», большое интервью американской газете «Нью-Йорк тайме» многократно повторялось радиостанцией «Голос Америки». Чаша терпения властей в Кремле переполнилась. К тому же грохот орудий в Афганистане и шум протестов на Западе были настолько сильны, что ждать слишком большого их усиления в связи с репрессией, направленной против Сахарова, не приходилось.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении Сахарова А. Д. государственных наград СССР» 8 января 1980 года подписали Л. Брежнев и М. Георгадзе, но обнародован документ был только в конце месяца. Нам пока неизвестны те обсуждения, которые проводились в Политбюро ЦК КПСС в конце декабря и в начале января по вопросу о судьбе А. Д. Сахарова. Не опубликованы пока и те доклады и информационные записки КГБ, которые направлялись по этому поводу Андроповым в ЦК. Сахаров был задержан 22 января 1980 года прямо на улице и препровожден в Прокуратуру СССР. Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков зачитал ему упомянутый выше указ, а также анонимное решение «О высылке А. Д. Сахарова из Москвы в место, исключающее его контакты с иностранными гражданами». Таким местом избрали город Горький, закрытый в то время для иностранцев.

Сахаров отнесся к этим решениям спокойно, хотя решительно отказался возвращать государству свои награды. С разрешения Рекункова он позвонил домой, чтобы жена собрала необходимые вещи. Ссылка Сахарова в то время не распространялась на жену, но она могла сопровождать мужа в Горький и жить с ним, а также возвращаться при необходимости в Москву. Сахарова с женой отправили в Горький специальным самолетом в сопровождении 8 или 10 сотрудников КГБ. В самолете находился и первый заместитель Председателя КГБ Семен Цвигун, руководивший всей этой операцией. Багаж Сахарова состоял всего из двух дорожных сумок. Четырехкомнатная квартира для академика была уже

подготовлена. Она находилась под круглосуточным наблюдением милиции и КГБ.

Ю. Андропов внимательно следил за судьбой А. Д. Сахарова и даже счел нужным объяснить свою позицию в своеобразной «переписке» с крупнейшим советским физиком

Петром Леонидовичем Капицей, авторитет которого среди советских ученых был очень велик. Через несколько месяцев после того, как Сахаров был сослан в Горький, Капица направил Андропову большое письмо и просил освободить своего коллегу от административной ссылки. П. Капица писал, что «силовое административное воздействие на инакомыслящих ученых» ничего, кроме огромного вреда, не принесет ни престижу страны, ни тем более науке. На нескольких машинописных страницах П. Л. Капица защищал не только А. Д. Сахарова и другого крупного физика Ю. Ф. Орлова от политических репрессий, которые лишили их возможности заниматься научной деятельностью, но само право ученого на инакомыслие, и не только в собственной науке, но и в общественно-политической жизни общества. Он привел как разумный образец отношение В. И. Ленина к великому русскому физиологу И. П. Павлову.

«Известно, — писал Капица, — что отношение (Павлова) к социализму носило ярко демонстративный характер. Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания, и т. д. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не обращал внимания. Для Ленина Павлов был большим ученым, Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову хорошие условия для его научной работы». Таким же, по утверждению Капицы, было отношение Ленина к другим крупнейшим ученым: физиологу растений К. А. Тимирязеву, философу и экономисту А. А. Богданову, электротехнику Карлу Штейнмецу, металлургу Д. К. Чернову и др. «Легко видеть, — писал П. Л. Капица, — что в истоках всех отраслей творческой деятельности человека лежит недовольство существующим, например: ученый недоволен существующим уровнем познания в интересующей его области науки, и он ищет новые методы исследования, писатель недоволен взаимоотношением людей в обществе, и он старается художественным методом повлиять на структуру общества и поведение людей. Инженер недоволен современным решением технической задачи и ищет новые конструктивные формы для ее решения. Общественный деятель недоволен теми законами и традициями, на которых построено государство, и ищет новые формы функционирования общества и т. п. Таким образом, чтобы

появилось желание творить, в основе должно лежать недовольство существующим, то есть надо быть инакомыслящим. Это относится к любой человеческой деятельности. Конечно, недовольных много, но чтобы продуктивно проявить себя в творчестве, надо еще обладать талантом. Жизнь показывает, что больших талантов очень мало, и поэтому их надо ценить и оберегать. Большое творчество требует и большого темперамента, и это приводит к резким формам недовольства, поэтому талантливые люди обычно обладают, как говорят, "трудным характером"… В действительности творческая деятельность обычно встречает плохой прием, поскольку в своей массе люди консервативны и стремятся к спокойной жизни. В результате диалектика развития человеческой культуры лежит в тисках противоречия между консерватизмом и инакомыслием, и это происходит во все времена и во всех областях человеческой культуры…

…Чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысаков мало, и они обычно норовисты, и для них также нужны искусные наездники и хорошая забота. На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть. Мы ничего не достигли, увеличивая административное воздействие на Сахарова и Орлова. В результате их инакомыслие только все возрастает, вызывая отрицательную реакцию даже за рубежом… Я не могу себе представить, как еще мы предполагаем воздействовать на инакомыслящих ученых. Если мы собираемся еще увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит. Не лучше ли попросту дать задний ход?»

Андропова, несомненно, задело это письмо, и он написал Капице также весьма пространный ответ:

«Уважаемый Петр Леонидович! Внимательно прочитал Ваше письмо. Скажу сразу, оно меня огорчило. Огорчило смешением некоторых философских и политических понятий, которые смешивать никак нельзя…

Первый принципиальный вопрос. Он касается оценки инакомыслия… Как я понимаю, Вы поднимаете философский вопрос о роли идей в развитии общества. Если это так, то правильнее было бы, очевидно, говорить о роли передовых и реакционных идей, а не использовать термин, который по воле или вопреки воле автора сглаживает это различие, берет в общие скобки качественно различные явления в общественной жизни…

Как коммунист я, естественно, признаю только конкретный подход к любым идеям и явлениям в области политики или культуры и могу оценивать их лишь с точки зрения того, являются ли они прогрессивными или реакционными.

Поддерживая прогрессивные идеи, коммунисты всегда боролись, борются и будут бороться против идей реакционных, которые тормозят общественный прогресс… Что же касается Ваших утверждений, что Сахаров и Орлов наказаны за "инакомыслие", то, очевидно, Вы стали жертвой чей-то недобросовестной информации. Известно, что в нашей стране не судят за "инакомыслие", и советский закон не предписывает всем гражданам мыслить в рамках каких-то однозначных стереотипов. Почитайте высказывания по этому поводу Леонида Ильича Брежнева. Он неоднократно подчеркивал, что у нас не возбраняется "мыслить иначе", чем большинство, критически оценивать те или иные стороны политической жизни. "К товарищам, которые выступают с критикой обоснованно, стремясь помочь делу, — указывал Леонид Ильич, — мы относимся как к добросовестным критикам и благодарны им. К тем, кто критикует ошибочно, мы относимся как к заблуждающимся людям". Так обстоит дело с "инакомыслием"…

Третье. Касаясь фактической стороны вопроса о Сахарове и Орлове, хочу сказать следующее. Академик Сахаров начиная с 1968 года систематически проводит подрывную работу против Советского государства. Он подготовил и распространил на Западе более 200 различных материалов, в которых содержатся фальсификация и грубейшая клевета на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. Его материалы используются империалистами для разжигания антисоветизма, для осуществления политики, враждебной нашему строю и государству. Как видите, тут уж не "инакомыслие", а действия, наносящие ущерб делу безопасности и обороноспособности Советского Союза… Надо ли в этом вопросе делать, как Вы говорите, "задний ход", видно из всего сказанного выше. Собственно говоря, поставленные Вами вопросы не являются компетенцией ни моей, ни организации, которую я возглавляю. Откликаясь на Ваше письмо, я руководствовался, Петр Леонидович, чувством уважения к Вам.

Ю. Андропов, 19 ноября 1980 г.»[137].

Нет смысла сравнивать аргументы Капицы и Андропова. Ленин действительно не очень беспокоился по поводу инакомыслия физиолога Павлова, металлурга Чернова или электротехника Штейнмеца. Но он был довольно суров к инакомыслящим из числа гуманитарных ученых; сотни известных философов, экономистов, юристов, историков были высланы из Советской России в 1921–1922 годах. С другой стороны, не столько Капица, сколько Андропов смешивал такие философские и политические понятия, которые смешивать нельзя. По его

утверждению, только коммунисты могут правильно оценить, какие идеи прогрессивны, а какие реакционны. Странно читать в письме Андропова, что именно коммунисты всегда боролись, борются и будут бороться за прогрессивные идеи и против реакционных. Уж кто-кто, а он должен был достаточно хорошо знать и самые темные страницы в истории коммунистического движения.

Цитата из выступления Брежнева и последняя фраза о том, в чьей компетенции находятся поставленные Капицей вопросы, показались Петру Леонидовичу важным намеком, и он почти тут же дал телеграмму Л. И. Брежневу, в которой говорилось: «Я очень старый человек. Жизнь научила меня, что добрые поступки никогда не забываются. У Сахарова отвратительный характер, но он великий ученый нашей страны. Спасите его». Нет никакого сомнения, что копия этой телеграммы легла и на стол Андропову. Но никакого ответа на этот раз П. Л. Капица не получил, и в положении А. Д. Сахарова ничего не изменилось.

П. Л. Капица был, однако, настойчив. Он пользовался любым случаем, чтобы выразить свое возмущение ссылкой Сахарова, а также репрессиями против других ученых. В декабре 1981 года, еще при жизни Брежнева, когда в Москве узнали об объявленной Сахаровым голодовке, Петр Леонидович снова направил Андропову короткое, но решительное и настойчивое письмо с просьбой вернуть Сахарова в Москву, к нормальной работе. Письменного ответа на этот раз не последовало, но Капица был извещен, что для пересмотра решений, принятых в отношении Сахарова, ни сам Андропов, ни руководство страны не видят никаких оснований.

После возвращения А. Сахарова из ссылки в декабре 1986 года он несколько раз негативно высказался о Капице, который будто бы ничего не сделал для освобождения его, Сахарова, из ссылки. Это были несправедливые заявления, тем более что Капица уже не мог ответить — он умер в 1984 году. Друзья Капицы решили познакомить Сахарова с упомянутыми выше письмами и телеграммами. Один из недавних сотрудников Капицы с согласия вдовы Петра Леонидовича пригласил Сахарова в кабинет-музей П. Л. Капицы, чтобы показать ему переписку Андропова и Капицы. П. Рубинин вспоминает: «Я позвонил Сахарову, и он вскоре приехал. Это было 19 февраля 1988 года. И вот он сидит за письменным столом Капицы и читает его письма — большое от 11 ноября 1980 года и совсем короткое от 4 декабря 1981 года, когда Андрей Дмитриевич держал в Горьком голодовку и когда мы так боялись за его жизнь… Я отошел в дальний конец мемориального кабинета… я был очень

взволнован. Я много лет — почти тридцать — проработал с Капицей, личностью почти легендарной. И вот теперь в его кабинете, за его письменным столом сидит человек, в которого многие из моего поколения были просто влюблены… Что-то было в этом значительное, не побоюсь этого слова — историческое. Андрей Дмитриевич прочитал оба письма. Он молча сидел за письменным столом Капицы и смотрел на меня. "Да, — сказал он, — я был несправедлив к Петру Леонидовичу…" Он попросил меня дать ему копии этих писем. "Сейчас готовятся к печати мои "Воспоминания", — сказал он. — Я мог бы включить эти письма в приложения к книге". Познакомил я Андрея Дмитриевича и с письмом Андропова. Читать спокойно это письмо он не мог. "Но это же было совсем не так!" — произнес он возмущенно раз или два. И он, естественно, попросил у меня еще одну копию»[138].

В 1981–1982 годах Андропов мало интересовался судьбой Сахарова, хотя и получал необходимую информацию о всех наиболее важных делах, с ним связанных. Но в 1983 году, когда Андропов стал во главе всего государства, некоторые из его иностранных посетителей, например группа американских сенаторов, просили пересмотреть решения о высылке Сахарова. Андропов сразу же заявил, что для этого нет никаких оснований.

КГБ и братья Жорес и Рой Медведевы

Работа Жореса Медведева «Биологическая наука и культ личности. Из истории агробиологической дискуссии в СССР» была, вероятно, первой большой научно-публицистической работой, которая уже весной 1962 года разошлась в списках почти по всей стране и привлекла внимание не только интеллигенции и партийных органов, но и органов государственной безопасности. Феномен самиздата в это время уже был известен, однако в списках распространялись главным образом стихи и поэмы. Позднее самиздат подхватил рассказы и повести из лагерной жизни, отдельные яркие выступления писателей и общественных деятелей, переводные работы. Теперь стихия самиздата вторгалась и в научные дискуссии. Рукопись Жореса привлекла внимание академика Сахарова, который летом 1964 года выступил против Лысенко и его соратников на общем собрании Академии наук. Эта же работа заинтересовала и Александра Солженицына, который счел необходимым отправить письмо автору. «Многоуважаемый Жорес Александрович! — писал Солженицын. — За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта Ваша. Ее искренность, убедительность, простота, верность построения и верно выбранный тон — выше всяких похвал. О своевременности ее нечего и говорить. Я знаю, что и многих читателей она очень волнует, хотя бы они были далеки от биологии. Никто не может остаться безразличным к ее дальнейшей судьбе». Рукопись Жореса прочла семья Никиты Хрущева, а попытка его дочери Рады Никитичны, работавшей редактором популярного журнала «Наука и жизнь», повлиять на отца, на поддержке которого держалась клика Лысенко, кончилась ссорой отца и дочери. Сторонники Лысенко занимали тогда ведущие позиции в сельскохозяйственной и биологической науке, в системе образования, в сельскохозяйственных отделах ЦК КПСС и других партийных инстанциях. Они попытались развернуть кампанию травли Жореса. В 1963 году на идеологическом пленуме ЦК КПСС с разного рода обвинениями против Ж. Медведева выступил первый секретарь МГК Николай Егорычев. В газете «Сельская жизнь», а затем и в «Правде» появилась большая статья президента ВАСХНИЛ М. Ольшанского «Против дезинформации и клеветы», в которой, в частности, говорилось: «Политические спекуляции Ж. Медведева производят, видимо, впечатление на некоторых малосведущих и не в меру простодушных лиц. Чем иначе объяснить, что на одном из собраний Академии наук СССР

академик А. Д. Сахаров, инженер по специальности, допустил в своем публичном выступлении весьма далекий от науки оскорбительный выпад против ученых-мичуринцев в стиле подметных писем, распространяемых Ж. Медведевым?»[139].

В ближайшем окружении Юрия Андропова и в международном отделе ЦК КПСС внимательно следили за этой неожиданно вспыхнувшей острой полемикой вокруг судьбы генетики и генетиков. Андропов прочитал рукопись Жореса Медведева, которую ему принесли консультанты, и его отзыв был осторожен, но не отрицателен: «Очень интересно…»

Работа Жореса привлекла внимание не только в Академии наук, в МГК или в ЦК КПСС, но и в КГБ, руководил которым в те годы В. Семичастный. Активные сторонники Лысенко направляли сюда множество заявлений, требуя пресечь деятельность Жореса Медведева, имевшую якобы антисоветский характер. Эти требования, однако, не получили поддержки в органах безопасности. Создавалось впечатление, что здесь явно не сочувствовали в 1964 году тандему Хрущев — Лысенко.

Внимание к моей книге о Сталине и сталинизме возникло значительно позже. Пожалуй, только к концу 1966 года после моего знакомства с Александром Твардовским и ведущими сотрудниками «Нового мира» я понял, что моя работа вызывает интерес не только у друзей и писателей, но и в КГБ. Некоторые из людей, с которыми меня познакомил Петр Якир, проявляли слишком настойчивый интерес к деталям моей работы, что противоречило неписаным правилам сообщества диссидентов. Не было принято, например, получая те или иные материалы самиздата, спрашивать — кто мне их дал, а тем более настаивать на ответе. Никто даже из самых близких друзей не раскрывал источников своей информации. В 1967 году в КГБ явно усилился интерес к моей работе, чему способствовали, как я и ожидал, встречи с А. Д. Сахаровым. Первая из служебных записок Ю. Андропова, посвященных работе Роя Медведева, была отправлена в ЦК КПСС в начале августа 1968 года. Я был тогда еще членом КПСС и работал научным сотрудником в Академии педагогических наук РСФСР. Текст этой записки был следующим:

«СССР

Комитет государственной безопасности…

Секретно 4 августа 1968 г. № 2095-А

гор. Москва. ЦК КПСС.

Комитетом государственной безопасности оперативным путем получен новый вариант рукописи *Медведева Р. А.* "Перед судом истории" (фотокопия прилагается). *Медведев* дополнил рукопись материалами о репрессированных в прошлом ученых-

физиках с анализом их научных возможностей, школ, которые они представляли в науке, и тех идей, которые не были осуществлены ими. Указанные данные *Медведев* получил от академика *Сахарова,* с которым в настоящее время находится в близких отношениях.

Медведев намеревается в ближайшее время закончить работу "Перед судом истории" и приступить к анализу и оценке современной ситуации в связи с обострением внутренней и внешней обстановки.

Оценивая мероприятия компартий социалистических стран в связи с событиями в Чехословакии, *Медведев* заявил: "Военная оккупация Чехословакии неизбежно привела бы к сильной внутренней реакции в СССР, но, кажется, давление западных компартий удержало некоторых наших "ястребов" от подобной безумной акции".

Книга *Медведева,* после того как она будет закончена, безусловно пойдет по рукам, вызовет много нежелательных толков, т. к. основана на тенденциозно подобранных, но достоверных данных, снабженных умело сделанным комментарием и броскими демагогическими выводами.

В связи с этим представляется необходимым вызвать *Медведева* в отдел пропаганды ЦК КПСС, провести с ним обстоятельный разговор по его произведению и, в зависимости от его результатов, решить вопрос о дальнейших мерах, которые предотвратили бы появление этой книги. При этом не следовало бы исключать возможность привлечения *Медведева* к написанию работы по интересующему его периоду жизни нашего государства под соответствующим партийным контролем.

Прошу рассмотреть.

Андропов»[140].

Предложение Андропова, как я узнал на слушаниях в Конституционном суде в 1992 году, было решительно отклонено в идеологическом аппарате ЦК КПСС. В анонимном заключении одного из отделов ЦК меня обвинили во всех идеологических грехах и рекомендовали «разобраться с Медведевым по части партийности».

С осени 1968 года меня стали вызывать для «бесед» не в отдел пропаганды ЦК КПСС, а в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС. В августе 1969 года я был исключен из КПСС «за взгляды, несовместимые с членством в партии».

Уже весной 1969 года стало ясно, что в ЦК КПСС приняли решение о частичной или полной реабилитации Сталина. Об этом говорили вызывающие публикации в журнале «Коммунист» и доклады на совещаниях идеологических работников. Существовал

даже своеобразный «график» такой ресталинизации, который предусматривал разгон редакционной коллегии «Нового мира» и публикацию новых апологетических материалов о Сталине, приуроченных к 90-летию со дня его рождения. Из чувства опасности и из чувства протеста я подготовил новый, более полный вариант своей книги и отправил микрофильм с текстом книги на Запад. У каждого из нас на этот счет имелись свои надежные каналы связи. Сегодня я могу рассказать, что мои связи осуществлялись через круги, близкие к руководству Австрийской коммунистической партии. Я поддерживал постоянные связи с австрийским левым журналом «Тагебух» и руководителями Общества советско-австрийской дружбы. Здесь были живы еще методы и традиции нелегальных организаций Коминтерна. Из Австрии мои работы попадали во Францию к румынскому левому социалисту Георгу Хаупту, а от него или в социал-демократический фонд им. Герцена в Амстердам, или к профессору Давиду Журавскому в США. И Георг Хаупт, и Давид Журавский совместно являлись моими доверенными лицами, от их имени заключались до 1975 года все мои договоры с западными издательствами. Насколько я знаю, ни в то время, ни позднее КГБ ничего не знал об этом «маршруте».

Какую-то личную и отнюдь не враждебную заинтересованность Андропова в моей работе я ощущал в 1969 году. Это были, конечно, очень косвенные, но важные для меня сигналы. Опасаясь обысков, я держал копии некоторых важных для меня материалов у других людей, связь с которыми была лишь эпизодичной. Так, например, в 1969 году меня пригласил к себе мой старый студенческий товарищ Юрий Красин, работавший в аппарате ЦК КПСС в качестве консультанта секретаря ЦК Бориса Пономарева. Как бы мимоходом он сказал мне, сославшись на Георгия Арбатова, что моя большая рукопись и некоторые другие материалы попали в руки Ленинградского управления КГБ во время одного из обысков в Ленинграде. Я сразу понял, что эти сведения Арбатов мог получить только от Андропова и что речь могла идти лишь о моем друге Игоре Николаеве, доценте кафедры философии одного из ленинградских институтов, который хранил у себя копии некоторых моих материалов. Уже на следующий день я узнал, что Николаева арестовали по доносам студентов и все его бумаги и часть книг были изъяты, включая и собрание сочинений Ленина, так как на полях некоторых работ карандашом были проставлены не слишком лестные заметки. В некоторых отношениях ленинградские власти проводили свою более жесткую, чем в Москве, политику, и московские власти были вынуждены

считаться с этой «автономией». Другой пример связан с моим исключением из КПСС. При обсуждении моей апелляции на горкоме партии один из членов бюро весьма решительно заявил, что если я буду продолжать свои «вредные изыскания» по истории, то ко мне будут приняты более действенные меры. Это была явная угроза. Вскоре, однако, в институт, где я работал, пришел бывший парторг Министерства просвещения и главный редактор одного из педагогических журналов. Он не скрывал своих связей в «инстанциях». При внешне доверительной беседе он убеждал меня, что исключение из партии не отразится на моем служебном положении, но лишь в том случае, если я не буду издавать своей книги за границей. «Но мне угрожали арестом», — сказал я, имея в виду заседание горкома партии. «Горкомы не арестовывают», — с какой-то озлобленностью ответил мой собеседник. Я же думал, напротив, что только публикация моей книги на Западе будет для меня надежной защитой.

Однако главным мотивом для такой публикации являлась медленно продолжавшаяся политика реабилитации Сталина.

Еще в 1969 году в США издательство Колумбийского университета опубликовало книгу Жореса «Подъем и падение Лысенко». Это была расширенная и дополненная версия рукописи 1962–1964 годов. Продолжая свою научно- публицистическую деятельность, Жорес подготовил две книги — «Международное сотрудничество ученых» и «Тайна переписки охраняется законом». Обе содержали убедительный и яркий материал о том, как ограничение сотрудничества ученых всех стран и жесткий контроль за их перепиской мешают развитию советской науки. Рукописи получили распространение в самиздате и вызвали явное раздражение власть имущих. Жорес еще в конце 1969 года был уволен из Обнинского института медицинской радиологии. Теперь было принято решение обрушить на него новые репрессии.

29 мая 1970 года в квартиру Жореса в Обнинске против его воли и с применением силы ворвалась группа милиционеров и психиатров. После недолгих препирательств мой брат был принудительно препровожден в калужскую психиатрическую больницу. Эта акция вызвала широкие протесты как в нашей стране, так и за ее пределами. В борьбу за освобождение Жореса включилась большая группа ученых, включая академиков А. Сахарова, П. Капицу, Н. Семенова, Б. Астаурова, И. Кнунянца и других. Активно помогали в этой борьбе такие деятели культуры, как А. Твардовский, М. Ромм, В. Тендряков, В. Каверин, В. Лакшин, В. Дудинцев. С резким протестом против психиатрического произвола выступил А. Солженицын. Многие из этих людей приезжали в Калугу для беседы с Жоресом и врачами.

Столь необычная и дружная активность интеллигенции привела к быстрому освобождению Жореса. Уже 17 июня он смог вернуться домой в Обнинск. Осенью того же года мы с Жоресом написали книгу об этой короткой эпопее «Кто сумасшедший?», которая была издана в конце 1971 года в США и Англии, а позднее и во многих других странах, включая Китай. В Советском Союзе она была опубликована в 1989 году в журнале «Искусство кино» в № 4–5. Мы воздержались от описания ряда эпизодов, ибо это могло в то время повредить некоторым людям. Об одном из таких эпизодов следует рассказать в данной работе.

Утром 31 мая я оповестил о случившемся не только своих друзей и знакомых из числа ученых и писателей, но и своих друзей, работавших в аппарате ЦК КПСС, — Георгия Шахназарова и Юрия Красина. Я уже побывал в Калуге, встречался с врачами, а мои друзья из числа старых большевиков — И. П. Гаврилов и Раиса Лерт виделись с Жоресом. Я подготовил письмо-протест на имя Брежнева и Косыгина, но Юрий Красин забраковал мой текст. «Оставь бумаги, — сказал он. — Мы сами напишем, как это здесь делается». Уже вечером этого же дня или в понедельник 1 июня Александр Бовин, работавший тогда референтом Генерального секретаря, положил нужную бумагу на стол своего шефа и дал все необходимые комментарии. Брежнев с вниманием относился в начале 1970-х к Бовину. Генсеку нравились тексты тех речей и докладов, которые он для него готовил. Выслушав своего помощника, Брежнев сразу же связался с Андроповым. Вот как рассказывает об этом сам Бовин. «Брат Роя Медведева Жорес работал в биологическом институте, и в один прекрасный день его посадили в психушку. Ко мне обратились люди с просьбой помочь, и я пошел к Брежневу. Он меня принял. На столе у него стоял телефон с громкой связью, он тыкает кнопку, а трубку не берет, но все слышно. "Нажимает" Андропова и говорит: "Юра, что там у тебя с этим Медведевым?" А я сижу слушаю. Андропов: "Да это мои мудаки перестарались, но я уже дал команду, чтобы выпустили". Брежнев: "Ну хорошо, я как раз тебе поэтому и звоню"»[141].

Организаторы акции, однако, еще упорствовали. Они пригласили в Калугу группу самых влиятельных тогда московских психиатров из Института судебной психиатрии им. Сербского и из Академии медицинских наук СССР, которые попытались утяжелить диагноз. В дело вмешался и министр здравоохранения академик Б. Петровский, который собрал в своем кабинете группу академиков, протестовавших против госпитализации Жореса, а также ведущих психиатров страны. Это совещание для Петровского кончилось неудачей. В закулисных обсуждениях

ситуации принял участие и президент АН СССР М. Келдыш. А. Сахаров готовился выступить на двух международных научных конгрессах, подготовка которых проходила в Москве и в Прибалтике. По многим доступным ему телефонам звонил и академик П. Капица. Уже 13 июня мне сообщили, что решение об освобождении Жореса принято в «верхах», нужно соблюсти лишь некоторые формальности. 17 июня я уже говорил с Жоресом по телефону.

20 июня меня пригласили в приемную КГБ на Кузнецком мосту. Со мной встретился и около трех часов беседовал один из высокопоставленных работников КГБ, который представился как «генерал Теплов». Присутствовал и что-то записывал его помощник «капитан Петров». Было очевидно, что фамилии вымышленные, как это, впрочем, принято почти во всех подобных ведомствах. Речь шла о том, что произошло «недоразумение» и было бы лучше обо всем забыть. Жорес получит работу по специальности, и для него не будет в связи со случившимся никаких последствий. Эти обязательства были выполнены только частично. Осенью 1970 года Обнинский психдиспансер пытался вызвать Жореса для «амбулаторного лечения». Жорес, разумеется, от этого приглашения отказался и разрешил публиковать на Западе свои новые книги, а также нашу совместную работу «Кто сумасшедший?». Через 20 лет на Втором съезде народных депутатов СССР ко мне подошел «генерал Теплов». Мы познакомились. Это был один из заместителей Генерального прокурора СССР Иван Павлович Абрамов, работавший в прошлом в Пятом управлении КГБ. «А знаете, Рой Александрович, — сказал И. Абрамов, — мы хотели вас арестовать, но Андропов был против». «Нам было важно, — пояснил И. Абрамов, — выявить те нелегальные каналы, по которым уходили на Запад ваши рукописи. Для этого нужно было возбудить уголовное дело со всеми последствиями. Но Юрий Владимирович категорически отверг это предложение».

Осенью 1970 года я закончил вторую большую книгу «Социализм и демократия». По прежнему «маршруту» я отправил микрофильм Георгу Хаупту, и он решил издавать эту книгу в Европе — на русском и французском языках. Отдельные главы начали распространяться в самиздате и привлекли внимание как КГБ, так и лично Андропова. В конце декабря 1970 года Андропов направил в ЦК КПСС большую записку, в которой, в частности, говорилось:

«Секретно.

21 декабря 1970 г.

№ 3461-А

ЦК КПСС.

Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой "самиздатовской" литературы показывает, что "самиздат" претерпел за последние годы качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности. Во многих документах пропагандируются идеи и взгляды, заимствованные из политических платформ югославских руководителей, чехословацких дубчековцев и некоторых западных компартий. В статье "О некоторых общественно-политических течениях в нашей стране", написанной известным своей антиобщественной деятельностью *Р. Медведевым,* делается вывод о появлении в советском обществе и партии идейных течений и центров идеологического влияния. В ней утверждается, что внутри КПСС имеются силы, выступающие против якобы существующего "консерватизма", за "решительное разоблачение всех преступлений периода культа личности, чистку госаппарата от бюрократов, перерожденцев, догматиков и карьеристов, за расширение свободы слова, собраний и дискуссий, рабочего самоуправления, изменения системы выборов" и т. п., среди научной и части творческой интеллигенции распространяются документы, в которых проповедуются различные теории "демократического социализма"… В ряде проектов "демократизации" СССР предусматривается "ограничение или ликвидация монопольной власти КПСС, создание в стране лояльной социализму оппозиции". Их авторы и распространители, считая, что нынешний уровень развития социалистической демократии дает право на существование оппозиционных воззрений, требуют предоставления легальных возможностей для выражения несогласия с официальным курсом. Уголовное законодательство, карающее за антисоветскую агитацию и пропаганду или распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, они объявляют на этой основе антиконституционным.

На базе изготовления и распространения "самиздатовской"

литературы происходит определенная консолидация единомышленников, наглядно прослеживаются попытки создания подобия оппозиции.

Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры по пресечению попыток отдельных лиц использовать "самиздат" для распространения клеветы на советский государственный и общественный строй. На основе действующего законодательства они привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении лиц, подпавших под их влияние, осуществляются профилактические меры. Вместе с тем, принимая во внимание идейную трансформацию "самиздата" в форму выражения оппозиционных настроений и взглядов и устремление империалистической реакции использовать "самиздатскую" литературу во враждебных Советскому Союзу целях, полагали бы целесообразным поручить идеологическому аппарату выработать на основе изучения проблемы необходимые идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в "самиздате" антиобщественных течений, а также предложения по учету в политике факторов, способствующих появлению и распространению "самиздатовских материалов".

Приложение: 1. *Р. Медведев.* "О некоторых общественно-политических течениях в нашей стране".

2. *А. Славин.* "Некоторые заметки о советском демократическом движении".

3. "Хроника текущих событий", № 10.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов»[142].

Эта записка Андропова была рассмотрена на специальном заседании Секретариата ЦК КПСС 15 января 1971 года. Было принято решение в месячный срок рассмотреть вопросы, изложенные в записке КГБ, и представить в ЦК КПСС предложения. Мы видим, что Андропов был внимательным читателем материалов самиздата.

1971 год был для меня очень трудным. К изданию на Западе готовились не только книги «К суду истории», «Социализм и демократия» и «Кто сумасшедший?». Я передал в Фонд им. Герцена в Амстердам первый комплект своего журнала «Политический дневник». Еще в 1964 году после смещения Хрущева я стал вести подробные записи о происходящих событиях и закрытых совещаниях, комментировать разного рода документы и литературные дискуссии, делать аналитические статьи для самого себя. Это был действительно политический дневник, но уже с конца 1965 года я начал время от времени

давать читать его ближайшим друзьям. Объем этих ежемесячных обзоров увеличивался, увеличивалось и число читателей. С 1967 года этот политический дневник я печатал в 12 экземплярах, и у него было около 40 читателей. В 1968 и в 1970 годах его читал А. Д. Сахаров, но я давал ему этот материал без титульного листа. К концу 1970 года издание себя исчерпало. Я начал изучать проблемы, связанные с историей Гражданской войны и революции. Однако Жорес убедил меня, что такого рода систематический текущий анализ было бы жалко похоронить в недрах личных архивов. Фонд им. Герцена охотно согласился финансировать это издание, и отдельные материалы из «Политического дневника» были опубликованы в ведущих западных газетах в августе и сентябре 1971 года. Думаю, что для КГБ это была неожиданность. Хотя в публикациях не указывалось имя редактора-составителя и автора комментариев, но контент-анализ мог, конечно, без труда указать на Роя Медведева. Я чувствовал опасность, и это чувство не исчезло даже во время летнего отдыха на Северном Кавказе. Видимо, к этому времени и относится то предложение Пятого управления об аресте Р. Медведева, о котором говорил мне позднее И. П. Абрамов.

В сентябре 1971 года меня пытались привлечь как соучастника или как свидетеля по уголовному делу, заведенному на одного из сотрудников Академии педагогических наук Ш., обвиненного в краже книг из Государственной публичной библиотеки им. Ленина. 13 октября семеро мужчин, из которых только один предъявил мне удостоверение капитана милиции, провели обыск на моей квартире. В ордере на обыск было написано, что «Ш. похищал книги из библиотеки и, возможно, дарил их Медведеву Р. А.». Среди моих пяти тысяч книг нашлась одна с какой-то библиотечной печатью и стоимостью в 90 копеек. Но у меня изъяли и увезли 7 больших мешков бумаг и газетных вырезок. (Должен сказать, забегая вперед, что в 1989 и 1990 годах, когда я был избран народным депутатом СССР, мне вернули мои бумаги по первому и второму обыску в целости и сохранности.) Через несколько дней я получил вызов в московскую прокуратуру. Не ожидая от бесед с прокурором ничего хорошего, я счел необходимым немедленно перейти на нелегальное положение. Некоторое время я жил у друзей в Москве, меняя квартиры, затем уехал на юг, не сообщив никому своего адреса — ни жене, ни брату. На юге России и на Кавказе много гостеприимных людей из числа бывших студентов Ленинградского университета, которые были рады помочь товарищу, не задавая лишних вопросов. Больше других мне помогли тогда мои друзья Леонид Курчиков и Ирина Попова,

супруги, которые жили и работали в Одессе и имели кроме квартиры в городе небольшой дом-дачу на берегу Черного моря. Я провел там ноябрь и декабрь 1971 года. В январе 1972 года я жил в Тарту в качестве гостя у своих студенческих друзей Рэма Блюма и Леонида Столовича, а затем в Ленинграде, где мне помогли родственники по материнской линии и знаменитый артист Аркадий Райкин, который также читал мою рукопись о сталинизме. Оставив меня всего на день в своей квартире, он решительно заменил мою осеннюю одежду, заставив меня надеть добротную и красивую дубленку и меховую шапку. Я вернулся в Москву только в конце января, когда на Западе уже вышли в свет две моих книги, отмеченные почти во всех главных газетах и журналах множеством весьма лестных статей и рецензий. Все эти события 1970–1972 годов принесли Жоресу и мне на Западе, а частично и в СССР широкую известность, что стало для нас лучшей по тем временам защитой от новых репрессий.

Как биолог и генетик Жорес был широко известен и ранее в научном сообществе. Поэтому у него всегда имелось много приглашений с Запада для участия в разного рода конгрессах и научных проектах. Однако поездка за границу была в 1960—1970-е годы проблемой, которую могли решить немногие. В конце 1972 года Жорес получил приглашение поработать в течение года в одной из лабораторий Лондонского института медицинских исследований. На этот раз ему не чинили препятствий, и в январе 1973 года он с женой и младшим сыном поехал в командировку в Лондон. Однако в начале августа 1973 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Жорес Медведев был лишен советского гражданства. Этому предшествовал обмен мнениями между КГБ и ЦК КПСС, однако документы на этот счет не были пока опубликованы.

Летом 1975 года группа работников КГБ провела у меня на квартире второй в моей жизни обыск (и третий, если считать обыск, проведенный в 1938 году перед арестом моего отца, когда тщательно обыскивалась и наша с Жоресом комната). В это время я готовил к изданию книгу о Шолохове — «Загадки творческой биографии Михаила Шолохова». Между тем в стране только что прошел 70-летний юбилей писателя, и власти болезненно реагировали на всякого рода сомнения в авторстве «Тихого Дона». На этот раз я решительно воспротивился изъятию материалов, книг и рукописей, которые ни по каким критериям нельзя было оценивать как «антисоветские». Моя большая библиотека и обширный архив внимательно просмотрели, но часть бумаг даже без описи, под честное слово майора КГБ, проводившего обыск, я разрешил взять на одну неделю с обязательным возвратом. Я

получил обратно эти бумаги только весной 1990 года.

Вторая половина 1970-х годов и начало 1980-х прошли для меня и Жореса относительно спокойно. Конечно, меня вызывали несколько раз на допрос в Лефортово по разным делам, у меня были трудности в связи с участием в международных книжных ярмарках, которые начали проводиться в Москве с 1977 года. Однажды я подвергся обыску в милиции на предмет обнаружения валюты, которой у меня не нашли. С целью давления на меня моей жене не позволили получить ордер на кооперативную квартиру, которая уже была оплачена, а моему сыну чинили препятствия при поступлении в институт. У жены Жореса возникли трудности при поездках в СССР, где остался их старший сын со своими проблемами. Участие КГБ в создании этих проблем было очевидно и чаще всего не скрывалось. Об одном из таких случаев писал и бывший первый заместитель Андропова Ф. Д. Бобков в своей книге. Наша беседа состоялась в кабинете начальника московского ОВИРа. Я понимал, что мой собеседник работает в КГБ, но он не представился, и только теперь из прочитанной книги я узнал, что встреча проводилась по инициативе Андропова и о ее результатах Бобков проинформировал шефа[143]. К сожалению, излагая нашу давнюю беседу через 20 лет, Ф. Бобков не всегда точен: мы говорили не о журнале «Политический дневник», а о журнале «Двадцатый век», который я начал издавать на Западе без псевдонимов. В КГБ сочли это недопустимым, и давление на меня и на Жореса, помогавшего в издании, усилилось. Уже подготовленный № 3 журнала «Двадцатый век» пришлось отложить до лучших времен. Однако все другие проекты были нами сохранены. Жорес издал на Западе книги по истории советской науки и советского сельского хозяйства, а также большое и тщательное исследование атомной катастрофы под Челябинском, которая произошла еще в 1957 году и о которой ни в Советском Союзе, ни на Западе ничего фактически не было известно. У меня вышли на Западе политическая биография Н. С. Хрущева и книга «Они окружали Сталина», а также теоретическое исследование «Ленинизм и западный социализм». Мое положение осложнилось, однако, в конце 1982-го и в начале 1983 года, когда Председателем КГБ стал В. Федорчук, а затем В. Чебриков.

В январе 1983 года меня вызвали повесткой в Прокуратуру СССР, где заместитель Генерального прокурора СССР О. В. Сорока вручил мне письменное предписание прекратить «антисоветскую деятельность», которая выражалась якобы в составлении и публикации «пасквилей, дискредитирующих политическую и общественную систему Советского Союза». Я пытался возражать,

но, как оказалось, О. Сорока не был знаком ни с одной из моих книг. Разумеется, я отверг предписание и отказался подписать предложенный мне документ. В тот же день я собрал у себя на квартире пресс- конференцию и сделал соответствующее заявление. Мне казалось, что меня оставили в покое, во всяком случае, такой большой опасности, как в 1971 году, я не чувствовал. Только несколько лет назад из публикации в газете «Известия» я узнал, что именно в 1983 году в КГБ снова возник проект о моей ссылке или высылке за границу. Секретное письмо от 8 апреля 1983 года за № 740-4 гласило:

«В ЦК КПСС.

О мерах по пресечению антисоветской деятельности Медведева.

Комитет государственной безопасности СССР ранее докладывал (№ 38-А от 8 января 1977 года) об антисоветской деятельности Медведева Р. А., 1925 года рождения, в 1969 году исключенного из КПСС "за убеждения и деятельность, несовместимые со званием члена КПСС", кандидата педагогических наук, неработающего.

Поступающие данные свидетельствуют о том, что Медведев, будучи убежденным противником советского государственного и общественного строя, в последние годы активизировал свою враждебную деятельность, систематически изготавливает и публикует на Западе сочинения, которые постоянно используются во враждебных Советскому Союзу целях. Им подготовлено и издано за рубежом более 10 пасквилей, содержащих, в частности, утверждения о якобы идеологическом перерождении КПСС и Советского государства, необходимости создания в нашей стране плюралистической системы и внутрипартийной оппозиции в партии. В его публикациях фальсифицируется история Коммунистической партии Советского Союза, практика развитого социализма. Они используются антиобщественными элементами в обработке политически неустойчивых лиц и подталкивании отдельных из них на преступный путь.

Понимая, что его деятельность грубо нарушает установленные в стране законы и чревата уголовным преследованием, Медведев пытается прикрыть ее сотрудничеством с издательствами некоторых западноевропейских компартий, занимающих "особые" позиции по ряду актуальных вопросов международного коммунистического и рабочего движения. Отдельные материалы Медведева изданы в Италии, Испании, Франции, Англии, где он рекламируется в качестве "известного историка", "объективно и непредвзято" вскрывающего и критикующего ошибки и

недостатки социалистической системы. В целях налаживания постоянных и устойчивых нелегальных каналов передачи за границу клеветнических сочинений Медведев установил и поддерживает контакты со многими корреспондентами и дипломатами капиталистических стран в Москве. Через них он снабжает западные средства массовой пропаганды инсинуациями о внутриполитических событиях в стране, распространяет антисоветские домыслы и предвзятые оценки о позиции СССР по различным международным проблемам, отношениях СССР с социалистическими и развивающимися странами, коммунистическими и рабочими партиями.

Комитетом госбезопасности, органами Прокуратуры СССР Медведев неоднократно предупреждался о недопустимости противоправного поведения. В очередной раз это было сделано 18 января с. г. Однако Медведев демонстративно отклонил предъявленные ему претензии и в тот же день собрал у себя на квартире иностранных журналистов, ознакомив их с заявлением, содержащим резкие клеветнические выпады по отношению к советской действительности.

С учетом изложенного Комитет государственной безопасности и Прокуратура СССР считают необходимым пресечь преступную деятельность Медведева путем привлечения его к уголовной ответственности, для чего имеются достаточные основания. Мерой пресечения будет избрана подписка о невыезде из г. Москвы.

Не исключено, что принятые меры вызовут выступления отдельных государственных и общественных деятелей Запада в защиту Медведева. В том случае, если кто-либо из представителей государственных органов зарубежных стран выскажет просьбу о разрешении Медведеву выехать на постоянное жительство за границу, удовлетворить эту просьбу и выдворить его за пределы Советского Союза. Если же этого не произойдет, Медведева можно было бы осудить к ссылке.

С МИД СССР согласовано.

Просим согласия.

В. Чебриков

А. Рекунков»[144].

193

Согласие в данном случае требовалось от Ю. Андропова, который после смерти Брежнева был избран на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Такого согласия Прокуратура СССР и КГБ не получили. Однако сразу же после смерти Андропова в феврале 1984 года на лестничной площадке возле моей квартиры в районе Речного вокзала был установлен круглосуточный пост милиции.

Три человека днем и ночью дежурили у моих дверей, не пропуская ко мне никого, кроме родственников. Здесь же был установлен радиотелефон, внизу дежурила милицейская «Волга» с мигалкой. При моих поездках в город за мной велось почти открытое наблюдение: на улице, в метро, в общественном транспорте. Несколько недель такое же наблюдение велось и за моей женой, но затем оно было прекращено. Это была нелепая и дорогостоящая акция, в которой при круглосуточном и плот-

Главные заботы Ю. Андропова и КГБ

Борьба против «идеологических диверсий», как я писал выше, составляла важную, но отнюдь не главную заботу КГБ и Андропова. Основная часть деятельности и расходов КГБ была связана с другими направлениями работы этого ведомства, что ясно видно и из многих мемуаров бывших руководителей КГБ и некоторых специальных исследований, вышедших в свет в 1990-е годы как в новой России, так и на Западе. Конечно, мы и сегодня знаем далеко не все о работе Андропова и КГБ, а многое, возможно, мы уже никогда не узнаем. И тем не менее значительное число документов, решений, событий, которые ранее скрывались под грифами «совершенно секретно», «конфиденциально», «в одном экземпляре», «особой важности» и др., стали сегодня достоянием гласности. Мне приходилось поэтому при подготовке данной книги не только собирать, но и отбирать информацию об Андропове как Председателе КГБ, оставляя лишь наиболее важные и характерные эпизоды и наиболее содержательные оценки.

Разведка и контрразведка

Мы знаем из воспоминаний В. Крючкова, Л. Шебаршина, Н. Леонова и других бывших генералов КГБ, что Юрий Андропов уделял много внимания всем видам внешней разведки, контрразведки, разработке новых форм и методов научно-технического шпионажа, использованию спутников и т. п., хотя он не являлся в этих областях профессионалом. «В разведке его ценили, — писал бывший начальник ПГУ Леонид Шебаршин, — и он высоко ценил разведку. Ю. В. обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, не прочь был поспорить и охотно шутил»[145]. «Андропов не был недосягаемым, — рассказывал бывший начальник нелегальной разведки КГБ Юрий Дроздов. — Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях ее развития. Многое, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. Он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. В беседах он вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Андропов внимательно следил за ходом

нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации»[146].

Не вникая в технические детали разведки, Андропов много внимания уделял вопросам воспитания и этики разведчиков, их поведению в острых ситуациях и особенно в случае захвата противной стороной, отношениям между рядовыми разведчиками и их начальством, созданию атмосферы доверия. Благодаря Андропову начала создаваться новая, более эффективная система разведывательных операций. «С приходом на пост Председателя КГБ Ю. В. Андропова, — писал бывший начальник информационно-аналитического управления внешней разведки Николай Леонов, — медленно, но неуклонно работа разведки становилась более интеллектуальной, более осмысленной. Образно говоря, на место прежних поисков только самородков золота приходила технология горно-обогатительных фабрик, которые готовили концентраты высокой чистоты… Приход Андропова в КГБ приоткрыл дверь для свежего воздуха. Действия всех звеньев КГБ — а разведка была одним из них — из сплошных профессионально-технических манипуляций по выполнению указаний сверху превращались в осмысленную систему. Приходило понимание смысла и направленности всей работы. Вспоминалось старое правило русского полководца А. Суворова: "Каждый солдат должен понимать свой маневр"»[147].

В начале 1970-х годов управления внешней разведки переехали в большой новый комплекс зданий в лесопарковой зоне в Ясенево близ Москвы. Здесь могли свободно разместиться все службы разведки, спортивные и медицинские центры. Имелись в Ясеневе залы для конференций и кино, помещения для музея разведки с обширными экспозициями. Рядом с кабинетом начальника ПГУ Андропов разместил и свой кабинет, в котором он проводил теперь один или два дня в неделю. Генерал Вячеслав Кеворков, который написал несколько книг о работе советской разведки во времена Юрия Андропова, рассказал своим читателям о многих специальных операциях разведки, за развитием которых лично следил Председатель КГБ. Случались очень удачные операции, и неудачи, и поражения. Были и провалы, которые удавалось превратить в победу. Так, например, одно из подразделений внешней контрразведки, призванное выявлять случаи измены среди профессионалов, обнаружило предателя на высоком посту в МИДе. Это был Александр Огородник, человек близкий как к министру иностранных дел СССР и члену Политбюро А. А. Громыко, так и секретарю ЦК КПСС Константину Русакову. После тщательного наблюдения и

негласного обыска Огородник был арестован 22 июня 1977 года в своем доме на Краснопресненской набережной. Однако при первом же допросе в своей квартире предатель сумел принять сильнодействующий яд, спасти его не удалось. Генерал Виталий Бояров, руководивший операцией, был вынужден признать серьезный провал. Но он же предложил скрыть смерть шпиона, найти дублера, используя обнаруженные шифры и связи, продолжать тайниковую связь с американцами. По свидетельству В. Кеворкова, Юрий Андропов внимательно выслушал руководителей операции Боярова и Григоренко, которые ждали серьезной критики. Но Андропов сказал другое: «Что ж, поздравляю, агент противника обезврежен, и это очень важно. Что касается разоблачения американского разведчика, то полагаюсь на ваш профессионализм. Одна только просьба: все должно быть на самом высоком правовом уровне». Организованная разведчиками и контрразведчиками «игра» завершилась задержанием на месте выемки контейнера из тайника вице-консула американского посольства Марты Петерсон. Конечно, ее освободили после того, как посол США Тун явился в МИД СССР, принес свои извинения и высказал настоятельную просьбу не предавать случившееся гласности, «что будет высоко оценено правительством США»[148].

Как известно, интересы Советского Союза в 1960— 1970-е годы имели глобальный характер, и советская разведка проводила сотни и тысячи разнообразных операций на всех континентах — от Чили, Мексики, Перу и Никарагуа в Южной и Центральной Америке до Вьетнама, Индии и Пакистана в Южной и Юго-Восточной Азии. Предметом особого интереса были Иран и Ирак, Турция и Израиль, все страны Ближнего Востока и Западной Европы, Китай и Япония. Однако главной осью «холодной войны» являлось противостояние СССР и США, и поэтому основным противником для ПГУ было ЦРУ. Их борьба изобиловала множеством эпизодов, которые стали сегодня достоянием гласности. Так, например, еще в 1969 году советское руководство, по предложению Андропова, приняло решение об установке в намеченном к строительству новом комплексе зданий посольства США средств специальной техники для съема информации. Для осуществления этой контрразведывательной операции разработали особую технологию, приборы, различного рода уникальные приспособления, которые было крайне трудно обнаружить. С 1976 по 1982 год в ходе строительства посольских зданий оперативно-техническое управление КГБ оснащало эти здания специальной подслушивающей аппаратурой. Американцы все же обнаружили в 1982 году некоторые элементы этой системы

и остановили строительство новых зданий посольства. Советская сторона быстро изъяла кабели для соединения внедренных элементов с аппаратурой регистрации и в течение многих лет полностью отрицала наличие подслушивающей аппаратуры в посольстве США. Только осенью 1991 года Вадим Бакатин, находившийся в течение нескольких месяцев на посту Председателя КГБ, рассекретил систему прослушивания американского посольства и приказал передать американской стороне исчерпывающие сведения об элементах и местах расположения спецтехники в здании. Эта акция, по свидетельству В. Бакатина, была согласована с президентом СССР М. Горбачевым и с президентом РСФСР Б. Ельциным, а также с министрами иностранных дел СССР и РСФСР Б. Панкиным и А. Козыревым. Бывший начальник ПГУ и опытный разведчик-профессионал генерал Леонид Шебаршин говорил позднее, что выдача специальной техники в новом здании американского посольства была личной инициативой Бакатина. Получив подсказку от одного из потенциальных предателей, Бакатин написал докладную записку двум президентам России и СССР, получил их одобрение, а затем передал в американское посольство совершенно секретные материалы. Американцы вначале даже не поверили и приняли этот шаг Бакатина за очередной трюк КГБ. Но вскоре они убедились, что им преподнесли подарок к Рождеству «от чистого сердца»[149]. В книге, изданной еще в 1992 году, Вадим Бакатин и сам признавал, что принятое им решение являлось не только «нетрадиционным, но и беспрецедентным в мировой практике»[150]. Этот действительно невиданный в практике специальных служб случай вызвал острую полемику в печати, подробное рассмотрение которой не входит в мою задачу. Хорошо известно, что разведки и контрразведки даже и самых враждебных друг к другу стран могут идти на уступки и на обмен информацией. Однако все подобного рода действия специальных служб возможны только на основе взаимности, которой в случае с Бакатиным не было. Бакатин пытается оправдать свою инициативу стремлением отказаться от лжи и обмана в политике. Однако область разведки и контрразведки, шпионажа и контршпионажа является слишком специфической, чтобы строить ее на столь простых принципах. Системы прослушивания возникли еще в античные времена, и поговорка «И у стен есть уши» появилась еще в Древнем Риме. Непонятна и поспешность, с которой Бакатин осуществил свою «нетрадиционную» инициативу. Передача американской стороне секретной документации КГБ состоялась 5 декабря 1991 года, всего за

несколько дней до Беловежских соглашений. О какой новой политике в отношениях между Советским Союзом и США могла идти речь в декабре 1991 года? И почему речь шла в данном случае только о США? Различного рода устройства «для съема информации» устанавливались и в посольствах других стран НАТО. В 1977 году я был приглашен на семейный обед к послу ФРГ в СССР. Он рассказал мне, что в резиденции посла немецкие спецслужбы в разное время обнаружили и убрали более 300 разного рода приборов для «съема информации». Прослушивающие устройства находили нередко и в квартирах немецких дипломатов. Но такая же точно охота за информацией велась спецслужбами западных стран в отношении советских дипломатических представительств.

Несколько книг о работе разведки и контрразведки написал и издал в 1991–1997 годах Олег Калугин, профессиональный разведчик, занимавший в 1973–1980 годах очень высокий в КГБ пост начальника Управления внешней контрразведки. Он явно гордился результатами своей работы на этом посту. В книге «Сжигая мосты» он писал: «За семь лет руководства Управлением мне удалось сколотить крепкий коллектив, способный решать любые задачи. Агентурный аппарат Управления вырос в три раза: мы располагали своими людьми почти в 50 разведывательных и контрразведывательных службах иностранных государств. Ежегодный прирост агентуры составлял несколько десятков человек, чем не могло похвастаться ни одно другое подразделение разведки. За семилетний срок предотвращено более 400 провалов работников и агентов ПГУ. Разоблачено более 200 подстав противников. Добыты многие тысячи секретных материалов, в том числе шифровальные материалы иностранных спецслужб. Только внутренняя контрразведка КГБ ежегодно получала от нас в среднем по 3,5 тысячи информационных сообщений. Полтора миллиона инвалютных рублей, добытых агентурным путем, внесены Управлением в Госбанк»[151]. Тем не менее в 1980 году генерал-майор О. Калугин был понижен в должности и удален из внешней разведки. Этому предшествовал ряд крупных провалов в разведке, связанных с именами сотрудника посольства СССР в Токио Станислава Левченко и крупного советского дипломата Аркадия Шевченко. Олег Калугин просил лично Андропова разобраться в его деле. Андропов внимательно выслушал разведчика, но после дополнительного изучения дела не изменил своего приказа о перемещении Калугина. Последний, однако, позднее не только не обвинял Андропова, но даже называл себя его «учеником». Андропов назначил Олега Калугина на пост заместителя начальника УКГБ

по Ленинграду и Ленинградской области. В 1989 году ему предложили уйти в отставку. Обиженный генерал выставил в 1990 году свою кандидатуру на дополнительных выборах народных депутатов СССР по Краснодару. Его поддержала большая группа народных депутатов СССР — Тельман Гдлян, Галина Старовойтова и другие «демократы». Олег Калугин выиграл выборы и, получив мандат народного депутата, начал выступать не только против В. А. Крючкова, но и с критикой всего КГБ. Для проверки взаимных обвинений была создана специальная парламентская комиссия, в которую вошел и автор данной книги. Ознакомившись с представленным нам досье, мы убедились в справедливости многих обвинений в адрес генерала, но только по морально-этическим, а не уголовно- политическим позициям. И в личной жизни, и в денежных делах Калугин был явно нечистоплотен, но многие из его зафиксированных в досье грехов относились к концу 1970-х — началу 1980-х годов. Вероятно, эти же документы читал и Юрий Андропов. «Почему же вы не уволили Калугина из органов КГБ раньше, а направили его на высокий пост в Ленинград?» — спросил я В. Крючкова. «Думали, что он исправится», — ответил Председатель КГБ. Калугин остался народным депутатом СССР, но специальным указом президента СССР был лишен звания генерал-майора запаса и всех 22 правительственных наград. Однако осенью 1991 года Борис Ельцин заставил Горбачева отменить этот указ. Некоторое время Олег Калугин выступал как эксперт по работе спецслужб и написал книгу «Вид с Лубянки» (1992). В середине 1990-х годов после неудачных попыток заняться бизнесом он выехал на постоянное жительство в США. Здесь Калугин принес присягу на верность конституции США и получил американское гражданство. Уже в США он написал и опубликовал книгу «ПГУ. Мои 32 года в разведке и шпионаже против Запада». По сообщениям печати, он не раз выступал в США как эксперт по работе советских спецслужб. Вряд ли Андропов мог бы гордиться таким «учеником».

Конечно, легко критиковать разведку и контрразведку любой страны. В каждой подобной системе случаются провалы, перебежчики, двойные агенты, интриги, политические пристрастия. Генерал-лейтенант в отставке и историк внешней разведки Вадим Кирпиченко провел специальный анализ мотивов предательства разведчиков, главным образом на материалах советской разведки и ее агентов. Он писал: «Во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и низменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной

спецслужбой на основе компрометирующих материалов; бегство от больной или нелюбимой жены; уход от семьи к любовнице; пьянство и деградация личности на этой основе; трусость, проявленная при столкновении с иностранной спецслужбой; патологическая жадность к деньгам и вещам; половая распущенность; боязнь ответственности за промахи в служебной деятельности; бездушное или неприязненное отношение к своим ближайшим родственникам и даже желание отомстить своему начальнику ценой собственной измены. В этом далеко не полном наборе мотивов предательства возможны самые удивительные сочетания и комбинации»[152]. Однако и советская разведка вербовала агентов в других странах главным образом на основе компрометирующих материалов, а не идеологических мотивов. Наблюдая за иностранными дипломатами и корреспондентами западных СМИ в Москве, органы контрразведки КГБ искали людей с разного рода скрытыми пороками. Работа в такой системе тайных операций и шпионажа невероятно трудна, и те немалые результаты, которых советская разведка и контрразведка добивалась не только в 1930— 1940-е, но и в 1970-е годы, достигались высокой ценой. Один из корреспондентов газеты «Известия» Владимир Надеин из неприязни к В. А. Крючкову пытался в начале 1990-х годов представить всю советскую разведку как «ведомство тупиц, засилье тупых интриганов, царство беззастенчивых карьеристов, гнет бездарностей над талантливыми профессионалами. Дипломаты знали, что главным занятием доблестных чекистов за рубежом были пьянки, спекуляции, стукачество. Знали, но говорить боялись, поскольку малейший сигнал означал конец карьеры»[153]. Это не просто тенденциозная, но ложная картина. Даже из десятков мемуаров, опубликованных в последние 12–13 лет, видно, что пороки советской бюрократической системы в гораздо большей степени проникли в аппараты советских дипломатических служб, чем служб разведки и контрразведки. Перед ними стояли все же более конкретные, сложные и опасные задачи.

В. Надеин ссылался, давая свои оценки, на «опубликованные за рубежом книги». Но он забыл отметить, что эти книги как раз и публиковались на Западе почти исключительно теми «перебежчиками, предателями и перевербованными агентами», о которых и сам публицист из «Известий» отзывался с презрением. В более серьезных исследованиях о КГБ, опубликованных на Западе, о советской разведке говорилось и говорится обычно с должным уважением. Да, западные издательства охотно публиковали книги таких перебежчиков, как Владимир Резун (Виктор Суворов), Олег Гордиевский, и других. Однако никто

даже в западных спецслужбах не относился к этим перебежчикам с уважением, подобным тому, с которым в советских спецслужбах относились, например, к Дональду Маклину или к Харолду Адриану Расселу (Киму Филби). Показательна в этом отношении судьба Аркадия Шевченко. Бывший советский дипломат, занимавший высокий пост заместителя Генерального секретаря ООН, перебежал на сторону противника и выдал ЦРУ и другим американским спецслужбам немало профессиональных секретов. В своей книге «Разрыв с Москвой»[154] он уделил немало страниц деятельности известных ему сотрудников советской внешней разведки, которые работали в США под дипломатическим прикрытием: такая практика имеет место в спецслужбах всех стран. Шевченко не только перечислил всех известных ему офицеров: Бориса Иванова, Николая Кулебякина и Бориса Соломатина, но и попытался дать каждому самые нелестные характеристики. Однако личные качества, особенности работы и характер деятельности сотрудников всех советских дипломатических и ооновских служб очень внимательно изучались и анализировались американскими спецслужбами. Как раз измена А. Шевченко не вызвала в ЦРУ особого удивления. Здесь очень внимательно записали все то, что мог им сообщить Аркадий Шевченко, но отказались принять на себя заботу о его дальнейшей жизни и пропитании в Америке. Жена Шевченко покончила с собой, и он жил в Штатах в полном одиночестве, постепенно спиваясь и меняя гостиницы; гонорара от книги хватало на оплату не слишком дорогих номеров. В одной из нью-йоркских гостиниц он и умер в 1997 году. По заключению американских врачей, смерть наступила от болезней, связанных с хроническим алкоголизмом. В Соединенных Штатах было издано много книг, посвященных самым крупным операциям и самым громким агентам советской внешней разведки. Один из наиболее успешных авторов этой серии, Пит Эрли, сам проработал много лет в американской разведке; он получил возможность работать над своими книгами не только в США, но и в Москве. Последнюю книгу «Признания шпиона» — о «советском шпионе № 1» Олдриче Эймсе, — ставшую в США бестселлером, Пит Эрли подарил генерал-майору в отставке Борису Соломатину, в прошлом резиденту КГБ в Вашингтоне, кадровому советскому разведчику. На титульном листе автор написал: «Я думаю, Вы самый лучший офицер разведки, которого я когда-либо встречал. Единственное, о чем я сожалею, что Вы работали по другую сторону. Будьте здоровы и спасибо за то, что Вы человек чести»[155].

Разведчиков во многих странах называют «рыцарями плаща и кинжала». Здесь не случайны слова о плаще и кинжале, но и

слово «рыцарь» здесь не случайно. Игра шла по своим жестким правилам, но конец ее был для многих неожиданным. «Происходившие события, — писал бывший начальник ПГУ КГБ генерал-лейтенант в отставке Леонид Шебаршин, — наша работа, успехи и провалы не имеют никакого отношения к сегодняшней ситуации. Государство, которое когда-то потребовало себе на службу нашу энергию, ум, готовность положить жизнь в защиту его интересов, мертво. Этому государству уже ничто не может ни повредить, ни помочь. Оно бросило нас на произвол судьбы, подобно банкроту, промотавшему перед смертью родовое состояние»[156].

Сходными словами заканчивает свою книгу и Н. С. Леонов. Не думаю, что их нужно комментировать.

Спецподразделения и спецоперации КГБ

Временные специальные отряды и группы создавались в НКВД, МВД и ГКБ еще в 1930—1950-е годы для выполнения самых разных задач. Однако на постоянной основе, и прежде всего для борьбы с терроризмом, спецподразделения были созданы при Андропове и по его инициативе. Согласно легенде, на глаза Андропову как-то попался западногерманский журнал с эффектными фотографиями: группа крепких парней в камуфляже демонстрировала готовность немедленно выполнить самый трудный приказ: десантироваться в пустыне, бесшумно снять любую охрану, захватить плацдарм, нейтрализовать террористов, освободить заложников. Андропов пригласил к себе генерала Алексея Бесчастного, начальника Седьмого управления КГБ, ведавшего охраной посольств в Москве. Итогом их встречи стало решение создать в структуре Комитета госбезопасности специальное подразделение антитеррора, которое по предложению Андропова было названо группой «А». Группой «Альфа» ее стали называть позднее журналисты. Вероятно, дело было не в случайном знакомстве с немецким журналом. Антитеррористические группы уже существовали в Израиле и США, в Германии и Англии, в Бельгии и Испании. Их опыт и был использован при создании советской группы «А». По предложению Андропова начальником был назначен опытный пограничник, Герой Советского Союза майор В. Бубенин. «Альфа» была сверхсекретным подразделением: офицеры, которые служили в нем, не должны были говорить о характере своей службы даже самым близким людям. Официальным днем рождения «Альфы» считается 29 июля 1974 года. Сегодня о работе и истории «Альфы» имеется немалая литература[157]. Это

специальное подразделение дважды получало приказ о штурме Белого дома в Москве — в августе 1991-го и в октябре 1993 года — и дважды отказывалось этот приказ выполнять. Среди ветеранов «Альфы» помнят об Андропове. Первый командир группы «А» В. Бубенин говорил в одном из интервью, что Андропов принимал решение о создании этой группы и о том, что ее должен возглавить опытный пограничник. «Виталий Дмитриевич, что же послужило причиной создания вашей группы?» — «Терроризм… Юрий Владимирович Андропов, будучи Председателем КГБ, не раз предупреждал руководство страны, что теракты, тергруппы — отличительная черта не только Запада. И наших граждан может коснуться. Но тогда, знаете ли, в это как-то не верилось».

Увы, Андропов оказался прав. Он сработал на опережение и успел. Когда терроризм стал реальностью — уже была «Альфа». «Вы не раз встречались с Андроповым. Какое впечатление сложилось у вас об этом человеке?» — «Безусловно, это личность. Человек глубочайших знаний, высокой культуры». — «Кому непосредственно подчинялась группа?» — «Я выполнял приказы только Председателя. Только ему подчинялся». — «Сколько человек было в первом составе группы?» — «Нас было тридцать человек»[158].

Через несколько лет по предложению Юрия Дроздова, поддержанному Андроповым, была создана диверсионно-разведывательная группа «Вымпел». Первым ее командиром стал капитан 1-го ранга Герой Советского Союза Эвальд Козлов из морских погранчастей КГБ. Эта группа готовилась к операциям за пределами советских границ, например в Афганистане. Приказ о проведении такой операции мог отдать только лично Председатель КГБ и только письменно. Когда решение о создании «Вымпела» было принято, Ю. Андропов, по свидетельству Ю. Дроздова, вызвал его и, передавая бумаги, сказал: «Ну вот, на. Работай, создавай! И чтоб равных им не было»[159]. По мнению Дроздова, равных «Вымпелу» действительно не было. И по степени готовности пойти на риск, и по степени оперативной выдумки и разведывательной находчивости. Офицеры «Вымпела» знали несколько языков, они обязаны были самостоятельно проработать любую задачу, принять правильное решение и воплотить его в жизнь. Некоторые сотрудники «Вымпела» прошли позднее нелегальную стажировку в спецподразделениях НАТО. Это было мощное подразделение советских, а затем и российских спецслужб. «Вымпел» также получил в октябре 1993 года приказ о штурме Белого дома и не стал выполнять его. В результате указом президента Б. Ельцина «Вымпел» был переподчинен МВД. Это

привело к распаду подразделения, перед которым ставились теперь другие задачи. Более 100 офицеров ушли в отставку, многие перешли в Главное управление охраны, в МЧС. В МВД остались только 50 человек из прежнего состава группы.

В 1980–1983 годах в КГБ было создано еще несколько внесистемных подразделений. Что касается небольших специальных групп, способных выполнять самые различные спецоперации, то такие группы на временной основе существовали всегда, выполняя разного рода задания и на территории СССР, и на территории социалистических стран, и в других регионах. Так, например, немалое число спецопераций было проведено на Ближнем Востоке, где СССР поддерживал не только Египет и Сирию, но и Народный фронт освобождения Палестины. Из множества документов на этот счет, опубликованных в российской печати, я приведу ниже только два, на которых кроме подписи Андропова имеются визы почти всех членов Политбюро.

«Совершенно секретно Особой важности Особая папка

Комитет Государственной безопасности при Совете Министров СССР

23 апреля 1974 г.

№ 1071-А/О В

Товарищу Брежневу Л. И.

Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела внешних операций НФОП Вадиа Хаддадом.

На встрече с резидентом КГБ в Ливане, состоявшейся в апреле с. г., Вадиа Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП, которая в основном сводится к следующему.

Основной целью специальных акций НФОП является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма. Исходя из этого, главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются:

продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль;

— осуществление акций против американского и израильского персонала в "третьих странах" с целью получения достоверной информации о планах и намерениях США и Израиля;

— проведение диверсионно-террористической деятельности

на территории Израиля;

— организация диверсионных акций против алмазного треста, основные капиталы которого принадлежат израильским, английским, бельгийским и западногерманским компаниям.

В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.

Сотрудничая с нами и обращаясь за помощью, В. Хаддад четко представляет себе наше отрицательное отношение в принципе к террору и не ставит перед нами вопросов, связанных с этим направлением деятельности НФОП. Характер отношений с В. Хаддадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вадиа Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах. Что касается конкретных вопросов предоставления помощи, то имеется в виду, что они будут решаться в каждом случае отдельно, с учетом интересов Советского Союза и предупреждения возможности нанесения ущерба безопасности нашей страны.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов».

Через год в одном из донесений из «Особой папки» можно было прочесть:

«КГБ СССР

16 мая 1975 г.

№ 1218-А

Товарищу Брежневу Л. И.

В соответствии с решением ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности 14 мая 1975 года передана доверенному лицу разведки КГБ В. Хаддаду— руководителю службы внешних операций НФО Палестины партия иностранного оружия и боеприпасов к нему (автоматов — 58, пистолетов — 50, в том числе 10 — с приборами для бесшумной стрельбы, патронов — 34 ООО). Нелегальная передача оружия осуществлена в нейтральных водах Аденского залива в ночное время, бесконтактным способом, при строгом соблюдении

конспирации с использованием разведывательного корабля ВМФ СССР. Из иностранцев только Хаддаду известно, что указанное оружие передано нами. Председатель Комитета госбезопасности Андропов»[160].

Нет оснований скрывать сегодня участие КГБ СССР в подобного рода тайных операциях, но нет оснований утверждать, что КГБ был в состоянии контролировать деятельность Фронта освобождения Палестины. А между тем в некоторых публикациях на КГБ возлагается ответственность даже за деятельность Ирландской республиканской армии (ИРА) или японской Красной армии. По утверждению ряда западных журналов, КГБ планировало в 1969 году помешать официальному объявлению принца Чарльза наследником британского престола, взорвав с этой целью мост, по которому должна была двигаться колонна карет и лимузинов. Андропову и КГБ приписывались не только попытки завербовать в свои агенты Збигнева Бжезинского — советника президента США по национальной безопасности, но разрушить порт города Нью-Йорка, взорвав здесь дамбы и военные склады. Попытка убить папу Иоанна Павла II также приписывалась советскому КГБ, хотя никаких улик на этот счет не было обнаружено. Юрий Андропов хорошо знал, что после убийства в 1961 году лидера украинских националистов Степана Бандеры, которое явилось результатом одной из спецопераций КГБ, Политбюро ЦК КПСС категорически запретило проведение подобного рода акций. В структуре КГБ соответствующие группы были ликвидированы. Однако некоторые весьма сомнительные и рискованные спецоперации могли проводиться спецслужбами ГДР, Болгарии и Чехословакии. КГБ СССР не могло полностью контролировать работу всех специальных служб социалистических стран.

Андропову приходилось заниматься и весьма экзотическими операциями, связанными, например, с полным уничтожением останков Гитлера и Геббельса. Еще в 1945 году после падения Берлина обнаруженные близ подземного бункера останки Гитлера, Евы Браун, Геббельса и его семьи были подвергнуты тщательной экспертизе и позднее захоронены в зоне советской военной оккупации. Место захоронения знали немногие, но оно существовало и могло быть обнаружено со временем какими-либо поклонниками Гитлера. В марте 1970 года Андропов направил в ЦК КПСС следующее донесение:

«Сов. секретно.
Серия «К»
КГБ СССР
13 марта 1970 г. № 655-А. г. Москва

…В феврале 1946 г. в г. Магдебург (ГДР) на территории военного городка, занимаемого ныне Особым отделом КГБ по 3-й армии ГСВГ, были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей. (Всего — 10 трупов.)

В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям.

Учитывая возможность строительных или других земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести изъятие останков и их уничтожение путем сожжения.

Указанное мероприятие будет проведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ 3-й армии ГСВГ и должным образом задокументировано.

Председатель Комитета госбезопасности Андропов».

В соответствии с предложением Андропова, с которым согласились члены Политбюро ЦК КПСС, группа солдат и офицеров спецгруппы КГБ выкопала пять снарядных ящиков, использованных как гробы, с останками указанных лиц. Их перевезли на полигон, сожгли, а пепел развеяли по ветру. Таким образом, именно Юрий Андропов поставил символическую последнюю точку в этой мрачной главе немецкой истории[161]. По свидетельству бывшего директора ФСБ генерала армии Николая Ковалева, в здании ФСБ есть особая комната, где в одном из сейфов и сегодня хранятся некоторые личные вещи Гитлера, Гиммлера и других вождей Третьего рейха. Здесь же решили хранить и челюсти фюрера, по которым его труп в свое время был опознан[162].

Девятое управление КГБ

Девятое управление КГБ, или «Девятка», ведавшее охраной членов Политбюро, было одним из самых крупных и влиятельных управлений этого ведомства.

Андропов лично наблюдал за эффективностью охраны Брежнева и Косыгина. Покушения на жизнь глав государств стали в 60—70-е годы частым явлением почти во всех странах мира. Не избежал этой участи и Советский Союз. Одна из таких акций произошла 22 января 1969 года в Москве у Боровицких ворот. В этот день Москва готовилась к торжественной встрече четырех космонавтов В. Шаталова, Б. Волынова, Е. Хрунова и А. Елисеева, вернувшихся 17 и 18 января из полета в космос на кораблях «Союз-4» и «Союз-5». В церемонии встречи, в то время весьма торжественной, должен был участвовать и Л. И. Брежнев. Между

тем среди сообщений, полученных в КГБ вечером 21 января, содержалась информация о побеге из воинской части в городе Ломоносове Ленинградской области младшего лейтенанта Виктора Ильина, 22 лет. Ильин захватил с собой два пистолета с патронами и, как было установлено почти сразу после побега, вылетел из Пулкова в Москву, где его и надо было искать. Лишь из присущей КГБ осторожности «Девятка» изменила для машины Брежнева маршрут; автомобиль, в котором находился генсек, шел от аэропорта Внуково вторым в кортеже вслед за машиной вернувшихся на землю героев космоса. При въезде на Красную площадь машина Брежнева попала в Кремль через Спасские ворота, тогда как другие машины проследовали вперед к Боровицким воротам. Когда у поворота на мост у Боровицкой башни появились черные «Чайки» в сопровождении мотоциклистов, из милицейского оцепления выскочил Ильин, одетый в милицейскую шинель, и открыл огонь из двух пистолетов по второй машине. Он успел выпустить 16 пуль, пока его, сбитого с ног одним из мотоциклистов, не скрутила милиция. «Пуленепробиваемое» стекло «Чайки» оказалось разбитым, шофер машины смертельно ранен, от осколков стекла пострадали, к счастью незначительно, ехавшие в этой машине космонавты Г. Береговой и А. Николаев. Следствие проходило в Лефортове в течение нескольких месяцев. Мне говорили позднее, что один из допросов Ильина проводил лично Ю. Андропов. На его вопрос: «Зачем ты стрелял?» Ильин якобы ответил: «Хотел пробудить Россию». По другой версии, Ильин просто мечтал о славе. Знакомой девушке он как-то рассказывал об Освальде, стрелявшем в Кеннеди: «Представляешь, всего один выстрел — и ты знаменит на весь мир». Ильин был признан психически больным и помещен в одиночную камеру-палату Казанской специальной психиатрической больницы. Лишь в 1988 году, по настоянию матери, он был переведен в обычную психиатрическую больницу в Ленинграде[163].

В отличие от других историй из жизни «Девятки» эпизод с покушением у Боровицких ворот наиболее известен. О других случаях рассказывали в своих книгах руководитель личной охраны Брежнева генерал КГБ Владимир Медведев и заместитель начальника Девятого управления генерал Михаил Докучаев[164]. Так, например, во время визита Брежнева во Францию советская разведка получила сообщение о том, что в момент возложения венков к Вечному огню у Триумфальной арки Брежнев будет обстрелян из винтовок с оптическим прицелом с одной из двенадцати улиц, ведущих к Триумфальной арке, — почти как в детективном романе «Шакал». Парижская полиция мобилизовала

12 тысяч полицейских — по тысяче на улицу — и 6 тысяч пожарных — на крышах домов каждой улицы. Тысяча полицейских была в резерве. Тщательно прикрывали Брежнева и офицеры из «Девятки». Но выстрелов не было. Во время зарубежных визитов Брежнева таких предупреждений и сигналов были десятки. Разного рода трудные ситуации возникали и во время зарубежных поездок А. Н. Косыгина. Так, например, во время визита советского премьера в Канаду в момент прогулки вокруг парламента из группы корреспондентов на Косыгина попытался наброситься какой-то человек. Он был «локализован» и передан местной полиции. Как оказалось, это был эмигрант из радикальной венгерской организации, который намеревался просто сорвать визит.

Волнения и беспорядки в СССР

Я уже писал выше о беспорядках и волнениях, которые произошли в городах Чимкент и Фрунзе в 1967 году и в подавлении которых принимали участие не только органы КГБ и МВД, но и войска. В 1968 году массовые волнения и беспорядки имели место в Нальчике. Оружие здесь не применялось, но 33 участника беспорядков были осуждены, в том числе трое приговорены к высшей мере наказания. В 1968 году волнения на межнациональной почве произошли в Степанакерте. Толпа армян бурно протестовала против мягкого приговора убийце девочки-армянки. В мае 1969 года антирусские манифестации узбекской молодежи произошли в Ташкенте. В 1971–1972 годах — волнения на национальной почве в Тбилиси и Каунасе. В литовский город пришлось вводить войска, были задержаны 400 человек, из которых 8 осуждены за участие в «уличных беспорядках». Тысячи ингушей приняли участие в манифестациях, состоявшихся 16–19 января 1973 года в Грозном. В октябре 1977 года крупные волнения под лозунгами «Свободу Литве!» произошли в Вильнюсе. В апреле 1978 года массовые манифестации студенческой молодежи проходили в Тбилиси. Студенты протестовали против дискриминации грузинского языка: в новой Конституции Грузинской ССР этот язык не был выделен как второй государственный. Но в это же время абхазские студенты протестовали против дискриминации абхазского языка. В 1978 году милиция разогнала манифестацию школьников-эстонцев в Тарту, а в 1980 году еще более крупную манифестацию эстонской молодежи в Таллине. Казахское население в Целинограде протестовало в 1979 году против создания в Казахстане «немецкой автономии». Крупные волнения осетинской молодежи

прошли в октябре 1981 года в Орджоникидзе в Северной Осетии. Мы видим, что почти все общественные волнения в Советском Союзе в 1960— 1970-е годы были связаны с этническими проблемами[165]. Это был серьезный симптом, но он не привлек должного внимания советского и партийного руководства. К тому же печать почти ничего не писала о перечисленных выше волнениях.

Советская общественность не получала никакой информации и о стихийных забастовках, которые происходили в СССР очень часто и расследованиями которых занимался в первую очередь КГБ, хотя и не без участия партийных и профсоюзных организаций. Еще весной 1968 года Ю. Андропов отправил в ЦК КПСС специальную записку «О случаях коллективного невыхода и отказа от работы в 1967–1968 гг.». Здесь читаем:

«6 мая 1968 года Секретно ЦК КПСС

По имеющимся в Комитете госбезопасности данным, в 1967 и начале 1968 года в некоторых регионах страны имели место случаи коллективного невыхода и отказов от работы отдельных групп, бригад и смен рабочих. На территории Украинской ССР в прошлом году отмечено 29 групповых невыходов и отказов от работы, в Узбекистане — 11, Эстонии — 8, Литве — 5, Таджикистане — 4, Свердловской области — 9, Костромской — 8, Пермской — 7, Карельской АССР — 5, Красноярском крае — 4. В Казахской ССР за два последних года было 49 коллективных невыходов или отказов от работы, кроме того, около 40 аналогичных случаев предотвращено.

Такие проявления чаще всего наблюдались на предприятиях легкой промышленности, в шахтах, рудниках, различных автохозяйствах и строительных организациях.

Расследование показывает, что причинами возникновения подобного рода проявлений являются главным образом серьезные недостатки в нормировании труда, невнимательное отношение отдельных руководителей предприятий и профсоюзных организаций к нуждам и запросам трудящих- ся, а также отсутствие с их стороны необходимой разъяснительной работы. Конфликты, как правило, заканчиваются удовлетворением требований рабочих.

Так, 14–15 марта этого года на Курганском механическом заводе две смены рабочих в количестве 70 человек, среди которых было 4 коммуниста и 10 ударников коммунистического труда, отказались приступить к работе в знак протеста против введенного скользящего графика вместо пятидневной рабочей недели. Конфликт был ликвидирован после отмены приказа директора завода о переходе на новый график работы.

На Минском заводе стройдеталей 9 апреля с. г. отказалась от работы, выдвинув требование о повышении зарплаты, смена лесопильного цеха в количестве 22 человек и приступила к работе лишь в 15 часов 10 апреля. Как показала проверка, на этом заводе месткомом профсоюза поднимались вопросы о ненормальностях в оплате труда рабочих, однако должного реагирования на них со стороны дирекции не было.

10 апреля в городе Балашове Саратовской области на комбинате плащевых тканей с 19 до 24 часов не работала вторая смена рабочих ткацкого производства. На следующий день полностью отказалась работать первая смена, а вторая приступила к работе лишь в 21 час 30 минут. В итоге 708 человек не работали 19 часов рабочего времени. Отказ от работы был вызван значительным снижением заработной платы рабочим в связи с переводом ткацкого производства с тарифной системы на сдельно-премиальную оплату труда. Рабочие приступили к работе после того, как им было объявлено, что зарплата за март будет выплачена по тарифным ставкам.

Партийные организации и администрация предприятий с участием органов КГБ принимают необходимые меры по локализации подобных конфликтов, предотвращению возможного перерастания их в более серьезные эксцессы.

Однако, как показывают факты, на местах все еще недостаточно принимается мер для устранения причин, вызывающих эти явления, которые отрицательно сказываются на состоянии трудовой дисциплины, порождают нежелательные ситуации и могут быть использованы подстрекательскими и враждебными элементами в преступных целях.

Комитет госбезопасности полагал бы целесообразным после изучения этого вопроса рассмотреть его в ЦК КПСС.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР Андропов»[166].

Подобного рода записки Андропов отправлял в ЦК КПСС примерно каждые полгода. Серьезного беспокойства в Политбюро и в ЦК КПСС эти стихийно возникавшие в разных частях страны короткие забастовки не вызывали. В отличие от крупных рабочих волнений в Польше, которые привели даже к отставке Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки. В СССР срочно пересмотрели задания по пятилетнему плану на 1971–1975 годы по производству товаров народного потребления.

Случались в СССР события и посерьезнее стихийных забастовок. Так, например, 8 и 9 ноября 1975 года части морских пограничников КГБ совместно с подразделениями ВМФ, ВВС и ГРУ участвовали в пресечении, а позднее в расследовании мятежа

на большом противолодочном корабле «Сторожевой», входящем в состав Балтийского флота. Это был странный мятеж. Его готовил в полной тайне всего один человек — заместитель командира корабля по политической части капитан 3-го ранга Валерий Саблин. Еще 7 ноября «Сторожевой» участвовал в морском параде на полноводной Даугаве в Риге. На корабле не было оружия, боевое судно готовилось не к выходу на боевое дежурство, а к долгому стоянию в доке. Вечером 8 ноября Саблин вывел корабль из парадного строя и двинулся к Балтийскому морю, объявив, что он идет в Кронштадт и Ленинград «делать новую коммунистическую революцию». Перед этим на «Сторожевом» был объявлен сигнал «Большой сбор». Саблин сумел запереть и изолировать командира корабля. Он обратился с речью к собравшимся на нижней артиллерийской палубе морякам и к офицерам, собравшимся в мичманской кают-компании. Он предлагал очистить от коррупции государственный аппарат, изменить систему выборов и покончить с всесилием партийных верхов. Горячая речь замполита, который служил на флоте на разных постах более 15 лет и пользовался авторитетом, встретила поддержку моряков и большинства офицеров. План действий был прост: идти в Ленинград к «Авроре». Моряков «Сторожевого» поддержат военные моряки Кронштадта и Ленинградской военно-морской базы, а после — рабочие ленинградских заводов и фабрик. Получив право выступить по всесоюзному радио и телевидению, «Сторожевой» получит поддержку всей страны. Ночью 9 ноября «Сторожевой» вышел в Рижский залив, но в сопровождении пограничных катеров с расчехленными орудиями и пулеметами. О мятеже сообщил комсорг корабля, сумевший перебраться в темноте на соседнюю подводную лодку. В Москве не спали не только в штабе ВМФ, но и на Лубянке. Была распространена информация о том, что корабль захвачен изменниками и направляется в Швецию. А в это время радиостанции «Сторожевого» передавали по всем доступным для них частотам некодированный текст: «Всем! Всем! Всем! На БПК "Сторожевом" поднято знамя грядущей коммунистической революции!» Дальнейшее было нетрудно предсказать. В воздух было поднято более десятка самолетов с полным боекомплектом. Бомбы ложились в 300–400 метрах по курсу корабля. Вскоре было повреждено рулевое устройство и «Сторожевой» потерял ход. Большая часть команды «передумала». Командир корабля был освобожден, а Саблин арестован. На палубу стали подниматься десантники. Следствие шло недолго, и вело его КГБ. Наказание для экипажа не было особенно суровым; 8 лет тюрьмы получил только матрос А. Шеин, отказавшийся раскаиваться. Остальные

матросы, старшины и офицеры были освобождены и дали подписку о неразглашении всего того, что произошло на «Сторожевом». Офицеров при этом разжаловали или уволили со службы. Валерий Саблин был приговорен к расстрелу. В одно из последних писем к родным Саблин вложил рисунок, изображающий Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами. Здесь же были слова этого рыцаря: «Намерения мои направлены всегда к хорошей цели: именно — делать всем добро и никому не делать зла». О ходе следствия Андропов регулярно информировал Политбюро КПСС. Предложение о смертной казни за «измену Родине» было принято после поименного голосования всех членов Политбюро. В 90-е годы прозвучало несколько предложений о реабилитации Саблина. Однако Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации изменила лишь формулировки обвинительного заключения, заменив статью об «измене Родине» статьями о воинских преступлениях. Коллегия «дала» Саблину 10 лет тюремного заключения, помогавшему ему матросу А. Шеину — 5 лет (вместо полностью отбытых им восьми)[167].

Аварии и катастрофы

При участии КГБ проводилось также расследование всех крупных аварий на промышленных предприятиях и других объектах — о подобных трагедиях обычно ничего или почти ничего не сообщалось в советской печати. Например, в Минске 13 марта 1972 года взрыв большой силы полностью разрушил один из главных цехов завода по производству телевизоров. Погибли десятки рабочих. Тщательная проверка показала, что взрыв произошел из-за грубейшей ошибки проектировщиков: в новом большом цехе не имелось хорошей системы вентиляции, что привело к недопустимой концентрации, а затем и взрыву полиэфирной пыли. Взрывы газа, вытекшего из труб, проложенных в подвальных помещениях, привели к разрушению нескольких жилых домов и промышленных цехов в разных частях страны. Все это заставило изменить в городах все прежние схемы размещения газопроводных линий. После нескольких крупных пожаров на предприятиях со значительными человеческими жертвами было решено запретить использование для покрытия промышленных объектов разного рода легковоспламеняющихся материалов. Это решение, однако, не соблюдалось даже при строительстве атомных электростанций, включая Чернобыльскую АЭС.

Комитет государственной безопасности должен был

расследовать и тяжелую трагедию, случившуюся вечером 25 февраля 1972 года, — пожар в гостинице «Россия». Это был самый большой пожар в Москве за несколько десятилетий. Так как в «России» живет обычно немало иностранцев, то у властей возникло предположение о диверсии. Как раз в день пожара в столице проводилось крупнейшее совещание работников пожарной службы. Начальник московской пожарной охраны, генерал-майор, докладывал о плохом техническом оснащении пожарной службы. У московских пожарных не было машин с выдвижными лестницами для высотных домов, лучшие из лестниц достают только до 9-го этажа. «Случись когда-либо пожар в гостинице "Россия", — заметил докладчик, — тушить его мы не сможем». И почти через несколько минут совещание было прервано, так как в президиум поступило сообщение: горит гостиница «Россия».

Пожар начался странно: загорелись лифты, вернее, шахты для движения лифтов. Легко воспламенялся и пластик в коридорах, выделяя при этом ядовитый дым. Огонь охватил верхние этажи, и огромное число пожарных и пожарных машин не могло погасить огонь. Погибли 42 человека, более двухсот человек пострадали от огня и дыма. Пожар почти полностью уничтожил блок «Север», в котором размещались не иностранцы, а главным образом советские и партийные работники из регионов, прибывшие на большое совещание в Москву.

Расследование, проведенное под руководством Генеральной прокуратуры и КГБ, показало, однако, что причиной пожара была не диверсия, а небрежность радиста, забывшего в одной из комнат радиостудии гостиницы включенный кипятильник. Огонь начал распространяться по вентиляционной системе. При этом все противопожарные правила, которые можно нарушить, были нарушены. Более того, оказалось, что и строительство здания велось с грубейшими нарушениями правил пожарной безопасности. Поэтому акт о его введении в строй отказались подписать как раз представители пожарной службы и некоторые другие члены комиссии. В сущности, новую гостиницу следовало бы не вводить в строй, а коренным образом переделывать, заменяя, например, большую часть облицовочных материалов. Однако по личному распоряжению «шефа» Москвы, первого секретаря горкома и члена Политбюро В. В. Гришина «Россия» начала работать.

По окончании следствия Ю. Андропов поручил участникам расследования совместно с кем-либо из писателей подготовить материал для «Литературной газеты». Очерк «Пожар» — на целую страницу — был написан и уже набран. Но Гришин, естественно,

возражал против его публикации. Возник конфликт, который пришлось разбирать на Политбюро. Статья о самом крупном пожаре в Москве так и не увидела свет. Только через 15 лет автор материала смог опубликовать ее в сборнике «Закон и совесть»[168].

Изменение статуса КГБ

В 1976 году был изменен статус КГБ. Из Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР он превратился в Комитет государственной безопасности СССР. Не все даже заметили это отнюдь не малозначительное изменение. Ю. В. Андропову было присвоено воинское звание генерала армии. Он позвонил, узнав об этом, Олегу Трояновскому и, по свидетельству последнего, спросил:

«— Олег Александрович, что же вы меня не поздравляете?

— С чем, Юрий Владимирович?

— Ну как же? С тем, что мне присвоили звание генерала армии.

Я набрался духу и говорю:

— А мне кажется, что тут нет предмета для поздравления, вы ведь политический деятель, а не военный. Зачем вам генеральские чины?

Он задумался, а потом сказал:

— Пожалуй, вы правы, Олег Александрович, предмета действительно нет»[169].

Все же Андропов иногда надевал военную форму, главным образом на военные праздники или в День Победы. Те, кто видел его в форме, говорили, что на Андропове военная форма сидела гораздо лучше, чем на министре обороны СССР Д. Устинове, который стал генерал-лейтенантом еще в 1944 году и был по профессии военным инженером.

Постепенно Ю. Андропов стал сам расширять сферу своей деятельности много дальше, чем этого требовали служебные интересы КГБ. Все больше и больше Андропов включался в решение политических и внешнеполитических вопросов. Это было бы невозможно при таких лидерах, как Хрущев или Сталин. Но Брежнев даже поощрял Андропова. Брежневу нравилась власть, но он не любил работать, вникать в проблемы, даже читать документы. Отдельные эпизоды, связанные с отношениями Андропова и Брежнева, следует поэтому рассмотреть более внимательно.

Ю. В. Андропов и Л. И. Брежнев

В 60-е годы Юрий Андропов не входил ни в одну из влиятельных политических групп, которые сформировались в советских «верхах». Андропов был лоялен к Хрущеву, у него сложились ровные служебные отношения с Брежневым. Близкие к Андропову люди знали о его неприязненных отношениях с М. Сусловым и А. Косыгиным, однако прямой враждебности здесь не было. Из членов Политбюро наибольшее опасение у Андропова вызывал А, Шелепин, но эти же чувства испытывали к «железному Шурику» и многие другие лидеры КПСС. Андропов не входил ни в чью «команду», но у него не имелось и своей. Именно это обстоятельство и подтолкнуло Брежнева предложить кандидатуру Андропова на пост Председателя КГБ, так как явный сторонник или оппонент Брежнева вызвал бы недовольство или у самого Брежнева, или у других членов Политбюро. Назначение близких Брежневу генералов Георгия Цинева и Семена Цвигуна заместителями Председателя КГБ, казалось бы, обеспечивало генсеку достаточный контроль за работой Лубянки. Но у Андропова не возникало конфликтов на новом посту ни с Брежневым, ни с заместителями. Хорошо знавший Андропова Вячеслав Кеворков писал в своих мемуарах: «Почему именно Андропов был назначен на пост руководителя госбезопасности, остается загадкой. Если не считать несомненной личной преданности, он не обладал ни одним из необходимых для спецслужб качеств. По складу ума Андропов был рожден масштабным государственным деятелем. Мозг его устроен был наподобие быстро решающего компьютера. О своих достоинствах он догадывался и, нисколько не греша завышенной самооценкой, сознавал свое интеллектуальное превосходство над всеми другими из числа брежневского окружения, включая "самого". Свое назначение на пост главы госбезопасности он расценил как временную карьерную неудачу, с которой оставалось не только смириться, но и попытаться обратить ее в успех, то есть использовать ее как трамплин для прыжка на "самый верх". Этим лишь и можно объяснить его подчеркнутое нежелание вникать в профессиональную сторону деятельности вверенного ему аппарата. Все эти вопросы он с удовольствием передоверял своим заместителям. Сам же продолжал жить жизнью политика, имеющего свою точку зрения по самым различным вопросам. Он прекрасно понимал, что существует лишь один способ реализовать его политические идеи: сделать своим союзником Брежнева, и шел по этому пути весьма успешно. Наибольших результатов он достиг в навязывании Брежневу своей внешнеполитической концепции»[170]. Не во всем можно здесь согласиться с Кеворковым. Юрий Андропов смог в полной мере

«жить жизнью политика» лишь после 1969 года, а его влияние на Брежнева стало заметным в высших эшелонах власти только после 1970 года. В 1967–1969 годах Андропов вживался в новую роль, и ему часто казалось, по свидетельству Игоря Андропова, что его отодвинули от решения проблем большой политики. В 1970-е годы Андропов решал многие проблемы своего нового ведомства вполне профессионально.

Перебравшись со Старой площади на площадь им. Дзержинского, Андропов продолжал участвовать в решении почти всех проблем, связанных с социалистическими странами Европы. Разумеется, он поддерживал постоянный контакт с руководителями органов безопасности этих стран. Но он участвовал в обсуждении и многих других вопросов. Не успели советские лидеры прийти в себя после событий в Чехословакии в 1968–1969 годах, как политический кризис начался в Польше. Он был вызван трудной экономической ситуацией в стране. Попытка правительства Польши повысить цены на продукты питания, и особенно на мясо, привела к волнениям и забастовкам. Особенно сильные волнения прошли в городах на Балтийском побережье, а попытка властей подавить их привела к столкновениям милиции и органов безопасности с рабочими и к гибели нескольких десятков бастующих. Возмущение, охватившее рабочих всей Польши, включая Варшаву, привело к отставке Владислава Гомулки, а также его ближайших соратников. К власти в стране и в ПОРП пришла более умеренная, более гибкая и более популярная среди рабочих группа Эдварда Терека, члена Политбюро, который и раньше выступал с критикой многих аспектов политики Гомулки.

Все более сложные проблемы для Советского Союза возникали и на Востоке. Военные действия во Вьетнаме давно уже переросли рамки партизанской войны. Однако с ростом масштаба развертывающихся здесь сражений возрастала и вовлеченность в этот конфликт нашей страны. Но в это же время обострялись отношения между СССР и КНР. В 1969 году политическая конфронтация начала перерастать в военную, в районе острова Даманский произошли тяжелые и кровопролитные столкновения при участии военных подразделений и даже ракетных войск. Столкновения с участием крупных отрядов пограничников произошли также на острове Култун на Амуре, близ Благовещенска и в Семипалатинской области в Казахстане. Военные эксперты всего мира начали обсуждать возможные последствия и характер большой советско-китайской войны. К концу 1960-х годов у Советского Союза оказалось два противника стратегического значения — США и Китай. И если президент

США Ричард Никсон отдал в 1970 году распоряжение: при стратегическом планировании иметь в виду способность и готовность Америки вести сразу одну большую и одну-две малых войны (в прошлом речь шла о готовности США вести одновременно две больших и две малых войны), то Советское правительство было вынуждено дать Генеральному штабу СССР прямо противоположную задачу. Наша страна должна была подготовиться к тому, чтобы вести одновременно две больших войны: одну на Западе, другую на Востоке.

Брежнев не был готов к анализу и решению столь масштабных задач. Но он также понимал ограниченность своих возможностей и этим выгодно отличался от многих других советских лидеров. По свидетельству помощника Генерального секретаря Андрея Александрова-Агентова, занимавшегося в аппарате генсека проблемами внешней политики, Брежнев как-то сказал ему в неформальной беседе: «Знаешь, Андрей, все-таки я прихожу к выводу, что самый лучший пост из тех, что мне приходилось занимать, — это пост секретаря обкома партии. И возможность сделать что-то больше, и в то же время можешь сам наглядно видеть реальную обстановку и результаты своей работы. А здесь, в Кремле, сидишь и видишь мир сквозь бумаги, которые кладут тебе на стол». «Это, думается, — подводил итог и своим размышлениям А. Александров-Агентов, — было ключевое высказывание, которое характеризовало Брежнева как человека и работника. Живой, активный, конечно еще в то время, когда он был здоров, общительный — и в то же время малоприспособленный к государственной деятельности большого масштаба, к обобщениям, а тем более теоретическим выводам, Брежнев сам определил свои оптимальные возможности. Это был хороший практичный руководитель областного уровня, но для поста руководителя великой державы ему многого недоставало. Отсюда и такие качества, как исключительная осторожность при принятии серьезных решений, неуверенность, постоянная потребность выслушивать советы и в то же время частые колебания и даже противоречивые действия, когда эти советы шли в противоположных направлениях»[171].

А. М. Александров-Агентов хорошо знал то, о чем он писал, ибо именно он помогал Брежневу принимать и формулировать многие решения по сложным международным проблемам. Случалось, Брежнев отклонял решения, предложенные А. А. Громыко, но принимал то, что подсказывал ему Александров-Агентов. Однако понимание Брежневым ограниченности своих возможностей и способностей не вело генсека к отказу от власти, но создавало дополнительные трудности в отношениях с другими

членами Политбюро, обладавшими своими амбициями и претендовавшими на более значительную роль в принятии решений. Не только в проблемах экономики, но и во внешней политике такого соперника Брежнев видел в Алексее Косыгине, который вошел в высшие круги руководства СССР и КПСС много раньше Брежнева и значительно превосходил его по интеллекту и опыту. На более значительную роль в управлении страной претендовал не только Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, но и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. В этих конфликтных ситуациях Ю. Андропов принимал сторону Брежнева, снабжая его не только советами, но и важной информацией. Постепенно Андропов стал незаметно и деликатно выполнять часть работы, которую во времена Сталина и Хрущева делал сам «вождь», никому ее не передоверяя. Но Брежнев был другим человеком, и он был только благодарен Андропову за принятие на себя многих дополнительных обязанностей, особенно в области внешней политики. Отношения этих двух людей в 1969–1970 годах стали очень близкими, хотя Андропов и не принимал никакого участия в разного рода развлечениях, которые так любил Брежнев, — в охоте и рыбной ловле, в частых застольях, в посещении футбольных и хоккейных матчей. Брежнев почти ежедневно, а то и несколько раз в день звонил Андропову, обращаясь к нему по имени — «Юра».

Еще в конце 1960-х годов Советский Союз начал значительно увеличивать мощь своих вооруженных сил — на суше, на море и в воздухе. Однако военное и политическое противостояние великим странам всего мира было непосильно для СССР. Изменить отношения с Китаем в то время еще не представлялось возможным, политика Мао Цзэ- дуна была непредсказуема. Надо было менять отношения со странами Запада, и Андропов начал это понимать раньше многих других советских лидеров.

Разумеется, главной проблемой в данном случае являлись отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Однако здесь накопилось так много недоверия и предрассудков, что даже некоторое сближение оказалось крайне затруднительным. Движение к разрядке и снижению уровня противостояния началось на советско-американском направлении как благодаря Ричарду Никсону и Генри Киссинджеру, так и Брежневу и Громыко. Советский министр иностранных дел работал в прошлом послом СССР в США, и это облегчало переговоры. На европейском направлении движение к разрядке началось раньше и проходило быстрее. Этому способствовал приход к власти в ФРГ социал-демократов и конкретно Вилли

Брандта, а также участие в этом процессе Юрия Андропова.

Еще во времена Н. Хрущева, и особенно в дни Карибского кризиса, стало очевидно, что в современных условиях недостаточно одних лишь официальных отношений между главами больших государств. Обмен мнениями через официальные каналы происходит слишком медленно и зависит нередко от мнения не только глав государств, но и окружающих их чиновников. Однако время «красных» или «белых» телефонов прямой связи, по которым Горбачев или Ельцин могли без посредников говорить с президентами США и Франции, с премьером Великобритании и канцлером ФРГ, пришло позднее. У Андропова появилась мысль о создании неофициального или даже тайного канала связи между Брежневым и В. Брандтом. Роль связного с советской стороны выполняли работник КГБ Вячеслав Кеворков и журналист Валерий Леднев, а с германской — статс-секретарь ведомства канцлера Эгон Бар. Многие из успехов советской внешней политики на европейском направлении были связаны с деятельностью этого тайного канала. Конечно, решающее слово во внешней политике страны в 1970-е годы принадлежало Брежневу. Однако Андропов сумел убедить генсека в правоте своей точки зрения. Как писал Кеворков, «с самого начала установления канала с немецким канцлером Генеральный секретарь понял, что передаваемую и получаемую информацию надежнее всего пропускать через голову Андропова, которую он считал более светлой, чем у остальных приближенных, да и у него самого. Человек, признающий чье-либо умственное превосходство, уже не дурак. Андропову такая постановка вопроса давала серьезные преимущества перед остальными, обеспечивая ему постоянный доступ к Генеральному секретарю и возможность еще более доверительного с ним общения»[172]. Громыко был крайне недоволен возросшей ролью Андропова в решении проблем внешней политики. По свидетельству Кеворкова, на одном из заседаний Политбюро Громыко заявил, что ему мешают проводить согласованный с руководством страны внешнеполитический курс, и обратился к Брежневу с просьбой убрать с пути всех людей Андропова, не способных понять, что «ключи от Германии лежат в Вашингтоне». Но Брежнев не поддержал амбиций министра иностранных дел, и тот вскоре понял, что допустил непростительный просчет. Громыко осознал не только свой аппаратный просчет и просчет по поводу места, где лежат «ключи» от Германии и Европы. Деятельность Андропова в области внешней политики проходила по тайным каналам, он никогда не участвовал открыто ни в каких встречах на высшем уровне и не подписывал никаких соглашений кроме

соглашений о совместной работе спецслужб социалистических стран. Поэтому все успехи внешней политики, а они в 1970-е годы были очевидны, становились также и успехами МИДа. Уже в 1971–1972 годах в отношениях между Громыко и Андроповым исчез элемент конфронтации и соперничества, два лидера стали успешно сотрудничать друг с другом.

Андропов участвовал в заседаниях Политбюро ЦК КПСС как кандидат в члены Политбюро — без права голоса. В 1973 году по предложению Брежнева Андропов был избран полноправным членом Политбюро. Одновременно членами Политбюро стали Андрей Громыко и Андрей Гречко. После смерти А. А. Гречко в 1976 году министром обороны СССР, а также членом Политбюро избрали Дмитрия Устинова, с которым у Андропова были самые добрые и доверительные отношения. Появление в Политбюро Андропова, Громыко и Устинова укрепило позиции Брежнева, о личной преданности этих людей Брежневу было хорошо известно. Однако укрепились позиции во власти и самих этих советских лидеров. По многим вопросам они могли принимать самостоятельные решения, а по более важным обращаться непосредственно к Брежневу, минуя Суслова или Косыгина. Лишь по вопросам «особой важности» обсуждение и решение выносилось на Политбюро.

О близости Брежнева и Андропова, а также о манере и формах их общения писал в мемуарах начальник личной охраны Брежнева Владимир Медведев. «Самым близким к Брежневу человеком из высокого окружения был, несомненно, Юрий Владимирович Андропов, — свидетельствовал В. Медведев. — И чрезвычайно для него важным, ибо Андропов, возглавляя самое могущественное и практически никому не подконтрольное ведомство — КГБ, был в курсе всех дел в стране — не только коррупции, преступности, возможных заговоров, но и состояния экономики, межнациональных отношений, внешнеполитических дел, настроений в народе. Человек интеллигентнейший, образованный, совершенно бескорыстный, веривший в социалистические идеалы, он напоминал мне большевиков начала века. Имея рядом такого информированного и преданного человека, Брежнев был застрахован от всякого рода неприятных неожиданностей… Андропов был в высшей степени деликатным, во всяком случае, по отношению к Брежневу. Без предупредительного звонка не являлся и вообще понапрасну Генерального не беспокоил ни звонками, ни тем более визитами… Кириленко мог тряхнуть Брежнева за плечи: "А-а, Леня…" Подгорный тоже вел себя панибратски: "Леонид, ты…" Андропов же всегда обращался к Генеральному подчеркнуто

уважительно, по имени-отчеству. Думаю, что Андропов для Генерального был приятным собеседником даже в сложных делах, потому что, задавая какой-то вопрос, Андропов сам же ненавязчиво, в форме совета, подсказывал и ответ, не заставляя Генерального ломать голову. Он как бы щадил Брежнева, вначале учитывая его занятость, потом — болезнь. Эта манера разговора с вышестоящим руководством была в традициях органов безопасности. Мне неоднократно приходилось быть свидетелем разговора Брежнева с Андроповым. Юрий Владимирович входил — всегда спокойный, рассудительный. "У меня, Леонид Ильич, несколько вопросов". Задавал четко, кратко… Брежнев обычно задумывался, а Андропов аккуратно заполнял паузу: "Думаю, надо поступить таким образом, как вы считаете?" Все вопросы решались как бы сами собой»[173].

Так что, видите, — продолжал Андропов, — мои возможности помочь вам крайне ограниченны, их почти нет. Сложнее другой ваш вопрос — должны ли мы ставить в известность о складывающейся ситуации Политбюро или кого-то из его членов? Давайте мыслить реально. Сегодня Брежнев признанный лидер, глава государства, достигшего больших высот. В настоящее время только начало болезни, периоды астении редки, и видите их только вы и, может быть, ограниченный круг ваших специалистов. Никто ни в Политбюро, ни в ЦК нас не поймет и постараются нашу информацию представить не как заботу о будущем Брежнева, а как определенную интригу. Надо думать нам с вами о другом. Эта информация может активизировать борьбу за власть в Политбюро. Нельзя забывать, что кое-кто может если не сегодня, то завтра воспользоваться возникшей ситуацией. Тот же Шелепин хотя и перестал претендовать на роль лидера, но потенциально опасен. Кто еще? — размышлял Андропов. — Суслов вряд ли будет ввязываться в борьбу за власть. Во всех случаях он всегда будет поддерживать Брежнева. Во- первых, он уже стар, его устраивает Брежнев, тем более Брежнев со своими слабостями. Сегодня Суслов для Брежнева, который слабо разбирается в проблемах идеологии, непререкаемый авторитет в этой области, и ему даны большие полномочия. Брежнев очень боится Косыгина, признанного народом талантливого организатора. Этого у него не отнимешь. Но он не борец за власть. Так что основная фигура — Подгорный. Это ограниченная личность, но с большими политическими амбициями. Такие люди опасны. У них отсутствует критическое отношение к своим возможностям. Кроме того, Подгорный пользуется поддержкой определенной части партийных руководителей, таких же по характеру и стилю, как и он сам. Не исключено, что и Кириленко

может включиться в эту борьбу. Так что, видите, претенденты есть. Вот почему для спокойствия страны и партии, для благополучия народа нам надо сейчас молчать и, более того, постараться скрывать недостатки Брежнева. Если начнется борьба за власть в условиях анархии, когда не будет твердого руководства, то это приведет к развалу и хозяйства, и системы. Но нам надо активизировать борьбу за Брежнева, и здесь основная задача падает на вас. Но я всегда с вами и готов вместе решать вопросы, которые будут появляться"»[174].

В 1974 году здоровье Брежнева настолько ухудшилось, что это было уже невозможно скрывать не только от членов Политбюро, но и от всех, кто общался с Брежневым. Владимир Крючков вспоминает: «В конце 1974 года решался вопрос о моем назначении на должность начальника Первого главного управления КГБ СССР, то есть начальника разведки. По традиции со мной должен был побеседовать Генеральный секретарь ЦК КПСС. Брежнев принял меня в своем рабочем кабинете в Кремле. Там же был и Андропов. Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если генсек покажется мне не в форме, главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным. Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло. Андропов громким голосом представил меня. Брежнев в ответ только и сказал: "Что ж, будем решать". Я произнес несколько слов в порядке заверений, и на этом официальная часть процедуры была закончена. Прощаясь, Леонид Ильич снова кое-как встал, обнял меня, пожелал всего доброго и даже почему-то прослезился»[175].

По свидетельству Крючкова, Андропов не скрывал своего беспокойства и даже обсуждал с Устиновым, но из членов Политбюро только с Устиновым, возможность какого- то мягкого и безболезненного отхода Брежнева от дел. Было очевидно, что реально управлять страной Брежнев уже физически не может. Решение, однако, не было найдено. В середине 1970-х годов в случае ухода Брежнева Андропов не мог еще сам претендовать на власть. Об амбициях Шелепина было известно, но и у него уже не было шансов на лидерство. Наиболее сильные позиции в партийном аппарате имелись у Андрея Кириленко. Именно этого человека в кругах ЦК КПСС считали тогда наиболее вероятным преемником Брежнева. В кругах Совета Министров СССР

наиболее влиятельным человеком являлся, естественно, Алексей Косыгин. Велики были шансы и у Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорного. Однако Андропов явно не желал прихода к власти в стране любого из этих лидеров. Ему казалось, и не без оснований, но и не без личных мотивов, что даже сохранение сложившейся ситуации будет лучше, чем переход власти в руки Кириленко или Подгорного. Этой же позиции придерживались как Устинов, так и Громыко. Постепенно именно эти люди составили ведущую силу, но пока только все вместе — как «тройка».

В 1975 году, в самом начале года, у Брежнева случился инсульт, а потом и инфаркт. Он надолго вышел из строя и не появлялся на публике несколько месяцев. Иностранные и особенно американские дипломаты старались везде, где только можно, собрать информацию о состоянии здоровья советского лидера. Активизировалась и борьба за власть внутри Политбюро. Эта борьба кончилась неудачей сначала для Шелепина, затем для Подгорного и К. Мазурова, которые были выведены из состава Политбюро и потеряли все свои посты. Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран сам Брежнев, здоровье которого несколько стабилизировалось. Несчастный случай на работе практически вывел из строя Косыгина. Положение Юрия Андропова в составе власти значительно укрепилось, и он начал усиливать борьбу с коррупцией в партийном и государственном руководстве. Органы КГБ получили дополнительные полномочия для борьбы с валютными операциями, организованной преступностью и так называемыми «государственными преступлениями», многие из которых сводились к банальному взяточничеству. Еще в начале 1970-х годов КГБ раскрыл хорошо организованную группу преступников, работавших в ювелирной промышленности и занимавшихся хищением и продажей бриллиантов — так называемое «дело Копылова». По этому сюжету вскоре сняли детективный фильм[176].

Активная борьба с коррупцией стала проводиться в Закавказье. В Азербайджане ее возглавил Гейдар Алиев, который был выдвинут на пост Первого секретаря ЦК КП Азербайджана с поста председателя КГБ республики. Он начал свою деятельность со столь энергичной борьбы против хищений и коррупции, что его необычные для того времени выступления на различных республиканских форумах получили международный резонанс: о событиях в республике немало писали в крупнейших европейских и американских журналах и газетах. И опять-таки не без поддержки Андропова борьба против мафиозных структур в

Азербайджане послужила темой нескольких кинофильмов, один из которых — «Допрос» — был даже удостоен Государственной премии.

В Грузии в 1972 году во главе компартии был поставлен министр внутренних дел Э. А. Шеварднадзе, о котором еще раньше в Тбилиси говорили как о «единственном честном министре в республике». Пользуясь полной поддержкой Андропова, Шеварднадзе тоже начал энергичную борьбу с коррупцией и хищениями. Однако Андропов не смог по-настоящему навести порядок в соседнем Краснодарском крае, где полным хозяином чувствовал себя близкий приятель Брежнева и его семьи — первый секретарь крайкома КПСС С. Ф. Медунов. Брежнев не позволял Андропову проверять и контролировать деятельность верхушки МВД СССР, это министерство возглавлял тогда личный друг Брежнева Николай Щелоков.

Именно борьба с коррупцией привела Андропова в конце 1970-х годов к серьезному конфликту с Брежневым, который едва не кончился отставкой Андропова. Жалобы на КГБ исходили в основном от Щелокова, но их поддержали и некоторые другие руководители, имевшие доступ к больному и капризному Брежневу. «По представлениям того времени, — пишет Кеворков, — Щелоков воплощал собою тип "советского мафиози": напористый, беспринципный, алчный и беспощадный на пути к цели, он манипулировал страстью Брежнева к дорогим машинам и прочим атрибутам комфорта. Всей своей сутью он являл отрицание щепетильного в своих убеждениях Андропова, которого Щелоков ненавидел и боялся, не без оснований полагая, что тот прекрасно знает о его "проделках". Неприязнь была обоюдной. Однако "правила двора" Брежнева вынуждали их улыбаться друг другу при встрече, тем более что городские квартиры обоих располагались в доме № 26 по Кутузовскому проспекту, даже в одном подъезде, том же, кстати, что и квартира Брежнева, только на разных этажах»[177].

Информация, которую Брежнев получал от Андропова и от Щелокова, существенно расходилась. После одного из докладов Андропова Брежнев даже сказал: «От мрачных докладов Андропова о положении в стране я чувствую себя совершенно больным и потом целую неделю не могу прийти в себя. Он сведет меня, конечно, в могилу своими докладами».

Андропову передали эти слова. К тому же Брежнев на три месяца перестал с ним встречаться, даже отказывался разговаривать по телефону. Андропов был готов к отставке, но Брежнев тянул. Когда Леонид Ильин снова пригласил Андропова для доклада, из информации Председателя КГБ были исключены

все сведения, которые могли бы огорчить больного генсека. Конфликт был исчерпан, и к концу 1979 года Ю. Андропов снова стал, при поддержке Устинова и Громыко, самым могущественным человеком в советском руководстве. В интервью, которое мне приходилось давать в 1978–1979 годах западным корреспондентам, я уверенно называл Андропова наиболее вероятным из преемников Брежнева. Именно Устинов, Громыко и Андропов принимали в конце 1979 года основные решения, связанные с введением советских войск в Афганистан.

Афганистан, 1978–1980 годы Проблема ответственности. Поручение съезда

Еще в июне 1989 года после спонтанной и острой дискуссии на Первом съезде народных депутатов СССР было принято решение: «Съезд поручает Верховному Совету СССР выработать политическую оценку принятого в свое время решения о вводе советских войск в Афганистан и доложить ее на Втором съезде народных депутатов СССР. Формирование и проведение внешней политики Советского государства должно быть под контролем народа»[178]. 24 декабря 1989 года почти день в день через 10 лет после того, как передовые части 40-й армии перешли советско-афганскую границу и начали свой марш-бросок на Кабул, Второй съезд народных депутатов принял резолюцию о том, что решение о вводе войск в Афганистан «заслуживает морального и политического осуждения»[179]. В докладе Комитета Верховного Совета СССР по международным делам по этому поводу говорилось, что решение о военном вмешательстве в события в Афганистане было принято главой Советского государства и КПСС Л. И. Брежневым, занимавшим также посты Председателя Совета Обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, а также министром обороны СССР Д. Устиновым, министром иностранных дел СССР А. Громыко и Председателем Комитета государственной безопасности СССР Ю. Андроповым.

Решение съезда не прекратило дискуссий по поводу событий в Афганистане. Напротив, оно дало начало новой волне обсуждений и публикаций, среди которых имеются исторические исследования и военные обзоры, мемуары и сборники документов, повести и рассказы, стихи и песни. Не вдаваясь в подробности военных и политических событий конца 1970-х и начала 1980-х годов, я ограничусь ниже лишь рядом эпизодов и суждений, связанных прежде всего с проблемой мотивов и ответственности за решения 1979 года, а также с ролью в этих событиях Ю. В. Андропова.

Афганистан

Афганистан — это далекая от центров мировой цивилизации и слаборазвитая страна и государство в Центральной Азии. Площадь ее составляет около 650 тысяч квадратных километров.

Население, по оценкам демографического ежегодника ООН, составляло в 1975 году около 20 миллионов человек. Это многонациональное государство. Лишь менее половины его населения — пуштуны. Второй по численности национальной группой были таджики, за ними шли хазары и узбеки. Государственной религией страны является мусульманство. К шиитам себя относили только 14 процентов населения, 84 процента — к суннитам. Находясь в самом центре Азии, Афганистан сумел отстоять свою независимость главным образом от посягательств Великобритании. Еще в 1838 году 30-тысячная британская армия вторглась в Афганистан и заняла ключевые центры в большей части страны. Но в результате борьбы и восстаний значительная часть оккупантов была уничтожена, а остатки армии бежали из страны в 1842 году. Через 40 лет британские войска вновь вторглись в Афганистан. Британия вынудила правившего в стране эмира Якуб-хана подписать унизительный для страны договор. Но и теперь в Афганистане началось восстание, и 100-тысячная армия повстанцев осадила Кабул. Англичанам вновь пришлось уходить. Еще через 40 лет, в 1919 году, Великобритания начала третью войну против Афганистана, направив сюда армию в 340 тысяч человек против 40-тысячной афганской армии. Однако и на этот раз завоевать страну не удалось. Уже через месяц после начала войны Британия была вынуждена подписать перемирие, а потом и вывести из непокорной страны свои войска. Эти неудачи Британии, трижды пытавшейся превратить Афганистан в свою колонию, создали на Западе представление об Афганистане как о горной стране, которую невозможно покорить, как о «могиле для завоевателей». Советская Россия стала первой страной, признавшей независимость Афганистана и установившей с ним дипломатические отношения. Но и Афганистан был первой страной, признавшей Российскую Советскую Федерацию. Между нашими странами произошел обмен посольствами, а в 1921 году был заключен первый советско-афганский договор. Дипломатическая активность Советского Союза в Афганистане в 20-е годы была высока, поощрялась советско-афганская торговля. В советских военных училищах шла подготовка многих офицеров для афганской армии, а в советских научных учреждениях начали возникать первые группы специалистов по Афганистану и по таким языкам, как пушту и дари, являвшимися в тот момент государственными. Но мир менялся в XX веке очень быстро, а Афганистан продолжал жить в условиях раннего феодализма. В стране почти не было промышленности, а в сельских районах преобладали племенные отношения. Попытки провести в

Афганистане даже самые ограниченные буржуазно-демократические реформы потерпели поражение, встретив сопротивление племенных вождей и духовенства. В 1933 году королем Афганистана стал Мохаммед Захир Шах, который правил страной 40 лет. После Второй мировой войны Афганистан перестал быть зоной повышенного внимания Советского Союза. Хотя в 1955 году Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин посетили Кабул с кратким визитом, эта поездка мало что изменила в советско-афганских отношениях. Мало кто комментировал у нас в стране свержение в 1973 году, изгнание из Афганистана короля Захир Шаха и провозглашение страны республикой. В конце концов в стране и ее политике мало что изменилось. У власти в Кабуле оказался давний премьер Афганистана и двоюродный брат короля Мухаммед Дауд, который не раз посещал с дружескими визитами СССР и который старался поощрять экономическое, техническое и военное сотрудничество с Советским Союзом. Как раз в середине 1970-х годов в Афганистане при помощи СССР было построено несколько заводов и фабрик, началось строительство дорог с асфальтовым покрытием, а также нефтепроводов и газопроводов.

Мухаммед Дауд разрешил издание в Афганистане нескольких газет, которые стали центрами политических партий. Общественные группы левой ориентации формировались вокруг газет «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). 1 января 1965 года в Афганистане было объявлено о создании Народно-демократической партии, Генеральным секретарем которой стал Нур Мухаммед Тараки. Это был образованный журналист и писатель, весьма популярный в немногочисленных левых кругах страны. Активным деятелем НДПА стал и Хафизулла Амин, который получил хорошее педагогическое образование главным образом в США. Хотя работа НДПА проходила по преимуществу нелегально, Амин работал несколько лет в министерстве просвещения Афганистана, а в 1969 году был избран депутатом нижней палаты афганского парламента. Немалую роль в партии, которая объявила о стремлении вести страну по социалистическому пути, минуя капитализм, играл и главный редактор газеты «Парчам» Бабрак Кармаль. НДПА никогда не была массовой партией, и ее с самого начала раздирали внутренние противоречия, порожденные амбициями лидеров и различием в социальной опоре. Считалось, что фракция «Парчам» имеет хорошие связи в немногочисленной афганской интеллигенции, в части чиновничества и в студенчестве. Фракция «Хальк», как считалось, имела хорошие связи среди афганских офицеров и в среде рабочих. Никакой опоры в сельских районах у НДПА не было.

Саурская революция в Афганистане

В Афганистане в конце 1970-х годов не было революционной ситуации, не происходило каких-либо заметных волнений среди крестьян и рабочих. Однако в стране, где правительство не осуществляло реальной власти над всей территорией, остававшейся все еще конгломератом относительно самостоятельных феодальных уделов, даже небольшое нарушение равновесия в обществе могло стать причиной быстрых и неожиданных изменений.

Хотя М. Дауд и предпринял ряд реформ, общее экономическое положение в Афганистане к концу 1970-х годов ухудшилось, и оппозиция начала «поднимать голову». Весной 1978 года президент Афганистана Мухаммед Дауд развернул репрессии против коммунистов, значительная часть которых оказалась в тюрьме. Однако части афганской армии, дислоцированные в Кабуле, вышли из повиновения М.Дауду. Под командованием Х. Амина механизированные и танковые части окружили дворец М. Дауда. Вызванные в столицу подкрепления были перехвачены афганскими ВВС, которые поддержали восстание. Сопротивление верных Дауду частей было быстро сломлено, а сам Дауд и члены его многочисленной семьи захвачены и немедленно расстреляны. Афганистан провозгласили Демократической Республикой. Высшим органом власти в стране стал Революционный совет, назначенный ЦК НДПА. Этот военный переворот в Кабуле и был объявлен Саурской (апрельской) революцией.

Советское посольство в Кабуле, во главе которого стоял А. М. Пузанов, было в растерянности: оно не предвидело и не предсказывало подобного развития событий. О перевороте в Кабуле Брежнев, Андропов и Громыко узнали из сообщений западных информационных агентств. Из этого же источника в Москве узнали и имена новых руководителей страны. Чаще других звучало имя Нур Мухаммеда Тараки, которого в одних сообщениях именовали новым президентом Афганистана, а в других председателем Революционного совета. Называлось и имя Хафизуллы Амина, который занял пост премьер-министра или вице-премьера и министра иностранных дел. Гораздо реже называлось и имя Бабрака Кармаля.

Юрий Андропов был явно озабочен сообщениями из Кабула. От КГБ СССР уже и без того требовали огромного внимания и сил «социалистические революции» в Анголе и Мозамбике, в Сальвадоре и Никарагуа, в Эфиопии и Южном Йемене. Но теперь речь шла о соседней стране, с которой у Советского Союза

имелась общая граница, превышавшая две тысячи километров. «Видишь, как полна жизнь парадоксов! — воскликнул Андропов в одной из бесед с В. Кеворковым. — Когда-то мы мечтали о "всемирной революции", теперь же не рады ей даже в соседней стране… Эх, если бы эта революция года на два-три позже началась, как все хорошо бы сложилось!.. С другой стороны, революция — как роды, ее нельзя отложить»[180].

Просьбы о помощи — экономической, финансовой, технической, военной — стали поступать из Кабула в Москву уже в мае 1978 года. Такая помощь стала оказываться, однако не в тех размерах, о которых мечтали новые афганские лидеры. Советский Союз нуждался в первую очередь в достоверной информации. Министерство иностранных дел СССР требовало самых подробных отчетов от своего посольства. В первых же отчетах Александра Пузанова, полученных в МИДе и в ЦК КПСС в мае 1978 года, говорилось, что переворот подготовлен плохо, а его главные организаторы склонны к левацким авантюрам. Пузанова беспокоила многолетняя вражда между «Хальком» и «Парчамом», которая разгорелась с новой силой. Посол просил направить в Афганистан с неофициальным визитом одного из руководителей Советского государства — члена Политбюро ЦК КПСС, который смог бы не только знакомиться с ситуацией, но и принимать решения на месте. Вскоре в Кабул прибыл с группой кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК КПСС по международным делам Борис Пономарев. В Афганистане в это время шли репрессии против «парчамистов». Лидер фракции Б. Кармаль скрывался, тюрьмы Кабула пополнялись недавними революционерами, в НДПА царила неразбериха. Призывы Пономарева к Тараки и Амину о прекращении репрессий не достигли цели.

Советская разведка всегда имела в Афганистане агентуру и источники информации, особенно в среде военнослужащих, проходивших ранее подготовку в советских военных училищах или академиях. Резидентуру КГБ в Кабуле возглавляли Б. Иванов и А. Морозов. Однако их возможности были невелики; работа в Афганистане не считалась до 1978 года приоритетным направлением в советской разведке. Чтобы быстро изменить положение, Андропов поручил начальнику Первого главного управления КГБ В. Крючкову вылететь в Кабул. «В июле 1978 года, — вспоминал Крючков, — в Кабул отправилась делегация Комитета госбезопасности СССР. Возглавлял ее я, как начальник ПГУ… Находились мы в афганской столице четыре дня. За это время у нас состоялась серия встреч с руководством страны и афганских спецслужб. Мы совсем не знали друг друга, поэтому

для этих первых переговоров была характерна взаимная настороженность, нежелание раскрывать все карты. Нам были неведомы планы и намерения новых властей. Да и афганцы, судя по всему, не знали, как мы отнесемся к свержению Дауда, с которым у Советского Союза до последнего времени сохранялись неплохие отношения». Тараки произвел на Крючкова впечатление умного, но крайне близорукого политически человека, наивного революционного романтика, потерявшего чувство реальности. «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, — сказал Тараки в беседе с В. Крючковым, — в Афганистане будет осуществлено за пять лет. Приезжайте к нам через год — и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми». Амин держался с Крючковым по-разному в трех разных встречах, но в целом произвел неблагоприятное впечатление: он показался Крючкову человеком авантюрного склада, безжалостным и амбициозным. Никаких ясных и четких планов действий у Тараки и Амина не имелось даже на несколько месяцев вперед. Докладывая Андропову о своих встречах в Кабуле, Крючков не скрывал своего разочарования и своих сомнений[181].

Крючков и Андропов приняли решение о значительном расширении деятельности КГБ в Афганистане. Основные усилия были сосредоточены при этом на изучении лидеров нового режима и характере быстро растущих в стране оппозиционных движений. Х. Амин проходил обучение не в СССР, а в Соединенных Штатах, и КГБ пришел к тревожному выводу о возможном наличии связей между Амином и ЦРУ. Соответствующее донесение передали в ЦК КПСС Б. Пономареву и в МИД СССР. Но речь шла о премьер-министре Афганистана, и данные КГБ были фактически проигнорированы. На заседании Политбюро ЦК КПСС 7 января 1979 года по предложению А. Косыгина приняли решение о значительном увеличении всех видов советской экономической помощи. Весной 1979 года Афганистан получил от Советского Союза большую помощь, чем любая другая страна.

В январе и феврале 1979 года в Афганистан из Советского Союза потоком шли товары, оружие и продовольствие. Направлены несколько групп советских военных специалистов, инженеров, работников других специальностей. В основном эти группы формировались в Средней Азии или в Азербайджане, где люди знали, что такое ислам. Общее число советских специалистов достигло вскоре двух тысяч человек. Но появились и первые сведения об убийствах советских граждан. Эти сообщения подробно тиражировала и обсуждала западная печать. В советской печати сообщений из Афганистана было очень мало.

Положение дел в Афганистане начало меняться в марте 1979 года, но не к лучшему. Новый режим получил очень малую поддержку, но очень сильное противодействие во всех слоях афганского общества. В стране возникли небольшие группы и движения бедноты, выступавшие под маоистскими лозунгами и получавшие поддержку и оружие из Китая. На путь борьбы с новым режимом становились богатые землевладельцы и вожди многих племен, среди которых режим Тараки — Амина стал проводить жестокие репрессии. Поднимал голову сепаратизм, издавна присущий отсталому и многонациональному Афганистану. Но главной опасностью для НДПА оказались набиравшие силу радикальные исламистские движения разных оттенков. Волны исламского фундаментализма уже бушевали в соседнем Иране и неизбежно накатывались на Афганистан. В сознании афганцев всех состояний и сословий ислам и национализм играли столь значительную роль, что для идей социализма и коммунизма места уже не оставалось.

Как и следовало ожидать, новый режим в Афганистане встретил сопротивление всех привилегированных слоев прежнего общества и в первую очередь мусульманского духовенства. На сопротивление этих слоев правительство Тараки — Амина ответило жестоким террором. Уже летом 1978 года тюрьмы Кабула были переполнены, многие противники нового режима расстреляны. Но недовольство в стране нарастало.

В марте начались восстания в афганских провинциях. Самое крупное из них в Герате подавили с немалыми потерями, в том числе и среди советских военных советников. Просьбы Тараки и Амина о прямой советской военной поддержке становились все более настойчивыми, но не получили поддержки в Политбюро. Д. Устинов говорил о готовности нескольких полков Советской армии уже через три часа быть в Афганистане, он просил разрешения провести на границе с этой страной тактические учения, но сомневался в целесообразности перехода границы. Заседание Политбюро по афганским проблемам продолжалось три дня — с 17 по 19 марта. На первом заседании Андропов говорил, что Советский Союз не может «терять Афганистан, хотя на нас наверняка навесят ярлык агрессора». Но уже 18 марта тот же Андропов решительно высказался против ввода советских войск в Афганистан. Он, в частности, сказал: «Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там

огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т. д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск. Вчера, когда мы обсуждали этот вопрос, афганцы не говорили о вводе войск; сегодня положение там другое. В Герате уже не один полк перешел на сторону противника, а вся дивизия. Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь им наши войска? В этом случае танки и бронемашины не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан». Андрей Громыко решительно поддержал Андропова. Он заявил своим коллегам по Политбюро: «Я полностью поддерживаю предложение товарища Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил товарищ Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции»[182].

Андропова поддержал и Устинов. Завершая трехдневное обсуждение, к этой точке зрения присоединился и Брежнев. «Мне думается, — сказал генсек, — что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну». При подведении итогов обсуждения Андропов еще раз заявил: «Ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого»[183].

Для постоянного изучения ситуации в Афганистане и выработки рекомендаций Политбюро создало специальную комиссию в составе Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева. Перед заседанием Политбюро 12 апреля эта комиссия

подготовила записку и план действий из десяти пунктов. Речь шла об укреплении афганской армии, о поставках оружия, об экономической помощи городам и особенно сельским районам, о расширении политической базы афганского правительства[184]. Однако параллельно с этим по устным распоряжениям Устинова в Среднеазиатском военном округе шли направленные учения. В полной готовности к десантированию в Афганистане находилась воздушно- десантная дивизия, к границам Афганистана придвинута группировка в составе трех мотострелковых полков, а также других соединений.

Положение дел в Афганистане между тем непрерывно ухудшалось. Вооруженная оппозиция расширяла свой контроль в провинциях страны, ее отряды с разных сторон приближались к Кабулу, в котором обострялась борьба между лидерами НДПА. В дополнение к конфликту между фракциями «Хальк» и «Парчам» началась борьба за лидерство между Тараки и Амином. Бабрак Кармаль был уже за пределами Афганистана, он получил формальный пост афганского посла в Чехословакии. В Советский Союз бежали и многие из его сторонников. Теперь борьба шла между оставшимися в стране лидерами. Москва приняла в этом противостоянии сторону Тараки. При обсуждении ситуации в Афганистане в советских спецслужбах совместно с группой афганцев — сторонников Тараки не исключалась возможность физического устранения Амина. Но Амин опередил своих противников и убил Тараки вместе с частью близких ему людей. Однако и власть Амина висела на волоске; он не контролировал полностью даже ситуацию в Кабуле, где голоса и влияние оппозиции становились все сильнее. Амин снова и снова просил Советский Союз о прямой военной поддержке. Из Москвы в Кабул одна за другой прилетали группы экспертов и генералов из Министерства обороны и КГБ. Здесь снова побывал Борис Пономарев. По требованию Амина МИД СССР отозвал из Афганистана посла А. Пузанова, которого сменил член ЦК КПСС Ф. А. Табеев. Однако как Андропов, так и Громыко отказывали во встрече Амину, желавшему провести новые переговоры в Москве. От резидентуры в Кабуле Андропов получил сведения о контактах Амина с американцами. Однако американские лидеры не собирались вести даже секретные переговоры с режимом Амина. 18 сентября 1979 года из посольства США в Кабуле ушла в Вашингтон аналитическая записка поверенного в делах, в которой, в частности, говорилось: «Вот уже 18 месяцев мы наблюдаем, как эта марксистская партия сама себя уничтожает. Одно афганское официальное лицо вчера в беседе с работником посольства потихоньку назвало руководство "кучкой скорпионов,

смертельно кусающих друг друга"… Одна чистка сменяет другую, и трудно даже представить себе, каким образом этому режиму удается выжить…»[185] Донесения советского посла Табеева также давали повод ждать близкой и полной катастрофы режима. «Кабул был ослаблен, — вспоминал позднее Табеев. — Армия после аминовских чисток и репрессий была обезглавлена. Духовенство восстановлено против режима. Крестьяне — против. Племена, тоже натерпевшиеся от Амина, — против. Вокруг Амина оставалась лишь кучка холуев, которые, как попки, повторяли за ним разные глупости о "строительстве социализма" и "диктатуре пролетариата"»[186].

Роковое решение

Октябрь и ноябрь 1979 года проходили в Кремле в непрерывных обсуждениях. Комиссия «четырех» собиралась дважды в неделю. Несколько раз вопрос об Афганистане снова поднимался и на заседаниях полного состава Политбюро. К концу ноября все члены комиссии, включая Андропова, начали склоняться к принятию самого неприятного для них военного варианта. Уже в конце ноября в Кабул под разными предлогами и с разными легендами стали прибывать офицеры из разных управлений и спецподразделений КГБ. В начале декабря в Афганистан отправили специальный отряд ГРУ. В письме Ю. Андропова и Н. Огаркова в Политбюро на этот счет говорилось: «Совершенно секретно. Особая папка. ЦК КПСС. Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции. С учетом сложившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам СССР». Политбюро ЦК КПСС согласилось с этим предложением на заседании 6 декабря 1979 года[187]. В книге Д. Гая и В. Снегирева говорилось, что решение о вторжении было принято «четверкой» вечером 12 декабря. При этом никто не подписывал никаких документов, не было ни Указа Президиума Верховного Совета СССР, ни других официальных правительственных распоряжений, определяющих цели и задачи военных действий. Все указания политического руководства министр обороны Устинов доводил до своих

подчиненных устно. Это не совсем точно. Решение о вводе советских войск в Афганистан было принято на заседании Политбюро. В отличие от мартовских, на декабрьских заседаниях ни протокола, ни стенограммы не велось. Даже секретное постановление было зашифровано. Это постановление, извлеченное из «Особых папок» только в 1992 году, гласило:

«Постановление ЦК КПСС

№ II 176/125

от 12 декабря 1979 г.

Председательствовал тов. Л. И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М. А., Гришин В. В., Кириленко А. П., Пельше А. Я., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Андропов Ю. В., Громыко А. А., Тихонов Н. А., Пономарев Б. Н.

К положению в «А»

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев»[188].

Решение Политбюро привело в движение громадную военную машину на южных рубежах Советского Союза, и здесь дело действительно обходилось без письменных указаний из Москвы. По свидетельству бывшего командующего 40-й армией Бориса Громова, в декабре на основании устных указаний министра обороны СССР, маршала Д. Ф. Устинова отдано более тридцати различных директив, в соответствии с которыми на территории Среднеазиатского и Туркестанского военных округов развернуто и доукомплектовано около ста соединений, частей и учреждений. Были развернуты: управление 40-й армией, три мотострелковые дивизии, десантно-штурмовая бригада, отдельный мотострелковый полк, артиллерийская и зенитно-ракетная бригады, а также несколько частей различных родов войск и службы тыла. Для доукомплектования войск было призвано из запаса более пятидесяти тысяч офицеров, сержантов и солдат. Предприятиями народного хозяйства для нужд армии было продано около восьми тысяч автомобилей.

Для обоих военных округов это явилось самым крупным

мобилизационным развертыванием за последние полвека. В войсках и военных комиссариатах были уверены в том, что идет обычная инспекционная проверка. Лишь 24 декабря на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР объявили о принятии советским руководством решения о вводе войск в Афганистан.

К этому сроку основные силы развернутой 40-й армии уже были готовы к выполнению задач. На совещании были определены соединения и части, которым на следующий день предстояло пересечь государственную границу. Директивой министра обороны перед войсками стояла задача совершить марш-бросок и разместиться на территории Афганистана. Было определено и точное время перехода границы — 15.00 25 декабря 1979 года[189].

Советский посол в Кабуле заранее поставил в известность Амина о том, что советское руководство приняло решение оказать дружественному Афганистану военную помощь. Амин приветствовал это решение и отдал приказ генеральному штабу вооруженных сил Афганистана всячески содействовать советским войскам. Согласование разного рода проблем он поручил не только своим генералам, но и старшему брату Абдулле Амину. Время «Ч» стремительно приближалось.

Мотивы

Что побудило Андропова, Громыко и Устинова изменить взгляды на развитие ситуации в Афганистане и вокруг Афганистана и рекомендовать проведение крупной военной акции? Оценивая разного рода события времен Хрущева и Брежнева, и прежде всего трагическое решение о вторжении в Афганистан, доктор экономических наук, писатель и публицист Николай Шмелев полагает, что такой шаг следует объяснять не столько простой человеческой дуростью, сколько идеологией, которая «чуть ли не с пеленок и до самого конца заковала мозги нашего руководства в шоры, в железные тиски». А главным фактором являлся, по мнению Шмелева, «шкурный корыстный человеческий интерес как двигатель истории. Что, Брежнев, Ю. Андропов, М. Суслов, Б. Пономарев или даже самый разрушительный, с моей точки зрения, для страны человек — Д. Устинов — ни сном ни духом не ведали, что творится в государстве? Да знали они, и неплохо знали. Но всем им (так же, как и нынешним) было глубоко наплевать и на страну, и на людей, и вообще на все на свете, лишь бы удержать в своих руках

то, что они сумели ухватить от жизни, — положение и власть. А там… А там, как известно, "после нас хоть потоп". И так сверху донизу — от генсека до секретаря обкома и вплоть до обыкновенного секретаря партбюро»[190]. Шмелев сам называет свои утверждения примитивными, но настаивает на их верности, добавляя, что «совесть человеческая или отсутствие таковой есть фактор не меньшей исторической мощи, чем все идеологии, партии, массовые движения, производительные силы и производственные отношения, государственные интересы и прочая ученая дребедень, чем по сегодняшний день забиты наши головы»[191].

Можно понять эти горькие сетования Н. Шмелева, от которых у него «опускаются руки». Нельзя, однако, до такой степени упрощать мотивы деятельности лидеров Советского Союза и современной России. Интересы людей и групп — это не всегда корысть, а неумение найти лучшее решение в сложной ситуации — это не всегда глупость, хотя невежества и корысти всегда было немало, и не только в русской истории. Но Андропов, если говорить о нем, не был ни глупым, ни корыстным человеком, а идеологическая зашоренность не помешала ему трезво оценить ситуацию в Афганистане еще в марте 1979 года. Оценивая мотивы, побудившие Ю. Андропова и других членов Политбюро изменить свою позицию по Афганистану, Георгий Арбатов ставил на первое место вероломство Х. Амина и надежды на Б. Кармаля. «До осени 1979 года, — писал Г. Арбатов, — Андропов был решительным противником военного вмешательства, как и руководство в целом. А потом свою позицию изменил. Почему? Думаю, потому, прежде всего, что к власти в Афганистане, убив своего предшественника Тараки, пришел Амин, который вызывал отвращение как кровавый убийца и совершенно беспринципный политик… Это, а также понимание полной бесперспективности внутренней политики Амина, отличавшейся крайней жестокостью и псевдосоциалистическим сектантством, видимо, и изменило позицию Андропова. Свою роль сыграла и чрезмерная, может быть, кем-то внушенная вера Андропова в то, что получивший у нас убежище Кармаль — один из более умеренных вождей афганской революции, изгнанный Тараки и Амином, — став с нашей помощью лидером, сможет, проводя умеренную политику, добиться гражданского мира в Афганистане»[192]. Примерно так же оценивал мотивы вторжения в Афганистан и бывший начальник информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенант в отставке Николай Леонов. «Что послужило основанием для принятия фатального для СССР решения? — писал Леонов. — Что могло толкнуть Политбюро,

знавшее о неблагополучном положении в стране и кризисе стран Варшавского пакта, на столь рискованный шаг? Во-первых, из Афганистана шел поток очень эмоционально окрашенной информации из кругов "парчамистов". По этим сведениям, "халькисты" развязали кровавый террор по всей стране, все тюрьмы были переполнены "парчамистами", по ночам шли массовые расстрелы, трупы хоронили в траншеях, отрытых бульдозерами, или сбрасывали в горные речки. Все оставшиеся в живых члены НДПА вынуждены были скрываться, и за ними была организована настоящая охота. Складывалась картина поголовного истребления коммунистов своими бывшими товарищами по партии, переродившимися в изуверов. Второй причиной могло стать личное недоверие советского руководства к Амину. Этот человек отличался неуемным властолюбием и был способен на любые действия ради сохранения власти»[193].

Такое объяснение событий декабря 1979 года крайне поверхностно и недостаточно. Эмоциональная информация из Кабула об убийстве Тараки и казнях сторонников «Парчама» могла стать решающим мотивом для сентиментального и недалекого Брежнева, но не для таких людей, как Андропов, Устинов и Громыко. Более важным фактором развития афганских событий по худшему сценарию было то обстоятельство, что Советский Союз в 1978 году и с января до ноября 1979 года уже направил в Афганистан несколько тысяч военных и гражданских специалистов. Эскалация вмешательства имела свою логику. Масштабы сопротивления казались еще не столь значительными, чтобы Советский Союз был вынужден начать отступление. Однако и это не являлось главным фактором. Изменение оценок и предложений членов Политбюро определялось в первую очередь теми крупными изменениями в международной обстановке, которые произошли как раз летом и осенью 1979 года. В отличие от декабря 1978 года или января — марта 1979-го Андропову, Устинову и Громыко приходилось учитывать в декабре 1979 года по крайней мере пять новых факторов.

Первый из этих факторов — иранский. Еще 1 февраля 1979 года в Иран вернулся встреченный сотнями тысяч приверженцев имам Рухолла Мусави Хомейни. Мужчины скандировали «Аллах велик! Шах ушел, имам пришел». Громадная процессия двигалась от аэропорта к кладбищу мучеников Бехеште-Захра. Женщины в чадрах пели. На всем пути к кладбищу, где Хомейни произнес первую по прибытии в страну речь, его приветствовали толпы иранцев, которых сдерживали 50 тысяч добровольцев, отобранных духовенством. В последние столетия нигде в мире не было еще столь стремительной и ошеломляющей победы религиозного

лидера над мощной светской деспотией. Уже в ночь на 10 февраля в Тегеране началось вооруженное восстание, которое на следующий день охватило все население города. Повстанцы захватили управления полиции, тюрьмы, здание меджлиса, радио и телевидение, шахские дворцы. Даже Хомейни не ожидал столь стремительного развития событий. Армия была вынуждена капитулировать. Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, который еще недавно пышными торжествами отметил 2500-летие иранской монархии, а в 1970-е годы проводил политику «белой революции», призывая сограждан «совершить прыжок через столетия», «из средневековья в ядерный век», «к великой цивилизации», бежал из страны. 1 апреля 1979 года Иран был провозглашен Исламской Республикой. В октябре 1979 года по стране прошла новая волна народных выступлений, главным образом молодежи. 4 ноября организация мусульманских студентов захватила американское посольство, объявив его сотрудников заложниками — до выдачи Ирану бывшего шаха. Хомейни одобрил действия своих последователей, назвав их «второй революцией, еще более крупной, чем первая». Воодушевленные победой, новые руководители Ирана призывали распространить исламскую революцию на весь мусульманский мир, что вызвало беспокойство не только у арабских и турецких лидеров.

Советские лидеры не только с вниманием, но и с тревогой наблюдали за неожиданными событиями в соседнем Иране. Воинствующий исламский фундаментализм представлял угрозу не только для Соединенных Штатов, но и для советских интересов на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии. События в Иране оказали заметное и быстрое влияние на афганских мусульман. Даже проведенные наспех анализы и прогнозы показывали, что возможная победа мусульманских радикалов в Афганистане нарушит стабильность в советских республиках Закавказья и в Средней Азии, а также на Северном Кавказе и в Казахстане. События, которые происходили в Афганистане в 90-е годы, недавние победы талибов, установивших контроль почти над всей территорией страны, а также режим жесткой исламской ортодоксии доказывают, что опасения советских руководителей в 1979 году были не беспочвенными.

Второй фактор — это, бесспорно, американский. В Афганистане возросло в 1979 году не только влияние Исламской Республики Иран, но и Соединенных Штатов. Америка опасалась как усиления в Афганистане советских позиций, так и позиций Ирана. Она опасалась утраты своего влияния в Пакистане. Результатом этой сложной борьбы интересов стала

массированная поддержка американскими спецслужбами афганских моджахедов. При американской помощи в Пакистане создавалась не только система лагерей для беженцев из Афганистана, но и система военных баз, военно-учебных лагерей и складов оружия. В сознании советских лидеров возникали пугающие картины американских ракет, нацеленных на Советский Союз с территории Афганистана. Хотя для афганского народа было неприемлемо любое иностранное господство, страх перед американским проникновением в Афганистан был в Кремле слишком велик.

Третий фактор — это фактор Китая, в котором еще не изжил себя агрессивный маоизм. Слабые признаки улучшения отношений между Советским Союзом* и КНР, которые отмечались наблюдателями после смерти Мао Цзэдуна, сменились в 1979 году неожиданным ожесточением и вооруженными конфликтами в Юго-Восточной Азии и на советско-китайской границе. Еще в январе 1979 года вьетнамская армия вошла на территорию Камбоджи, чтобы положить конец кровавому режиму Пол Пота и «красных кхмеров». Китай ответил на это «карательной экспедицией»: в северные провинции Вьетнама вторглась 550-тысячная китайская армия. Эта военная акция кончилась полным провалом; вьетнамская армия являлась в конце 1970-х годов самой сильной, опытной и хорошо вооруженной в Азии. Китайская армия была остановлена, окружена, но не уничтожена, а «выдавлена» за пределы Вьетнама. Однако Китай начал перегруппировку своих военных подразделений на границе Вьетнама, сюда перебрасывались новые дивизии, доставлялись танки, артиллерия, мотомеханизированные войска. Здесь начали строиться новые и ремонтироваться старые дороги. В этих условиях Советский Союз не мог не оказать поддержки своему союзнику. Весной и летом 1979 года советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири были приведены в состояние боевой готовности. Сотни советских танков и бронемашин подошли к китайской границе всего на 200–300 метров, а самолеты неоднократно пересекали границу. По сообщениям западной печати, с советской стороны несколько раз открывался огонь по незаселенным местам на китайской территории. Было очевидно, что вражда между Советским Союзом и Китаем не отвечает глубоким и долговременным интересам обеих стран. Однако понимание этого пришло к руководителям КНР и СССР позднее.

Четвертый фактор — германский. Именно в 1979 году резко обострились отношения между НАТО и Варшавским блоком социалистических государств. ФРГ и Соединенные Штаты

приняли, казалось бы, окончательное решение о размещении в Западной Германии американских ракет средней дальности «Першинг». Эти ракеты могли наносить ядерные удары по большей части европейской территории Советского Союза, включая Москву. У Советского Союза аналогичного оружия близ американских границ не имелось. Для Громыко, Устинова и Андропова такая ситуация казалась недопустимой. По логике «холодной войны», ослабление позиций той или иной сверхдержавы в одном регионе можно и нужно было компенсировать усилением позиций другой сверхдержавы в другом регионе.

Пятый и, может быть, самый важный для того времени фактор состоял в неожиданном и быстром военно-стратегическом сближении между КНР и США, сближении, явно направленном против СССР. Соединенные Штаты и Китай лишь с 1 января 1979 года установили между собой дипломатические отношения и только с 1 марта этого года обменялись послами. Однако дальнейшие события с большим трудом поддавались рациональному объяснению. Америка согласилась не только прервать дипломатические отношения с Тайванем, но и денонсировать американо-тайваньский договор о взаимной обороне, вывести с Тайваня американские войска и демонтировать здесь военные базы. Семидневный визит китайского лидера Дэн Сяопина в США сопровождался громкими призывами к Америке «не доверять Советскому Союзу», не идти по пути «ложной разрядки», принять «эффективные и жесткие меры» для противодействия «гегемонизму».

Администрация президента Дж. Картера, в которой все большую роль играл помощник президента по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, не только поддержала действия КНР в Юго-Восточной Азии по «наказанию» Вьетнама, но предпринимала интенсивные шаги по укреплению своих политических и военных связей с Китаем. В августе 1979 года в Пекин прибыл вице-президент США У. Мондейл. Он обещал Китаю крупные кредиты, в том числе и для приобретения нового оружия, ибо «мощь, безопасность и модернизация Китая в последующие десятилетия будут отвечать интересам Соединенных Штатов»[194]. В ноябре было объявлено о скором визите в КНР министра обороны США Г. Брауна и переговорах о военно-стратегическом сотрудничестве двух стран. Американская печать давала ясно понять, что это сотрудничество будет направлено в первую очередь против Советского Союза. Этот неожиданный для многих альянс не всем казался окончательным выбором США, да и Китая также. Было известно, что лидеры

республиканской партии США решительно осуждали разрыв Америки со старыми друзьями из «Китайской Республики» на Тайване. В случае прихода к власти республиканцы обещали отказаться от военно-стратегического союза с коммунистическим Китаем. Но очередные выборы президента США должны были состояться только в ноябре 1980 года, и советские лидеры опасались откладывать еще на год принятие ответных мер, в число которых входило сохранение и укрепление контроля над ситуацией в Афганистане. Вьетнам, Камбоджа, Индия и Афганистан создавали некий «санитарный кордон», препятствующий, по мысли советских стратегов, американской и китайской экспансии, которая не казалась в конце 1979 года мифом.

Странно, что все эти обстоятельства прошли мимо Комитета по международным делам Верховного Совета СССР, который ограничился в своем заключении на Втором съезде только упоминанием о сложной международной обстановке и острой политической конфронтации в 1979 году, а также о «чрезмерной идеологизации советской внешнеполитической деятельности», не поднявшейся еще до высот «нового мышления».

Время с 12 до 27 декабря 1979 года прошло в интенсивной подготовке по линии армии, дипломатии и специальных служб. 25 декабря в 15 часов разведывательные батальоны 40-й армии, которая официально называлась теперь «Ограниченным контингентом советских войск» (ОКСВ), перешли советско-афганскую границу.

Вечером 26 декабря на дачу Брежнева прибыли Андропов, Устинов и Громыко. Кроме хозяина дачи здесь находился и Константин Черненко, который с 1978 года стал членом Политбюро и был наиболее близким Брежневу человеком в партийном руководстве. Устинов, Громыко и Андропов доложили о проведенной подготовительной работе и получили указание начать введение войск. Брежнев являлся в это время не только Генеральным секретарем ЦК КПСС, но и Председателем Президиума Верховного Совета СССР и Верховным Главнокомандующим. Его указание — «действовать… тщательно продумывая каждый шаг своих действий» — было письменно зафиксировано Черненко и на следующий день приложено к упомянутой выше записи заседания Политбюро от 12 декабря.

Военно-политический переворот в Кабуле

Я не ставлю своей задачей даже самое краткое описание

первых военных операций в Афганистане. Военная активность протекала 26–27 декабря в трех направлениях. Основная часть советских войск начала продвижение через границу в сторону Кабула, Герата и других городов. Уже к вечеру 27 декабря первые подразделения бронетанковых сил вышли к окраинам афганской столицы. Войска не встречали сопротивления, многие жители приветствовали советских солдат. Одновременно в Кабуле и Баграме началась высадка воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка. Прибывшие советские части усиливали охрану важнейших административных объектов столицы Афганистана. Особые задачи выполняли спецподразделения КГБ и ГРУ, часть которых направили в Кабул заблаговременно. КГБ выполнял задачу «нейтрализации» Амина. Под наблюдение были взяты люди и группы, способные выступить в его защиту. Все эти задачи выполнялись по критериям специальных служб очень тщательно и эффективно. Еще за месяц до общего ввода войск под видом обслуживающего персонала в Кабул был введен и разместился на территории посольства спецотряд численностью в 150–200 человек. Затем для охраны советской авиаэскадрильи под видом авиационного технического персонала на аэродром Баграм ввели парашютно-десантный батальон. В середине декабря по просьбе Амина в Кабул прибыл батальон спецназа численностью в 500 человек якобы для охраны его резиденции — дворца Тадж-Бек. В составе этого батальона находилось и секретное спецподразделение «Альфа», созданное еще пять лет назад. В Кабуле оно действовало как специальная группа «Гром». Под охраной бойцов «Альфы» в страну прибыл и Бабрак Кармаль с несколькими ближайшими соратниками. Кроме «Грома» в Афганистан перебросили сформированную летом 1979 года группу «Зенит». Как и в «Альфе», все члены этой группы были специально подготовленными офицерами КГБ. Действовали в Афганистане и созданные здесь новые специальные группы и отряды КГБ и ГРУ.

Подготовка к перевороту началась еще в середине декабря. Основной целью спецподразделений была резиденция Х. Амина — дворец Тадж-Бек в районе Дар-уль-Амана. Хорошо укрепленную крепость охраняла отборная группа гвардейцев численностью более 200 человек. Спецгруппы должны были также захватить здание министерства внутренних дел (царандоя), штаб ВВС, уничтожить или вывести из строя центральный узел связи, почту, телеграф, тюрьму Пули-Чархи и др. Наиболее трудной боевой операцией, как и следовало ожидать, оказался штурм дворца, во время которого Амин и часть его ближайшего окружения были убиты. Вокруг этих операций позднее возникло

много противоречивых версий. Наиболее точное описание событий содержится в книгах Юрия Дроздова, А. А. Ляховского и Михаила Болтунова, а также в статьях Ильи Батина[195]. Перед началом операции Председатель КГБ принял не только генерала Ю.Дроздова, который руководил всеми спецоперациями в Кабуле, но и полковника Григория Бояринова, который должен был вести отборную группу спецназовцев всего немногим более 60 человек на штурм дворца Тадж-Бек и который погиб в самом конце этой стремительной и труднейшей спецоперации. Участие в штурме принимал и будущий командир группы «Альфа», а в декабре 1979 года майор Виктор Карпухин. Ю. Андропов находился в постоянной связи с генералами КГБ, которые выполняли разные задания в Афганистане. Еще перед штурмом дворца Тадж-Бек, когда резидент КГБ в Кабуле Б. С. Иванов докладывал в Центр о готовности к операции, Андропов попросил передать трубку Дроздову. «Ты сам пойдешь?» — спросил он. Дроздов ответил утвердительно. «Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей»[196]. «Это не я тебя посылаю», — добавил Председатель КГБ и перечислил членов Политбюро, которые находились с ним в одной комнате.

Командные пункты КГБ имелись в посольстве, в аэропорту, на вилле Бабрака Кармаля близ Кабула. 28 декабря в Кабуле объявили о создании в стране Революционного совета во главе с Б. Кармалем. Заявили и о формировании нового правительства Афганистана, во главе которого также встал Б. Кармаль. Он принял на себя и обязанности главнокомандующего вооруженными силами ДРА. Еще через день было объявлено о преодолении раскола в НДПА и объединении «Парчама» и «Халька». Генеральным секретарем ЦК НДПА был избран все тот же Бабрак Кармаль.

Уже после всех этих событий, когда часть офицеров из спецгрупп вернулась в Москву, их принял 31 декабря в своем кабинете Андропов. «Трудно было?» — спросил он Дроздова. «Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно…» — ответил 54-летний Дроздов. «Понимаю, — заметил Андропов. — Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот так…»[197].

Как стало известно много позже, в окружение Амина удалось внедрить агента КГБ, который на большом приеме во дворце Тадж-Бек утром 27 декабря сделал попытку отравить Амина. На короткое время Амин был выведен из строя, но остался жив и даже распорядился усилить охрану дворца. Это и вынудило генералов КГБ отдать приказ о штурме.

Спираль эскалации и поиски выхода

Январь 1980 года прошел в Афганистане сравнительно спокойно. В страну были введены советские войска численностью около 50 тысяч человек. Они взяли на себя контроль над всеми главными городами страны. Под их прикрытием шло формирование новых частей афганской армии и царандоя. Формировались органы государственной безопасности ДРА. Разумеется, шла перегруппировка сил и в лагере вооруженной оппозиции. Трудностей и неясностей было много, и несколько генералов КГБ постоянно находились в Кабуле. В один из январских дней 1980 года в Кабул прилетел Ю. Андропов. Он пробыл в Афганистане несколько дней в качестве члена комиссии Политбюро, и главной задачей было наладить взаимодействие всех ведомств — КГБ, посольства СССР, аппарата Главного военного советника, некоторых других[198]. Вскоре после возвращения Андропова в Москву Политбюро в очередной раз обсудило положение в Афганистане.

Положение дел в Афганистане стало ухудшаться в феврале — марте, а летом 1980 года советские военные подразделения уже вели бои с отрядами моджахедов не только совместно с афганскими подразделениями, но и самостоятельно.

Численность и вооружение «ограниченного контингента» увеличивались, отрабатывались тактика и стратегия войны в горах. Еще в январе 1980 года в советском военном руководстве считали, что вооруженные силы СССР будут не воевать с многочисленными противниками в малознакомой для них обстановке, а стоять гарнизонами в главных городах Афганистана. Предполагалось, что одно лишь присутствие здесь мощной военной группировки позволит стабилизировать положение в стране и обеспечит формирование собственных вооруженных сил нового «демократического» Афганистана. На деле получилось совсем иначе. Приход в страну «чужеземцев» увеличил размах сопротивления, а также интенсивность и масштабы вмешательства США. В результате Советский Союз постепенно втянулся в самую крупную, самую длительную и самую дорогостоящую военную операцию со времен Второй мировой войны. Для СССР война в Афганистане стала как бы зеркальным отражением той, которую в 1960-е годы Соединенные Штаты вели во Вьетнаме. Моджахеды сражались все более умело и не страшась смерти, и все более значительную военную и финансовую помощь им оказывали США, Пакистан, Китай, Иран и некоторые другие страны. Раскручивалась известная по Вьетнаму и столь же безнадежная спираль эскалации. Только роль тропических джунглей играли труднопроходимые горы. Война заходила в тупик. Хотя «ограниченный контингент» достиг вскоре

численности в 150 тысяч человек, большую часть территории Афганистана контролировали отряды моджахедов различной ориентации, а также племенные вожди. Под контролем моджахедов оставалась и большая часть пограничных с Ираном и Пакистаном районов страны. Цели, поставленные в декабре 1979 года перед армией и КГБ, оказались недостижимыми. Более того, результат оказывался прямо противоположным ожидаемому. При сохранении противостояния в Европе — против НАТО и в Восточной Азии — против Китая у Советского Союза образовался третий очаг военной и политической напряженности — в Южной Азии, причем в крайне невыгодных географических и социальных условиях. Запад получал дополнительные аргументы насчет «советской угрозы», что позволило противникам СССР расширить влияние среди государств, опоясывающих территорию советского блока. Пострадало влияние Советского Союза среди мусульманского мира. Существенно возросли экономические трудности в СССР. Андропов не сразу понял бесперспективность ведущейся в Афганистане войны. По свидетельству Георгия Арбатова, после одной из встреч с американскими политиками и общественными деятелями в середине 1980 года он и обозреватель «Правды» Юрий Жуков добились приема у Брежнева. Они рассказали генсеку, что война в Афганистане пагубно влияет на «разрядку» и помогает правым республиканцам победить на предстоящих в США президентских выборах. Речь шла хотя бы о символическом жесте, например отзыве 10 процентов советских войск. На следующий день Андропов сделал разнос Арбатову. Председатель КГБ еще надеялся на победу[199]. Очень скоро, однако, мнение Андропова начало меняться. Уже осенью 1981 года Политбюро одобрило предложения Громыко, поддержанные Андроповым и Устиновым, об организации дипломатического процесса, нацеленного на такое урегулирование в Афганистане, которое позволило бы вывести советские войска из страны. Началась подготовка к афгано-пакистанским переговорам по этому поводу. По свидетельству бывшего первого заместителя министра иностранных дел СССР Г. К. Корниенко, обсуждение путей мирного урегулирования продолжалось и в 1982 году. Уже в качестве лидера партии и государства Андропов в беседе с Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром 28 марта 1983 года не только сказал собеседнику о своем стремлении к мирному решению афганской проблемы, но и откровенно перечислил пять мотивов, по которым он считал это необходимым. «Загибая пальцы на руке, он говорил, что сложившаяся ситуация наносила серьезный ущерб отношениям Советского Союза, во-первых, с Западом; во-вторых, с

социалистическими странами; в-третьих, с исламским миром; в-четвертых, с другими странами "третьего мира" и, наконец, в-пятых, она весьма болезненна для внутреннего положения в СССР, для его экономики и общества»[200]. Однако и после этой беседы война в Афганистане продолжалась еще долгих пять лет.

Кризис в Польше. 1980–1981 годы

Экономическое и политическое положение в Польше, относительно стабильное в 1970-е годы, стало неожиданно и быстро ухудшаться с первых месяцев 1980 года. Летом по многим предприятиям Польши прошли забастовки. Особенно обеспокоила советских лидеров забастовка железнодорожников в Люблине, которая была объявлена всего за три недели до начала Олимпийских игр в Москве и блокировала один из самых важных железнодорожных путей, ведущих из ГДР в Советский Союз. Польские лидеры, однако, пытались всячески преуменьшить масштабы охватившего страну недовольства, представляя забастовки в Люблинском воеводстве досадным недоразумением. Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек, отправившись в конце июля на отдых в Крым, взял с собой более 35 представителей польских властей. По свидетельству одного из бывших работников ЦК КПСС Владимира Воронкова, беседа между Брежневым и Тереком в Крыму и по содержанию, и по тональности была довольно ординарной и не отличалась от предыдущих «крымских встреч» этих руководителей. Терека только «пожурили» за то, что, принимая решение о повышении цен на мясо, польские лидеры не просчитали возможные социальные последствия и не организовали необходимой разъяснительной работы, что и вызвало кратковременные забастовки. Брежнев просил Терека не забывать о растущем в последние годы идеологическом противоборстве между социализмом и капитализмом и, намекая на разрабатываемые в Польше проекты некоторых политических реформ, заявил о неприемлемости политического плюрализма для социалистических стран[201]. В отличие от Брежнева, который проводил большую часть дня на пляже и в море, Герек выходил к морю редко и выглядел подавленным и мрачным. Он не смотрел столь любимых хозяином дачи западных боевиков и явно избегал привычного здесь общества и его развлечений. С другой стороны, Герек несколько раз в день связывался по ВЧ с Варшавой. Обслуживающий персонал и охрана не могли не видеть этих странностей в поведении гостя и по заведенному здесь порядку докладывали обо всем своему руководству. Сводки эти, естественно, шли и к Брежневу, и к Андропову.

Положение в Польше продолжало ухудшаться, и шифрограммы, которые Ю. Андропов получал ежедневно от резидента КГБ в Польше генерала Виталия Павлова, становились все более тревожными. Вечером 14 августа Андропов получил

сообщение о начале забастовки на большой гданьской судоверфи им. Ленина. Образованный еще ранее в Польше Комитет защиты рабочих (КЗР) сумел вовлечь в забастовку весь 16-тысячный коллектив предприятия. Во главе акции оказался 36-летний рабочий-электрик Лех Валенса, отец шестерых детей, глубоко верующий католик и одаренный оратор. Еще в одной шифрограмме говорилось, что польские власти начали стягивать к Гданьску воздушно- десантные подразделения. Рабочие, однако, не давали повода для военно-полицейского вмешательства. Их поведение удивляло даже хлынувших на побережье западных корреспондентов. «Если бы Маркс ожил сегодня, — писал один из журналистов, — он не поверил бы своим глазам»[202]. И действительно, разгневанные рабочие в социалистической стране остановили работу портов, заводов и фабрик на всем Балтийском побережье. При этом главной формой их поведения были не манифестации и демонстрации, а коллективные молитвы. В Гданьске тысячи забастовщиков и членов их семей, стоя на коленях с обеих сторон судоверфи им. Ленина, молились и пели псалмы перед украшенным цветами портретом поляка — папы римского. Срочно вернувшийся в Варшаву Герек обратился к банковским консорциумам капиталистических стран с просьбой о новых спасительных займах.

В Политбюро ЦК ПОРП явно не знали, что делать. Забастовки расширялись, захватывая другие города и воеводства; быстро формировалось и независимое профсоюзное движение «Солидарность». Приходилось идти на все большие уступки, однако лидеры «Солидарности», одержав одну победу, тут же выдвигали новые требования, включая и политические. 20 или 21 августа Э. Герек пригласил к себе ближайшего соратника Станислава Каню, секретаря ЦК ПОРП, отвечающего за партийный контроль над силовыми структурами Польши, и министра внутренних дел Польши Станислава Ковальчика. Герек просил их провести встречу с генерал-лейтенантом В. Павловым и намекнуть на «необходимость усиления советского военного присутствия в Польше». На вопрос Кани, что понимается под словом «усиление», Герек с раздражением заметил: «Советские товарищи сами знают, что это такое и как это сделать…»[203].Встреча Кани и Ковальчика с Павловым состоялась в тот же день, и информацию о позиции и предложениях трех самых влиятельных фигур в польском руководстве немедленно переслали в Москву. Советские лидеры были обеспокоены, но не торопились с ответом и решением. В некоторых источниках имеются свидетельства, что Л. И. Брежнев, ознакомившись с докладом В. Павлова, заметил: «Россия на два фронта еще не

воевала. И воевать не будет. Заварили кашу, теперь пусть расхлебывают сами. А мы посмотрим и, если надо, — поправим»[204].

25 августа Политбюро ЦК КПСС образовало специальную комиссию ЦК по Польше (так называемую «комиссию Суслова»). В нее вошли М. Суслов, А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, К. Черненко, М. Зимянин, К. Русаков и ряд других членов ЦК. Польские события были поставлены, таким образом, в один ряд с афганскими. Однако мало кто из членов Политбюро думал об афганском варианте решения польских проблем. 5 сентября 1980 года созванный в срочном порядке VI пленум ЦК ПОРП принял решение о снятии Э. Терека с поста Первого секретаря ЦК ПОРП, избрав на его место Станислава Каню. Эти изменения были представлены общественности страны не как поворот в политике, а как результат болезни прежнего лидера. Выступая на пленуме, С. Каня говорил: «Я принимаю на себя обязанности Первого секретаря ЦК ПОРП при необычных обстоятельствах. Товарищ Терек, который руководил нашей партией последние 10 лет, тяжело болен. В связи с болезнью не время давать оценку его деятельности. Уверен, что эти оценки будут справедливыми… Мы желаем ему скорейшего выздоровления»[205]. Станислав Каня не пользовался популярностью в стране, но не вызывал и раздражения в обществе. Многие в Польше говорили: «Лучше Каня, чем Ваня», намекая на опасность советской интервенции. Идеологи «Солидарности», однако, не верили в возможность советской оккупации. «Я убежден, — писал в ноябре лидер КЗР Яцек Куронь, — что интервенции не будет… Я считаю, и я в этом не одинок, что вторжение в Польшу стоило бы русским необыкновенно дорого и что они вовсе этого не хотят»[206]. Таким же было мнение аналитических центров КГБ и самого Андропова. Руководитель информационно-аналитического управления ПГУ генерал Н. Леонов вспоминал: «Мне приходилось каждое утро докладывать начальнику разведки телеграммы, которые мы рекомендовали к рассылке членам Политбюро, Секретариату ЦК и в ведомства. В один из дней, когда в стопке рекомендуемых телеграмм оказались две-три, освещавшие положение в Польше, Крючков, не отрываясь от чтения, спросил: "Как ты думаешь, Леонов, начнется теперь стабилизация у поляков?" Я набрал побольше воздуха в легкие и очень печально, хотя и убежденно, произнес: "Нет, думаю, что оппозиция победила, она завоевала главное — народ. А власть сама упадет ей когда-нибудь в руки".

Прошло некоторое время, и Андропов пригласил несколько человек из разведки для откровенного разговора о положении в Польше. За столом были начальник разведки, его заместитель,

отвечавший по оперативной линии за участок работы по Восточной Европе, начальник соответствующего отдела и два представителя информационно-аналитического управления, в том числе и я… Я честно и откровенно изложил наше понимание обстановки в Польше, обратил внимание, что мой доклад не противоречит той информации, которая регулярно направляется в Политбюро по линии разведки. Помнится, закончил я свое короткое выступление словами: "Партия и правительство в Польше утрачивают контроль над обстановкой. При сохранении нынешних тенденций развития внутриполитической ситуации взрыв неминуем, причем он может произойти в самом ближайшем будущем, измеряемом несколькими месяцами". Разговор состоялся осенью 1980 года. За столом воцарилось молчание. Андропов посмотрел отрешенно в окно и спросил:

— Как вы думаете, на чем сейчас держится власть в Польше?

— Практически на трех опорах: партийных функционерах, министерстве внутренних дел и армии. Социальная база истончена до крайности…

Задав еще несколько вопросов, Андропов подвел итог разговору неожиданным образом:

— Будем считать, что сегодня у нас не было ни победителей, ни побежденных. Надо думать над тем, как стабилизировать обстановку в Польше на длительный период, но исходить из того, что лимит наших интервенций за границей исчерпан.

Яснее сказать было нельзя. Для участников того разговора стало ясно, что так называемая "доктрина Брежнева", предусматривавшая использование вооруженных сил СССР для поддержания социалистического строя в европейских странах Варшавского пакта, уже умерла. У Советского Союза уже не было сил для таких операций»[207].

Генеральный штаб Советской армии готовил все же «на всякий случай» масштабный план оккупации Польши. Примерные подсчеты показывали, что для быстрого успеха такой операции с чисто военной точки зрения нужно будет использовать не менее 30 дивизий, дислоцируемых в западных районах страны, и часть войск, расположенных в ГДР и ЧССР. Эти планы существовали не только на бумаге. С 8 по 21 декабря 1980 года в непосредственной близости от польских границ были проведены крупнейшие за всю историю существования социалистического содружества совместные войсковые учения «Союз-80». Хотя учения формально закончились 21 декабря, министр обороны СССР Д. Устинов устно приказал Маршалу Советского Союза Виктору Куликову, командующему Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора, продолжить

выполнение дополнительных военных учебных заданий. Очевидно, что речь шла о давлении на польское руководство и общество.

Польская оппозиция ответила на такой шаг Советского Союза внушительной демонстрацией своего влияния в стране. В Гданьске соорудили памятник жертвам режима. Три гигантских стальных креста, украшенных якорями, символизировали жертвы рабочих волнений 1956, 1970 и 1976 годов. Якоря символизировали море, которое кормит рабочих побережья, они напоминали и о немецкой оккупации, когда якорь был символом Сопротивления. На памятнике было четыре надписи: список жертв режима, благословение папы Иоанна Павла II, псалом и строфа из стихотворения Чеслава Милоша, написанная им в 1950 году: «Ты, принесший боль простому человеку, ты, смеющийся над его болью, ты не должен чувствовать себя в безопасности». На открытие памятника 16 декабря 1980 года собрались сотни тысяч человек. Были приглашены и руководители ПОРП, и они не могли не приехать на торжественную церемонию. Вот как описывал это событие специальный корреспондент французской «Ле Монд» Бернар Гетта: «Кажется, вся Польша собралась здесь в Гданьске благодаря "Солидарности"… Уже двадцать раз после августа в стране происходили невероятные вещи. И тем не менее остаются невероятными эти три гигантских стальных креста, которые кажутся неискоренимыми и уходящими высоко в небо, чтобы подтвердить свою силу, эти слова, написанные золотом на стене судоверфи: "Они отдали свои жизни, чтобы ты мог жить достойно". Можно ли себе представить памятник жертвам 1956 года в Будапеште, жертвам стены в Восточном Берлине, жертвам Сталина в СССР, жертвам процесса Сланского в Праге? Здесь история говорит правду, спокойно и без ненависти. Говорит просто, ибо народ, лишенный истории, не может быть свободным, не может простить и обратиться к будущему…

В 16.50 появляются представители партии, церкви и профсоюза. Собравшиеся встречают молчанием члена Политбюро и председателя Государственного совета, секретаря воеводского комитета партии, секретаря ЦК, министра культуры и вице-премьера. Собравшиеся аплодируют Леху Валенсе, епископам и командующему военно-морским флотом Польши.

Затем перекличка мертвых. Актер Даниэль Ольбрыхский, высвечиваемый в ночи прожекторами, читает одно за другим имена погибших. После каждого имени толпа произносит: "Он с нами!"»

Родственники жертв, среди которых женщина, содрогающаяся в плаче, разрезают шнур, придерживающий символический парус,

прикрывающий памятник. Лех Валенса зажигает Вечный огонь, который будет гореть между тремя крестами. 17 часов 25 минут. Церемония закончилась»[208].

Справиться с таким движением было невозможно. Однако как в ЦК ПОРП, так и в Кремле этого еще не могли понять и принять. С первых же месяцев 1981 года «Солидарность» начала быстро расширять свои ряды. Организации «Солидарности» возникали не только в городах, но и в селах, в студенческих коллективах. Уже к февралю 1981 года членами профсоюза «Солидарность» стали 11 миллионов поляков, то есть большая часть взрослого населения страны. По существу, в Польше образовался режим двоевластия, который, конечно, не мог длиться долго.

Станислав Каня не только не мог, но и не хотел использовать силу против «Солидарности», он искал компромисса и явно вел двойную игру по отношению к Кремлю. В этой игре участвовал и министр обороны ПНР генерал Войцех Ярузельский. Он признавал это позднее в воспоминаниях и интервью. «Приходилось вести своеобразную двойную игру, — говорил генерал. — Это была трудная игра, не без хитрости. Между прочим, игра была двусторонней»[209].

Отказ от военного вмешательства и интервенции в Польшу вовсе не означал, что советское руководство смирилось с возможной потерей Польши как члена Варшавского Договора и социалистического содружества. По свидетельству В. Воронкова, в беседе с С. Каней с глазу на глаз Брежнев сказал: «Если мы увидим, что вас опрокидывают, то мы войдем». Об этом рассказал В. Воронкову сотрудник польского сектора из ЦК КПСС, который переводил беседу двух лидеров[210]. Станислав Каня также писал в своих воспоминаниях об этой фразе, хотя и в иной редакции. «Ну хорошо, — сказал Брежнев. — Вводить войска не будем. Но если обстановка осложнится — войдем. Но без тебя — не войдем»[211]. Каня признает, что последние слова его сильно озадачили. Комиссия Политбюро по Польше создала специальную рабочую группу на уровне своих заместителей, которая разработала план тотального давления на польское руководство и общество. Это политическое и идеологическое давление выражалось в форме постоянных телефонных звонков, встреч в Москве и Варшаве. В Польше несколько дней провел Михаил Суслов и несколько недель — секретарь ЦК Михаил Зимянин. Из Москвы одно за другим шли письма об угрозе социализму и о «происках империализма» в Польше. Эти письма адресовались руководству коммунистических и рабочих партий других стран. Знало об этих посланиях и польское руководство. Польская экономика сильно зависела от торговли и поставок из СССР и от советских кредитов.

Особенно страна нуждалась в советских валютных кредитах. При режиме Терека задолженность Западу увеличилась многократно, и теперь не хватало средств, чтобы платить проценты. Это давало Советскому Союзу важные рычаги экономического давления на Польшу. В Москве появилась своя поговорка: «Не надо танков, достаточно банков». Почти непрерывно осуществлялось и военное давление. Еще в январе 1981 года было принято решение провести весной на территории Польши большие командно-штабные учения. Докладывая об этом на заседании Политбюро ЦК КПСС, Д. Устинов говорил: «Мы намечаем в марте провести маневры в Польше. Мне кажется, что следует эти маневры несколько приподнять, то есть, иначе говоря, дать понять, что силы у нас наготове»[212].

Свои воспоминания о событиях 1980–1981 годов в Польше оставили не только Э. Терек, С. Каня и В. Ярузельский, но и резидент КГБ в Варшаве генерал-лейтенант В. Г. Павлов. На польском языке еще в 1994 году вышла книга Виталия Павлова «Я был резидентом КГБ в Польше»[213]. В России в 1998 году появилась в книжных магазинах книга В. Павлова «Руководители Польши глазами разведчика»[214]. Авторы этих воспоминаний далеко не всегда единодушны в оценках, нередко можно встретить и разные версии по поводу тех или иных событий. Однако все участники или свидетели польского кризиса 1980–1981 годов отмечают малую активность в «комиссии Суслова» как самого Суслова, так и Громыко и, напротив, большую активность Андропова и Устинова. По свидетельству В. Павлова, поздней осенью и зимой 1980/81 года Андропов звонил ему в Варшаву почти ежедневно. Несколько раз Павлова вызывали к Андропову для доклада, а также в качестве посредника при встречах Председателя КГБ с министрами внутренних дел Польши: сначала со Станиславом Ковальчиком, затем с Мирославом Милевским, а с августа 1981 года с Чеславом Кищаком. Андропов относился к этим польским министрам по-разному. Его, например, раздражали непрофессионализм и политическая недальновидность С. Ковальчика, который возглавлял полицию и органы безопасности Польши с 1973 года и считался близким соратником Э. Терека. «Мне довелось, — пишет Павлов, — быть свидетелем нескольких встреч С. Ковальчика с Председателем КГБ. В процессе их С. Ковальчик давал очень ограниченные, неглубокие политические оценки положения в стране и оказывался совершенно беспомощным в области профессиональной характеристики обеспечения государственной безопасности страны.

В то же время я видел, что он с большим уважением

относился к Андропову Ю. В. и его высказываниям. А поскольку Председатель через информации правительства был очень хорошо ориентирован в польских проблемах, его рекомендации, высказывавшиеся в очень тактичном плане, были важными для С. Ковальчика, а через него и Э. Терека. В то же время после каждой беседы с С. Ковальчиком Председатель КГБ с недоумением спрашивал меня, почему польский министр так и не разобрался в делах и задачах МВД, остается таким неосведомленным в специфике деятельности по обеспечению государственной безопасности?

Мой ответ сводился к тому, что это происходит потому, что С. Ковальчик в настоящем смысле не политический деятель, а простой партийный работник, причем невысокого государственного уровня. Он был хорошим помощником и исполнителем у Э. Терека в Катовицах, таким и остался в Варшаве, на посту министра»[215]. Андропов также не был профессиональным разведчиком или контрразведчиком. Однако, поясняя Павлову свое положение и свою ответственность, он как-то сказал: «Раз меня назначили руководить таким ведомством, все остальное — моя компетенция. Я действую так, как полагаю нужным. Если буду делать не так, как нужно, меня заменят, но опекать меня и тем более указывать мне, что и как делать, никто не должен»[216].

Мирослав Милевский, по мнению Павлова, был не только умелым политиком, но и наиболее подготовленным профессионалом, руководившим ранее польской внешней разведкой. Но и Чеслав Кищак, занявший пост министра внутренних дел в августе 1981 года, также являлся опытным профессионалом, работавшим много лет в военной контрразведке. Главной темой в беседах Андропова с польскими министрами был вопрос об отношении к лидерам польской оппозиции. Мы знаем, что Андропов не жаловал диссидентов в Советском Союзе, однако он старался избегать массовых репрессий, используя разнообразные формы давления на оппозицию. Этому он «учил» и своих польских коллег. Генерал В. Павлов свидетельствует: «В начале августа 1981 года я сопровождал Ч. Кищака во время его визита к Ю. Андропову для установления личного контакта в качестве министра. Тогда состоялась очень обстоятельная беседа Председателя КГБ с новым министром МВД ПНР. Ч. Кищак подробно рассказал о создавшейся к этому времени обстановке в стране и поделился планами на случай введения военного положения. Выслушав министра, Андропов высказал ему те же рекомендации, что он уже делал при встрече с М. Милевским как министром МВД за

полгода до этого: не идти по пути массовых репрессий.

"Надо подходить, — говорил он, — к этому очень осторожно. Арестуйте вы сто человек и сразу создадите многие сотни врагов из числа членов их семей и близких друзей. Лучше тонко изымать "ключевые фигуры". При этом Андропов Ю. В. привел пример из своих наблюдений за работой сплавщиков леса в Карелии. Когда возникал затор на реке из бревен, сплавщики осторожно выбирали "ключевое" бревно и ловко вытаскивали его. И все, многие сотни других бревен начинали рассасываться, и затор ликвидировался. "Вот так, — сказал Андропов, — лучше действовать. Не надо увлекаться числом и потому, что чем больше вы арестуете людей, тем больше будет шума на Западе"»[217].

Тема оппозиции в Польше и ее «ключевых фигур» главенствовала и на советско-польской встрече в верхах, которая состоялась 4 марта 1981 года, сразу после окончания XXVI съезда КПСС. На этой встрече присутствовала вся польская партийная делегация во главе с Каней и Ярузельским. С советской стороны были Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов. Беседа продолжалась больше двух часов и временами шла на повышенных тонах. В. И. Воронков вспоминал позднее: «Мне довелось быть свидетелем этой встречи. Она поразила меня не столько своим содержанием — свои претензии лидеры КПСС высказывали в неизменном виде от встречи к встрече, — сколько агрессивной, грубой бесцеремонностью советских хозяев. Каню и Ярузельского отчитывали по очереди как провинившихся школьников, явно стремясь их запугать. Их обвиняли в том, что они допустили создание массовой антикоммунистической партии в Польше, дали "Солидарности" вовлечь в свои ряды рабочий класс, что они упускают власть из рук в результате "гнилой" политики компромиссов с "классовым врагом", что не слушают "советов" Москвы. В какой-то момент беседы явно перевозбужденный Устинов вскочил со своего места, перегнулся через стол в сторону Кани и, срываясь на крик, начал грозно вопрошать: "Товарищ Каня, как долго вы еще собираетесь нас обманывать? Почему Куронь, Михник, Буяк разъезжают по стране, а не сидят, где им положено, — в тюрьме? Почему вы попустительствуете вмешательству Запада в ваши внутренние дела? Наше терпение на исходе! Нам есть на кого положиться в Польше! Две недели вам сроку, чтобы навести в Польше порядок!»

Такого напора Каня явно не ожидал. Он заметно побледнел, но самообладания не потерял. С ходу заверив Брежнева, что указанных господ он посадит завтра же, тотчас по возвращении в

Варшаву, и тем самым выбив самые тяжелые обвинения в свой адрес, он начал довольно монотонно и пространно излагать соображения о ситуации в Польше. Накал беседы явно угас, Каня сыграл как умелый психолог»[218]. Реализовать свое обещание Каня, конечно, не мог, да и не пытался. Хотя «Солидарность» в действительности выполняла функцию оппозиционной политической партии, претендуя на власть в стране, формально это был легальный профсоюз, с которым власти страны уже заключили несколько соглашений. В «Солидарность» входило более одного миллиона членов ПОРП. Более того, около 20 процентов членов ЦК ПОРП также были членами этого профсоюза. Еще Ленин писал в 1920 году, что коммунисты должны работать даже в реакционных профессиональных союзах и вообще всегда быть там, где есть народные массы. «Солидарность» активно поддерживала церковь — от польского кардинала до римского папы. В Польше это обстоятельство нельзя было игнорировать. К тому же не Куронь или Буяк играли главную роль в рабочей оппозиции 1981 года. Лидером и символом оппозиции являлся Лех Валенса.

Оппозиционное движение в Польше почти не затронуло польскую армию, которая пользовалась традиционным и большим уважением. Не было заметных колебаний и в других силовых структурах. Это обстоятельство наводило на мысль о том, что в Польше можно ввести военное положение и без вмешательства советских вооруженных сил. Какая-то подготовка на этот счет проводилась. Еще в феврале 1981 года польский сейм утвердил генерала В. Ярузельского в должности Председателя Совета Министров Польши. Генерал сохранил за собой пост министра национальной обороны, что позволило ему сосредоточить в своих руках большую власть. Новый премьер дал указание руководителям силовых структур завершить в самые краткие сроки разработку плана совместных действий на случай введения в стране чрезвычайного положения. Однако в Политбюро ЦК ПОРП не существовало единого мнения на этот счет.

В ЦК ПОРП имелось несколько групп, каждая из которых пользовалась в стране и в партии значительным влиянием. Аналитики из ЦК КПСС относили к «ревизионистам», к людям, идеологически близким «Солидарности», группу членов ЦК ПОРП, возглавляемую Мечиславом Раковским, главным редактором журнала «Политика» — органа ЦК ПОРП. Каню и Ярузельского причисляли к «центристам», людям, приверженным и социализму, и национализму, считающим, что «поляк всегда сумеет договориться с другим поляком». К числу принципиальных коммунистов, верных интернационалистов или

к «левым» относили в Москве таких активистов ПОРП, как С. Кочёлок, С. Олыновский. Во главе этой группы в 1981 году находился Тадеуш Грабский, опытный экономист и недавний директор завода из Катовицкого воеводства. Однако «левые» из ПОРП не пользовались сколько-нибудь значительным влиянием в стране. Даже в самой партии их поддерживало лишь несколько десятков тысяч человек. Для партии, в которой состояло на конец 1980 года 3 миллиона 70 тысяч членов и кандидатов, это было очень мало.

К концу марта 1981 года положение в Польше опять обострилось. Командование Варшавского Договора приняло решение провести на территории Польши новые совместные войсковые учения «Союз-81». В качестве наблюдателей пригласили министров обороны почти всех социалистических стран. В свою очередь «Солидарность» объявила о подготовке в стране всеобщей забастовки. В это же время группа генералов Войска Польского в обход своего официального руководства обратилась к Устинову с заявлением о готовности навести порядок в стране силами армии. Во главе группы, по свидетельству Ярузельского, стоял его заместитель — вице-министр национальной обороны генерал Е. Мольчик[219]. Станислав Каня пытался позвонить Брежневу, но тот не брал телефонную трубку. За день до начала войсковых учений С. Каня встретился с заместителем Председателя КГБ Владимиром Крючковым, находившимся в Варшаве. По свидетельству Кани, в отличие от других советских руководителей и представителей, которые при беседах с польскими коллегами старались высказать в первую очередь твердость и упорство, Крючков с профессиональным вниманием выслушал аргументы Кани насчет неисчерпанных до конца политических мер разрешения кризиса в Польше. Крючков не пытался спорить или переубеждать, но лишь доверительно, как бы выражая сочувствие, сказал, что «не все советское руководство понимает позицию Первого секретаря ЦК ПОРП и поддерживает ее»[220]. Каня просил организовать ему с Ярузельским неофициальную, даже тайную встречу с высшими деятелями советского руководства. Согласие вскоре было получено; от Политбюро ЦК КПСС в ней должны были принять участие Андропов и Устинов. Под видом рабочей поездки по стране Каня и Ярузельский поздно вечером вылетели с польского аэродрома Оценце в Брест. Здесь две автомашины с зашторенными окнами доставили их к спецпоезду из нескольких вагонов, в одном из которых и проходили переговоры. Без каких-либо предисловий Ю. Андропов заявил, что главной целью встречи должно стать обсуждение вопроса о сложной ситуации в

Польше и путях выхода из нее. Советское руководство считает, отметил он, что нужно наносить по противнику упреждающий удар и вводить в стране военное положение. В Польше потерян контроль за развитием событий и не ведется работа по организации и управлению силами, которые преданы партии и социализму. Это очень опасно. Д. Устинов во всем поддержал Андропова. Встреча была трудной, временами острой и закончилась лишь под утро. Каня и Ярузельский уступили, взяв обязательство подписать до 11 апреля план введения военного положения в Польше. Однако о конкретных сроках его реализации договориться не удалось. Утром 4 апреля польские лидеры вернулись в Варшаву. На аэродроме Окенце их встречал начальник штаба Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора генерал армии Анатолий Грибков. После взаимных приветствий Ярузельский сказал Грибкову, что они получили в Бресте «хорошую деловую и политическую зарядку и огромную моральную поддержку, которая вселяет уверенность в действиях». С. Каня добавил: «В течение нескольких часов разговора с такими мудрыми и авторитетнейшими политиками мы прошли целый курс красной профессуры»[221]. Эти банальные фразы — как раз элементы той двойной игры, о которой Ярузельский говорил через 10–12 лет в своих интервью, — были рассчитаны, разумеется, на слушателей в Москве. 9 апреля 1981 года Андропов докладывал на Политбюро об итогах их встречи с польскими лидерами. Он, в частности, сказал: «Общее впечатление от нашей встречи с товарищами таково, что они были в очень напряженном состоянии, нервничали, было видно, что они задерганы… Что касается военного положения, можно было бы его ввести давно. Проект документа о введении военного положения с помощью наших товарищей подготовлен, и надо эти документы подписать. Польские товарищи говорят: как же мы будем подписывать эти документы, когда их надо проводить через сейм, и т. д. Мы говорим, что никакого проведения через сейм не нужно, это документ, по которому вы будете действовать, когда будете вводить военное положение, а сейчас надо вам лично — товарищам Кане и Ярузельскому — подписать с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положения…

Относительно опоры Политбюро. На кого оно может опираться. Армия у них составляет 400 тысяч человек, МВД — 100 тысяч и резервистов — 300 тысяч, таким образом, 800 тысяч человек. Но надо сказать, что между Каней и Ярузельским существует много различий во взглядах по отдельным вопросам. Товарищ Ярузельский вновь высказал просьбу об освобождении

его с поста премьера. Мы ему популярно разъяснили, что необходимо остаться на этом посту и с достоинством выполнять возложенные на него обязанности…»[222].

Нет необходимости писать здесь о всех встречах и переговорах между советскими и польскими лидерами, которые проводились и в мае, и в июне — июле, и в августе. IX Чрезвычайный съезд ПОРП, проведенный в июле 1981 года, ослабил представительство в руководстве партии «левых», или «здоровых сил», и, напротив, увеличил влияние «оппортунистов» и «ревизионистов». Экономическое и социальное положение ухудшалось. В городах страны, включая Варшаву, проходили «голодные марши», а в предупредительной забастовке в Польше 5 августа участвовало 60 процентов всех рабочих и служащих, занятых в дневные смены. На сентябрь назначили Первый съезд независимого профсоюза «Солидарность». Накануне было объявлено, что на территории Украины, Белоруссии и Прибалтики, в непосредственной близости от польской границы, начнутся крупномасштабные учения Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора. Акция проводилась под наименованием «Запад-81», руководил ею лично Маршал СССР Д. Устинов. В учениях приняли участие сотни тысяч солдат и офицеров, очень много техники, причем танки и артиллерия во многих случаях вели огонь боевыми снарядами. В качестве наблюдателей выступали министры обороны Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. Но Ярузельскому Устинов оказывал наибольшее внимание.

После съезда «Солидарности» неприязнь к С. Кане в Кремле настолько возросла, что вопрос о его смещении обсуждался почти открыто и в Москве, и в Варшаве. 18 октября 1981 года Каню освободили от обязанностей Первого секретаря ЦК ПОРП. Это решение было отнюдь не единогласным. За отставку Кани голосовало около 100, против — около 80 членов ЦК ПОРП. Первым секретарем ЦК ПОРП избрали генерала В. Ярузельского. В руках популярного в стране генерала сосредоточилась теперь вся государственная власть в Польше. Однако Ярузельский был не только коммунистом и интернационалистом, но и польским патриотом, и он явно не собирался безоговорочно выполнять все указания Москвы. Ситуация вокруг Польши обсуждалась на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 октября. Все члены Политбюро высказались за усиление политического и экономического давления на Польшу, но против военной интервенции, Ю.Андропов, в частности, говорил: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно придерживаться своей линии — наши войска в

Польшу не вводить»[223]. На следующий день на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР Д. Устинов также заявил: «Мы ни в коем случае, даже если попросит польское руководство, не будем вводить советские и другие войска в Польшу»[224]. Это не помешало штабу ОВС провести в ноябре еще одно военно-тактическое учение на территории Польши на Жиганском полигоне и назначить новое большое войсковое учение на 24 декабря также на территории Польши.

Политическая и экономическая обстановка в Польше в ноябре 1981 года продолжала усложняться. Кроме официальных протестов советских властей по поводу разного рода демонстративных акций «Солидарности» Ярузельскому направлялись и неофициальные, но весьма жесткие послания с упреками в попустительстве «антисоветизму» и едва ли не в «предательстве дела социализма». Откровенности, однако, не было ни с той, ни с другой стороны. Просьба Ярузельского о направлении в Польшу одного из членов Политбюро ЦК КПСС была отклонена. На вопрос Ярузельского, может ли Польша рассчитывать на помощь Советского Союза по военной линии, если положение в стране станет критическим, Брежнев не дал ясного ответа. Продовольственные магазины в Польше были пусты, в изобилии имелся здесь только уксус. Продукты выдавались по карточкам, но не в полном наборе. Развязка приближалась. 10 декабря в Москве состоялось еще одно заседание Политбюро, обсудившее польские проблемы. Выступая на этом заседании, Ю. Андропов говорил: «Я хотел бы сказать, что наша позиция, как она была сформулирована на прошлом заседании Политбюро и ранее ее неоднократно высказывал Леонид Ильич, является совершенно правильной и отступать от нее мы не должны. Иначе говоря, мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается проведения операции "Х", то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем… Если товарищ Куликов действительно сказал о вводе войск, то я считаю, он сделал это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью "Солидарности", то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это

будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия… Мы можем сказать полякам, что относимся к польским событиям с пониманием. Это чеканная формулировка, и менять нам ее нет никаких оснований.

В то же время мы должны будем как-то погасить настроение Ярузельского и других руководителей Польши относительно ввода войск. Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что об этом мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом»[225].

После бессонной ночи с 11 на 12 декабря 1981 года и встречи с начальником генерального штаба Войска Польского генералом Флорианом Савицким и министром внутренних дел ПНР Ч. Кищаком Ярузельский принял решение о введении в стране военного положения. Выступление Ярузельского по этому поводу состоялось в ночь на 13 декабря.

По всем критериям подобного рода акций действия силовых структур в Польше были быстрыми и эффективными. Почти всех лидеров «Солидарности» задержали и интернировали в первые часы действия военного положения. Кризис власти был преодолен, но только на несколько лет. В 1989 году «Солидарность» одержала победу на парламентских выборах, а в декабре 1990 года Л. Валенса сменил на посту президента Республики Польша В. Ярузельского, который сохранил, насколько можно судить, авторитет и уважение польского народа.

В связи с изданием своей книги «Военное положение. Почему…» Войцех Ярузельский говорил в интервью польскому еженедельнику «Пшеглёнд тыгоднёвый»: «Если бы я не решился на введение военного положения в декабре 1981 года, то состоялась бы советская вооруженная интервенция. Это уже доказанный факт. Руководство ПНР пошло на этот вынужденный и драматический шаг потому, что считало целесообразным решать внутреннюю польскую проблему собственными силами». Признав большую вину возглавлявшегося им руководства (и заметив, что она не должна полностью лечь только на его плечи), Ярузельский отметил: «Введя военное положение в стране, я хотел прежде всего спасти ее от катастрофы, от советской вооруженной интервенции, защитить начало экономических реформ, которые в те годы пробивали себе дорогу в Польше»[226]. Мы видим сегодня из ранее секретных документов ЦК КПСС, что советское руководство не собиралось оккупировать Польшу даже в том случае, если бы власть захватила «Солидарность». Однако на основании поведения и заявлений советских лидеров можно было сделать в 1981 году совсем другой вывод, и Ярузельский

был искренне убежден, что спасает страну от кровавого конфликта с непредсказуемыми последствиями. Перед ним был урок Венгрии 1956 года, Чехословакии 1968 года и Афганистана 19791 года. Но советские лидеры также помнили об этих уроках.

Глава пятая. КОНЕЦ ЭПОХИ БРЕЖНЕВА

Смерть Семена Цвигуна

В декабре 1981 года в Кремле было торжественно отмечено 75-летие Л. И. Брежнева. Поздравить юбиляра собрались все члены Политбюро, высшие государственные и военные деятели, деятели культуры.

Со всех концов страны в Москву везли дорогие подношения и подарки — от самовара из чистого золота из Дагестана до бивня мамонта, инкрустированного алмазами, из Якутии. Слушая поздравления, немощный лидер плакал. Сообщая о торжествах и поздравлениях по случаю дня рождения Брежнева, все ведущие газеты и журналы западных стран вносили последние дополнения и исправления в некрологи, которые были заготовлены здесь еще с середины 1970-х годов.

В Кремле был официальный и многолюдный прием, однако на даче Брежнева 19 декабря вечером собрался более узкий круг соратников и друзей юбиляра. Чем хуже становилось здоровье Брежнева, тем больше людей из его ближайшего окружения поднималось в структуры власти. На XXVI съезде КПСС в состав ЦК были избраны не только работники из личного секретариата Брежнева, но даже его ближайшие родственники: сын Ю. Брежнев и зять Ю. Чурбанов. Умершего Косыгина сменил на посту Председателя Совета Министров СССР Николай Тихонов, добрый знакомый Брежнева еще по работе в Днепропетровске в конце 1930-х годов. Постоянно рядом с Брежневым был и Константин Черненко. Огромную роль в этом клане, который даже в аппарате ЦК называли в частных беседах «днепропетровско-молдавской мафией», играли министр внутренних дел СССР Н. Щелоков и первый заместитель Председателя КГБ Семен Цвигун.

В самом начале 1982 года Андропов занимал лишь восьмое место в неофициальной иерархии власти — после Брежнева, Тихонова, Суслова, Кириленко, Черненко, Устинова и

Громыко. Никто из западных аналитиков и советологов, ожидавших скорых перемен в СССР, не рассматривал его как вероятного преемника Брежнева. Казалось, только мой брат Жорес и я называли в этой связи фамилию Андропова, но наши прогнозы не принимались тогда всерьез и упоминались в западных газетах с некоторой иронией.

С самого начала 1982 года ситуация в советских коридорах власти начала, однако, меняться. Первым драматическим событием в этой цепи перемен стало неожиданное самоубийство С. Цвигуна.

По свидетельству Филиппа Бобкова, Цвигун был тяжело

болен и в последние месяцы почти не работал. У него обнаружили неоперабельную раковую опухоль. Он долго боролся с недугом, а когда стало невмочь, решил добровольно уйти из жизни. Вячеслав Кеворков, также генерал КГБ и добрый знакомый Андропова, приводит в своей книге другую версию. «Однажды, — пишет он, — первого заместителя Андропова генерала армии Семена Цвигуна вызвали в ЦК партии и поставили в известность о том, что на уголовном процессе по делу о коррупции в особо крупных размерах, предполагавшем высшую меру наказания в случае вынесения обвинительного приговора, подсудимые дали против него, Цвигуна, показания. По их словам, он, первый заместитель министра госбезопасности, используя свое служебное положение, брал взятки. Прежде чем ответить, Цвигун спросил, знает ли о его вызове в ЦК Брежнев. Получив утвердительный ответ, он попросил сутки на обдумывание. Однако, вернувшись домой, раздумывать не стал и в тот же день застрелился»[227]. Один из читателей первого издания этой книги, хорошо знакомый с руководством КГБ 1970-х годов, писал мне, что было бы ошибочным даже думать, что генерал армии и первый заместитель Юрия Андропова мог брать взятки. В КГБ не являлись секретом непомерно большие гонорары за «литературное творчество», которые получал Цвигун, писавший под псевдонимами толстые и скучные романы и сценарии к фильмам о партизанах и чекистах. Однажды Андропов со смехом сказал Цвигуну: «Семен, ты знаешь горьковское: "Если можешь не писать, не пиши"?» «Я не могу не писать», — ответил Цвигун. Гонорары за свои «повести» получал даже Брежнев.

Ряд авторов связывали смерть Цвигуна, напротив, с его собственными расследованиями крупных дел о коррупции, нити которых вели и к членам, семьи Брежнева. Суслов был разгневан и, вызвав Цвигуна к себе, приказал ему прекратить расследование. Однако Цвигун уже не мог остановить набравшую ход машину следствия, за которым наблюдал и Андропов. Еще в 1990 году в небольшом пресс-бюллетене «Дом кино» был опубликован очерк Ильи Лукина об обстоятельствах этой драмы. «Для Цвигуна, — писал Лукин, — положение сложилось катастрофическое. Материалы следственного дела лежали у него в сейфе. Но в аппарате КГБ он оказался в полном одиночестве. К нему в кабинет никто более не заходил, он перестал принимать участие в обычных делах Комитета. Приезжал на Лубянку, запирался и ничего не делал. Вскоре наступила депрессия. В один из январских вечеров 1982 года он, как обычно, поехал на дачу. Вез его телохранитель. Цвигун попросил того показать свой пистолет, подержал его на ладони, словно взвешивая, и сказал,

что пистолет очень удобный и легкий. Не уставной. Неожиданно он положил его в карман. Телохранитель удивился, но ничего не сказал. На даче валил снег, и охранник разгребал его широкой деревянной лопатой. Цвигун пошел по дорожке, спросил у охранника, куда она ведет.

— А никуда, — ответил тот, — к забору. Я тут расчистил немного, а у забора сугроб.

— Вот и хорошо, что никуда, — ответил Цвигун и пошел к забору.

Около сугроба он и застрелился»[228].

Еще в конце 1980-х годов в одном из управлений Министерства здравоохранения я познакомился со следующим документом:

«Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 января 1982 г. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 приехала реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил в висок из пистолета "Макаров". Подписи пяти врачей».

21 января во всех центральных газетах появился необычный некролог. Хотя Цвигун был членом ЦК, под его некрологом не было фамилий Брежнева, Кириленко и Суслова. Стояли подписи Андропова, Горбачева, Устинова и Черненко, а также членов коллегии КГБ; фамилии большинства из них мы узнали тогда впервые.

Смерть Цвигуна существенно и быстро изменила положение Андропова в системе КГБ, позволив взять на себя непосредственное руководство теми следственными делами, которые вел Цвигун, и изучить важные документы, которые тот предпочитал хранить в личном сейфе.

Смерть «главного идеолога»

Всего через несколько дней после смерти С. Цвигуна умер еще один человек, чья судьба и карьера были тесно связаны с судьбой и карьерой Ю. Андропова. Речь идет о Михаиле Суслове, которого почти официально называли главным идеологом, а неофициально — «серым кардиналом» партии. М. Суслов мало походил на других кремлевских вождей. Он старался держаться в тени, не привлекать внимание, о нем мало говорили и писали как в нашей стране, так и за границей. Он не любил шумных застолий или охотничьих забав. Автомобиль Суслова никогда не превышал скорости в 60 километров в час; иногда он останавливал машину недалеко от кремлевских ворот и шел в кабинет пешком. У Суслова не было роскошных загородных особняков, и многие из обитателей Кремля посмеивались над его аскетизмом. Одевался он скорее старомодно, чем элегантно, казалось, что он по 10 лет носит одно и то же длиннополое пальто и 2–3 темных костюма. До конца жизни он сохранил привычку носить калоши. Суслов никогда не кричал на подчиненных, не употреблял грубой ругани. Он был учтив и корректен со всеми и здоровался за руку не только с приглашенными к нему писателями или учеными, но и с самыми незначительными служащими партийного аппарата. Из подготовленных для него текстов речей и статей он вычеркивал все наиболее яркие слова и сравнения.

Даже на высших ступенях партийной иерархии Суслов оставался аппаратчиком, а не публичным политиком. Он никогда не занимал государственных постов, если не считать незаметной должности председателя Комиссии по иностранным делам в одной из палат Верховного Совета. Суслов не стремился к наградам, он не любил резких поворотов и перемен. По своему характеру он являлся исполнителем, а не лидером. Но в этом был и главный секрет его кремлевского долголетия. В течение 40 лет Суслов был членом ЦК КПСС; 35 лет — секретарем ЦК и около 30 лет — членом всесильного Политбюро. В последние 15 лет жизни именно Суслов являлся вторым человеком в партийном руководстве. Марксизм-ленинизм был государственной идеологией Советского Союза, главной опорой и оправданием власти КПСС. Эту идеологию обслуживало множество организаций и учреждений, и на вершине этой огромной пирамиды многие годы стоял Суслов. Как член Политбюро и секретарь ЦК он контролировал в партии работу отделов агитации и пропаганды, науки и учебных заведений, культуры и информации, отдел молодежных и общественных организаций,

два международных отдела, Политуправление Советской Армии и выездной отдел. Под его руководством и контролем работали министерства культуры и образования, Государственные комитеты по делам издательств, кинематографии, Гостелерадио. Газеты и журналы, вся другая печать и цензура (Главлит), ТАСС, связи КПСС с другими коммунистическими партиями, отношения с социалистическими странами — все это входило в сферу деятельности Суслова. Много внимания он уделял «партийному руководству» работой Союза писателей. Под его контролем находились и другие творческие союзы: художников и архитекторов, композиторов и журналистов, работников кино и театра, а также Союз обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Система партийного просвещения, общество «Знание», подготовка школьных и вузовских учебников по гуманитарным наукам, работа научных институтов по общественным дисциплинам, научные общества и ассоциации, отношения Советского государства с различными религиями и церковными организациями — вот далеко не полный перечень дел, которыми ведал и в которых обладал правом решающего голоса Михаил Суслов. Он получал регулярные доклады от КГБ и Прокуратуры СССР и участвовал в решении проблем, которые объединялись не слишком ясным понятием — «идеологическая диверсия».

У Суслова всегда были проблемы со здоровьем. Еще в молодости он перенес туберкулез, всю жизнь страдал от диабета, в 1970-е годы у него быстро развивался склероз сосудов мозга и сердца, он с трудом оправился от последствий обширного инфаркта. Часто из Кремля он возвращался не домой, а в специальную больницу на улице Грановского. В начале 1980-х годов Суслов работал в своем кабинете не больше 3–4 часов в день, А между тем проблем, которые должен был решать именно Суслов, становилось все больше. Началась острая дискуссия с итальянской коммунистической партией; в коммунистическом движении Запада набирал силу «еврокоммунизм». Наибольшее беспокойство у Суслова вызывали бурные политические события и волнения в Польше, связанные с деятельностью «Солидарности». Весной 1981 года Суслов побывал в Варшаве, пытаясь уговорить польских коммунистов придерживаться максимально жесткой линии по отношению к оппозиции. Но к рекомендациям Суслова здесь уже не особенно прислушивались. Сложные конфликты по проблемам идеологии появлялись и в Советском Союзе. Возникло несколько крупных, хотя и решавшихся втайне от общественности, дел о коррупции и злоупотреблениях в очень высоких эшелонах власти. К таким

перегрузкам Суслов был не готов. Как раз после трудного разговора с Семеном Цвигуном, предмет и характер которого мы уже никогда не узнаем, у Суслова неожиданно резко повысилось давление, он потерял сознание. Врачи оказались бессильны, и через несколько дней, 25 января 1982 года, Суслов скончался. Похороны проводились с такими почестями, каких после марта 1953 года не удостаивался ни один из руководителей партии. Однако мало кто из тех, кто участвовал в официальных процедурах или наблюдал за траурными церемониями по телевизору, испытывал чувство горя или сожаления. На небольшом кладбище у Кремлевской стены имелось не так уж много свободных участков. Но для Суслова нашли место рядом с могилой И. Сталина.

Смерть С. Цвигуна не привлекла большого внимания за пределами узкого круга наиболее осведомленных людей. Об этом событии стали говорить позже, когда издательство «Посев» опубликовало лихо закрученный детективный роман-версию «Красная площадь», переведенный вскоре на многие языки. Авторы этого романа Ф. Незнанский и Э. Тополь строили сюжет своей книги вокруг смерти «свояка Брежнева и заместителя Андропова Сергея Мигуна». Но смерть Суслова, напротив, вызвала многочисленные комментарии почти во всей международной прессе. Американский журналист А. Нагорски писал позднее: «Тело Суслова еще лежало в гробу в Колонном зале Дома союзов… когда я посетил историка Роя Медведева на его квартире на окраине Москвы. Медведев, марксист и осмотрительный диссидент, который ухитрился пережить бесчисленные напасти, был возбужден. Он теперь почувствовал, что после нескольких лет ответов на обязывающие вопросы о России после Брежнева, которые он давал с академической бесстрастностью, началось финальное действие. Суслов был фигурой номер два в брежневской иерархии. И Медведев пояснял, что признание Сусловым, что сам он лично не мог стремиться к высшему посту, заставляло его работать напряженно и эффективно над тем, чтобы пресечь любое открытое политическое действие в борьбе за престол. С его смертью такое стабилизирующее влияние исчезло, и поэтому, по-видимому, вскоре должны объявиться соперники. Большинство западных размышлений до этого времени фокусировалось на двух лицах — Андрее Кириленко, который очень часто председательствовал на совещаниях в Политбюро, когда там отсутствовал Брежнев, и Константине Черненко, который действовал как личный секретарь Брежнева и в последние годы всегда был при нем. Медведев отстранил Кириленко как возможного сильного

соперника, во-первых, по причине его возраста (ему 75 лет) и, во-вторых, из-за его предположительных проблем со здоровьем. Что касается Черненко, то Медведев позволил себе выразить сомнение насчет того, чтобы аппаратчик, столь всецело зависимый от Брежнева, не имеющий к тому же собственной базы власти, смог бы организовать эффективную кампанию, когда хватка Брежнева за власть стала ослабевать. Медведев предсказал, что Андропов сделает попытку занять пост Суслова, что позднее сможет катапультировать его на положение вероятного кандидата. "Это будет полезным шагом для него, чтобы выйти из КГБ, — сказал Медведев. — …Андропов может теперь напомнить людям, что он по профессии является прежде всего политиком, а не работником тайной полиции"»[229].

Бывший работник аппарата ЦК КПСС Андрей Грачев писал в воспоминаниях: «Смерть Суслова отозвалась угрожающим подземным толчком в сокровенных недрах всей однопартийной системы. Суслов не просто олицетворял ее незыблемость и стабильность, но и ревностно следил за тем, чтобы партийный корабль не дал течи и не кренился ни вправо, ни влево. Именно Суслов сопротивлялся любым попыткам аппаратных "пуристов" и руководства КГБ даже коснуться вопроса о коррупции и моральном разложении в партийных верхах. Понимая, что под дальний прицел таких обвинений берется не кто иной, как сам генсек и его окружение, Суслов считал, что даже простое упоминание об этих фактах (широко известных к тому времени уже всей стране), означающее их признание, нанесет непоправимый урон безупречному облику партии. В этом проявлялась и плохо скрываемая неприязнь Суслова к Андропову, вызванная неизбежным соперничеством этих двух столь разных по характеру и, безусловно, наиболее влиятельных фигур в брежневском окружении»[230].

Сотрудник Совета по национальной безопасности при президенте США Уильям Г. Хейланд писал в одном из главных аналитических журналов, издаваемых правительственным Агентством международных связей: «Кончины двух крупных советских лидеров — Алексея Косыгина в декабре 1980 года и Михаила Суслова в январе 1982-го — явились более чем своевременным напоминанием не только о том, что отдельные личности являются важными элементами советской политики, но и о том, что существующая расстановка политических сил становится все более и более непрочной. И в самом деле, трудно представить себе советское руководство без Суслова, который, казалось, был бессменной фигурой и связующим звеном между сталинским и современным периодами. Своим присутствием он в

определенной степени подтвердил законность наследования власти и Никитой Хрущевым, и Леонидом Брежневым. Без участия Косыгина и Суслова процесс борьбы за наследство Брежнева неизбежно примет совсем иной характер. Кто заменит Суслова — не только номинально, но в качестве хранителя ортодоксии, кто станет верховным арбитром в спорах на высшем уровне? Как это повлияет на внутреннюю политику? Стала ли позиция Брежнева неожиданно более уязвимой?»[231].Лишь после смерти Суслова почти во всех западных прогнозах относительно возможных преемников Брежнева появилась и фигура Андропова, о котором западные советологи почти ничего не знали.

Дело Галины Брежневой

Если смерть Цвигуна увеличила самостоятельность и возможности Ю. Андропова в КГБ, то смерть Суслова существенно изменила положение и возможности Андропова за пределами КГБ, снимая проблему разного рода согласований и контроля. Андропов мог теперь самостоятельно принимать решения по ряду важных дел о коррупции и злоупотреблениях, по которым Комитет государственной безопасности давно уже вел оперативное наблюдение, но не получал санкции на проведение обысков и арестов. Андропов не стал медлить. Уже в день похорон Суслова в Москве был арестован за крупные злоупотребления и взятки руководитель Управления цирками Министерства культуры СССР А. А. Колеватов, семья которого дружила с дочерью Брежнева Галиной, занимавшей скромные посты в агентстве печати «Новости» и в архивном управлении МИДа, но обладавшей огромным влиянием в мире советского «полусвета» и претендовавшей порой на роль «первой леди» Советского Союза.

Дочь Брежнева Галина давно уже доставляла немало хлопот не только своим родителям. В начале 1970-х годов Брежнев думал, что главные трудности позади: его дочь сочеталась законным браком с майором МВД, инструктором политотдела мест заключения Юрием Чурбановым, общительным и способным офицером, сумевшим даже закончить заочное отделение философского факультета МГУ. Благоволение отца состояло в том, что молодоженов буквально осыпали подарками. Они получили отлично отделанную квартиру в Москве и просторную дачу. Из своей коллекции западных машин Брежнев подарил молодым не только чешскую «Шкоду-1000», но и новенький французский «Рено-16». Юрий Чурбанов досрочно получил звание полковника и новую должность. Отныне он уже не рядовой инструктор, а ответственный работник политотдела МВД СССР.

Надежды Чурбанова оправдались, впрочем, лишь в одном отношении — он начал быстро, даже стремительно делать карьеру. Из полковника через несколько лет стал генерал-майором, еще через несколько лет — генерал-лейтенантом и, наконец, генерал-полковником. В 1980 году Юрий Чурбанов, не слишком задерживаясь на промежуточных должностях, назначается заместителем министра внутренних дел СССР. Его власть и влияние были теперь огромны, и ему во время поездок по стране везде устраивали пышные встречи, развлекая и одаривая знатного гостя. Не преуспел Юрий Чурбанов лишь в

одном — уже через несколько лет после свадьбы с ним перестала считаться его жена. Галина завела себе новых друзей, но отнюдь не из числа работников милиции. Главным ее фаворитом стал молодой цыган, артист Борис Буряце. Один из знакомых мне литераторов рассказывал: «Я видел в первый раз Галину Брежневу в 1977 году, летом, в Доме творчества Театрального общества (ВТО) в Мисхоре в Крыму. Она. приезжала туда с дачи отца к своему любовнику Борису Буряце, цыгану. Ему было тогда 29 лет, и он окончил отделение музыкальной комедии Института театральных искусств. У него был неплохой тенор, но весьма слабые актерские данные. Это был красивый брюнет с серо-зелеными глазами, довольно полный для своего возраста. Он обладал весьма изысканными манерами и утонченными вкусами — в еде, одежде, музыке. Носил он джинсы, джинсовую рубашку на молнии, остроносые сапоги на каблуках и иногда черную широкополую шляпу. На безымянном пальце сверкал перстень с огромным бриллиантом, а на шее — толстая крученая золотая цепь, которую он не снимал, даже купаясь в море. Он появлялся на пляже в коротком махровом халате. Иногда он читал, но чаще играл в карты с несколькими знакомыми и с младшим братом Михаилом, 25 лет. Борис жил в двухкомнатном номере-люкс с отдельным душем, телевизором, холодильником. Питался он не в столовой, а дома — с немногими друзьями. На столе стояли черная икра в больших жестяных банках, мясо (шашлыки готовились тут же на пляже), подавался только что испеченный хлеб, язык, раки, виноград, шампанское и водка. Все эти недоступные рядовому отдыхающему деликатесы в неограниченном количестве поставлялись ему Галиной Брежневой-Чурбановой, которая приезжала изредка с шофером Валерой на белой "Волге". Приезжать ей было, видимо, сложно, и она была вынуждена хитрить, так как отец старался всячески блюсти честь дочери, уже ставшей к тому времени бабушкой.

Галина была грузной, высокой женщиной, которую при всем желании нельзя было назвать красивой. У нее были грубые, крупные черты лица, очень напоминавшие отцовские, темные волосы, забранные в пучок, и темные, густые брови. На пляж она выходила в длинном, до пят, шелковом халате. В свою речь Галина часто вставляла матерные слова.

Борис был умным и изощренным человеком. Он был скрытен и хитер, тактичен и вежлив. Пил он только шампанское и держал себя в руках. Галина была крайне раздражительна, так что Борису, напротив, нужна была сдержанность. Своего 40-летнего мужа-генерала Галина уже презирала и могла закатить истерику только потому, что Борис напоминал ей, что пора уезжать, дабы

не огорчать папу и маму. Галина называла родителей "двумя одуванчиками", что не мешало ей восхищаться их преданностью друг другу и взаимной заботой. Иногда она говорила об отце, который, несмотря на возраст и болезни, каждый день купался в Черном море. "О нем много болтают, — говорила Галина, — но все-таки он борется за мир. Он искренне хочет мира". Напившись, она громко говорила: "Я люблю искусство, а мой муж — генерал"».

Борис Буряце жил в Москве в большой квартире в доме на улице Чехова, недалеко от Театра кукол, знаменитого театра Образцова; эту квартиру «подарила» Борису Галина Брежнева. Она же руководила покупкой мебели и роскошной отделкой комнат, которая свидетельствовала главным образом не о художественном вкусе, а о богатстве владельца квартиры. Здесь имелось много антиквариата, на стенах висели редчайшие иконы, на специальном столике стоял подсвеченный разноцветными лампами сосуд с бриллиантами.

У Бориса была очень большая коллекция бриллиантов, и приятели называли его нередко между собой «Борисом Бриллиантовым». Дружба с Галиной превращала и самого Бориса в очень влиятельного человека, вокруг него начинали крутиться разного рода сомнительные личности, связи которых уходили в глубины подпольного бизнеса, черного рынка и уголовного мира Москвы. Уже в 1979–1980 годах Борис Буряце начал искать пути и возможности для отъезда за границу. Его не покидала тревога. Известный на Западе автор популярных песен Стенли Лаудан писал в одной из своих книг о знакомстве с Буряце: «Борис ждал меня перед гостиницей. Я сел в его машину. Милиционеры, стоявшие на перекрестках, отдавали Борису честь. Почему? Когда мы вошли в его квартиру, у меня захватило дух. На стенах без просвета висели великолепные старые картины, полы покрыты чудесными персидскими коврами, вдоль стен роскошная антикварная мебель, горки с превосходнейшим фарфором, иконы, хрусталь, хрустальная же бесценная люстра. Такое богатство в Советском Союзе можно было встретить только в музее… "Что такое сделал Борис для России, что имеет право жить в такой роскоши?" — подумал я. Он жил один, это было видно с первого взгляда, хотя из-за подушки выглядывал кончик женской ночной рубашки. "Смотри! Кое-что из этого было когда-то в коллекции царя". Я не сомневался, он говорил правду. Чудесный старинный серебряный сервиз: серебряные столовые приборы, такие тяжелые, что я чуть не уронил поданный мне для осмотра нож. Произведения искусства, которыми мог бы гордиться любой западный музей. И вот — "гранд-финал". Борис достал замшевый

мешочек и высыпал его содержимое на стоящий между нами столик. В свете лампы засверкала горка старинных драгоценностей: браслеты и серьги, заколки, брошки, кольца, бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды блистали в оправах из старинного золота и серебра. Я онемел, а зеленые глаза Бориса искрились на фоне бесценного богатства»[232].

В самом конце января был проведен обыск и на квартире Бориса Буряце. За обыском последовал вызов на допрос. Борис был обеспокоен, но надеялся, что Галина Брежнева поможет ему выйти из трудной ситуации. Он надел норковую шубу, натянул норковые сапоги, взял с собой маленькую собачку и поехал на своем «мерседесе» в Лефортово — в следственное управление КГБ. Однако по окончании допроса Буряце объявили, что он арестован и имеет право сообщить об этом прискорбном факте своим родственникам еще до того, как его отправят в тюремную камеру. Борис позвонил не брату Михаилу, а Галине Брежневой, но она не смогла ничего ответить от возмущения и растерянности.

Благодаря любезности и вниманию председателя Верховного суда СССР Е. А. Смоленцева, а также правам и статусу народного депутата СССР я получил возможность в начале 1991 года ознакомиться с многотомными делами А. А. Колеватова, Б. Буряце, некоторых торговых дельцов. И обвинительные заключения, и протоколы допроса, и тексты приговоров содержат данные о многочисленных хищениях, взятках, длинные списки изъятых драгоценностей. Однако нигде в этих с сотнями различных документов томах нет упоминаний о связях подсудимых с Галиной Брежневой, с семьей Щелокова, с семьей В. Гришина или с самим Брежневым. Даже для такого неспециалиста, как я, было очевидно, что каждый из подсудимых мог так долго находиться на посту и иметь столь баснословные ценности лишь при наличии мощного покровительства власть имущих. Но ни следователи, ни государственные обвинители, ни судьи не задавали (или не заносили в протокол) вопросов о связях подсудимых с партийными лидерами и членами их семей. Однако и для большинства членов Политбюро, и для крупных дельцов теневой экономики и уголовного мира было понятно, против кого направлены эти удары пришедшей в движение машины КГБ. Андропов и его политические союзники демонстрировали свою осведомленность и силу. Западные газеты переполнялись разного рода слухами, корреспонденты хотели получить в ТАСС фотографию Галины Брежневой, но их просьбы не были выполнены.

Новая болезнь Брежнева

Под давлением ближайшего окружения, стремившегося продемонстрировать мобильность и относительное здоровье Брежнева, он отправился в марте 1982 года в далекий Узбекистан, чтобы вручить этой республике орден Ленина. В Ташкенте Брежнева с великими почестями встречал Шараф Рашидов, партийный руководитель республики и «писатель», произведения которого большими тиражами распространялись не только в Средней Азии. Этот визит, однако, кончился драматически.

Как обычно, все поездки Брежнева были заранее расписаны по специальному графику; надо было подготовить охрану и встречу. Но в один из дней график и порядок визита были нарушены. Без особой подготовки Брежнев и Рашидов решили осмотреть сборочный цех одного из крупнейших в стране авиационных заводов в Ташкенте. Вот как описывал случившееся начальник личной охраны Брежнева Владимир Медведев: «Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с опозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. И Рябенко, и мы, его заместители, настоятельно требовали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ, заполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда раздался вдруг скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной покатились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождающими они были накрыты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре из охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огромное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми.

Люди сыпались на нас сверху, как горох.

…Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним — Володя

Собаченков. С разбитой головой. Тяжелая площадка, слава богу, не успела никого раздавить. Поднимались на ноги Рашидов, наш генерал Рябенко, местные комитетчики. Мы с доктором Косаревым подняли Леонида Ильича. Углом металлического конуса ему здорово ободрало ухо, текла кровь. Помогли подняться Володе Собаченкову, сознание он не потерял, но голова была вся в крови, кто-то прикладывал к голове платок. Серьезную травму, как потом оказалось, получил начальник местной "девятки", зацепило и Рашидова.

…Конечно, если бы мы не удержали эту тяжеленную площадку с людьми на ней — всех бы раздавило, всех, в том числе и Брежнева»[233].

Несмотря на травмы и перелом ключицы, Брежнев настоял на продолжении визита и на следующий день прочитал большую речь и вручил Рашидову орден Ленина — для всего Узбекистана. Однако уже в самолете при возвращении в столицу Брежнев чувствовал себя плохо, и его положили в больницу на улице Грановского. Он с трудом говорил и почти не мог пользоваться правой рукой. Общее состояние генсека было очень тяжелым. Брежнев находился в больнице до начала лета, хотя его два раза поднимали с постели, переодевали и везли в Кремль — на торжественное собрание в день рождения В. И. Ленина и на майский Пленум ЦК КПСС.

Еще до драмы в Ташкенте американский журналист Симон Хэд писал: «Слабое здоровье Брежнева стало за последние шесть лет равнозначным игральной карте в мировой политике. Каждый раз, когда эта тучная деревенеющая фигура отваживается выйти за Кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью Михаила Суслова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Свидетельства о состоянии Брежнева разнообразятся от одного выхода к другому. Во время ноябрьских встреч с Гельмутом Шмидтом, когда Брежнев едва не падал при ходьбе, он временами выглядел так, будто не сможет протянуть и дня. Во время предшествующих встреч с Вилли Брандтом он выглядел намного лучше, несмотря на напряженность из-за Польши»[234].

После Ташкента тема смерти Брежнева и разного рода вариации по поводу его возможного преемника стали едва ли не доминирующими в тех разделах западных газет и журналов, которые отводились для освещения жизни СССР. Один из самых популярных американских журналов «Ньюсуик» вышел в середине апреля 1982 года в необычном оформлении. На обложке был изображен гипсовый бюст Брежнева, покрытый расползающимися

трещинами. Туда же вынесен заголовок главной статьи номера — «Последние дни Брежнева».

В статье говорилось: «В течение месяца приближающийся конец написан на его лице; в глазах и взгляде Брежнева уже нет той силы, которая оживляла и правила Советским Союзом последние 18 лет. Москва на прошлой неделе была взбудоражена слухами, что Брежнев лежит больной в больнице или дома. Водоворот слухов пошел от неожиданного возвращения из Ташкента, отмененных дипломатических встреч и некоторых грубых "перетасовок" в ЦК КПСС. В "верхах" царит неопределенная тишина и нет никаких знаков от вождя. Как было в темные времена Сталина и Мао, здоровье Брежнева — один из наиболее хорошо охраняемых в мире секретов. Но "Ньюсуик" узнал, что в специальном докладе американской разведки говорится, что Брежнев был сражен очень тяжелым ударом в Ташкенте две недели назад и в настоящее время лежит в московской больнице. Документ заключает, что, даже если Брежнев оправится, он не будет способен долго стоять у власти в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Советского Союза»[235].

Реакция на эту статью оказалась довольно жесткой: все поступающие в СССР номера журнала конфисковывались, а корреспондент «Ньюсуик» в СССР Андрей Нагорски немедленно объявлен персоной нон грата и выслан из страны. В ответ американские власти выдворили из США постоянного корреспондента «Известий» Мэлора Стуруа, который провел в Вашингтоне многие годы и возглавлял, если верить слухам, партийную организацию советской колонии в США. Но обмен «репрессиями» против журналистов, конечно, не остановил потока статей и материалов в западной печати о близкой кончине Брежнева, о финале его эпохи, возможных преемниках и последствиях перемен в советском руководстве.

Майские праздники 1982 года Л. И. Брежнев отмечал в больнице. В сообщениях американской разведки президенту Рональду Рейгану высказывалось предположение, что Брежнев должен будет оставить свой пост на Пленуме ЦК КПСС, который уже назначен на май 1982 года. При этом назывались четыре возможных преемника: Черненко, Кириленко, Андропов и Устинов. Впервые как политически значимая фигура был назван в прогнозах и 51-летний Михаил Горбачев. Однако среди более сведущих людей из аппарата ЦК КПСС речь шла только о двух кандидатурах — Андропове и Черненко.

Андропов и Черненко

В последние годы жизни Брежнев оказывал Константину Черненко наибольшее доверие. Черненко был всегда рядом. Он готовил документы для Брежнева в Кремле и на Старой площади и почти ежедневно навещал шефа в загородных резиденциях. Во время отдыха в Крыму, когда Брежнев принимал здесь по сложившейся традиции лидеров социалистических стран или компартий западных стран, Черненко всегда стоял чуть сбоку и сзади от Генерального секретаря, держа под мышкой большую папку с бумагами. Даже став членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, Черненко оставался, в сущности, главным помощником Брежнева и начальником его личного секретариата.

Не было лучшей кандидатуры на роль преемника Брежнева и для всей «днепропетровско-молдавской мафии» — многочисленного клана друзей и родственников Брежнева, занимавших к концу 1981 года около 100 мест в составе ЦК КПСС. Хотя Черненко жил всегда довольно скромно и не был замечен в стяжательстве или в особой страсти к наградам и дорогим подаркам, он являлся не просто своим человеком в «клане Брежнева», а одной из его главных опор. Однако внутри Политбюро и Секретариата ЦК КПСС у Черненко не имелось серьезной поддержки. Не обладал он поддержкой и в военных кругах. В годы Великой Отечественной войны этот крепкий и здоровый партийный работник из Красноярского края учился в Высшей школе партийных организаторов в Москве. А ведь еще в начале 1930-х годов молодой Черненко служил в пограничных войсках и был отличным стрелком и пулеметчиком. В 1948 году Черненко назначили заведующим одного из отделов ЦК КП(б) Молдавии. Здесь он познакомился и подружился с Брежневым, который в 1950 году возглавил партийную организацию этой республики.

Когда Брежнев после своей работы на целине вернулся в Москву и был избран в Секретариат ЦК, а через год и в Президиум ЦК КПСС, он вспомнил о верном Черненко. Черненко пригласили в Москву, где он и возглавил один из секторов в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС, а также журнал «Агитатор». После избрания Брежнева на пост Председателя Президиума Верховного Совета. СССР Черненко стал начальником рабочего секретариата этого Президиума. В 1965 году Черненко, как и следовало ожидать, возглавил Общий отдел ЦК КПСС. В сущности, это была главная канцелярия ЦК КПСС, но с гораздо большими правами и ответственностью, чем канцелярия

Верховного Совета. Роль аппарата различалась при различных лидерах. Они не являлись решающими при таких вождях, как Ленин, Сталин или Хрущев, но их значение резко возросло при Брежневе, который почти во всем полагался на аппарат. Бывший помощник Черненко Виктор Прибытков писал в книге с многозначительным названием «Аппарат»: «Брежнев привел в Кремль другую команду. Среди них — сравнительно молодой человек — никому тогда не известный Константин Черненко. Ему поручается самый "влиятельный" участок — Общий отдел ЦК. Ему поручается тот отдел *аппарата*, в котором не просто готовятся те или иные решения, но, в силу "бюрократически-бумажной" специфики, появляется возможность управлять процессом *влияния:* быстрое решение "нужных" и медленное решение "не нужных" Брежневу вопросов. Только от одного движения документов, их скорости перемещения в пространстве зависит очень, очень много в работе и управлении государством. Что-то пропихивается вперед, что-то ложится в долгий ящик…

На подобную должность, от которой зависит собственное существование самого *аппарата*, ставят не всякого, а самого верного доверенного друга! Таким для Брежнева был один — Черненко. Хранитель, своего рода, партии! Ее секретов!»[236].

К. Черненко нравилась эта тихая, но важная аппаратная, даже бумажная работа. Он отличался трудолюбием, добросовестностью, исполнительностью и обрабатывал огромный объем информации. Для Брежнева, который как раз не любил работать с бумагами, Черненко был незаменим, но мало кто оценивал его как самостоятельного политика. Однако Брежнев настойчиво продвигал своего верного помощника вверх, и это порождало в нем самомнение и амбиции. В 1971 году Черненко стал членом ЦК КПСС, в 1976 году — кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК, в 1978 году — членом Политбюро ЦК КПСС. Он представлял здесь и дополнял Брежнева, который из-за болезни не мог полноценно выполнять свои обширные обязанности.

После смерти Суслова обязанности «главного идеолога» ЦК КПСС начал исполнять Черненко. Он принял на себя контроль за печатью и пропагандой и провел несколько совещаний по проблемам культуры и идеологии. Именно Черненко возглавил делегацию КПСС на очередном съезде Французской компартии, что свидетельствовало о переходе к нему руководства международными отделами ЦК КПСС. Для Запада это был важный знак, хотя на самом деле речь шла о временной замене. Умершего секретаря ЦК мог до очередного пленума заменить только другой секретарь ЦК. Однако закрепиться на новых позициях внутри ЦК

КПСС Черненко не мог. У него и раньше были серьезные проблемы со здоровьем, которые он тщательно скрывал. Его часто мучил удушающий кашель, он был склонен к простудам. В боковом кармане Черненко еще в конце 1970-х годов постоянно носил миниатюрный импортный ингалятор с лечебным аэрозолем, который время от времени незаметно подносил ко рту. Во времена Брежнева при встрече членов Политбюро с руководителями социалистических стран и союзных республик возник ритуал мужских поцелуев в губы. Этот ритуал очень не любил Андропов, который после одной из встреч с больным Цеденбалом тяжело заболел гриппом. Но эти поцелуи оказались просто губительны для Черненко. Еще в начале марта 1982 года Черненко руководил одним из важных пленумов ВЦСПС, но в середине марта заболел и не смог принять участие в других уже объявленных мероприятиях и конгрессах. Болезнь затянулась, и на торжественном заседании в Кремле по случаю дня рождения В. И. Ленина 22 апреля 1982 года доклад от имени ЦК КПСС делал уже не Черненко, а Андропов. Все эти известия из Москвы тщательно анализировались, но далеко не всегда правильно интерпретировались в западной печати. Так, например, журнал «Шпигель» писал в одном из мартовских номеров: «Против кандидатуры Константина Черненко, которую защищает Брежнев, выступают и интригуют консервативные силы. Они хотят вернуть империю к порядку и дисциплине. Их вожди находятся в армии и органах безопасности… Если Брежнев выдвигал на первый план нужды народа, заботясь о производстве мяса и молока, то консерваторы выступают за вооружение, за противостояние Западу и нарушение Хельсинкских соглашений»[237]. На самом деле именно Черненко был глубоко консервативным человеком, от которого трудно было ждать даже незначительных перемен.

Ю. В. Андропов — снова секретарь ЦК КПСС

В апреле и в начале мая 1982 года Ю. Андропов, оставаясь Председателем КГБ, оказывал немалое влияние и на работу идеологических отделов ЦК КПСС. Брежнев находился еще в больнице, болели также К. Черненко и А. Кириленко. Кабинет М. Суслова пустовал, но Брежнев еще в начале марта сказал Андропову, чтобы он готовился к переходу на работу в ЦК. В это время шла активная подготовка к уже объявленному на май Пленуму ЦК. Было решено не откладывать этот важный для всех форум, ибо слишком много шло везде разговоров о слабости кремлевского руководства. Основные кадровые вопросы были уже согласованы, и оставалось их лишь «законодательно» оформить. Дни Брежнева были уже сочтены, это видели и врачи, и охрана генсека. Владимир Медведев писал: «Прошло чуть более месяца после аварии в Ташкенте. Брежнев лежал в больнице на улице Грановского. Состояние было ужасное; говорил с трудом, не срослась еще ключица после тяжелой травмы. Члены Политбюро собрались у него в больнице, чтобы обсудить предстоящий майский Пленум ЦК КПСС: о Продовольственной программе и об очередных задачах. Леонид

Ильич, как почти всегда в последнее время, попросил меня остаться:

— Покури, Володя…

Я сел рядом, обкуривал его, он с упоением вдыхал запретный дым. По существу, это было "выездное Политбюро". Брежнев обратился к Тихонову, Председателю Совета Министров:

— Может, ты, Николай, выступишь с докладом?

Как и во время злополучной поездки в Ташкент, Генеральный секретарь действительно не хотел выступать, да и физически не мог.

— Нет, Леонид Ильич, выступать должны только вы, — ответил Тихонов. — Продовольственная программа — это ваша идея, ваша задумка. И весь мир должен так ее воспринять.

Брежнев обратился к остальным:

— Вы же видите мое состояние. Тяжело — два часа на трибуне.

Все в один голос заговорили:

— Найдите в себе силы. Это нужно для мировой общественности. Надо, чтобы именно вы поднялись на трибуну.

Пленум состоялся буквально через несколько дней — 12 мая.

Генеральный секретарь, стараясь держаться потверже, тяжело прошел к трибуне. Доклад был чудовищно длинный, докладчик не выговаривал больше половины слов, просто шамкал что-то. Он был выставлен на публичное осмеяние, весь мир потешался потом. А мне было жалко его. Сразу после доклада Брежнева отвезли обратно в больницу»[238].

Пленум ЦК избрал нового секретаря ЦК КПСС для руководства идеологией. Как и ожидалось, это был Андропов.

Прежде чем перебраться в кабинеты в Кремле и на Старой площади, Андропов попрощался с руководством КГБ, в котором он провел ровно 15 лет — с мая 1967 года до мая 1982 года. В штаб-квартире ПГУ в Ясеневе Андропов пригласил в кабинет всех генералов. По свидетельству генерал- майора в отставке Юрия Дроздова, Андропов попросил радировать от его имени всем действующим разведчикам- нелегалам о вынесении им благодарности за работу. Радисты и шифровальщики ПГУ почти месяц передавали эту последнюю шифровку Андропова и получали ответы, которые сразу же уходили к нему на Старую площадь[239]. На Лубянке Андропов собрал у себя коллегию и представил всем нового Председателя. Это был профессиональный чекист генерал- полковник Виталий Федорчук. Он не был выдвиженцем Андропова. Говорили, что Брежневу эту кандидатуру предложил Владимир Щербицкий, первый секретарь ЦК КП Украины. Но Андропов не возражал. Андропов и Федорчук были хорошо знакомы. В конце 1960-х годов Федорчук возглавлял в КГБ 3-е главное управление, или военную контрразведку. В 1970-е он перешел на работу председателя КГБ Украины и отличился здесь в борьбе против «национализма». Помощник Щербицкого Виталий Врублевский писал в воспоминаниях: «Федорчук — фигура далеко не однозначная. Человек решительных действий, далеко просчитывающий ходы. Он сформировался как личность и профессионал в пресловутом СМЕРШе. Как украинца и опытного чекиста его выдвинули на Украину, где поднимала голову идея национального возрождения. В. Федорчук провел комплекс мероприятий по нейтрализации националистических группировок… Как видим, снова начали лепить "дела". Серьезный удар был нанесен по хельсинкскому движению, инакомыслию, национально сознательной оппозиции тоталитарной системе. Но было бы ошибкой действия Федорчука понимать упрощенно. Он отнюдь не был сторонником только жестких мер. В КГБ республики, куда отбор был тщательным, работало много умных и честных профессионалов. Они видели пороки тоталитарной системы, пытались их нейтрализовать, надеялись и ждали

реформ»[240].

Федорчук был военным и ходил почти всегда в генеральской форме. В республиканском управлении КГБ он давно уже заставил работников носить военную форму, даже тех, кто не хотел публично обозначать свою принадлежность к этой организации. Военизация органов безопасности происходила в стиле и методах работы, что далеко не всегда годится для специальных служб, но Федорчук попытался распространить этот армейский стиль и на московское управление КГБ. Один из первых приказов нового начальника вменял в обязанность всем работникам КГБ ношение военной формы в помещениях КГБ и при вызовах к вышестоящему начальству. Этот приказ вводил многих работников КГБ в большие расходы; далеко не все имели форму даже в домашних гардеробах. Теперь нужно было срочно шить обычную, полевую и парадную формы: кители, брюки и шинели. В мемуарах бывших генералов из КГБ я не нашел ни одного положительного отзыва о В, Федорчуке. «Когда Андропов ушел на работу в ЦК, — писал генерал- лейтенант в отставке Николай Леонов, — на место Председателя КГБ был назначен В. В. Федорчук, прежде занимавший пост председателя КГБ Украины. Эти месяцы стали настоящим испытанием разведки на выживаемость «Федорчук был воплощением солдафонского духа. Ничего не смысля в международных делах и не желая разбираться в них (не просил доклада ни по одному вопросу), он буквально терроризировал Первое главное управление»[241]. Юрий Андропов не вмешивался в распоряжения Федорчука, тем более что формально контроль за работой КГБ перешел к Черненко. Заместитель Председателя КГБ В. А. Крючков на все жалобы своих подчиненных неизменно отвечал: «Потерпите. Все уладится!»

Брежнев покинул больницу через месяц после Пленума ЦК и почти сразу отправился на отдых в Крым, где пробыл до сентября. В его отсутствие регулярные заседания Секретариата вел Черненко. По свидетельству А. Бовина, он находился как раз в гостях у Андропова, когда раздался сигнал правительственной связи и Андропов поднял трубку. Говорил Брежнев. «Кто сейчас ведет Политбюро?» — неожиданно спросил Леонид Ильич. «Сейчас ведет заседания Черненко», — ответил Андропов. «Для чего же мы тебя выбрали секретарем ЦК? — спросил Брежнев. — Теперь уж ты должен вести все эти заседания». Повернувшись к Бовину, своему ученику и другу, Андропов сделал неопределенный жест, выражавший явное удовлетворение. «Власть меняется», — сказал он. Речь шла не о заседаниях Политбюро, которые в летние месяцы созывались очень редко, а о заседаниях Секретариата, но и это стало крайне важным знаком

для всех высших чиновников. Подобного рода телефонные разговоры не оставались для них тайной. О разговоре Брежнева и Андропова несомненно знал и Черненко, хотя тяжело переживал это новое возвышение Андропова. Михаил Горбачев свидетельствует: «Перетягивание каната между Черненко и Андроповым, их конкурентная борьба за влияние на генсека продолжались. Черненко пытался изолировать Брежнева от прямых контактов, говорил, что только он может чисто по-человечески понять Леонида Ильича, не брезговал ничем, чтобы укрепить личные позиции. Хотя Юрия Владимировича после Пленума посадили в сусловский кабинет, поручение ему вести Секретариат ЦК так и не было зафиксировано. Так продолжалось примерно до июля 1982 года, когда произошел эпизод, поставивший все на свои места. Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы именовали "предбанником". Так было и на сей раз. Когда я вошел в нее, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал: "Ну что, собрались? Пора начинать". Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское место. Что касается Черненко, то, увидев это, он как-то сразу сник и рухнул в кресло, стоявшее через стол напротив меня, буквально провалился в него. Так у нас на глазах произошел "внутренний переворот", чем-то напоминающий сцену из "Ревизора". Этот Секретариат Андропов провел решительно и уверенно — в своем стиле, весьма отличном от занудной манеры, которая была свойственна Черненко»[242].

В летние месяцы 1982 года Ю. Андропов держал в своих руках все главные рычаги власти в стране. Его поддерживали Д. Устинов, А. Громыко и М. Горбачев. Этой группе лидеров противостояли К. Черненко, А. Кириленко, Н. Тихонов и В. Гришин. Неравенство сил и влияния было очевидным для большинства высших партийных и государственных чиновников страны. Огромное влияние на всех этих людей оказало неожиданное смещение, казалось бы, всемогущего С. Ф. Медунова, который в августе 1982 года был отстранен от поста первого секретаря Краснодарского обкома партии и назначен заместителем министра только что созданного Министерства плодоовощной промышленности. О коррупции и злоупотреблениях в Краснодарском крае уже давно знали все правоохранительные органы страны. Немало партийных и хозяйственных работников края было арестовано еще в конце 1970-х годов, когда Прокуратура СССР раскручивала знаменитое «рыбное дело» — громадные по масштабам злоупотребления, связанные с производством и продажей черной икры и ценных

сортов рыбы. Кроме спекуляции внутри страны «рыбная мафия» наладила контрабанду икры и рыбы за границу и оставляла на счетах западных банков десятки миллионов долларов. Под руководством заместителя Генерального прокурора СССР В. В. Найденова раскрыли не только «рыбное дело», но и такие привлекшие внимание общественности дела, как «сочинское», «краснодарское», «Океан» и другие. Нити тянулись не только к Медунову или министру рыбного хозяйства А. А. Ишкову, но и в более высокие эшелоны власти. Нет сомнения, что Ю. Андропов внимательно следил в это время за деятельностью Прокуратуры СССР и помогал ей, тем более когда речь шла о деятельности «рыбной мафии» за границей. Но главные заправилы мафии тогда не пострадали. Министра рыбного хозяйства отправили на пенсию — ему было уже за 70 лет. Медунов же остался на своем посту. И только когда Андропов поднялся еще на одну ступеньку вверх в партийной иерархии, Медунова сняли и против него возбудили уголовное дело. Это был сильный удар по клану Брежнева: Медунов считался здесь одним из фаворитов и оказывал многим московским лидерам самые разные, в том числе интимные, услуги. Именно в Краснодарском крае располагались главные курорты российского Причерноморья. Смещение Медунова не могло состояться без согласия даже очень больного Брежнева. Владимир Медведев вспоминал: «В один прекрасный день я находился в кабинете Леонида Ильича, когда ему позвонил Андропов. Связь переключили с телефонной трубки на микрофон, все было слышно. Я поднялся, чтобы выйти из кабинета, но Леонид Ильич взмахом руки попросил остаться. Юрий Владимирович докладывал о первом секретаре Краснодарского обкома партии Медунове, говорил о том, что следственные органы располагают неопровержимыми доказательствами того, что партийный лидер Кубани злоупотребляет властью, в крае процветает коррупция. Как обычно, Брежнев ждал конкретного предложения.

— Что же делать?

— Возбуждать уголовное дело. Медунова арестовать и отдать под суд.

Брежнев, всегда соглашавшийся, долго не отвечал, потом, тяжело вздохнув, сказал:

— Юра, этого делать нельзя. Он — руководитель такой большой партийной организации, люди ему верили, шли за ним, а теперь мы его — под суд? У них и дела в крае пошли успешно. Мы одним недобросовестным человеком опоганим хороший край… Переведи его куда-нибудь на первый случай, а там посмотрим, что с ним делать.

— Куда его перевести, Леонид Ильич?

— Да куда-нибудь… Заместителем министра, что ли.

На этом разговор закончился. Он продолжался минут десять. Леонид Ильич был очень огорчен: Медунов — его ставленник — подвел его. В том, что Андропов сказал правду, Брежнев не сомневался»[243].

Как раз в это время Ю.Андропов получил письмо от В. И. Воротникова, посла СССР на Кубе. В 1975–1979 годах Воротников работал заместителем Председателя Совета Министров РСФСР, и назначение послом на Кубу оказалось для него полной неожиданностью. Он воспринял его как опалу, хотя и не знал причин. Однако климат Кубы оказался очень тяжелым для всей семьи Воротникова. Он просил поэтому дать ему хотя бы должность секретаря сельского райкома, но в России. Андропов вызвал Воротникова в Москву и предложил ему возглавить партийную организацию Краснодарского края. Воротников согласился и весьма энергично начал наводить порядок в партийных и хозяйственных делах края.

В сентябре Брежнев вернулся в Москву, но это не ослабило влияния Андропова. Хотя никакого пленума ЦК в первые недели осени не проводилось, неожиданно по всей стране начали без всяких объяснений снимать портреты А. П. Кириленко. Большие портреты членов Политбюро всегда устанавливались на Октябрьской площади в Москве. Разумеется, в центре этой «картинной галереи» располагался огромный портрет Брежнева. Чтобы проверить слухи, я поехал туда и убедился, что портрет Кириленко снят. Исчезновение с политической арены одного из главных претендентов на пост генсека породило множество комментариев в западной печати и разного рода слухов внутри страны. Отставку Кириленко связывали с поведением его сына, который во время одной из командировок остался за границей и попросил политического убежища в Англии. По свидетельству В. Воротникова, вопрос о судьбе Кириленко обсуждался на первом, сентябрьском заседании Политбюро, и там не говорилось ни о сыне, ни о других родственниках. Речь шла лишь о полной невозможности Андрея Павловича исполнять свои обязанности, так как старение 76-летнего члена Политбюро сопровождалось явной деградацией личности, то есть тем, что называют обычно старческим маразмом, а также тяжелым физическим состоянием. Кириленко продолжал приезжать в ЦК, в свой кабинет, но фактически не мог работать, даже не мог вспомнить имена и фамилии своих ближайших помощников. А между тем он стоял во главе большого и важного отдела, отвечающего за армию и военно-промышленный комплекс. Кириленко присутствовал на

сентябрьском заседании Политбюро и на предложение уйти на пенсию ответил резким отказом. Он бурно протестовал против выхода из Политбюро, что-то кричал, грозил Брежневу. С уходом Кириленко из всех претендентов на пост генсека остались только двое — Черненко и Андропов, но позиции последнего были много сильнее.

Западная печать очень активно обсуждала в сентябре и октябре 1982 года проблему возможного преемника Брежнева. Объясняя этот интерес к проблеме преемственности власти в СССР, профессор государственного управления и политических наук Джерри Ф. Хоук писал: «В советской истории существовало только четыре лидера, и каждый был связан с большими изменениями в политике и даже в способах функционирования политической системы. Наследование Брежневу осуществляется во время решающих поисков новых путей. Оно, по-видимому, повлечет за собой исчезновение со сцены уже исторического поколения. Если не сразу, то через три или четыре года почти наверняка эта смена приведет к субстанциальному изменению определенного вида. И, несмотря на это, ключи к разгадке руководящей политики в Кремле у западных исследователей были намного более скудными на протяжении последних пятнадцати лет, чем в прошлом.

Нынче не существует никакого логического наследника в смысле человека подходящего возраста и подготовки, выступающего в качестве главного помощника Генерального секретаря благодаря личному выдвижению. Фактически, поскольку персональное движение в последние годы было замедленным, сомнительно, чтобы кто-нибудь имел возможность строить политический механизм в целом. В дополнение ко всему с середины 70-х годов Брежнев упорно отказывается встать лицом к лицу к растущему числу проблем, а его наследники не были в состоянии устранить их. Эти проблемы являются столь спорными и острыми, что в Советском Союзе определенно существуют различия в мнении руководства о них, и потому борьба за власть в ходе престолонаследия будет наверняка включать и борьбу по спорным проблемам». Оценивая шансы оставшихся на политической арене, Джерри Ф. Хоук отмечал близость Черненко к Брежневу, а также его все еще огромную власть. Однако, замечал автор, «Черненко трудно представить в качестве Генерального секретаря. С 1960 года его главной деятельностью была роль главы личного секретариата Брежнева, а такие люди редко избираются при любой системе, чтобы наследовать своим хозяевам… Если ЦК будет исходить в своих решениях из соображений наилучшей подготовки главного претендента, то

наверняка будет избран Андропов. Наиболее неотложные проблемы советского руководства связаны с отношениями с США и Китаем, с поддержанием контроля над Восточной Европой и решением, какая из восточноевропейских реформ подходит для Советского Союза. Юрий Андропов является единственным человеком в руководстве с реальным опытом во всех этих вопросах»[244].

Главный аналитик при Государственном департаменте США и кремленолог Сидней И. Плосс предпринял подробное изучение почти всех опубликованных в 1981–1982 годах статей и выступлений Черненко и немногих выступлений Андропова. В США спешно перевели и издали в Нью-Йорке две книги Черненко — «Советский Союз и права человека» и «Авангардная роль партии коммунистов». В отличие от молчаливого Андропова, Черненко издавал с 1980 года по две-три книги в год. Тексты книг или сборников статей готовил для него целый аппарат помощников, возглавляемых В. А. Печеневым и В. Прибытковым. В моей библиотеке имеется восемь книг К. Черненко. Однако прочитать их мне было бы трудно даже под дулом пистолета.

Смерть Л. И. Брежнева

Несмотря на недомогание и немощь, Брежнев старался осенью 1982 года как можно чаще появляться на политической сцене и на экранах телевизоров. Он совершил поездку в Азербайджан для очередного награждения республики. В Баку ему устроили необычно пышную встречу, пожалуй самую пышную и торжественную за все 18 лет его правления. Брежнев был доволен и рекомендовал избрать Гейдара Алиева, первого секретаря ЦК КП Азербайджана, членом Политбюро вместо Кириленко. По инициативе Брежнева в Москве состоялось большое совещание высших военных лидеров: в Кремле собралось более 500 генералов, адмиралов и маршалов. 7 ноября во время парада и демонстрации на Красной площади Брежнев, несмотря на плохую погоду, несколько часов простоял на трибуне Мавзолея, приветствуя людей, которые несли громадное количество его отретушированных портретов. Еще в начале 1970-х годов Леонид Ильич не мог пройти мимо большого зеркала, чтобы не посмотреть на себя. Теперь он больше любовался своими портретами. Как обычно, после парада и демонстрации в Кремле проводился большой прием с участием западных дипломатов и гостей. Брежнев находился здесь вместе с другими членами Политбюро. Он провозгласил первый тост «за нашу ленинскую партию», а позднее поднял бокал «за здоровье всех присутствующих в этом зале». Никто не думал тогда, что это было его последнее публичное выступление.

И в октябре, и в начале ноября Брежнев довольно, часто встречался с Андроповым, теперь уже секретарем ЦК по проблемам идеологии. Их последняя встреча состоялась всего за день до смерти Леонида Ильича. Бывший работник секретариата Брежнева, а позднее и Андропова О. Захаров вспоминает: «Это было 9 ноября 1982 года в Кремле. В тот день Л. И. Брежнев отдыхал в Завидове после праздничного парада и демонстрации. В 8 часов утра я заступил на дежурство в кремлевском кабинете, а вскоре позвонил из Завидова адъютант Брежнева полковник Владимир Тимофеевич Медведев и сообщил, что генсек приедет в Кремль примерно в 12 часов дня и чтобы к его приезду в приемной находился Андропов. Весь наш разговор с Медведевым я тут же передал Юрию Владимировичу, он в это время работал в своем кабинете на Старой площади.

Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувший от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил

Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер… После ухода Юрия Владимировича Брежнев пообедал, затем, после отдыха, еще некоторое время поработал и в 19.30 собрался уезжать на дачу. В приемной он задержался и попросил меня закурить его любимую сигарету "Новость". Когда-то Брежнев был заядлым курильщиком, но врачи наложили на табак запрет, и единственное, что он себе позволял после этого, побыть иногда рядом с теми, кто курит. В этой роли я и оказался в тот день на несколько минут.

На другой день, 10 ноября 1982 года, после суточного дежурства (секретари генсека работают сутками) я позвонил Медведеву и сообщил ему, что сменился и уезжаю домой. Владимир Тимофеевич пожелал мне хорошего отдыха, сказав при этом: "А я пойду деда будить". Это было примерно в 8 часов 15 минут. Поднявшись в спальню, Медведев увидел Брежнева в постели мертвым»[245].

Официально объявленное позднее время смерти Брежнева — 8 часов 30 минут. В. Медведев немедленно сообщил о смерти Брежнева коменданту резиденции Олегу Сторонову и вместе с другим работником охраны попытался вернуть еще неостывшее тело к жизни с помощью искусственного дыхания. Но все было тщетно. Первым на дачу Брежнева всего через 20 минут приехал Андропов. Через несколько минут после него прибыл главный кремлевский врач Евгений Чазов. Еще через несколько минут примчались врачи- реаниматоры из кремлевской «скорой помощи». Только после появления врачей Андропов сообщил о случившемся обеспокоенной жене Брежнева Виктории Петровне.

Этот порядок ознакомления с событиями позднее вызвал множество слухов и подозрений. А между тем он существовал десятилетия — еще с 1930-х годов: врачи приезжали к умершему или покончившему с собой лидеру только после других лидеров. Член Политбюро Маршал Советского Союза Андрей Гречко умер ночью в апреле 1976 года. Вот как описывал порядок своих действий заместитель начальника его охраны полковник Евгений Родионов: «Утром министр долго не выходил из спальни, а нам ехать пора… Я поднялся, вижу — сидит в кресле, голова откинута… Я сразу все понял. Я прямо из спальни звоню по кремлевке Антонову — он тогда был начальником 9-го управления КГБ, отвечавшего за охрану членов Политбюро. Потом подождал немного — так, чтобы Антонов успел доложить Андропову, и позвонил начальнику Генерального штаба Виктору Георгиевичу Куликову. А потом уже — дежурному 4-го управления Минздрава»[246].

Попытки вернуть Брежнева к жизни продолжались 15 минут,

но никакая аппаратура помочь уже не могла. Хотя тело Брежнева отвезли вскоре в морг Кунцевской «кремлевской» больницы, никаких сообщений о его смерти в средства массовой информации не поступало. Андропов распорядился собрать Политбюро, заседание этого высшего органа власти в стране могло состояться только вечером, так как некоторых членов Политбюро не было в Москве. От Андропова исходили и все другие распоряжения днем и вечером 10 ноября, ночью и утром 11 ноября. Нарядам милиции в Москве было приказано перейти на режим круглосуточного патрулирования; в центре, на станциях метро, вокруг Кремля, возле зданий ЦК КПСС и Совета Министров СССР появились воинские патрули. Работники КГБ сообщали своим семьям, чтобы их не ждали после окончания рабочего дня. Было ясно, что кто-то из членов Политбюро умер, все они были людьми старыми и больными, а Арвид Пельше находился в больнице в тяжелом состоянии.

Американская журналистка Патриция Блейк позднее писала: «Первый сигнал пришел в среду в 19.15 по московскому времени. Николай Щелоков, министр общественного порядка, только что произнес краткую речь по случаю дня милиции, и миллионы советских зрителей ожидали популярную концертную программу, которая, как предполагалось, последует после его выступления. Однако вместо этого без каких-либо объяснений был передан фильм о Ленине. Затем в девять часов вечера пошла вечерняя программа известий "Время". Ее дикторы, которые обычно одеваются свободно, надели на этот раз черные костюмы или платья. "Я побежала к соседям, чтобы узнать, знают ли они, что происходит, — сказала моя московская секретарша. — Те были возбуждены. Мы все думали, что кто-то умер, но никто не предполагал, что это будет Брежнев. Мы все его видели по телевидению три дня назад принимающим военный парад, и он выглядел нормально". Первоначальные предположения сконцентрировались на члене Политбюро Андрее Кириленко, которому было 76 лет и который, по слухам, тяжело болел и потому не присутствовал на традиционной кремлевской церемонии. После известий по первому общесоюзному каналу телевидения начали передавать не запланированные программой военные воспоминания. По второму каналу внезапно прекратили трансляцию хоккейного матча и стала звучать печальная "Патетическая симфония" Чайковского. Только на следующее утро ровно в 11.00 советское радио и телевидение одновременно передали в эфир формальное сообщение о скоропостижной смерти Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза, Председателя Президиума Верховного Совета

СССР Леонида Ильича Брежнева»[247].

Когда члены Политбюро собрались вечером 10 ноября 1982 года в Кремле, позиция каждого была уже известна, и поэтому на заседании не происходило ни бурных споров, ни драматических дискуссий. В ходе предварительного неофициального обмена мнениями и сам К. У. Черненко, и его ближайшие сторонники поняли, что большинство членов Политбюро выступают за Андропова. Поэтому предложение Устинова избрать новым Генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова было принято без возражений. Секретарем ЦК по вопросам идеологии, то есть вторым человеком в партии, выбрали Черненко. Это решение еще нельзя было объявить стране, так как оно должно было пройти через окончательное утверждение Пленумом ЦК, назначенным на 12 ноября. Члены ЦК уже начали прибывать в Москву, и среди них большинство — сторонники Брежнева и Черненко. Никто, однако, не хотел конфликта между Политбюро и ЦК, между партией и руководством армии. Поэтому приняли решение, что именно Черненко выступит на Пленуме и предложит кандидатуру Андропова. Утром 11 ноября мы все узнали только состав комиссии по похоронам Брежнева, председателем которой также выступал Андропов.

Известие о смерти Леонида Ильича быстро распространилось по странам мира, и многие главы государств заявили о своем намерении присутствовать на похоронах. В Вашингтоне в это время была еще ночь, но все же советник по проблемам государственной безопасности Р. Кларк разбудил президента США Р. Рейгана в 3 часа 30 минут утра, чтобы сообщить ему о смерти советского лидера. Здесь же был обсужден вопрос о том, следует ли Рейгану лететь в Москву на похороны. Рейган сразу же отверг это предложение'. «Разве советские лидеры приезжали в США, когда умирал наш президент?» — спросил он. Для участия в похоронах Брежнева стали собираться вице-президент Д. Буш и государственный секретарь Д. Шульц.

Довольно краткий Пленум ЦК КПСС собрался утром 12 ноября. После речей об усопшем «великом» лидере, главную из которых произнес Ю. В. Андропов, который открыл Пленум и вел его как председатель, слово взял К. У. Черненко. Именно он и предложил избрать Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС, назвав его при этом «одним из наиболее верных соратников Брежнева». В небольшой речи Юрий Владимирович поблагодарил Пленум за оказанную ему честь и заверил ЦК в том, что приложит все силы, знания и опыт для выполнения решений XXVI съезда партии по «осуществлению всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И.

Брежневе». Андропов был избран единогласно. Примерно в полдень Пленум закончил свою работу, и все его члены направились в Колонный зал, где состоялась церемония прощания с Брежневым. Вместе с группой членов ЦК Юрий Владимирович некоторое время стоял в почетном карауле, а потом подошел к вдове Брежнева и поцеловал ее. Он также выразил соболезнование дочери Леонида Ильича и другим членам его семьи. Здесь же стоял и Кириленко, который почти непрерывно плакал и вытирал слезы. Эпоха Брежнева, которую уже через несколько лет станут называть «эпохой застоя», завершилась.

Глава шестая. СТО ДНЕЙ ЮРИЯ АНДРОПОВА

Новый лидер

Избрание Ю. В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС вызвало не только интерес, но и очевидное одобрение большинства советских людей, которых все более раздражала гнетущая атмосфера последних лет «эпохи Брежнева». Теперь возникала надежда на порядок и перемены к лучшему, хотя мало кто из граждан нашей страны знал об Андропове больше того, что было опубликовано 13 ноября в краткой биографической справке под большим портретом нового генсека. Громадное количество комментариев появилось в прессе всего мира. В основном они носили благожелательный характер: обозреватели и политологи самых разных направлений выражали надежды на изменения к лучшему во внешней и внутренней политике СССР. В западных газетах и журналах можно было прочесть об Андропове как о «новом Кеннеди», о том, что он «хорошо информирован в международных делах», что это человек, «выделяющийся своей культурой» по сравнению с другими кремлевскими вождями, что Андропов — «тайный либерал», что «он хорошо говорит на английском языке», что он «прагматик, открытый для политической умеренности и экономической реформы», «как Генри Киссинджер, хорошо информирован в иностранных делах», «подвержен влиянию Запада», «собирает пластинки современной западной музыки и отдыхает за чтением американской детективной литературы». Многие из западных комментаторов отмечали, что Андропов пришел к власти в возрасте 68 лет и поэтому будет, по всей вероятности, «переходным» лидером, что он не производит впечатления особенно здорового человека и, по слухам, страдает диабетом или какой-то другой серьезной болезнью. Тем не менее наиболее опытные советологи сходились во мнении, что, хотя недуги и могут осложнить работу нового генсека, это будет работа не по продолжению, а по изменению политики Брежнева и Андропов полностью и хорошо подготовлен, чтобы бросить такой вызов. Не слишком высоко оценивая возможности и силу нашего «гериатрического Политбюро», западные аналитики приходили к выводу, что с восхождением Андропова к власти в СССР Запад «встретится лицом к лицу с проницательным и искушенным противником». Встречались в западной печати и разного рода выдумки и преувеличения. Приходилось читать, что Андропов хорошо играет в теннис и знает не только английский и венгерский, но и немецкий и финский языки.

Положительно восприняли избрание Андропова Генеральным

секретарем ЦК и многие из наиболее известных советских диссидентов, находящихся в эмиграции. Павел Литвинов заявлял: «Андропов вполне оппортунистичен. Он может пойти любой дорогой. Если Андропов хочет обнаружить добрую волю по отношению к Западу… он должен освободить Андрея Сахарова из ссылки в Горьком и предоставить амнистию ведущим диссидентам, все еще находящимся в тюрьме, таким как Юрий Орлов и Анатолий Щаранский. Он должен уйти из Афганистана и уменьшить давление на Восточную Европу. Эти действия покажут, что он гибок и стремится к изменениям».

Даже склонный обычно к крайне резким высказываниям Владимир Буковский писал: «Андропов более интеллигентный человек, чем другие, и мы можем ожидать, что он будет более удачливым в своей деятельности. То, что я предполагаю в этой связи, — это то, что он попытается сузить идеологическую пропасть с жизнью Запада, чтобы увеличить свое влияние за границей. Это вполне естественно для него. Одна из проблем, которые стоят перед ним, — мрачный образ Советского Союза среди западных левых. Однако Андропов умный человек, и он попытается облагородить этот образ. В течение первого года он будет стесняться увеличивать давление, особенно на фронте борьбы за человеческие права, поскольку как бывший глава КГБ он представляет собой очень удачную мишень»[248].

Мой собственный прогноз, опубликованный вместе с прогнозами Литвинова и Буковского, был более осторожен: «Что касается внутренних вопросов, то новое руководство должно предпринять шаги к тому, чтобы улучшить экономику. Это наиболее важный вопрос: правительство просто не может игнорировать его. Серьезные меры должны быть приняты и в ключевой области сельскохозяйственного производства. Я думаю, новое руководство должно начать решительную борьбу против коррупции. Я бы хотел увидеть новое руководство уменьшающим давление на диссидентов и допускающим критику со стороны тех, кто думает по-другому. Однако я не уверен, что оно будет поступать так».

Были, конечно, и совершенно иные высказывания. Об Андропове писали как о «жестоком убийце докучливых диссидентов», «палаче Будапешта», «первоклассном шпионе», «изобретателе психбольниц как каторжных тюрем», «эксперте по дезинформации» и т. п., то есть как о человеке, от которого ни Западу, ни Советскому Союзу не приходится ждать чего-то хорошего. Некоторые политологи рассматривали приход Андропова к власти как приход к власти КГБ, реванш этой организации за ту решительную реформу, которую провел еще

Хрущев, поставивший органы безопасности под жесткий контроль партийного руководства. Андропова оценивали как убежденного, а главное, дееспособного и компетентного сталиниста, который сумеет преодолеть развал, допущенный «размазней-сталинистом» Брежневым.

Из этих оценок вытекали самые мрачные предсказания: страна стоит на пороге нового массового террора, репрессии, которые КГБ проводил в брежневские времена, были только «репетицией» грядущей политической, идеологической и интеллектуальной инквизиции. Немецкая консервативная газета «Вельт» опубликовала статью «близкого знакомого» Андропова, который, однако, просил не раскрывать его имени. Главное внимание в этой статье уделялось национальности, или этническому происхождению, Андропова. Автор утверждал, что «линия отца» Юрия Владимировича происходит из России и Украины, а «линия матери» отражает смешение народов Кавказа, и прежде всего кавказских евреев, армян и азербайджанцев. Андропов, по утверждению автора, вырос не в европейских, а в азиатских традициях, под влиянием мусульманства и греческой ортодоксии. «Он не имеет приверженцев в русской части коммунистической партии. Лишенный теплоты русского человека, этот эксперт по тайным службам не имеет будущего. Вряд ли он останется у руководства больше одного года»[249].

На похоронах Л. И. Брежнева внимание большей части западных наблюдателей было обращено не на гроб с телом покойного и не на отношение советских людей к его смерти, а на каждый шаг, слово или жест нового советского лидера. С удивительной точностью сбывалось предсказание американского биографа Брежнева Д. Дорнберга, который за много лет до смерти своего героя писал: «При правлении Брежнева СССР регрессировал как в культурном, так и в интеллектуальном отношении, а также в рамках человеческой свободы… Все это было связано и привязано к возбужденному протесту и инакомыслию, единственной реакцией на которые у Брежнева были репрессии… Хрущев, какими бы ни были его мотивы, по крайней мере поддерживал надежду на такое общество, в котором граждане смогут дышать более свободно, служащие смогут проявлять инициативу, не боясь последствий, может быть установлено согласие между партией и народом, а власть режима сможет в какой-то момент опираться скорее на законность и доверие, чем на страх. Брежнев убил эту надежду… Советский Союз, который он оставит после себя, будет бесконечно более унылой страной, чем та страна, которую он нашел в начале своего правления.

День спустя после падения Хрущева один американский гость сообщал из Москвы, что глаза его знакомой из Интуриста были красными от многочасовых горьких рыданий. Хрущев, объяснила она ему, освободил ее семью от тюремного лагеря Сталина в середине 50-х годов. Но кто будет плакать, когда Леонид Ильич Брежнев сойдет с политической сцены?»[250].

Комментируя похороны Брежнева, на которых никто не плакал, кроме жены, дочери и Андрея Кириленко, русская эмигрантская печать вспоминала слова Н. Гоголя из «Мертвых душ»: «И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины… а ведь если разобраться хорошенько, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови».

Именно на похоронах Брежнева Ю. В. Андропов произнес первую публичную речь как Генеральный секретарь ЦК КПСС. Это было, в сущности, короткое вступительное слово, открывающее траурную церемонию. Для участия в похоронах прибыли представители почти ста стран, в том числе 19 глав государств и около 30 глав правительств. После похорон на приеме в Кремле глава каждой из зарубежных делегаций подходил к Андропову, рядом с которым стояли другие члены партийно-государственного руководства страны, чтобы выразить соболезнование. С некоторыми из них проходили краткие беседы. Беседа с американской делегацией была, по словам Д. Буша, «конструктивной и откровенной». Многие наблюдатели отмечали сходство политической судьбы Андропова и Джорджа Буша, который еще недавно занимал пост директора ЦРУ, одной из самых влиятельных и секретных спецслужб западного мира. Надо сказать, что еще в 1980 году Андропов с вниманием и заинтересованностью следил за политическими успехами Д. Буша и видел в его карьере модель своего политического будущего. Всеобщее внимание привлекла беседа Андропова с китайской делегацией, возглавляемой министром иностранных дел КНР Хуан Хуа. Это был первый визит высокопоставленных представителей Китая в СССР после ожесточенной двадцатилетней полемики, враждебных выступлений и военной конфронтации. Не остался незамеченным и тот факт, что после обеда в Кремле руководители социалистических стран попрощались с Андроповым и Громыко, тогда как китайский министр отложил свой отъезд на два дня явно для того, чтобы провести переговоры с высшими советскими руководителями. Короткие переговоры провел Андропов с Индирой Ганди, президентом ФРГ К. Картсенсом, президентом Пакистана Зия-уль-

Хаком и президентом Афганистана Б. Кармалем. Как стало известно позднее, уже в этих кратких беседах был поставлен вопрос о возможности и условиях вывода советских войск из Афганистана. Война в этой горной стране зашла в тупик и требовала все больше средств, унося все больше человеческих жизней.

Встречи в Кремле тщательно анализировались западными экспертами по кремленологии. Отмечалась находчивость Андропова в ответах, даже некоторое остроумие, изысканность его костюма. В этом он походил на Брежнева: оба любили хорошо одеваться. К. Любешкина, работавшая в спецпошивочной мастерской КГБ, вспоминала: «Шестнадцать лет я обшивала Ю. В. Андропова. Любил он красиво одеваться. И был в правительстве одним из немногих людей, кто умел ценить хорошо сшитую одежду».

Внимательно приглядывались к Андропову и советские люди, особенно руководители всех рангов. Еще в 1979 году в Москве был издан сборник Ю. В. Андропова «Избранные речи», стотысячный тираж которого не был распродан за три года. Теперь эта книга исчезла с полок магазинов за два дня.

Андропов пришел к власти в 68 лет, и если у него была какая-то программа перемен, он должен был торопиться. Поэтому с первых же дней, обосновавшись в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС, он начал вести себя как твердый и бесспорный лидер, а не просто как «первый среди равных». Все работники аппарата ЦК, так же как работники государственных и хозяйственных организаций, сразу же почувствовали, что с прежней дряблостью власти отныне покончено. Андропов начинал работу с 9 часов утра и внимательно изучал любой документ, который приносили к нему помощники и посетители, прежде чем поставить на нем свою подпись. Слова о дисциплине, даже «строжайшей дисциплине» звучали в его окружении все чаще и чаще. Сразу же после вступления в должность генсека Андропов начал сокращение громадного аппарата личной власти, созданного в последние годы жизни Брежнева. Был упразднен многолюдный «секретариат при Генеральном секретаре ЦК КПСС», который фактически дублировал и даже подчинял себе аппарат всех других отделов ЦК. Под прикрытием имени или подписи Брежнева его личный секретариат превратился в наиболее влиятельный руководящий орган, и многочисленные советники, референты, а тем более помощники Леонида Ильича нередко навязывали свою волю не только министрам или рядовым членам Центрального Комитета, но и членам Политбюро и Секретариата ЦК.

Сменилось руководство Управления делами ЦК КПСС, которое распоряжалось всеми средствами КПСС и огромным имуществом ЦК КПСС — зданиями, редакциями, издательствами, санаториями, дачами, жилыми домами, гостиницами, гаражами, спецмагазинами. Стоявший во главе этого Управления Г. Павлов сменился Николаем Кручиной, еще недавно возглавлявшим один из обкомов партии в Казахстане. Поначалу Андропов ограничился небольшим штатом помощников и референтов. Из окружения Брежнева к новому генсеку перешел только А. М. Александров-Агентов, член ЦК КПСС и советник Брежнева по международным делам. А. И. Блатова перевели в группу консультантов при Секретариате ЦК, Г. Э. Цуканова — в отдел по работе с загранкадрами, В. Н. Голикова отправили на пенсию. Е. И. Самотейкин уехал послом в Австралию. Ближайшими помощниками Андропова оказались два генерала, которые пришли с ним из КГБ, — П. П. Лаптев и В. В. Шарапов. В группу помощников генсека пришли А. И. Вольский из отдела машиностроения ЦК и Б. Г. Владимиров, ранее работавший в аппарате Суслова. Референт Андропова Е. И. Калгин, получив звание полковника, был назначен начальником личной охраны нового лидера. Однако многие люди из окружения Брежнева рангом пониже сохранили свои посты.

Наследие застоя

Эпоха Брежнева оставила стране тяжелое наследие. В 1965–1982 годах правящие круги стремились не столько демонтировать, сколько смягчить и модернизировать систему сталинской тоталитарной диктатуры. Назойливое внедрение в сознание народа культа Брежнева и усиление его личной власти наряду с неограниченной властью Политбюро и региональных лидеров не сопровождались массовым террором. Для сохранения авторитарных методов руководства оказались достаточными административные репрессии, а также аресты, ссылки, высылки за границу, содержание в тюрьмах, лагерях или психиатрических больницах нескольких тысяч человек. Инерция страха была еще очень велика в обществе.

В печати и других средствах массовой информации и культуры сохранялась строжайшая цензура. В политической жизни страны безраздельно господствовала единственная политическая партия — КПСС, организованная на началах строгого централизма. Все системы государственного и партийного аппаратов контролировались только сверху вниз, любая оппозиция режиму подавлялась, во всяком случае не допускалось ее открытое проявление. Идеология общества была построена на культе вождя, насаждении политизированного патриотизма, идеализированной истории КПСС и СССР, а также упрощенных формах интернационализма и произвольном толковании наследия классиков марксизма и социализма. Неполнота и недостоверность информации позволяли успешно манипулировать общественным сознанием, законы рассматривались не как средство развития правового общества, а как средство укрепления власти правящей элиты, верхушка которой могла вообще не считаться с большей частью законов.

Экономическое развитие страны происходило крайне медленно, при этом безусловный приоритет предоставлялся расширению всех отраслей военно-промышленного и космического производства и укреплению армии. Именно во времена Брежнева СССР достиг пресловутого «паритета», его военное могущество практически сравнялось с военным могуществом всех стран НАТО вместе взятых или же с военной мощью Китая и США. Результатом приоритетного развития военных отраслей и армии стали предельная милитаризация общества и экономики, сосредоточение здесь основной части интеллектуальных и экономических ресурсов, пренебрежение экологией.

Обществу усиленно навязывался образ врага, а внешняя политика сохраняла черты экспансионизма. Советский Союз стремился не только держать под строгим контролем страны так называемого социалистического лагеря, но по возможности расширять экономическое и политическое влияние в «третьем мире», включая Азию, Африку и Латинскую Америку. Обретение и обеспечение такого влияния во Вьетнаме и Эфиопии, Анголе и на Кубе, в Никарагуа и Йемене, а также в других странах требовали огромных средств. Такая внешняя политика истощала экономику страны и не позволяла сколько-нибудь заметно поднять уровень и качество жизни населения Советского Союза.

Это перечисление пороков брежневского режима можно продолжить. Нужно, однако, со всей определенностью сказать, что Ю. В. Андропов не собирался менять большую часть основ сталинско-брежневского тоталитарного режима. По большому счету и он был одним из виднейших «архитекторов» этого режима, и у него отсутствовало осознание главных черт режима как недостатков советского общества. Однако Андропов не мог и не хотел закрывать глаза на растущую неэффективность народного хозяйства, на все большее научно-техническое отставание СССР от стран развитого капитализма. Он не мог и не хотел мириться с низкой исполнительской дисциплиной во всех сферах, с моральным разложением как «верхов», так и значительной части «низов», с растущей коррумпированностью властей, с ростом мафиозных структур в сфере торговли и услуг, с усилением не только экономического, но и политического влияния «теневой» экономики, проистекающей от сращивания политических и уголовных мафиозных группировок.

Андропов не мог игнорировать все более заметную деградацию сельского хозяйства. Если промышленное производство, согласно официальной статистике, пусть и очень медленно — 2–2,5 процента в год, но двигалось вперед, то сельскохозяйственное производство, несмотря на вкладываемые в него большие средства, топталось на месте или даже сокращалось. Четыре года подряд — в 1979–1982 годах — в стране собирался плохой урожай, и полки продовольственных магазинов, и ранее не слишком обильные, все более заметно пустели. В сотнях городов и рабочих поселков впервые в послевоенные годы пришлось ввести продовольственные талоны и карточки. Эксперты по экономике отмечали, что, исчерпав практически возможности экстенсивного роста, народное хозяйство оказалось не в состоянии эффективно осваивать разнообразные факторы интенсивного развития.

От еще более тяжелого кризиса Советский Союз избавляло

лишь природное богатство. Продавая за границу хлопок и руду, лес и газ, а особенно нефть, СССР получал от 15 до 20 миллиардов долларов ежегодно, которые уходили, однако, не столько на закупку новых технологий, оборудования и материалов, сколько на приобретение десятков миллионов тонн зерна, мяса, масла и другого продовольствия, которое при разумном ведении хозяйства могло бы в достатке производиться нашим собственным сельским хозяйством. При громадном количестве врачей качество медицинского обслуживания становилось все хуже, из аптек исчезали даже самые необходимые лекарства. Система народного образования все более устаревала и не отвечала требованиям времени.

Ноябрьский Пленум ЦК КПСС.

Гейдар Алиев и Николай Рыжков

Осенний Пленум ЦК КПСС готовился еще при Брежневе. Предполагалось рассмотреть и утвердить план и бюджет страны на 1983 год. Андропов не стал отменять или откладывать этот Пленум, хотя и внес некоторые коррективы по ходу его работы. Выступление самого Андропова было кратким, по тем временам содержательным и энергичным. Указав на многие недостатки в экономике страны, на расточительство и бесхозяйственность, он тут же отметил, что у него нет готовых рецептов для решения назревших хозяйственных задач. Для партии главным ориентиром должны оставаться решения XXVI съезда и принятая в мае 1982 года Продовольственная программа. Говорил Андропов и об укреплении дисциплины на всех участках государственного и хозяйственного строительства, а также о сочетании дисциплины с инициативой и предприимчивостью, с развитием творческого отношения к труду. Пленум встретил аплодисментами его слова о более суровом отношении к бездеятельным и безответственным работникам.

К началу 1980-х годов время «детанта» уже прошло и многие плоды разрядки были утрачены. Поэтому, касаясь международных дел, Андропов отметил, что политика разрядки 1970-х годов не была случайным эпизодом в истории человечества, эта политика — не пройденный этап, ей принадлежит будущее. Он обещал сделать все возможное для обуздания гонки вооружений. Он подтвердил также то беспокойство, которое существовало в руководящих кругах СССР из-за предстоящего установления новых американских ракет средней дальности в Западной Европе. Однако изложенные советским лидером новые предложения представляли лишь скромный шаг вперед по пути к компромиссу. Андропов подчеркнул, что он и его коллеги будут уделять особое внимание нормализации отношений с Китаем.

Выступление Андропова на ноябрьском Пленуме ЦК стало предметом тщательного изучения во всех советологических центрах западных стран. Збигнев Бжезинский писал сразу же после Пленума: «Я не намерен быть членом-основателем общества поклонения Юрию Андропову, которое, кажется, уже оформляется в определенных кругах. Однако то, что мистер Андропов старается делать в отношении треугольника Пекин — Москва — Вашингтон, представляет особый интерес. Он стремится с величайшей смелостью к осуществлению составных элементов того стратегического проекта, который появился в

последние годы жизни Брежнева. Цель этого проекта — нормализовать отношения с Китаем, снижая тем самым напряженность вдоль советских границ и продолжая ухаживать за Западной Европой, изолируя таким путем Соединенные Штаты»[251].

Пленум произвел небольшие, но многозначительные перемены в высшем эшелоне власти. Освободив А. П. Кириленко от обязанностей члена Политбюро «по состоянию здоровья», Пленум ввел в Политбюро 59-летнего Г. А. Алиева, который еще недавно возглавлял партийную организацию Азербайджана. Поскольку Алиев в прошлом долгое время работал в КГБ, его возвышение дало повод западным наблюдателям говорить об усилении влияния КГБ на органы власти в Советском Союзе. Алиев, однако, не стал преемником Кириленко в аппарате ЦК. Его назначили первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и поручили заняться улучшением работы транспорта и производства товаров народного потребления. Председателем Совета Министров СССР работал в это время 77-летний Николай Тихонов, который явно не справлялся со своими обязанностями. В Москве возникли слухи, что именно Алиев через несколько месяцев может занять пост Председателя Совмина. Однако Алиев не был членом команды Андропова, хотя между ними существовали достаточно хорошие отношения. Западные аналитики отнеслись с большим вниманием к выдвижению Алиева, и для этого имелось немало причин. Гейдар Алиев был профессиональным чекистом, начавшим работу в органах безопасности в 1941 году в возрасте 18 лет. Мне приходилось слышать на Кавказе, что в 1942–1948 годах молодой Алиев успешно выполнил немало сложных заданий за границей, вероятно в Турции и Иранском Азербайджане, что он хорошо владеет не только турецким, но также арабским и персидским языками. Лишь в 1950-е годы Алиев стал работать в Баку, закончив в дополнение к учебным заведениям КГБ еще и Бакинский университет. Кадровый офицер КГБ получал гораздо лучшую подготовку, чем профессиональный партийный работник. Он должен был постоянно тренировать интеллект и память, физические способности, характер и волю. Карьера Алиева развивалась успешно. В возрасте 42 лет он стал заместителем председателя КГБ Азербайджана, а еще через два года председателем КГБ республики и генерал-майором внутренних войск. Это было время крупных перемен в КГБ, и Алиев, способности которого заметили, мог рассчитывать на повышение в «органах». Но у Алиева были другие планы. Азербайджан находился в 1960-е годы в крайне бедственном состоянии, и мало

кто знал о масштабах этого кризиса лучше, чем Алиев.

В 1969 году было решено отправить в отставку В. Ю. Ахундова, первого секретаря ЦК КП Азербайджана. Но кого поставить на его место? Этот вопрос должен был решить сам Брежнев, который не знал Алиева. Но его хорошо знал добрый знакомый Брежнева генерал Семен Цвигун, который до 1967 года работал председателем КГБ в Баку. Именно Цвигун рекомендовал Алиева на партийную работу в Азербайджане. Андропов поддержал рекомендацию. В то время как Андропов перешел в 1967 году с партийной работы на работу в КГБ, Алиев в 1969-м перешел с работы в КГБ на партийную работу. Уже в 1971 году он стал членом ЦК КПСС, а в 1976 году — кандидатом в члены Политбюро. Алиев отличался большой работоспособностью и уникальной памятью. В условиях общего экономического застоя Азербайджан развивался относительно быстро, кое-кто говорил даже об азербайджанском «экономическом чуде». В 1970-е годы в республике производство промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличилось в два раза, и хотя до процветания было еще далеко, многие считали, что Алиев заслуживает не только звания Героя Социалистического Труда, но и дальнейшего продвижения в иерархии власти. Неожиданное самоубийство Цвигуна и болезнь Брежнева уменьшили шансы Алиева. Именно поэтому больному генсеку была устроена в сентябре 1982 года в Баку поистине царская встреча. Алиев хорошо знал слабости своего шефа, который кроме внимания получил и очень дорогие подарки. Неудивительно, что в сентябре на заседании Политбюро Брежнев предложил избрать на место отправленного на пенсию Кириленко Алиева. Все эти перемены были одобрены еще до смерти Брежнева, и у Андропова не было ни желания, ни повода их изменить.

Выдвижение Алиева вызвало очень различные оценки и в нашей стране, и за границей. Хорошо помню, что в самом конце 1982 года ко мне пришел молодой русский интеллигент с Кавказа. Одним из вопросов, который он мне задал, был: «Не опасаетесь ли вы прихода к власти в СССР мусульман?» «Не опасаюсь», — ответил я. «А как вы относитесь к выдвижению Алиева?» — «Но Алиев не мусульманин, а коммунист». «У нас на Кавказе все иначе, чем думаете вы в Москве. Мусульманин всегда остается мусульманином», — ответил мой собеседник. Г. Алиев понимал, вероятно, трудности своего положения в Москве. Он никого не привел с собой и очень много работал, рассчитывая, что его способности и энергия будут востребованы. Гейдара Алиева можно было часто видеть на разного рода дипломатических приемах. Казалось, он знает по имени всех

послов, аккредитованных в Москве, как и журналистов из западных стран. Один из этих журналистов писал: «Внутри Кремля, где хмурое выражение лица и фетровая шляпа являются почти нормой, Алиев демонстрирует победную улыбку. Высокий, элегантный и уверенный в себе 60-летний Алиев быстро поднялся в советской иерархии… Алиев имеет стиль. Его, кроме того, отличает способность всегда выглядеть раскованным и радушным, независимо от того, находится он в свете рампы или нет».

В то же время мало кто заметил и комментировал избрание в ноябре 1982 года Николая Рыжкова секретарем ЦК КПСС. Одновременно в ЦК создали экономический отдел, под контролем которого оказались многие из областей экономического и хозяйственного управления. Рыжков был крупным руководителем в области тяжелого и транспортного машиностроения, но его еще мало знали в Москве; и только в 1981 году он был избран в ЦК КПСС. Теперь он должен был координировать работу всех промышленных отделов ЦК, а также Госплана, отраслевых министерств и Государственного комитета по ценам. Позднее Н. И. Рыжков вспоминал: «Мне позвонили домой из приемной Черненко. Помощник просил срочно приехать. Я поинтересовался: "По какому делу? Может, надо с собой взять какие-то материалы?" Не понадобилось… Черненко мне даже сесть не предложил. Наоборот, сам встал и деловито сказал: "Пойдем к Юрию Владимировичу". Сказать, что я не очень соображал, зачем меня привели к Андропову, — значит мало что сказать. Но разговор пошел на знакомую тему, об экономике. И когда Андропов предложил мне описать ситуацию, в которой находилось народное хозяйство, то я, забыв о печальной судьбе моего предшественника по Госплану, выложил Генеральному секретарю все, о чем думал… Андропов очень внимательно слушал и задавал только короткие и точные вопросы, заставляя меня, как боксера на ринге, раскрываться и говорить, говорить… Уже потом я ближе познакомился с этой его довольно хитрой манерой — молчать, побуждая собеседника к монологам, быстрыми вопросами вытягивать из него нужное. Познакомился, привык и даже взял на вооружение, хотя андроповского мастерства в "вытягивании" так и не достиг. Кстати, я ведь до этого с Андроповым не был знаком. Видел его лишь в президиумах съездов и собраний да портреты на демонстрациях.

Вытянул он из меня, что хотел, и заявил:

— Мы намерены создать в Центральном Комитете экономический отдел, руководить которым должен, по нашему мнению, секретарь ЦК. Хотим предложить этот пост вам. Что

скажете?

Это предложение меня не просто удивило, оно ошеломило.

— Юрий Владимирович, помилуйте. Вы же, наверное, знакомились с моей биографией. Я производственник и экономист, а не партфункционер. Двадцать пять лет на заводе протрубил, три года в Министерстве тяжелого машиностроения — свое министерство, казалось бы, родное, а с какими муками я с завода уходил! Потом — Госплан, тоже не имеющий отношения к партийной деятельности пост… Нет, я не потяну, у меня нет никакого опыта партийной работы. Ни дня, ни часа…

— Вот и хорошо, — прервал меня Андропов, — именно такой человек нам и нужен. У вас другой опыт есть, школа, кругозор. Сами же перечисляли: завод, затем министерство, то есть вся отрасль, дальше — Госплан, то есть все народное хозяйство… Насколько я знаю, вы и в Госплане общими экономическими вопросами занимаетесь. Так что менять профессию мы вам не предлагаем. Если вам небезразлична судьба страны, народного хозяйства — а судя по нашему разговору, небезразлична, — соглашайтесь. Где еще вы сможете воплотить ваши замыслы в реальность?

Что верно, то верно — больше нигде. Повторяю: все командные пункты тогда располагались на Старой площади. Мне предлагалось занять один из важнейших. Это был шанс. Не для меня. Но для дела. Для страны. Я и согласился. Кадровые проблемы решались молниеносно. 22 ноября 1982 года в своем коротком выступлении по оргвопросу Андропов проинформировал членов ЦК о том, что, поскольку экономике надо сейчас уделять особое внимание, Политбюро считает необходимым ввести должность секретаря ЦК КПСС по экономике. И сразу же назвал мою фамилию. Пленум Андропова поддержал.

Сразу же после Пленума я был назначен заведующим экономическим отделом ЦК. Я навсегда запомнил этот Пленум. Он повернул мою жизнь совершенно в иное русло»[252].

«Порядок» и дисциплина. Смещение Н. Щелокова

Общество ждало от нового генсека наведения «порядка» и дисциплины в стране, и Андропов понимал это. Он не стал медлить. Еще 30 октября 1982 года арестовали директора московского гастронома № 1 Юрия Соколова — «молодого Елисеева», как его называли многие люди из московских торговых кругов. Этот шаг являлся предупреждением не только «хозяину» московской торговли Н. Трегубову, но и Виктору Гришину, члену Политбюро и первому секретарю Московского горкома КПСС. Еще до назначения на крупный пост в торговле Соколов некоторое время работал личным шофером Гришина. У Соколова имелось три судимости; несколько лет он провел в заключении, так как его машина сбила девочку, которая вскоре умерла. Только очень высокое покровительство могло обеспечить Соколову столь блистательную карьеру в торговле. Проверка гастронома № 1 привела к аресту еще 14 работников этого магазина. Узнав об этом, покончил самоубийством директор гастронома № 2 на Смоленской площади Сергей Ониев. Московскую торговую мафию охватила паника. По системе Главторга полетел устный приказ Н. Трегубова «работать честно, хищения и взятки прекратить». Однако аресты торговых дельцов продолжались, в том числе и в крупных областных центрах.

В конце ноября и в начале декабря 1982 года масштабы борьбы с коррупцией и хищениями возросли. Под удары органов КГБ и прокуратуры попали многие из «подпольных миллионеров» на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии, которые во времена Брежнева действовали почти легально. Разного рода воротилы теневой экономики почувствовали себя крайне неуютно. Именно тогда началось расследование ставшего позднее знаменитым «хлопкового дела» — о расхищении государственных средств на миллиарды рублей.

Ю. В. Андропов лично следил за проведением этих акций. Он не присутствовал, например, на Всесоюзном пленуме творческих объединений и союзов СССР и РСФСР, который проводился 3 декабря 1982 года в Кремле, хотя здесь собрались наиболее известные советские писатели, художники, композиторы, артисты, режиссеры, журналисты и архитекторы. В президиуме пленума сидели другие члены Политбюро во главе с К. У. Черненко. Андропов же предпочел в этот день демонстративно принять участие и выступить с большой речью на Всесоюзном

совещании работников

ОБХСС (отделы милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности).

Уже через месяц после прихода Андропова к власти тема борьбы с преступностью и коррупцией стала одной из главных в печати и пропаганде. Андропов понимал, что для решения этих проблем нужно провести достаточно жесткую чистку в правоохранительных органах, и прежде всего в высших управлениях МВД. Начинать нужно было с Щелокова, который уже более 17 лет возглавлял это министерство. 16 декабря 1982 года были приняты и подписаны указ об освобождении Щелокова и другие указы — о назначении на пост министра внутренних дел СССР Федорчука В. В., о присвоении ему звания генерала армии и о назначении Председателем КГБ СССР Виктора Чебрикова.

Один из рабочих секретарей Андропова О. Захаров вспоминал позднее: «В декабре 1982 года Андропов вызвал к себе заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Н. И. Савинкина. Перед тем как зайти к генсеку, Савинкин предупредил меня: должны принести проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР и постановления ЦК, как только доставят, сразу занести в кабинет. Получив эти документы, я увидел, что речь идет об освобождении Щелокова от обязанностей министра внутренних дел СССР. Вместо него назначался Федорчук. Через некоторое время Федорчук был приглашен к Андропову, и я, находясь в тот момент в кабинете по вызову генсека, стал невольным свидетелем произошедшего разговора.

— Мы тебе присвоим звание генерала армии, — сказал Андропов. — Ты ни в чем не будешь ущемлен. Получишь нашу поддержку во всем.

Федорчук воспринял назначение без всякого энтузиазма и, выйдя из кабинета, произнес только: "Да…"

Вскоре позвонил Щелоков и попросил доложить Андропову о своей просьбе переговорить по телефону, что я и сделал. Юрий Владимирович тут же с ним соединился, а перед этим сказал: "Щелоков дачку просит. Ну что же, дадим ему небольшую дачку…»[253].

Вскоре выяснилось, что Щелоков просил не «небольшую дачку», а нечто совсем иное. За 17 лет работы министром он практически приватизировал большую государственную дачу МВД № 1 и госдачу № 8, которая служила и как Дом приемов МВД. Он занимал также большую служебную квартиру на улице Герцена, 24. И на дачах, и на служебной квартире хранилось огромное личное имущество Щелокова и его семьи, которое уже

не умещалось на частных дачах, а также на дачах его сына. На одной из дач ковры лежали в восемь слоев — друг на друге, а картины известных русских художников — под кроватью. Этих государственных дач и квартиры Щелокову никто не собирался отдавать, и ему надо было срочно увозить оттуда свои пожитки. Ко всему прочему обнаружились недостачи, и Щелокову приходилось вносить в кассу МВД десятки тысяч рублей наличными. У семьи Щелокова оставалась еще одна государственная дача в Серебряном Бору, но в феврале 1983 года он получил предписание освободить и ее. Многие из тех, кто был до этого времени близок к Щелокову, кто выражал ему свое расположение и дружбу, отвернулись от него. Был снят с поста заведующего международным отделом ЦК ВЛКСМ сын Щелокова. Это привело к самоубийству жены опального министра Светланы Петровны, подруги Галины Брежневой. Вокруг этого самоубийства возникло множество легенд; в Москве даже ходили слухи, что жена Щелокова пыталась убить Андропова и выстрелила в него, ранив в руку, а потом уже выстрелила в себя. На самом деле покушения на Андропова не было и выстрел прозвучал не на Кутузовском проспекте, а на даче в Серебряном Бору. Юрий Чурбанов писал позднее в своих воспоминаниях, что самоубийству предшествовал острый конфликт между генералом и его женой, которую Щелоков обвинял в стяжательстве, из-за чего он и потерял пост министра. Служащая дачи, при которой произошел этот трагический эпизод, это отрицала в своих показаниях, как и сестра- хозяйка дачи. Щелоков, как член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР, обладал иммунитетом, и следствие по его делам вели органы партийного контроля. Работники ЦКК были поражены масштабами стяжательства самого министра, а не его жены. Как писал позднее один из следователей ЦКК И. С. Густов, «Щелоков бесцеремонно брал все: от "мерседесов" до мебельных гарнитуров, люстры из хрусталя и пудреницу для домработницы, кроватку для внука и антиквариат, картины, золото и серебро. Обслуживала министра и его семью многочисленная челядь: личный архитектор, личный портной, личный стоматолог. Все они зачислялись в штат МВД, печник был майором, лудильщик — подполковником»[254]. Забегая вперед, нужно сказать, что уголовное дело было возбуждено против Щелокова только в 1984 году. Вскоре после первых допросов он застрелился.

После того как Федорчук покинул Лубянку, был отправлен в отставку и генерал армии Георгий Цинев. Новый Председатель КГБ В. Чебриков пользовался полным доверием Андропова. В. Федорчук и в Министерстве внутренних дел показал себя сразу

же весьма крутым руководителем. Он немедленно отправлял в отставку всех милицейских начальников, уличенных в той или иной незаконной деятельности, не сообразуясь с их служебным положением, с семейными и прочими связями, которые они имели в партийном руководстве страны. Не обходилось, однако, без самодурства. При первом же появлении в министерстве его жертвой стал генерал-майор, бросившийся открывать перед новым министром тугую дверь. «Как фамилия?» — осведомился Федорчук. Услышав ответ, заметил: «Молодец, хороший швейцар из тебя получится». И тут же бросил: «Уволить!»[255]. Переходя из КГБ в МВД, Федорчук принес с собой лишь стопку книг. И эту же стопку книг, перевязанную бечевкой, он унес с собой в 1986 году, покидая здание МВД.

По инициативе Андропова уже в декабре 1982 года началась кампания по укреплению трудовой дисциплины, а также борьба с пьянством на производстве. Новый лидер оказался, однако, достаточно дальновиден, чтобы не начинать при этом всеобщей антиалкогольной кампании. Напротив, цена на один из популярных сортов водки была несколько снижена, и в народе ее сразу стали называть «андроповкой». Усилилась борьба со всеми видами «обычной» преступности, масштабы которой заметно возросли в последние годы «эпохи Брежнева». В Москве и других городах по вечерам — на улицах, в скверах и парках — увеличилось число нарядов милиции и групп дружинников.

Нельзя не отметить, что в борьбе за дисциплину и против преступности милиция и дружинники стали широко применять — несомненно, при полном одобрении Федорчука — такие весьма сомнительные с точки зрения законности методы, как широкие облавы и проверка документов в популярных московских банях, косметических кабинетах, престижных парикмахерских, в очередях за дефицитными товарами (в Москве, в первую очередь в ГУМе и ЦУМе), в пригородных поездах и кинотеатрах. Граждан, у которых не было с собой документов, нередко увозили «для установления личности» в ближайшее отделение милиции. У людей, попавших в такие облавы (а их, конечно, было немало), столь грубые методы наведения порядка вызывали острое недовольство. Немало жалоб на действия милиции попадало и к Андропову. После ряда бесед по телефону между генсеком и министром внутренних дел кое-что изменилось, хотя в целом работу Федорчука Андропов одобрял. Были удовлетворены и многие простые люди. «Первый раз в жизни я смог попасть в знаменитые Сандуновские бани, — сказал мне в эти дни один из водителей такси, — раньше туда простому человеку хода не было». Однако унизительной проверке подвергались часто

граждане, ничем не нарушившие трудовой дисциплины, например рабочие ночных и вечерних смен, те, у кого при себе не оказалось документов. Штрафовали женщин, не имевших возможности решить свои семейные проблемы из-за неудобного режима работы магазинов и ателье. Ужесточились наказания за опоздания, прогулы и простои, хотя отнюдь не рабочие и служащие были виноваты в недостатке продуктов, товаров и неритмичной работе на многих стройках и предприятиях. И хотя теперь почти все приходили на рабочие места без опоздания, нередко приступали к работе спустя только час или полтора.

Грубые действия милиции в декабре 1982 года, массовые облавы и проверки документов, да и многочисленные неоправданные задержания граждан вызвали немало критических замечаний и выступлений на партийных собраниях и конференциях. Поэтому в январе 1983 года было решено отменить эту массовую кампанию проверок, получившую кодовое наименование «Трал». Некоторое время милиция еще выборочно проверяла граждан в магазинах, но вскоре и это прекратилось. Изменился и общий тон печати. В многочисленных статьях и материалах, посвященных трудовой дисциплине, уже в феврале и марте упор делался на лозунг «Образцовая дисциплина для всех — от рабочего до министра».

Укрепление дисциплины и порядка началось и в сельской местности, для этого здесь собирались общие собрания членов колхозов и работников совхозов. Против нарушителей дисциплины и в городе, и в деревне разрабатывались и вводились различного рода санкции — наказания и штрафы.

Борьба за порядок и дисциплину сопровождалась изменениями в руководстве не только МВД, но и ряда других партийных и государственных органов. Был отправлен на пенсию министр торговли СССР А. И. Струев. На его место назначили недавнего партийного работника и первого заместителя Председателя Совета Министров УССР Г. И. Ващенко. Министр путей сообщения СССР И. Г. Павловский был заменен Н. С. Конаревым. Послом в Румынию отправили Е. М. Тяжельникова — заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК. На его место по предложению Андропова был назначен Б. И. Стукалин, недавний председатель Госкомитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Его сменил на этом посту Б. Н. Пастухов, около пяти лет возглавлявший комсомол. Первым секретарем ЦК ВЛКСМ стал теперь В. М. Мишин. Были заменены руководители и некоторых других министерств и ведомств.

Новые идеологические акценты

Андропов не планировал проводить какие-либо существенные изменения в области идеологии. Не было речи о демократизации и расширении гласности. Это стало ясно после объявления амнистии по случаю 60-й годовщины со дня образования СССР. Число людей, освобождаемых из заключения, или тех, кому значительно сокращался срок неволи, оказалось вдвое большим, чем при предыдущих амнистиях. Но хотя акция проводилась в связи с важной политической годовщиной, она не распространялась на «политических», а также на тех, кого условно можно было назвать «религиозниками» или «националистами». Не были освобождены даже те политические, религиозные и иные диссиденты, которым оставалось пробыть в заключении всего несколько месяцев. Амнистия не распространялась и на людей, осужденных за занятие запрещенным промыслом (ст. 162 УК РСФСР). При широком толковании этой статьи под ее действие попадали люди, выполнявшие объективно полезную для общества работу в сфере услуг и мелкого производства.

Вместо того чтобы легализировать полезную для общества индивидуальную трудовую деятельность, как это было сделано спустя пять лет, ее еще больше загоняли в подполье. Не подлежали амнистии не только грабители и убийцы, но и «бомжи» — бродяги и люди, занимающиеся попрошайничеством. Не прекратилась подготовка судебных процессов по делам политических диссидентов, начатая в 1982 году. Фактически приостановилась эмиграция из СССР евреев, армян и др. В 1981–1982 годах из страны выбывало всего лишь 150–200 евреев в месяц, но после 10 ноября 1982 года уехать стало еще труднее.

Андропов не собирался пересматривать прежние оценки наиболее важных событий советской истории. Внимательные историки заметили, однако, что в нашей печати стало встречаться, хотя и редко, имя Н. С. Хрущева. С другой стороны, все реже упоминался Л. И. Брежнев и мало кто ссылался теперь на цитаты из его произведений.

Уже на ноябрьском Пленуме ЦК в выступлении Андропова прозвучала косвенная критика Брежнева и его политики. «Мы принимали много хороших решений, — сказал новый генсек, — но мало заботились об их практическом выполнении». Никак не был отмечен и очередной день рождения Брежнева — 19 декабря. Еще в ноябре по решению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение «Об

увековечении памяти Леонида Ильича Брежнева». Большой город с поэтическим названием Набережные Челны, к явному неудовольствию жителей, переименовали в «Брежнев». Столь же приятное слуху москвичей название «Черемушкинский район» отныне должно было звучать как «Брежневский район». В Москве и в четырех других городах появились площади имени Леонида Ильича Брежнева. Впервые, кажется, в названии площади упоминалась не только фамилия, но и имя-отчество партийного деятеля. Приняли решение установить мемориальную доску на доме на Кутузовском проспекте, где жил Брежнев. Это было сделано за два дня до его дня рождения, и «Правда», а также другие газеты посвятили этому событию лишь коротенькие заметки. А между тем мероприятие сопровождалось большим митингом и выступлением члена Политбюро В. В. Гришина, которое, однако, осталось неопубликованным. На торжественном заседании по случаю 60-летия СССР имя Брежнева было упомянуто только один раз — в речи К. У. Черненко. Андропов не сказал о нем ни слова, а фраза о том, что «партия должна ориентироваться на дела, а не на громкие лозунги», была воспринята как критика Брежнева и вызвала аплодисменты зала.

30 и 31 декабря в нашей печати появилось много статей, подводящих итоги уходящего года. Но ничего не говорилось о том, что именно в 1982 году партия потеряла такого «великого ленинца», как Леонид Ильич Брежнев. Ни словом о нем не обмолвилась передовая статья «Правды» — «Провожая год 1982-й», хотя газета не забыла упомянуть о выступлениях «товарища Ю. В. Андропова». Изучение «литературных» и иных произведений Брежнева в системе партийно-политического просвещения прекратилось, хотя несколько уже завершенных и сданных в печать «новых глав» из его «Воспоминаний» появилось в первом номере журнала «Новый мир» за 1983 год. Иными словами, начался быстрый и очевидный для всех демонтаж культа личности Брежнева, насаждавшийся всеми средствами пропаганды и массовой информации с 1970 года.

Всем становилось ясно, что «эпоха Брежнева» завершилась. Начиналась новая эпоха в жизни страны, но мало кто мог представить себе, сколь крупные перемены произойдут в 1980-е годы. Все же новый, 1983 год большинство советских людей встречали с надеждой на изменения к лучшему. Вопрос о наведении порядка в экономике и дисциплины в обществе в первые же месяцы 1983 года оказался главным не только в политике, но и в идеологии.

До конца января Юрий Андропов работал почти исключительно в своем кабинете в здании ЦК, а также в Кремле.

Вечером он возвращался в квартиру на Кутузовском проспекте, но чаще в резиденцию, расположенную в Подмосковье. Лишь 31 января он решил посетить Московский станкостроительный завод. Кратко осмотрев цеха и побеседовав с рабочими на их рабочих местах, Андропов выступил затем с речью в заводском клубе. Главной темой был опять-таки вопрос о дисциплине. Укрепление дисциплины и наведение порядка в стране объявлялись главной задачей партии и государственных органов на ближайшие месяцы. «Нынешний год, — говорил Андропов, — сердцевинный год пятилетки. Надо доделать то, что мы, прямо говоря, не сделали за первые два года, и постараться наверстать упущенное, создать условия для нормальной работы в последние два года пятилетки… Где же, говоря ленинскими словами, то самое звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь? Цепь-то большая, тяжелая. И хотя нельзя все сводить к дисциплине, начать надо, товарищи, именно с нее… Без должной дисциплины — трудовой, плановой, государственной — мы быстро вперед идти не сможем. Наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный»[256].

Этот тезис проводился и через всю пропаганду и печать. «Правда» писала: «В наши дни для успеха всего экономического и социального развития страны необходимо сосредоточить внимание на вопросах решительного укрепления дисциплины и повышения организованности. Предстоит везде и всюду внедрить тот образцовый порядок, о котором Владимир Ильич писал в работе "Великий почин", чтобы создать максимально благоприятные условия для эффективного производительного труда»[257].

Журнал «Коммунист» также напоминал слова Ленина о том, что «трудовая дисциплина… есть гвоздь всего хозяйственного строительства», что «нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина… распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет»[258].

Новый стиль управления

Наряду с наведением порядка и дисциплины началась работа «по освоению нового стиля управления», как об этом говорилось в середине января 1983 года в одном из коммюнике об очередном заседании Политбюро. В передовой статье газеты «Правда» можно было прочесть следующие разъяснения на этот счет: «Речь идет об овладении таким стилем работы, в котором органически сочетались бы исполнительность, дисциплинированность с творческим подходом, со смелой инициативой и предприимчивостью, критическое отношение к недостаткам — с незыблемой уверенностью в исторических преимуществах избранного нами пути»[259].

Демонстрируя твердость и жесткость в наведении дисциплины, Ю. В. Андропов одновременно старался показать скромность и невзыскательность в личном поведении, он отнюдь не выпячивал свое новое высокое положение. Часто лично звонил по телефону президенту Академии наук СССР А. П. Александрову, чтобы узнать его мнение по какому-либо вопросу. Когда у него возникла необходимость обсудить что-то с А. А. Громыко, Юрий Владимирович вызывал машину и ехал в МИД. Это очень удивляло многих иностранных корреспондентов. Один из них, Давид Бранд, писал в своем журнале: «Москва. Один западный дипломат увидел здесь то, что он назовет через день "экстраординарным зрелищем". В дверях Госплана — государственного экономического планового учреждения — показалась высокая сутуловатая фигура советского партийного лидера Юрия Андропова. Он сел затем в правительственный автомобиль, который, не привлекая к себе внимания, отъехал от здания, сопровождаемый еще только одним автомобилем. В этой стране широкого жеста, сказал дипломат, этот жест экстраординарен в двух смыслах. Покойный Леонид Ильич Брежнев никогда не отправлялся куда-либо без кортежа черных "ЗИЛов", нарочито разгоняющих все впереди, в то время как его машина с ревом мчалась вдоль Калининского проспекта. И почему, спросил дипломат, Юрий Андропов захотел сам пойти в Госплан, а не приказал Госплану идти к нему? Из таких мелких штрихов состоят созданные легенды и предсказанный курс Андропова. Этот загадочный, похожий на аскета человек, который был у руля партии пока только 80 дней, явно старается завоевать репутацию лидера, решившего внести некоторое подобие порядка в хаос советской экономики»[260].

Быстро стал меняться и стиль работы учреждений, о чем мы

еще будем писать ниже. Андропов был немногословен и строг в обращении с работниками партийного и государственного аппарата. Совещания в кабинете нового генсека стали короткими, очень часто свое мнение Юрий Владимирович предпочитал высказывать по телефону, не вызывая к себе министров или заведующих отделами ЦК. По стандартам того времени повысилась критичность газет и телевидения. В качестве нового элемента стиля работы партийных органов появились публикации о еженедельных заседаниях Политбюро с кратким изложением рассматривавшихся проблем.

Как известно, Брежнев появлялся в Кремле довольно поздно, большой кортеж машин с громадным брежневским «ЗИЛом» в центре и не менее 6–8 машин сопровождения мчались по Загородному шоссе, по Кутузовскому и Калининскому проспектам с огромной скоростью. Эти барские «выезды» были немедленно прекращены с приходом к власти Андропова. Он приезжал в здание ЦК или Кремль к 9 часам утра. Машина генсека двигалась со скоростью 60 километров в час почти без сопровождения. Сам Юрий Владимирович чаще всего просматривал в машине утренние газеты. Глав государств — как социалистических, так и капиталистических — он стал встречать в Кремле, а не в аэропорту у трапа самолета. Многие связывают сейчас это изменение протокола с нездоровьем Андропова. Но в этом имелась лишь доля истины. Он очень берег время, а поездки в аэропорт и обратно требовали двух-трех часов. Неудивительно, что это протокольное нововведение сохранилось и при его преемниках.

В конце декабря 1982 года исполнялась 60-я годовщина со дня образования СССР. И 40-летие, и 50-летие Союза отмечались весьма торжественно. Но 60-летний юбилей прошел довольно скромно. Доклад Андропова на кремлевском праздничном заседании продолжался всего около 45 минут.

Андропов довольно редко появлялся на экранах телевизоров — главным образом на таких официальных процедурах, которые должны были показываться по телевидению хотя бы в программе новостей. Разного рода приветствия главам других государств по случаю национальных праздников, равно как и приветствия республикам, областям, городам и трудовым коллективам, не подписывались лично Андроповым. Стояла лишь подпись «Совет Министров СССР», «ЦК КПСС» или «Президиум Верховного Совета СССР», а то и все три подписи. Никто и раньше не мог упрекнуть Юрия Владимировича в использовании власти для личного обогащения или извлечения каких-либо выгод. Конечно, как глава КГБ он не мог не знать о тех баснословно дорогих подарках,

которые постоянно получал Брежнев от зарубежных лидеров и от советских партийных руководителей.

Уже в конце 1982 года стало очевидно, что руководство Андропова носит более деловой характер, что ему присущи такие качества, как твердость и интеллектуальность, то есть как раз то, чего всегда не хватало руководству Брежнева. Встретившись в начале 1983 года с главным редактором и издателем популярного немецкого журнала «Шпигель» Рудольфом Аугштейном, Андропов вел с влиятельным деятелем западной прессы весьма свободную беседу, не обращаясь за подсказкой ни к помощникам, ни к бумажкам. Он разрешил гостям использовать магнитофон, хотя и просил временно воздержаться от публикации ответов на некоторые вопросы личного характера. Позднее это интервью было одновременно опубликовано в советской печати и в «Шпигеле», но только в немецком журнале были помещены ответы личного характера. Андропов говорил, например, что он не играет в теннис и не особенно увлекается спортом, любит классическую музыку, а из немецких композиторов Рихарду Вагнеру предпочитает Бетховена. Из русской классики отметил Чайковского, Римского-Корсакова и Прокофьева, из современников — Свиридова[261].

Приход Андропова к власти положил конец не только обильным пиршествам в Кремле, набегам разного рода руководителей высокого ранга на охотничьи угодья и заповедники по всей стране, подаркам начальству в десятки и сотни тысяч рублей — все это делалось до сих пор вполне легально, о нелегальных взятках и хищениях я уже не говорю. Были напуганы и владельцы роскошных дач под Москвой и на юге, так как Андропов неожиданно дал поручение Комитету партийного контроля (КПК) представить сведения о владельцах личных и государственных дач из числа высших работников партийного и государственного аппарата. Даже инспектора КПК не решились слишком глубоко «изучать» эту деликатную проблему. Были в первую очередь взяты на учет дачи Брежнева и членов его семьи. Оказалось, что эта не слишком многочисленная семья только под Москвой владела восемью дачами.

Известно, что характер и содержание работы советского и западного лидера существенно различались. Советский лидер не был озабочен полемикой с оппозиционными партиями, подготовкой избирательных кампаний на многопартийной основе, налаживанием отношений с независимой прессой и т. п. С другой стороны, от западного лидера никто не ждал директив для литературы и живописи, он не особенно вникал в проблемы кинопроизводства или в составление программ и учебников по

истории своей страны. Советский лидер всегда совмещал политическое, экономическое и идеологическое руководство, и от него ожидали ясных указаний почти по всем вопросам государственной, хозяйственной и общественной жизни. Он должен был давать директивы и Министерству иностранных дел, и Министерству обороны, и КГБ, а также руководителям Союза писателей и Союза архитекторов и даже разрешать постановки той или иной пьесы в главных театрах страны.

Андропов не стал пересматривать эту порочную систему, но был осторожен в своих высказываниях и оценках. Он отказался принять Юрия Любимова — главного режиссера театра на Таганке, который закончил работу над новой постановкой пушкинского «Бориса Годунова». Андропов посоветовал режиссеру обратиться к другим товарищам из ЦК КПСС. Вопросами культуры в Секретариате ЦК ведал в 1983 году Михаил Зимянин, которого молва считала человеком консервативным. Дело кончилось запрещением постановки «Бориса Годунова», а затем и эмиграцией Ю. Любимова. Андропов, однако, тепло принял председателя правления Союза писателей Георгия Маркова и беседовал с ним больше часа. Столь же продолжительной была и беседа с главным редактором «Литературной газеты» А. Чаковским. Это были полуофициальные беседы, но и Чаковский, и Марков подробно ознакомили свое окружение с высказываниями Андропова, хотя никаких оригинальных мыслей и указаний на этих встречах не прозвучало.

Сто дней Андропова

В западной политологии, а также среди западных историков, журналистов и политических обозревателей давно уже появилась традиция — придирчиво анализировать результаты первых ста дней деятельности пришедших к власти новых лидеров. Для Андропова этот «юбилей» приходился на 20 февраля 1983 года. Неудивительно, что в конце февраля и в начале марта в западной печати появилось много статей и очерков, посвященных первым итогам пребывания Андропова у власти. Все сходились на том, что перечень изменений и начинаний в стране и в партии за сто дней, прошедших после смерти Брежнева, весьма велик. Многие пытались прогнозировать развитие политики нового лидера. При этом не всегда принималось во внимание то обстоятельство, что смена лидера в советской системе власти происходила совершенно иначе, чем в большинстве демократических западных стран.

Мы знаем сейчас, как происходит смена одного президента США другим после продолжительной избирательной кампании. Мы знаем, как в Англии один премьер сменяет другого. Конституции демократических стран определяют сроки выборов во все органы власти, и каждый новый лидер приходит обычно с новой командой. И новая администрация в США, и «теневой кабинет» победившей на выборах в Англии партии занимают свое место в системе власти обычно довольно быстро и без какой-либо борьбы, что позволяет новому лидеру сразу же не только провозгласить, но и начать проводить новую политику, если, конечно, он намеревался это делать.

В условиях однопартийной диктатуры в СССР, а тем более в условиях культа личности не существовало нормального механизма смены лидера и всей прежней администрации. Поэтому стране, народу и партии приходилось обычно слишком долго ждать, когда прежнего лидера сменят, а тем более придет новая команда. Уже исчерпавшая свои возможности администрация и ее глава продолжали оставаться у власти и даже укрепляли ее, что приводило нашу страну и народ к недопустимой потере времени, энергии и инициативы, а также к накоплению ошибок, которые некому было исправить. Таланты и способности целых поколений оставались невостребованными, и это касалось не только политики и идеологии.

Более того, когда у нас в стране сходил с политической арены или умирал прежний лидер и на его месте появлялся наконец новый, он мог наследовать вначале лишь освободившуюся

должность и только часть влияния и власти, которыми обладал предшественник. Конечно, пост Генерального секретаря партии или иная форма лидерства с самого начала давали новому руководителю очень большие права и возможности, возлагая при этом на него большие обязанности и громадную ответственность. Однако его личная власть еще во многих отношениях была весьма ограниченна, он все еще оставался первым среди равных в Политбюро, так как вместе с новой должностью наследовал и всю прежнюю партийную и государственную администрацию и не имел возможности быстро образовать новую администрацию, во главе которой стояла бы уже его команда.

До сих пор любые изменения в Кремле сопровождались довольно жесткой борьбой, которая начиналась задолго до смены власти и продолжалась также после того, как новый лидер занимал свое более высокое место в партийно-государственной иерархии. Иными словами, и после избрания нового генсека на Старой площади, в Кремле, на Лубянке и в Генеральном штабе оставались работать и пользовались немалым влиянием не только его активные сторонники, но и люди, находящиеся в открытой или чаще «полускрытой» оппозиции. Такая же ситуация складывалась на местах — в регионах и республиках, где далеко не всегда смотрели на Москву с готовностью к беспрекословному повиновению.

Сам характер борьбы за лидерство зависел от качества того или иного претендента, его амбиций и обстоятельств, при которых он пришел к власти. Хрущев вел эту борьбу иначе, чем Сталин, а Брежнев иначе, чем Хрущев. Поэтому находилось достаточно оснований предполагать, что пребывание Андропова у власти, которую он получил в результате сложной борьбы, будет и далее сопровождаться не менее сложной внутрипартийной борьбой и борьбой за власть. И действительно, это происходило не только в первые сто дней, но и до самой смерти Андропова и было связано в какой-то мере с различием политических и экономических программ, но в еще большей степени с личными амбициями и интересами членов и групп советской политической элиты.

Конечно, в демократических странах Запада какая-то борьба за влияние и власть происходит и после появления нового руководителя. В США, как известно, именно съезд демократов или республиканцев окончательно утверждает кандидата на пост президента или вице-президента, однако после выборов у победившей партии нет возможности заменить главу государства, избранного народом, на основании партийного решения. Поэтому новый американский президент сразу же обретает власть и

полномочия своего предшественника. У него могут возникнуть проблемы с конгрессом, прессой, судебными властями, с частными предпринимателями, но очень редко — с администрацией, так как все ее главные представители назначаются им самим с одобрения сената и могут быть уволены в отставку по его требованию.

Однако с учетом упомянутых выше обстоятельств надо признать, что Ю. В. Андропов сделал немало в первые сто дней своего пребывания у власти, которую он очень быстро консолидировал. Его авторитет к весне 1983 года казался непререкаемым. Андропов привлек к себе внимание не только руководителей разных уровней, но и рядовых людей. Самой большой проблемой для Андропова являлся не столько его 68-летний возраст, сколько здоровье. Поэтому он вынужден был торопиться.

Глава седьмая. 1983 ГОД. ПРОБЛЕМЫ, НАЧИНАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Экономика. Малозаметные улучшения

Наведение дисциплины и порядка в стране и в сфере производства позволило остановить некоторые негативные процессы в экономике и даже добиться небольшого повышения производительности труда. В первые месяцы 1983 года уже не наблюдалось обычного для января — февраля спада производства, когда и руководители предприятий, и рабочие «отдыхали» от напряженной работы, а точнее, от штурмовщины последних недель предыдущего года. План января промышленность перевыполнила: объем промышленного производства был на 6,3 процента выше, чем год назад. Сельское хозяйство дало стране продуктов животноводства на 4 процента больше по сравнению с январем 1982 года. При этом темпы прироста продукции по товарам народного потребления (группа «Б») превышали средний прирост промышленного производства.

Эти обнадеживающие тенденции сохранились и в феврале — марте. По данным ЦСУ, план первого квартала по реализации промышленной продукции был выполнен на 102 процента, что можно считать значительным успехом для начала года. Прирост промышленного производства по сравнению с первым кварталом прошлого года составил 4,7 процента, производительность труда возросла на 3,9 процента. Эти показатели были самыми высокими за много лет. Наметилось улучшение в работе многих отстающих отраслей — в угольной, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, черной металлургии, производстве мяса и др. Не был выполнен план квартала только по легкой промышленности (99,7 процента), однако общее производство продукции этой отрасли увеличилось на 6 процентов по сравнению с первым кварталом прошлого года.

Выступая на ноябрьском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС, Андропов говорил, что различных решений по линии ЦК и Совмина принято много, но они не выполняются. Поэтому главное внимание надо обратить не на подготовку новых решений, а на выполнение прежних. Проведенное с 1 января 1983 года повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию в среднем на 30 процентов стало выполнением одного из ранее принятых решений. При этом для малорентабельных и убыточных хозяйств устанавливались дополнительные надбавки при закупках сельскохозяйственной продукции. Для большинства колхозов и совхозов задолженность по ссудам была списана или пролонгирована. Решили также значительно расширить систему кооперативной торговли сельскохозяйственной продукцией. Хотя

кооперативные магазины и продавали товары по ценам на 50—100 процентов выше, чем государственные, но эти цены были все же заметно ниже, чем на городских рынках. В 1982 году впервые за многие годы не выполнен план по поступлению в государственную казну налога с оборота — главной статьи доходов при формировании бюджета СССР. Это объяснялось недостатком в товарообороте товаров повышенного спроса, в первую очередь промышленных, так как продажа большинства продовольственных товаров не приносила дохода, наоборот, субсидировалась государством. Поэтому кроме ранее проведенного повышения цен на ковры, драгоценности и другие товары не первой необходимости с 1 февраля были повышены цены на товары и услуги примерно трехсот наименований: на все виды почтовых услуг, бумагу и канцелярские товары, на строительные материалы, изделия из черных и цветных металлов, на многие виды хлопчатобумажных изделий, нитки, краски и кисти, минеральную воду и фруктовые соки, а также на некоторые виды алкогольных изделий. Надо отметить, что население спокойно отнеслось к этому. Одновременно для оживления торговли снизились цены на товары и услуги примерно ста наименований, спрос на которые был низок и не покрывал предложение.

Однако вскоре стало ясно, что по многим вопросам функционирования нашего народного хозяйства ЦК КПСС и Совет Министров СССР должны принять новые решения. 26 февраля «Правда» опубликовала постановление ЦК «О мерах по обеспечению выполнения планов строительства жилых домов и социально-бытовых объектов». 30 марта появилось большое постановление ЦК и Совмина «О дальнейшем улучшении и развитии бытового обслуживания населения». 10 апреля газеты поместили постановление «О мерах по дальнейшему повышению технического уровня и качества машин и оборудования для сельского хозяйства, улучшению использования, увеличению производства и поставок их в 1983–1990 гг.».

12 апреля в печати для всенародного обсуждения появился проект закона «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». После не особенно продолжительного обсуждения этот проект был принят с рядом дополнений и поправок на очередной сессии Верховного Совета СССР и обрел силу закона. 16 апреля опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции и повышении в этом деле ответственности министерств, ведомств и предприятий.

Еще через два дня в Центральном Комитете состоялось совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, на котором рассматривались важные практические вопросы развития сельского хозяйства и выполнения Продовольственной программы. «Правда» опубликовала краткое изложение доклада секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и подробное изложение речи Ю. В. Андропова. На совещании настойчиво высказывалось пожелание способствовать развитию приусадебного и личного хозяйства граждан, увеличению числа садово-огородных участков для жителей городов и созданию подсобных сельскохозяйственных предприятий заводов и фабрик. 7 мая «Правда» напечатала постановление ЦК и Совмина «О дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами народного потребления в 1983–1985 гг.». Таким образом, по числу постановлений новое руководство уже в первом полугодии 1983 года превысило соответствующие «показатели» 1980–1982 годов.

Все эти постановления, несомненно, внесли новые элементы в хозяйственную практику, в конкретные планы производства по отраслям. Но они еще не означали какой-либо реформы хозяйственной системы и управления экономикой в стране. Речь шла, в сущности, только о частичных и «косметических» изменениях. Андропов, однако, понимал необходимость более глубоких реформ, хотя недостаточно ясно представлял их направление и методы проведения. Приняв предложение видных экономистов, он провел через ЦК решение: начать с января 1984 года несколько крупномасштабных экспериментов, охватывающих предприятия пяти министерств — тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической промышленности, пищевой промышленности Украины, легкой промышленности Белоруссии и местной промышленности Литвы.

Вокруг Андропова начал складываться своеобразный штаб по разработке новых путей экономического развития. Это вызвало, в свою очередь, общее оживление экономической мысли в стране, дискуссии проводились по самым разным проблемам, и в печати появилось немало статей, которые не могли бы увидеть свет еще год-два назад. Да и сам Юрий Владимирович высказал несколько неординарных предложений в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», которая была опубликована в третьем номере журнала «Коммунист» за 1983 год.

В 1983 году все коммунистические и многие социал-демократические партии отмечали 100-летие со дня смерти Карла Маркса, и статья Андропова все же поднималась над тем

низким уровнем, который был характерен для советского обществоведения начала 1980-х годов. Через 10 лет возник странный спор между Федором Бурлацким и Ричардом Косолаповым по поводу авторства данной статьи[262]. Несомненно, что Андропов, как и все современные партийные и государственные лидеры, пользовался при подготовке выступлений и статей материалами и текстами, которые по его поручению готовились работниками идеологического аппарата. Однако в отличие от Брежнева Андропов всегда сам много работал над текстами своих публичных выступлений. Он делал «надиктовку» начального варианта, а потом основательно редактировал и дополнял окончательный вариант. Далеко не все участники такой предварительной работы даже знали друг друга. В качестве курьеза можно отметить, что один из бывших работников идеологического аппарата Сергей Земляной, отвергнув претензии Бурлацкого и Косолапова, объявил главным автором статьи Льва Степанова, которому помогал при этом Сергей Ястржембский. Давая характеристику политической карьеры пресс-секретаря Б. Ельцина, Сергей Земляной писал: «Руководителю группы консультантов журнала "Проблемы мира и социализма", куда вписался в этот период и Ястржембский, Льву Степанову в большей мере обязана своим умственным и стилистическим блеском памятная статья Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова "Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР", которая была опубликована в журнале "Коммунист", хотя готовилась для "Проблем". В этой статье была изложена концепция политических, экономических и социально- культурных преобразований в СССР, которые позволили бы преодолеть его стагнацию без разрушения базовых систем жизнеобеспечения сверхдержавы»[263]. Я могу повторить, что статья Ю. Андропова явно выделялась по своему уровню из общего потока серых и невразумительных материалов, которые публиковались в начале 1980-х годов в наших газетах и журналах. Но нет оснований преувеличивать научное и концептуальное значение этой работы.

Привлекли внимание читателей в 1983 году и некоторые другие материалы. Примером хорошей экономической публицистики явилась статья Юрия Черниченко «Комбайн косит и молотит». В ней содержалась острая критика не только известного завода «Ростсельмаш» и всего комбайностроения, но и других отраслей сельскохозяйственного машиностроения. Очерк Черниченко вызвал крайнее раздражение Ростовского обкома партии; консервативные настроения преобладали во всех звеньях партийного руководства, но особенно в среднем звене. Это не

могло, однако, остановить поисков и экспериментов на региональном уровне. Немало новшеств вводилось на предприятиях Прибалтики. При городском совете города Поти в Грузии было создано межотраслевое территориальное объединение — своеобразный городской совнархоз. В целом работа народного хозяйства в стране начала улучшаться, хотя и медленно.

Забегая вперед должен сказать, что общие результаты промышленного и сельскохозяйственного производства в 1983 году улучшились по сравнению с 1980–1982 годами. Страна произвела промышленной продукции на 4 процента больше, чем год назад, производительность труда возросла на 3,5 процента. При этом производство предметов потребления росло быстрее, чем средств производства (4,3 процента против 3,9). Был преодолен наметившийся еще в 1979–1980 годах спад в производстве стали и проката. Увеличились перевозки грузов, улучшилось использование подвижного состава.

Однако некоторые базовые отрасли промышленности продолжали топтаться на месте, показатели других снизились. Объемы добычи угля падали, хотя и незначительно. Еще с 1975 года в стране стало уменьшаться производство грузовых и пассажирских вагонов, хотя данные потребности железных дорог не удовлетворялись. Перелома в вагоностроении не произошло и в 1983 году. Не выполнили и план года по вводу в действие основных фондов и производственных мощностей.

После нескольких неурожайных лет стало оживать сельское хозяйство, объем продукции которого за год вырос на 5 процентов. Хотя сбор зерна увеличился незначительно, зато заметно больше собрали кормовых культур. Страна впервые получила 16 миллионов тонн мяса (в убойном весе). Нельзя не отметить, что относительно быстро сельское хозяйство в нашей стране развивалось лишь в 1965–1975 годах. В эти десять лет производство мяса увеличилось с 10 до 15 миллионов тонн, молока — с 72,6 до 90,9. В последующие восемь лет среднегодовой уровень почти не рос. Теперь же, в 1983 году, главным образом за счет некоторых улучшений и уменьшений потерь удалось всего за год увеличить производство мяса промышленной выработки на 10 процентов, на 13 процентов — животного масла и на 5 процентов — цельномолочной продукции. Заметно больше стало производиться растительного масла, колбас и натурального чая. В результате на 8 миллиардов рублей вырос государственный и кооперативный товарооборот. На 12 миллиардов рублей увеличились вклады населения в сберегательные кассы.

Мы видим, таким образом, что наша экономика в первый же год после смерти Брежнева сделала пусть и скромный, но заметный шаг вперед. Тем не менее глубокие кризисные тенденции не были преодолены, они продолжали накапливаться, хотя и медленнее, — об этом можно судить по наиболее важным показателям экономической эффективности в сравнении с экономикой развитых капиталистических стран. Народное хозяйство страны все еще было поражено многими болезнями, но руководство не располагало ни точным диагнозом, ни прогнозом течения этих болезней, а стало быть, не знало и наиболее эффективных путей их лечения.

Новые акценты в идеологии

Новые акценты в идеологии и культуре, обозначенные зимой 1982/83 года, пополнялись, но не углублялись. Неприятие Андроповым культа личности Брежнева встретило поддержку и зародило надежды у интеллигенции. На объединенном пленуме правлений творческих союзов, состоявшемся в декабре 1982 года, известный режиссер Г. А. Товстоногов, заканчивая свое выступление здравицей в честь 60-летия СССР, добавил еще одну фразу: «Разрешите поздравить вас также с наступающим и многообещающим 1983 годом!» Все поняли намек и устроили оратору овацию.

Однако ожидания интеллигенции оказались и преждевременными, и преувеличенными. Весенние номера литературно-общественных журналов не принесли никаких интересных художественных произведений и очень мало заметных публицистических очерков. В театральной жизни наметилось даже ухудшение, так как цензура запретила несколько острых постановок. В Московском театре сатиры, например, была исключена из репертуара пьеса Н. Эрдмана «Самоубийца», написанная еще в 1932 году, но которую автор не смог тогда ни напечатать, ни поставить. Как уже говорилось, театр на Таганке не получил разрешения показать зрителям завершенную и уже отрепетированную драму А. Пушкина «Борис Годунов» в оригинальной постановке.

Специалисты по общественным наукам и особенно историки искали, естественно, признаки нового подхода к освещению главных событий и фактов истории партии и страны. Но таких признаков было очень мало. Что неудивительно, так как сохранился весь идеологический аппарат времен Брежнева. Секретарем ЦК и членом Политбюро по проблемам идеологии стал теперь К. У. Черненко. Его ближайшим помощником оставался секретарь ЦК М. В. Зимянин. Министром культуры СССР продолжал работать П. Н. Демичев. Из аппарата ЦК КПСС ушел на пенсию лишь заведующий отделом науки и образования С. П. Трапезников, личность не просто консервативная, но одиозная. Но дело было не только в помехах со стороны аппарата. Сам Андропов не стремился к каким-то крупным новациям и поворотам в сфере идеологии. В газетах и журналах продолжали публиковаться материалы к юбилеям видных деятелей партии и государства, погибших в годы сталинского террора. Однако ни имя Сталина, ни даже имена Ежова и Берии в этой связи не упоминались. Не указывались даже причина и дата смерти.

Только в статье о М. Н. Тухачевском в конце можно было прочесть фразу о том, что его жизнь «трагически оборвалась еще до Великой Отечественной войны». Но так можно было писать и о жертвах автомобильной катастрофы.

Все исторические и общеполитические журналы в первых номерах за 1983 год поместили большие статьи о 40-летии Сталинградской битвы. Любопытно, что подход к освещению этого события в каждом случае был разным — в зависимости от времени подписания журнала в набор. Журнал «История КПСС», первый номер которого подписали в набор еще в октябре 1982 года, в двух больших статьях многократно упоминает имена таких полководцев, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Еременко и других. Только один раз назван Сталин и три раза Брежнев, который не имел к Сталинградской битве никакого отношения. Журнал «Вопросы истории КПСС», первый номер которого был сдан в набор в декабре, опубликовал статью «Мобилизующая роль КПСС как решающее условие победы под Сталинградом», где упоминались не только ведущие полководцы, но и министр обороны Д. Ф. Устинов, который немало потрудился в годы войны по части производства вооружения. Но в статье ни разу не встречается имя Сталина, а также Хрущева, являвшегося членом Военного совета Сталинградского фронта и в качестве единственного члена Политбюро в этом районе руководившего всей политической работой. В статье имеется одна цитата из произведений Брежнева и две — из выступлений Андропова.

Иные акценты — в журнале «Коммунист», который сдавали в набор в конце декабря 1982 года. Автор статьи «Победа на Волге» генерал армии Д. Лелюшенко называет не только Сталина и генералов — участников сражения на Волге, но трижды — Хрущева. Фактически это было первое за 18 лет упоминание в массовом политическом журнале заслуг Никиты Сергеевича. Лелюшенко писал и о вкладе Г. М. Маленкова как члена ГКО, прибывшего в Сталинград, чтобы помочь обороне города и, в частности, формированию 16-й воздушной армии. Все это свидетельствовало не только об объективности автора статьи. Чтобы цензура пропустила имена Хрущева и Маленкова, требовалось разрешение более высоких инстанций, чем редколлегия журнала «Коммунист». Журнал «Новая и новейшая история» в № 1 за 1983 год опубликовал статью о тенденциозности и предвзятости буржуазной историографии в освещении истории СССР вообще и истории Отечественной войны в частности. Однако от еще большей тенденциозности и предвзятости не избавилась пока еще и наша отечественная

историография.

Вообще с весны 1983 года внимание ЦК КПСС к проблемам идеологии значительно возросло. Но речь шла о более целеустремленном идеологическом воспитании и контроле, а вовсе не об обновлении идеологии и каком-то новом импульсе к развитию общественных наук. В середине марта в Москве состоялось совещание секретарей Центральных комитетов коммунистических и рабочих партий социалистических стран по проблемам идеологии и международной политики. Однако, как можно судить по краткому коммюнике в «Правде» от 16 марта, секретари обсуждали главным образом проблемы внешней политики социалистических стран. «Особое внимание, — говорилось в нем, — было уделено рассмотрению практических вопросов, связанных с организацией противодействия усилиям реакции развернуть антикоммунистический "крестовый поход"». Лишь очень кратко обсуждены проблемы развития общественных наук. Состоялось также и Всесоюзное совещание идеологических работников, в котором приняли участие секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, руководители министерств и ведомств, связанных с идеологической работой. Однако ни доклад на совещании М. В. Зимянина, ни другие выступления не были опубликованы.

Как и во времена Брежнева, идеологическая работа в нашей стране велась главным образом вокруг тех или иных юбилеев и годовщин. Множество различных мероприятий проводилось в связи со 100-летием со дня смерти и 165-летием со дня рождения Карла Маркса. В Москве прошла Всесоюзная научная конференция. В апреле в Берлине состоялась Международная научная конференция на тему «Карл Маркс и современность». На протяжении нескольких месяцев все советские журналы по общественным наукам публиковали статьи о жизни и деятельности Маркса, о различных аспектах его учения и современном состоянии марксизма в СССР и за рубежом. Однако вся эта широкая кампания, в сущности, ничем не обогатила марксизм. Наиболее интересным документом оказалась, пожалуй, большая статья самого Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», о которой я упоминал выше.

Еще одной идеологической кампанией, проведенной весной 1983 года, стали совещания и конференции, посвященные 80-летию II съезда РСДРП, положившего начало большевизму в России. Обнародованное в этой связи постановление ЦК КПСС было обширным, но крайне декларативным. Достаточно сказать, что упоминалось лишь три съезда партии — I, II и XXVI.

Важнейшие события партийной истории были обойдены молчанием.

Центральным событием идеологической жизни КПСС должен был стать июньский Пленум ЦК, специально посвященный актуальным проблемам идеологической работы партии. Надо отметить, что последний Пленум по идеологии проводился в июне 1963 года, то есть ровно 20 лет назад, когда во главе страны и партии стоял еще Н. С. Хрущев. На Пленуме 1983 года доклад делал секретарь ЦК и член Политбюро К. У. Черненко, который только недавно оправился от длительной и тяжелой болезни, но оставался все еще «человеком № 2» в партийном руководстве и обладал весьма широкой поддержкой в Центральном Комитете, в аппарате партийных органов и на среднем уровне партийного руководства.

Большую часть своего доклада Черненко посвятил различным формам и методам идеологической работы: деятельности идеологических учреждений партии, партийной печати, издательств, институтов по общественным наукам, системе народного образования, работе комсомола, работе с верующими и т. п. Речь шла главным образом о «технологии», организации и планировании идеологического воспитания. Однако докладчик заботливо обошел все наиболее острые проблемы советской жизни, истории и партийной идеологии. Слова Черненко о том, что в практике идеологической работы «не перевелись еще длинные и скучные, назидательные монологи», можно было бы с полным основанием отнести и к его собственному докладу. Это был, в сущности, длинный и скучный монолог, а не диалог с коммунистами и народом, хотя почти у всех советских людей накопилось немало трудных вопросов к партийному руководству. Эти вопросы звучали не только в письмах и обращениях в ЦК, но и в беседах на улице, в транспорте, в семье и на работе. Ответа на них никто не получал.

Более содержательной была пространная речь Ю. В. Андропова, которая стала центральным событием Пленума. После нескольких общих положений Андропов перешел к анализу проекта новой Программы КПСС, который разрабатывался по решению XXVI съезда партии. Это позволило оратору говорить не о формах и планировании идеологической работы, а о ее содержании. Андропов говорил об уже устаревшей Программе КПСС, принятой еще в 1961 году, многие из положений которой оказались ошибочными и утопичными. Оратор кратко затронул ряд проблем внешней и внутренней политики КПСС, и особенно политики партии в области народного образования. Он подтвердил свою приверженность идее трудового обучения и

воспитания, которое почти сошло на нет в 1970-е годы. Перейдя к вопросам международного коммунистического движения, Андропов отметил, что в работе некоторых коммунистических партий не обошлось без серьезных ошибок. «А за ошибки в политике, — сказал он, — приходится расплачиваться. Когда ослабевает связь партии с народом, в возникшем вакууме появляются самозваные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся. Нет отпора националистическим настроениям — и возникают межгосударственные конфликты, для которых, казалось бы, и базы-то нет в социалистическом мире»[264].

Опытным комментаторам нетрудно было догадаться, что речь шла в данном случае о конфликте между СССР и КНР, а также о Польше, о профсоюзе «Солидарность» и его лидере Лехе Валенсе. Конечно, в словах Андропова содержалось много несправедливого. Если в Польше партия утратила связь с массами, то нужно было бы найти другие слова для характеристики народных лидеров, сумевших по-своему выразить народное недовольство и даже возмущение теми партийными «вождями», которые завели свою страну в экономический и политический тупик. Что касается националистических настроений в странах, недавно освободившихся от колониального и полуколониального гнета, то эти настроения — и об этом говорил еще Ленин — совершенно естественны и даже неизбежны.

Задачам улучшения идеологической работы была посвящена встреча Андропова и других членов Политбюро с большой группой ветеранов КПСС. Речь шла в первую очередь о честной и добросовестной работе и «правильном» мышлении в политике. Правда, Андропов резонно заметил при этом, что одними словами партия не сможет привлечь на свою сторону советских людей, что «необходимо социальное обеспечение идеологической работы. Всякого рода бесхозяйственность, нарушение законов, стяжательство, мздоимство обесценивают работу тысяч агитаторов и пропагандистов»[265].

В целом идейная жизнь в стране и в партии оставалась и в 1983 году жестко скованной прежними путами консерватизма и догматизма, и было очевидно, что Андропов вовсе не собирался положить этому конец. Это вызвало явное разочарование значительной части интеллигенции и сожаление у прогрессивно настроенных западных советологов, которые к тому же были более свободны в выражении своего мнения. Известный английский советолог Эдвард Кренкшоу, касаясь приверженности Андропова ко многим ложным концепциям советской истории и

идеологии, писал в газете «Обсервер»: «Что может быть более вводящим в заблуждение и вместе с тем более соответствующим духу времени, нежели утверждение из Москвы, содержащееся в последнем воскресном номере "Обсервера", о новом настроении терпимости и компромисса между Востоком и Западом и об ослаблении идеологического или "теологического" конфликта? Так сказать, живи и давай жить другим. Без сомнения, перед лицом господа бога все мы грешники. И если мистер Андропов привержен такому взгляду, тогда давайте скажем спасибо. Однако до сих пор для этого не существовало никаких признаков… Андропов — кремлевский человек, а кремлевский человек отличается по своему типу от всех других политиков: он говорит на собственном языке и базирует свое неведение на допущениях, радикально отличных от допущений всего остального человечества… Андропов разговаривает в этих же терминах, и его разговор отражается в его поведении — и наоборот… Все общества во многом зависят от лицемерия и самообмана. В России не существует большего греха, чем грех против государства, которое в данном случае олицетворяет Андропов. В Советском Союзе ложь институализирована, она не дешевый прием, открытый или скрытый, но инструмент политики, политики отточенной и отполированной… И мистер Андропов вознесен этой ложью. Советский Союз является единственной страной в Старом Свете, которая еще не начала освобождаться от своего прошлого путем признания совершенных преступлений. Эта запретная ноша, несомненно, наиболее тяжела: она не только подавляет мораль, инициативу и человеческие приличия, но она коверкает и калечит экономику, опирающуюся на доктринально инспирированное сельское хозяйство и на индустриальную систему, которая имеет в высшей степени слабые связи с реальной действительностью и должна быть разрушена перед тем, как вообще что- либо можно будет производить»[266].

Идеологическая ограниченность Андропова как политика и государственного деятеля не позволила ему взглянуть иначе на проблему инакомыслящих и на все те оппозиционные движения в стране, с которыми он боролся еще на посту Председателя КГБ. В этой области ожидания видных деятелей эмиграции и диссидентов внутри страны, к сожалению, не оправдались. Мы уже писали, что никто из «политических» не вышел на свободу по декабрьской амнистии 1982 года. Были освобождены лишь несколько диссидентов, которые оказались в заключении по другим статьям Уголовного кодекса, например за хранение патронов, нарушение паспортного режима и прочим. Вышли из мест заключения и арестованные еще весной 1982 года несколько

человек из так называемой группы «социалистов» (А. Фадин, П. Кудюкин, Ю. Хавкин, Б. Кагарлицкий и другие). Ее члены находились под следствием, и их освобождению предшествовала процедура письменного «раскаяния», а иногда и таких показаний (А. Фадин и П. Кудюкин), которые граничили с предательством товарищей по группе и всех тех, кто этой группе сочувствовал.

Однако в целом по разным линиям начал усиливаться нажим на тех немногих известных и не слишком известных диссидентов, которые еще оставались на свободе. Вызывая этих людей в органы КГБ или Прокуратуры, им угрожали арестом, если они не прекратят «антисоветской» деятельности. В начале 1983 года было объявлено о предстоящих судебных процессах, в частности по делу З. Крахмальниковой — издательницы религиозного альманаха, по делу писателя П. Бородина. Под давлением КГБ вынужден был покинуть страну известный советский писатель Г. Владимов.

Ю. В. Андропов возобновил отношения с некоторыми из своих прежних помощников, например с Г. Х. Шахназаровым. Но когда ободренный этим Георгий Хосроевич составил обстоятельную записку о необходимости постепенной демократизации в стране, Андропов отнесся к его предложениям резко отрицательно. «Мы должны сначала накормить и одеть людей», — сказал он Шахназарову. Узнав о трудностях режиссера Ю. Любимова в театре на Таганке, Андропов просил Шахназарова передать ему, что постарается помочь, но позже. «Сейчас мне не до этого» — таков был ясный смысл слов Андропова.

Еще более резко отреагировал Юрий Владимирович на большую записку Г. Арбатова о настроениях и разочарованиях интеллигенции после волны запрещений театральных постановок и разговоров о предельно догматичных и нелепых лекциях, которые в различных аудиториях читал заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС М. И. Волков. Среди интеллигенции, писал Арбатов, появилась даже поговорка: «Вот тебе и Юрьев день». Андропов ответил Арбатову не устно, как обычно, а письменно и на «вы», обвинив недавнего друга в «удивительно бесцеремонном и необъективном тоне», в «претензиях на поучения», заключив, что это «не тот тон, в котором нам следует разговаривать с Вами». И еще решил добавить Андропов: «Пишу все это к тому, чтобы Вы поняли, что Ваши подобные записки помощи мне не оказывают. Они бесфактурны, нервозны и, что самое главное, не позволяют делать правильных практических выводов». По существу это была своеобразная «декларация» о прекращении прежних отношений. Правда, сам Андропов понял вскоре, что был не вполне прав. Уже

в конце лета 1983-го он пригласил Арбатова к себе и после теплой, хотя и не лишенной горьких взаимных упреков встречи попросил подготовить записку об отношениях между партией и интеллигенцией[267].

Такая же встреча состоялась у Андропова с А. Бовиным, которому поручили подготовить записку по национальным проблемам. Андропов получил и прочел эту записку, как и записку Арбатова, видимо, во время болезни. На тексте сохранились его пометки. Но реализовать предложения своих давних консультантов он уже не смог. Неудивительно, что и сегодня некоторые из авторов называют время Андропова не «новой оттепелью», а «поздними заморозками» и вспоминают его прозвище — «Юрий Долгорукий». Я не считаю это справедливым, но оснований для таких оценок, к сожалению, более чем достаточно. Одно из них — судьба А. Д. Сахарова.

После прихода Андропова к власти требования об освобождении Сахарова становились все более настойчивыми и многочисленными. Многим казалось, что новый советский лидер — пусть и по чисто тактическим соображениям — сможет положительно решить этот вопрос. Но Андропов ничего не сделал для изменения положения Сахарова. Напротив, принял меры для усиления всех форм давления на ссыльного академика. Статьи и коллективные «открытые» письма против Сахарова стали публиковаться не только в «Известиях», но и в «Горьковской правде». Журнал «Человек и закон» называл Сахарова и «агентом ЦРУ», и «агентом международного сионизма»[268]. В новом издании книги Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», вышедшей в 1983 году, появился большой раздел об А. Д. Сахарове и Е. Г. Боннэр, перепечатанный вскоре многотиражным молодежным журналом «Смена». Некоторые из близких друзей академика, в частности Ю. Шиханович, были арестованы как раз в 1983 году. Сахарову не доставлялись письма от его единомышленников и коллег из-за границы, но за год он получил более 2500 писем с резким осуждением его «человеконенавистнической» позиции.

Несомненно, Андропов знал практически все о положении Сахарова. Когда в августе 1983 года в Москву приехала группа американских сенаторов, чтобы прозондировать вопрос о возможном улучшении советско-американских отношений, а также о Сахарове, именно Андропов в беседе с ними заявил, что дело Сахарова не может быть пересмотрено и что ученый якобы «психически болен».

Хотя Советский Союз являлся многонациональным государством, наши национальные проблемы не изучались ни в научных, ни в политических учреждениях. Редкие начинания в

этой области не получали поддержки. Один из консультантов ЦК Э. Баграмов вспоминал: «С приходом к руководству партией Ю.В.Андропова появилась надежда, что национальной политике будет уделено должное внимание. В 1983 году я направил Андропову записку "О некоторых вопросах национальной политики КПСС". В ней обозначались горячие точки: взаимоотношения грузин и абхазов, осетин и ингушей, армян и азербайджанцев в связи со статусом Нагорно-Карабахской области, процессы в Эстонии, Карачаево-Черкесии, выступления крымских татар. Анализировались тревожные демографические и социально-психологические тенденции. На основе всего этого делался вывод о необходимости отказаться от устаревших догм и стереотипов и начать перестраивать всю работу в области национальных отношений. Как сообщил мне в августе 1983 года помощник Генерального секретаря П. Лаптев, «записка очень понравилась Юрию Владимировичу. "Вас позовут", — добавил он»[269].

Позвали Баграмова, однако, не к Андропову, а к секретарям ЦК Зимянину и Капитонову. Беседа продолжалась около часа. Секретари не возражали против выводов и предложений Баграмова, однако заметили: «Все это хорошо, но стоит ли беспокоиться: ведь провалов в национальной политике нет». Но это была иллюзия. Надо полагать, Андропов понимал потенциальную опасность национальных проблем, но у него просто не было уже времени в них разбираться. Предложения о создании в структуре ЦК специального подразделения по национальной политике, а также академического института национальных проблем не были реализованы.

Кадровые перестановки. Формирование новой команды

До назначения в КГБ у Андропова не было своей команды. В Комитете госбезопасности ему удалось создать достаточно прочную группу единомышленников, в которую входили В. Чебриков, В. Крючков, Ф. Бобков и другие. Но это были уже профессиональные чекисты, и их трудно было передвинуть на высокие посты в партийный или хозяйственный аппарат. Начав проводить изменения в кадрах, Андропов ясно сознавал необходимость формирования новой «команды». Выдвижение Николая Рыжкова явилось одним из важных шагов в этом направлении. Вместо отправленных на пенсию заведующих отделами ЦК Г. Павлова и С. Трапезникова в аппарат ЦК КПСС пришли Н. Е. Кручина и В. А. Медведев. По рекомендации М. Горбачева один из самых важных в ЦК отделов — организационно-партийной работы, или фактически отдел кадров ЦК, возглавил Егор Кузьмич Лигачев, проработавший до этого 17 лет первым секретарем Томского обкома партии. О своей встрече и беседе с Андроповым Лигачев писал в воспоминаниях: «Я поднялся на пятый этаж и пошел к кабинету № 6, где по традиции работали Генеральные секретари. В ту пору мне было уже шестьдесят два года. За плечами нелегкая жизнь, в которой хватало драматизма. Да и политический опыт накопился за десятилетия немалый — так уж сложилась судьба, что в разные годы мне довелось общаться не только с высшими советскими руководителями, но и с Мао Цзэдуном, причем дважды… В общем, цену я себе, конечно, знал. А главное, совершенно не думал о карьере — в этом была моя сила. Да и какая карьера в шестьдесят два года… С таким настроением и вошел в приемную Андропова. Юрий Владимирович принял меня очень быстро. Сразу спросил:

— С вами говорил Горбачев?

— Говорил.

— Я буду вносить на Политбюро предложение, чтобы вас утвердили заведующим орготделом. Как вы на это смотрите? Мы вас достаточно хорошо изучили.

Задавать лишние вопросы было ни к чему. Я кратко ответил:

— Я согласен. Спасибо за доверие.

— Тогда сегодня в одиннадцать часов будем утверждать вас на Политбюро.

— Уже сегодня? — вырвалось у меня. Чего-чего, а такого

темпа, такого стремительного развития событий я никак не ожидал.

— А чего тут ждать? Надо делать дело.

Весь разговор занял минут десять…»[270].

При участии Лигачева в стране ускорился процесс обновления кадров в партийных и государственных органах. К концу 1983 года в стране сменилось около 20 процентов первых секретарей обкомов партии и более 20 процентов министров. Значительными были изменения и на других ступенях управления. Прежний заведующий орготделом И. В. Капитонов остался секретарем ЦК, но теперь он контролировал не кадры, а сферу производства и распределения товаров народного потребления. Новые руководители появились в общем отделе, в отделе зарубежных кадров, а также в других важнейших подразделениях Центрального Комитета. Не имея возможности до очередного съезда изменить состав Пленума ЦК, Андропов существенно обновил в первые месяцы 1983 года аппарат ЦК КПСС, роль которого в фактическом руководстве партией в то время была чрезвычайно велика. Член Политбюро Г. В. Романов, возглавлявший до этого партийную организацию Ленинграда, перешел на работу в Москву, в Секретариат ЦК. Он стал курировать оборонную промышленность страны — в то время самую крупную отрасль народного хозяйства.

В то время как Алиев имел уже две Звезды Героя Социалистического Труда, Романов даже при очень щедром на всякие награды Брежневе не был удостоен этого высокого звания. Он получил его в 1983 году, в день своего 60-летия. Несомненно, Андропов лучше других знал как достоинства, так и недостатки Романова. Но он знал также о вражде Романова и Гришина, а также о политическом союзе Гришина и Черненко. Поэтому Юрий Владимирович очень дорожил поддержкой Романова в Политбюро, не обращая внимания ни на злоупотребления спиртными напитками, ни на его далеко идущие амбиции.

С расширением деятельности генсека расширялся и небольшой вначале штат его помощников. Одним из вновь пришедших стал А. И. Вольский, в прошлом инженер, начальник цеха на Московском автозаводе им. Лихачева. В 1970-е годы он работал в аппарате ЦК в отделе машиностроения. По свидетельству Аркадия Ивановича, приглашение к Андропову было для него неожиданным, они не были знакомы лично. Без долгих расспросов хозяин кабинета сказал, что он нуждается в хорошем помощнике по проблемам промышленности и машиностроения и предлагает занять этот пост Вольскому. Тот несколько растерялся, стал говорить, что об этом надо подумать,

что Андропов не знает его, попросил разрешения рассказать генсеку о своей прошлой деятельности и о себе. Юрий Владимирович снял очки и, прищурившись, посмотрел на Вольского: «А почему вы думаете, что мы не знаем о вас все то, что вы хотите мне сейчас рассказать?» Вопрос был решен, и Вольский стал помощником Генерального секретаря.

В это же время Андропов решительно отклонил предложение вернуть на ответственную партработу А. Н. Яковлева, который 14 лет занимал различные посты в Ярославском обкоме КПСС, а с 1960 по 1973 год — и в ЦК. Александр Николаевич заметно отличался по знаниям и интеллекту от многих работников аппарата, и это обстоятельство, видимо, мешало его продвижению во времена Брежнева. Больше двух лет Яковлев возглавлял отдел агитации и пропаганды ЦК, но как исполняющий обязанности. Он прошел годичный курс обучения в Гарвардском университете в США, а с 1973 по 1983 год работал послом СССР в Канаде. Андропов не стал возражать против возвращения Яковлева в Москву, где его назначили на влиятельный и престижный пост директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Но Андропов не стал приглашать его в свою команду, заметив мимоходом, что Яковлев слишком долго прожил в капиталистической стране и там «переродился».

В 1983 году умер А. Я. Пельше, и на посту председателя Комитета партийного контроля его сменил М. С. Соломенцев, который уже 12 лет был Председателем Совета Министров РСФСР. Андропов решил рекомендовать на пост главы российского правительства В. И. Воротникова, работой которого в Краснодарском крае он был очень доволен. В. Воротников писал об этом в дневнике: «Утром 3 июня приехал в ЦК КПСС. Сразу подошел к Капитонову. "Сейчас пойдем к Ю. В. Андропову. Речь идет о переводе вас из Краснодара. Давайте подумаем о кандидатуре на замену". Я, естественно, спрашиваю, что за перевод, куда? "Узнаешь на пятом этаже", — услышал в ответ.

Пришли к Андропову. Он поинтересовался делами, видами на урожай, ситуацией в животноводстве и другими делами в крае.

Потом Юрий Владимирович говорит: "Теперь о главном. Вы знаете, что на днях скончался А. Я. Пельше. Политбюро решило рекомендовать председателем КПК Соломенцева, а Председателем Совета Министров РСФСР — вас. Все объективные данные за это. Работали в Совмине России, а также в ряде областей, на Кубе. Везде зарекомендовали себя положительно. Как вы отнесетесь к этому?" Смотрит на меня в упор. Я немного помолчал и, стараясь не волноваться, произнес: "Дело большое и

необычайно ответственное. Надо сказать честно, уже привык к Краснодару. Интересная работа. Встретил там немало хороших, деловых людей. Вроде бы нашел и у них понимание, поддержку в народе". Реплика Андропова: "А ведь сначала не очень хотел? Отзывы хорошие. Ценим, что всегда ведете себя достойно и выполняете ответственные поручения ЦК. Что же теперь раздумывать?"»[271].

Новые назначения Соломенцева и Воротникова были утверждены на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 года. При этом В. Воротникова избрали кандидатом в члены Политбюро. На этом же Пленуме постановили рекомендовать Верховному Совету СССР избрать Ю. В. Андропова Председателем Президиума Верховного Совета, что и было сделано 16 июня на сессии Верховного Совета.

По требованию Андропова был снят со своего поста председатель Комитета по делам строительства и заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, один из людей, близких не только к Брежневу, но и к Председателю Совета Министров СССР И. А. Тихонову. Новиков считался опытным руководителем и неплохим организатором. Но в строительстве, особенно в строительстве крупных промышленных объектов, накопилось слишком много недостатков. Работы велись крайне долго, а место для самых крупных строек выбиралось нередко не из соображений экономической и технической целесообразности, а под давлением амбициозных региональных руководителей. Чаша терпения переполнилась, когда стало ясно, что руководимый И. Т. Новиковым комитет санкционировал строительство громадного завода «Атоммаш» на берегу Цимлянского моря в Ростовской области без достаточно тщательного обследования геологических особенностей территории. Крупные объекты завода и некоторые высотные жилые дома начали выходить из строя, так как их фундаменты стояли на песчаной почве с плывунами. Убытки от неизбежных переделок или переноса производства исчислялись миллиардами рублей.

Новые руководители появились в министерствах СССР — путей сообщения (Н. С. Конарев), сельского строительства (В. Д. Даниленко), тяжелого и транспортного машиностроения (С. А. Афанасьев), общего машиностроения (О. Д. Бакланов), в Госкомитете по труду и социальным вопросам (Ю. П. Баталин) и некоторых других. Изменения произошли и в ряде крупных республиканских и областных парторганизаций. После неожиданного самоубийства Ш. Р. Рашидова первым секретарем ЦК КП Узбекистана стал И. Б. Усманходжаев, а после смерти Т. Я. Киселева партийным лидером Белоруссии был избран недавний

работник Госплана СССР Н. Н. Слюньков. Ушли на пенсию партийные руководители Дагестана М. Умаханов, Одесской области — Н. К. Кириченко, Иркутской — Н. В. Ванников. В Ленинграде на место Романова был избран Л. Н. Зайков, работавший до этого председателем Ленгорисполкома. Первым секретарем Краснодарского обкома КПСС был избран Г. П. Разумовский, в Иркутске первым секретарем обкома стал В. И. Ситников, в Дагестане партийную организацию возглавил М. Ю. Юсупов. На июньском Пленуме из состава ЦК были выведены всего лишь два человека, Медунов и Щелоков — «за ошибки в работе», как было сказано в коммюнике для печати. На Пленуме, однако, говорилось не об «ошибках», а о злоупотреблении, стяжательстве и взятках.

Все эти перемены в партийно-государственном руководстве были значительными, но не решающими, однако они вызвали немалое беспокойство в сложившихся еще во времена Брежнева мощных региональных и отраслевых группах руководителей, и прежде всего в клане самого Брежнева, во главе которого после его смерти оказался Черненко.

Чтобы продолжить перемены на всех уровнях партийного руководства, Центральный Комитет по предложению Ю. В. Андропова принял в августе 1983 года решение о проведении осенью и зимой отчетов и выборов в первичных, районных, городских, окружных, областных и краевых парторганизациях. В тексте резолюции ЦК содержалось важное требование: «Не могут быть терпимы факты, когда собрания проходят по подготовленному сценарию, без заинтересованного, откровенного обсуждения, когда выступления участников заранее редактируются, а инициатива и критика приглушаются».

Андропов призывал партийные организации смелее выдвигать новых руководителей, исходя из их личных качеств и способностей. Наиболее определенно этот призыв прозвучал на уже упомянутой нами встрече с группой ветеранов партии 15 августа 1983 года. Когда один из участников встречи, Я. Д. Чанышев, сказал: «Мы очень довольны, что руководство ЦК партии ведет дела по-ленински… И мы очень просим вас — не либеральничайте с теми, кто не об общем благе думает, не о работе, а только о личном благополучии», то в этом месте Юрий Владимирович прервал оратора многозначительной репликой: «Это мы вам обещаем». Собрание ответило аплодисментами.

На протяжении всего года продолжалась борьба с коррупцией и хищениями. Больше стало следователей КГБ и Прокуратуры СССР, которые проверяли факты крупных приписок и коррупции в Узбекистане и других республиках Средней Азии. По

свидетельству корреспондента «Комсомольской правды» К. Баялинова, партийные решения 1983 года «исподволь подготовляли почву нынешней перестройке. На наших глазах происходила ломка стиля руководства партийного и комсомольского аппарата. Изменилась работа с кадрами, стали цениться деловитость, компетентность. В одной из областей Киргизии, которую по долгу службы мне пришлось курировать, напуганные руководители стали сдавать свои особняки и дачи под детские сады и службы быта. Я знаю людей из вузовской среды, которые на период Андропова припрятали свои ценности, "купленные" на скромную вузовскую зарплату. Тон во всем, как мне кажется, задавал Генеральный секретарь. Человек исключительной личной скромности, порой доходящей до аскетизма, Юрий Владимирович являл собой для нас, молодых аппаратчиков, образец государственного руководителя. Но при всей своей честности и целеустремленности Юрий Владимирович все же был, на мой взгляд, последним из руководителей сталинской формации. Взращенный и воспитанный этой эпохой, Андропов незримо нес прошлое в практику всей своей деятельности. Его теоретический труд "Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР" содержал симбиоз старого мышления и ростков нового. Поднимаясь до высот научного обобщения накопленного опыта, Андропов опускался до практически административно-командной системы, оставаясь заложником своего времени»[272].

В те годы начала выявляться одна из крупнейших транзитных линий наркобизнеса, проходившая через Афганистан, а затем и через всю территорию СССР до западных границ и дальше — в Западную Европу и США. Оказалось, что перед искушением заработать огромные деньги не устояли и некоторые советские офицеры из «ограниченного контингента». Андропов не остановился и перед жестокой проверкой некоторых важных служб КГБ и ГРУ: теперь у него было достаточно власти, чтобы провести чистку там, где раньше он сделать этого не мог. Одно из крупнейших дел, не преданное в то время гласности, — разоблачение предателя Полякова, который 25 лет работал в ГРУ, дослужился до чина генерал-майора и в то же время усиленно работал на ЦРУ, передавая туда списки советских разведчиков. Это дело привело к падению многих руководителей ГРУ, обвиненных не только в продвижении Полякова, но и во всевозможных злоупотреблениях, начиная от примитивных взяток и кончая продажей генеральских должностей[273].

Все больший масштаб приобретала борьба со злоупотреблениями и коррупцией в сфере обслуживания и

торговли. Немалый ужас на мафиозный мир и преступные торговые кланы по всей стране нагнал крах Н. П. Трегубова — начальника Главторга Мосгорисполкома, занявшего этот пост еще в 1970 году и считавшегося человеком, близким к члену Политбюро В. В. Гришину (а с Гришиным у Андропова были давние счеты). Трегубова арестовали в июне, а следом за ним органы КГБ заключили под стражу еще 25 ответственных работников московского Главторга и директоров крупнейших универмагов и гастрономов, включая В. С. Тверитинова — директора гастронома при ГУМе, арестованного 17 августа 1983 года.

Под знаком обновления кадров и стиля работы проходила осенняя отчетно-выборная кампания в партийных организациях. Уже на районных партийных конференциях нередки были острые и критические выступления, которые почти никогда не звучали после 1965–1966 годов. В некоторых областях и крупных городах руководство районных комитетов партии было обновлено на 25–35 процентов. Значительное обновление произошло также в московских райкомах партии. Однако замена прежних секретарей происходила, как правило, не на самой партконференции, а за несколько дней или недель до нее. Пленум райкома избирал нового секретаря, который и делал отчетный доклад на конференции.

По такой же схеме готовились и проходили областные конференции. Еще до их начала было обновлено руководство Владимирской, Волгоградской, Калужской, Калининградской, Липецкой, Днепропетровской, Донецкой и некоторых других областей Украины; Восточно-Казахстанской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской и некоторых других областей Казахстана, других областей и республик.

На областных партийных конференциях звучало значительно больше критических выступлений, чем в прошлые годы. Это не были, конечно, свободные от контроля сверху форумы, где любой делегат мог высказать замечания обкому партии или Центральному Комитету. Конференции проходили по заранее составленному плану, однако решающее слово при составлении такого плана принадлежало представителю ЦК, а не руководству местного обкома. В целом обновление партийного руководства в областях оказалось менее значительным, чем ожидалось.

На ноябрь 1983 года был намечен итоговый Пленум ЦК КПСС, но его несколько раз откладывали. Пленум состоялся только в конце декабря. На нем были рассмотрены текущие экономические проблемы страны и подведены социальные и

хозяйственные итоги завершившегося года. Андропов не присутствовал на декабрьском Пленуме ЦК, однако на первом же заседании был прочитан текст его доклада, который и стал отправным пунктом всех выступлений в прениях. Основные проблемы, которые поднимались Андроповым и участниками Пленума, не были особенно оригинальными. Речь шла опять-таки об укреплении производственной и плановой дисциплины, повышении коэффициента сменности и улучшении использования оборудования, повышении производительности труда, лучшем использовании трудовых и материальных ресурсов, точном соблюдении договорных обязательств, расширении соревнования, повышении научно-технического потенциала страны, охране природы.

Влияние Андропова чувствовалось и при решении организационных вопросов. Из кандидатов в члены Политбюро были переведены В. И. Воротников и М. С. Соломенцев. Но если Соломенцев дожидался этой чести 12 лет, то Воротников — всего полгода. Трудно припомнить в нашей партийной истории столь быстрый взлет карьеры. Многие высказывали в этой связи предположения, что Воротникова ждут в недалеком будущем новые назначения. Кандидатом в члены Политбюро был избран В. М. Чебриков — новый Председатель КГБ. Пленум принял предложение Андропова и избрал Е. К. Лигачева секретарем ЦК. Все эти изменения были направлены на усиление «команды» Андропова. Именно так они и комментировались зарубежной печатью.

Юрий Андропов и Михаил Горбачев

Роль Андропова в выдвижении и поддержке Горбачева известна. Их первое знакомство состоялось в апреле 1969 года, когда Андропов приехал в Железноводск, лучший в Советском Союзе курорт для людей, страдающих заболеваниями почек. Вся эта знаменитая группа курортов Кавказских Минеральных Вод находится на территории Ставропольского края. Когда на курорты приезжали знаменитые артисты, писатели, известные дипломаты или министры, их навещали здесь секретари райкомов и горкомов, работники обкома. Гостям приносили цветы, фрукты, вино, кавказские сувениры. При лечении на курорте членов Политбюро их встречали и навещали в санаториях секретари Ставропольского обкома, у которых была, таким образом, уникальная возможность расширить связи и знакомства. Л. И. Брежнев предпочитал летом отдыхать в Крыму, а весной в Сочи, что объяснялось отчасти его добрыми отношениями с Медуновым. Алексей Косыгин любил отдыхать и лечиться в Кисловодске. Один из популярных здесь терренкуров долгое время называли «тропой Косыгина». Андропов бывал в Крыму, но предпочитал Кисловодск и Железноводск. В Железноводске он редко выходил за пределы санатория ЦК КПСС «Дубовая роща». В Кисловодске по утрам уходил по тропе в горы. Впереди и сзади него шли телохранители. М. Горбачев стал первым секретарем Ставропольского обкома КПСС в 1970 году, но в 1968–1969 годах он занимал пост второго секретаря обкома, и когда уставший от бурных событий 1968 года Андропов отклонил визит первого секретаря обкома Л. Ефремова, тот послал на встречу с Председателем КГБ Горбачева. Эта первая встреча Андропова и Горбачева не была особенно теплой. Сам Горбачев вспоминал: «Расположился Председатель КГБ в санатории "Дубовая роща" в трехкомнатном люксе. Я прибыл в назначенное время, но меня попросили подождать. Прошло сорок минут. Наконец он вышел, тепло поздоровался, извинился за задержку, ибо "был важный разговор с Москвой".

Потом мы еще не раз встречались. Раза два отдыхали в одно и то же время: он — в особняке санатория "Красные камни", а я — в самом санатории. Вместе с семьями совершали прогулки в окрестностях Кисловодска, выезжали в горы. Иногда задерживались допоздна, сидели у костра, жарили шашлыки. Андропов, как и я, не был склонен к шумным застольям "по-кулаковски". Прекрасная южная ночь, тишина, костер и разговор по душам.

Офицеры охраны привозили магнитофон. Уже позднее я узнал, что музыку Юрий Владимирович чувствовал очень тонко. Но на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Любил их песни и сам неплохо пел, как и жена его Татьяна Филипповна. Однажды предложил мне соревноваться — кто больше знает казачьих песен. Я легкомысленно согласился и потерпел полное поражение. Отец Андропова был из донских казаков, а детство Юрия Владимировича прошло среди терских.

Были ли мы достаточно близки? Наверное, да. Говорю это с долей сомнения, потому что позже убедился: в верхах на простые человеческие чувства смотрят совсем по-иному. Но при всей сдержанности Андропова я ощущал его доброе отношение, даже когда, сердясь, он высказывал в мой адрес замечания.

Вместе с тем Андропов никогда не раскрывался до конца, его доверительность и откровенность не выходили за раз и навсегда установленные рамки. Он лучше других знал обстановку в стране и чем она грозит обществу. Но, по-моему, считал, как и многие: стоит взяться за кадры, наведение дисциплины, и все придет в норму. Насколько остро Юрий Владимирович реагировал на явления идеологического характера, настолько равнодушен был к обсуждению причин того, что тормозит прогресс в экономике, почему глохнут одна за другой реформы»[274].

Андропову не просто нравился молодой ставропольский лидер, в середине 1970-х годов Председатель КГБ был просто увлечен Горбачевым и не раз говорил о нем с восхищением тем людям, с которыми у него были добрые и доверительные отношения. Так, например, в беседе с начальником одного из управлений КГБ генералом В. Кеворковым Андропов признал, что вряд ли кого-либо из нынешних государственных и партийных деятелей можно отнести к разряду талантливых руководителей, способных решать стоящие перед страной трудности. «Однако он тут же спохватился, — писал Кеворков в мемуарах, — …и принялся убеждать себя в том, что грядет лучшее будущее. Подросла целая плеяда молодых коммунистов, понимающих необходимость внесения корректив в нашу жизнь. Уже сформировался где-то в глубинке лидер, способный взять на себя тяжелейшую ношу перестройки самого главного для нас — запущенного сельского хозяйства. Надо в первую очередь накормить народ.

Тогда я впервые услышал слово "перестройка", в том смысле, в котором ему было суждено войти в мировой лексикон: впервые как взлет, а позже как начало распада второй мировой державы.

Зная, что Андропов предпочитает скрывать личные контакты,

я не осмеливался поинтересоваться именем того, кто должен был накормить Россию, надеясь, что он в конце концов назовет его сам.

Еще задолго до этого разговора мне довелось неоднократно слышать рассказы очевидцев о том, что Андропова во время осенних отпусков, которые он проводил на водах в районе Железноводска, постоянно опекал секретарь Ставропольского краевого комитета партии. Их часто видели прогуливавшимися вместе по аллеям санатория. Я знал, что Андропов не стал бы тратить напрасно время, даже отведенное для прогулок, на человека, на которого он не возлагал каких-либо надежд. Поэтому, когда он заговорил о сформировавшемся лидере "из глубинки", я невольно вспомнил о ставропольском секретаре и насторожился.

— Это настоящий самородок, — продолжал Андропов, — великолепный организатор, прекрасно знает сельское хозяйство, долгое время трудился в поле, а оттуда перешел на партийную работу. Убежденный, последовательный и смелый коммунист! Одним словом, то, что сейчас необходимо: партийный организатор от земли»[275].

Разговор с Кеворковым происходил в 1977 году, и в том же году Андропов назвал имя Горбачева в одной из бесед с Георгием Арбатовым. «Андропов был первым, — писал позднее Арбатов, — …кто оценил такого незаурядного политического деятеля, как М. С. Горбачев. Знаю это достоверно — впервые эту фамилию услышал именно от Андропова в 1977 году, весной. Дату помню, поскольку начался разговор с обсуждения итогов визита С. Вэнса, потом перешел на болезнь Брежнева. И я здесь довольно резко сказал, что идем мы к большим неприятностям, так как, судя по всему, на подходе слабые да и по политическим взглядам часто вызывающие сомнение кадры. Андропова это разозлило (может быть, потому, что он в глубине души сам с такой оценкой был согласен), и он начал резко возражать: ты, мол, вот говоришь, а ведь людей сам не знаешь, просто готов все на свете критиковать. "Слышал ли ты, например, такую фамилию — Горбачев?" Отвечаю: "Нет". — "Ну вот видишь. А подросли ведь люди совершенно новые, с которыми действительно можно связать надежды на будущее". Не помню, чем тогда закончился разговор, но во второй раз я фамилию Горбачева услышал от Юрия Владимировича летом 1978 года, вскоре после смерти Ф. Д. Кулакова, бывшего секретаря ЦК, отвечавшего за сельское хозяйство»[276].

Среди многих нелепых или просто диких рассказов об Андропове можно встретить и разного рода истории об

отношениях Андропова и Горбачева, например об оскорбительном поведении Председателя КГБ по отношению к Горбачеву, которое тот был вынужден терпеть, и другие. Грубые подтасовки выдаются порой за «свидетельства очевидцев». Крупный советский дипломат Аркадий Шевченко, человек, близкий А. А. Громыко и занимавший пост заместителя Генерального секретаря ООН, завербованный ЦРУ и ставший предателем, написал и издал в США книгу, полную разного рода выдумок, в том числе и об Андропове. Так, например, А. Шевченко писал о своих «наблюдениях» за поведением Андропова в Кисловодске: «Маленький эпизод, повторяющийся изо дня в день, иллюстрирует бесчувственность высокопоставленных членов правительства, их полное равнодушие к окружающим. Когда мы с Линой гуляли в горах по пешеходным дорожкам, нас часто оглушал вой автомобильной сирены, — мы шарахались в сторону, — и кавалькада машин, обдавая нас пылью, проносилась мимо. Однажды я услышал, как рассерженный пешеход спросил у своего спутника:

— Кто это?

— А вы что, не знаете? Юрий Андропов. Он живет на даче в "Красных камнях".

Шеф КГБ, член Политбюро, один из самых влиятельных людей в СССР, Юрий Андропов страдал сердечным заболеванием и его возили на плато, чтобы он мог наслаждаться горным воздухом. Но вместо кружной дороги, обязательной для других машин, его шофер ехал прямиком, превращая пешеходную тропинку в шоссе. То, что это причиняло неудобства простым смертным, не имело значения.

Поведение самого Андропова не носило, однако, столь шумного характера. В отличие от других видных чиновников, часто посещавших санаторий, он и его жена жили в уединении на усиленно охраняемой даче. Андропов был нелюдим, не ходил в столовую, ни с кем не общался, делая исключение лишь для тех, кто получал специальное приглашение от него лично»[277].

Все это чистая выдумка, которая принадлежит, вероятнее всего, перу литературного помощника А. Шевченко, сумевшего превратить скучную рукопись чиновника из МИДа в относительно живую и читабельную книгу. Но журналист из «Ньюсуик», который готовил к изданию работу Шевченко, никогда не был в Кисловодске. Пешеходные дорожки там очень узки, извилисты и лишены асфальтового покрытия. Никакая машина проехать по ним от санатория «Красные камни» к горному плато не смогла бы; для машин здесь имеются другие, гораздо более удобные дороги. В течение 15 лет я каждое лето проводил на Кавказских

Минеральных Водах, главным образом в Железноводске и Кисловодске — в квартире друзей у меня имелся кабинет для работы. Многие из членов Политбюро проводили здесь отпуск, и большую часть лечебных процедур им «отпускали» местные врачи или массажисты. Я слышал здесь неприязненные отзывы о высокомерии В. В. Гришина или А. Шелепина, но мне говорили также об общительности нелюдимого в Москве А. Косыгина или о скромности в быту Ю. Андропова. Некоторые сложности для отдыхающих возникали только два раза: в июле 1984 года, когда на отдых и лечение в Кисловодск прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, и в 1990 году, когда в Железноводск для переговоров и подписания договора прибыли германский канцлер Г. Коль и президент СССР М. Горбачев.

Однако не было и другой кандидатуры. Сельское хозяйство еще со времен Сталина являлось кладбищем партийных и государственных карьер. В сентябре Брежнев согласился на «смотрины». Ни ему, ни Черненко, отвечавшему за партийные кадры, не пришлось ранее достаточно близко познакомиться с Горбачевым.

Мало кто обратил внимание в сентябре 1978 года на небольшую официальную информацию ТАСС, опубликованную в печати, о том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и его помощник К. У. Черненко, следовавшие поездом из Крыма в Баку, остановились на станции Минеральные Воды на несколько часов — для встречи и беседы с отдыхавшим на курорте Председателем КГБ Ю. В. Андроповым и первым секретарем Ставропольского обкома партии М. С. Горбачевым. Описание этой встречи содержится на первых страницах в мемуарах Горбачева. Инициатива «смотрин» принадлежала Андропову, хотя сама встреча и носила внешне протокольный характер. «Думаю, Андропов "приложил руку" к моему выдвижению, — писал Горбачев, — хотя не сделал мне и намека… 19 сентября 1978 года Брежнев выехал на поезде из Москвы в Баку для участия в торжествах, посвященных вручению столице Азербайджана ордена Ленина. Сопровождал его Черненко. Каждый раз, когда по пути следования поезд останавливался в каком-нибудь городе, встречать выходило местное начальство. В Донецке Леонид Ильич встретился с первым секретарем обкома Б. Кочурой, в Ростове — с Бондаренко, на станции "Кавказская" Краснодарского края — с Медуновым.

Поздно вечером того же дня спецпоезд прибыл на станцию "Минеральные Воды". Встречали — Андропов, я и председатель Ставропольского крайисполкома И. Т. Таранов.

Сама станция "Минеральные Воды" очень уютная,

симпатичная, но небольшая — проедешь и не заметишь… Ночь теплая, темная-темная. Силуэты гор-локалитов. Огни города. На небе огромные звезды. Такие только на юге можно увидеть. Тишина. И лишь шум самолетов, прибывавших в аэропорт Минеральные Воды, нарушает ее. Состав плавно остановился, из вагона вышел Брежнев, а чуть позже, в спортивном костюме, Черненко. Таранов, поздоровавшись с генсеком, отошел, и мы четверо — Брежнев, Андропов, Черненко и я — стали прогуливаться по пустому перрону…

Об этой встрече много потом писали, и вокруг нее нагромождено немало всяких домыслов… Еще бы — четыре генеральных секретаря, сменившие в последующем друг друга!

Из Кисловодска мы ехали встречать Брежнева вместе с Андроповым, в одном "ЗИЛе". Разговаривали, все было как обычно. Как бы между прочим Юрий Владимирович сказал:

— Вот что, тут ты хозяин, ты и давай бери разговор в свои руки…

Но разговор не клеился. После приветствий и ничего не значащих слов о здоровье и нашем с Андроповым отдыхе воцарилось молчание. Генсек, как мне казалось, отключился, не замечая идущих рядом. Пауза становилась тягостной…»[278].

Разговора не получилось. Брежнев задал Горбачеву лишь несколько вопросов об урожае, о строительстве Ставропольского канала, но плохо слушал ответы. Черненко в разговоре не участвовал. Уже в конце встречи Брежнев задал Андропову вопрос: «Как речь?» «Хорошо, хорошо, Леонид Ильич», — быстро ответил Андропов. Горбачев не понял этого диалога, но Андропов пояснил на обратном пути в Кисловодск, что у Брежнева неожиданно возникли затруднения с речью, сказывались последствия инсульта и нескольких микроинсультов. Очень общительный ранее Брежнев старался теперь как можно меньше говорить. Хотя Горбачеву эта ночная встреча показалась довольно странной, Андропов был явно доволен.

Горбачев был избран секретарем ЦК КПСС в ноябре 1978 года. Он работал на этом посту очень энергично, но не слишком успешно. Во всяком случае, никаких заметных перемен к лучшему в сельском хозяйстве страны не наблюдалось ни в 1979-м, ни в 1980 году. В конце 1980 года Горбачев стал не только секретарем ЦК, но и членом Политбюро. Однако с ростом возможностей и влияния у него уменьшились возможности простого человеческого общения, которыми он не был обделен в Ставрополье. Он, например, не мог ни разу встретиться и побеседовать с Андроповым в неофициальной обстановке. Перебравшись зимой 1980/81 года на новую дачу, Горбачев

обнаружил, что теперь он стал соседом Андропова. Однако лишь летом Горбачев пригласил Андропова к себе. «Я позвонил Юрию Владимировичу, — вспоминал Горбачев.

— Сегодня у нас ставропольский стол. И как в старое доброе время приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — ровным, спокойным голосом ответил Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — удивился я.

— Потому что завтра уже начнутся пересуды: кто? где? зачем? что обсуждали?

— Ну что вы, Юрий Владимирович! — совершенно искренне попытался возразить я.

— Именно так. Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

С тех пор желание приглашать к себе или быть приглашенным к кому-либо у нас не возникало. Мы продолжали встречаться со старыми знакомыми, заводили новых, приглашали к себе, ездили в гости к другим. Но не к коллегам по Политбюро и Секретариату»[279].

На такое же «кремлевское одиночество» жаловался позднее и Гейдар Алиев, ставший членом Политбюро в 1982 году. Горбачев внимательно следил за «дворцовыми играми» 1981–1982 годов, но у него не имелось никаких возможностей повлиять на их исход, хотя Андропов старался держать его в курсе своих планов, правда больше в форме намеков. Смерть Брежнева и приход к власти Андропова изменили атмосферу и ситуацию в Кремле и на Старой площади, но не коренным образом. Встречи и беседы Андропова и Горбачева были теперь гораздо более частыми. Именно Горбачев стал на время главным советником Андропова по кадровым вопросам. Горбачев поддержал выдвижение Воротникова, а также рекомендовал перевести на работу в ЦК КПСС Н. Рыжкова и Е. Лигачева. По совету Горбачева были назначены заведовать отделами в ЦК КПСС В. Медведев и Н. Кручина. С другой стороны, Андропов существенно расширил круг обязанностей Горбачева. Об отношениях между Горбачевым и Андроповым и о преемственности их политики имеется немало высказываний. Так, например, Егор Лигачев еще в конце 1990 года говорил в своих интервью, что подлинным автором программы и плана «перестройки» являлся Андропов. Горбачев же был всего лишь одним из членов «команды», подобранной Андроповым, и он вместе с другими, прежде всего с Лигачевым, Рыжковым и Воротниковым, осуществлял после кончины

Андропова его инициативы, допуская при этом нерешительность, непоследовательность и половинчатость[280]. Это ошибочная точка зрения, и ее отвергали как сторонники, так и противники горбачевской «перестройки». «Несомненно, — писал обозреватель газеты «Известия» Лев Корнешов, — что Юрий Андропов, получив гниющее брежневское наследство, выделял среди других Горбачева. Ясно и то, что Андропов, выдвигая новых людей к руководству партией и страной, пытался расшатать окрепнувшую при Брежневе сталинскую систему казарменного "социализма". Смею утверждать, что Ю. В. Андропов понимал: если эту систему своевременно и добровольно не демонтировать, она рухнет и под ее обломками будет похоронено немало действительно ценного и полезного. Логично и то, что он пытался подобрать и выдвинуть людей, которые разделили бы это понимание и необходимость такой трудной работы, сумели бы ее выполнить. Было ли это началом перестройки? Анализ основных документов партии этого периода дает все основания для совершенно однозначного ответа — нет. Речь шла об исправлении ошибок давнего и недавнего прошлого, о новой честной политике, о попытках вывести партию и страну на дорогу цивилизованного развития и, наконец (будем откровенными), о стремлении подремонтировать систему, не затронув ее устои»[281]. Сегодня к словам Корнешова можно добавить, что Ю. Андропов был не только более консервативным, но и более осторожным и умным политиком, чем Горбачев. Вспоминая отношения между Андроповым и Горбачевым, В. А. Крючков писал: «Ю. В. Андропов нечасто затевал разговоры о Горбачеве. Познакомились они в Ставропольском крае, куда Андропов выезжал на отдых. Горбачев часто навещал Андропова. Если последний был с женой, то и Горбачев наведывался с супругой. Вспоминая, Ю. В. отмечал живой ум М. С., но непременно подчеркивал, что "человек еще не дозрел". Когда М. С. перебрался в Москву, то общение между ними сводилось к совместному участию в совещаниях, заседаниях и телефонным звонкам. Уверенно можно сказать, что мнение у Ю. В. об М. С. не сложилось. Ю. В. подмечает такую черту М. С., как торопливость, а в большой политике это уже серьезный недостаток. До конца Ю. В. не был с ним откровенен. "К большой политике М. С. надо еще приобщать", — как-то бросил Ю. В. фразу. Перед смертью Ю. В. так и не назвал преемника на пост Генерального секретаря»[282].

Сам Горбачев писал в мемуарах, что в одном из разговоров с ним в самом конце 1982 года «Андропов многозначительно сказал:

— Знаешь что, Михаил, не ограничивай круг своих обязанностей аграрным сектором. Старайся вникать во все

дела. — Потом помолчал и добавил: — Вообще, действуй так, как если бы тебе пришлось в какой-то момент взять всю ответственность на себя. Это серьезно»[283].

Думаю, что оба эти свидетельства соответствуют истине, ибо именно Андропов пытался приобщить Горбачева к большой политике. Конечно, слова из разговоров и бесед наедине, о которых пишут почти все авторы мемуаров, никто не может ни подтвердить, ни опровергнуть. Мемуары важный, но не всегда достоверный источник. Но в истории любой страны немало крайне важных решений принимается отнюдь не только на основании занесенных в протоколы решений и резолюций. Это обстоятельство и делает историческую науку порой похожей на детектив.

По поручению Андропова Горбачев сделал в апреле 1983 года доклад о Ленине на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов. Это был важный сигнал для партийного аппарата. Одно из заседаний июньского Пленума ЦК КПСС, также по поручению Андропова, вел Горбачев. Отчетно-выборная кампания в КПСС осенью 1983 года проходила также под руководством Горбачева, который присутствовал на некоторых наиболее важных областных партийных конференциях. Оказавшись в больнице, Андропов попытался еще больше увеличить полномочия Горбачева. Андропов настаивал на том, чтобы именно Горбачев выступил на итоговом зимнем Пленуме ЦК КПСС с заключительной речью. Узнав об этом, премьер Николай Тихонов также выступил, с одобрения Андропова, еще с одной заключительной речью. Начиналось новое перетягивание каната в Политбюро, однако инициатива принадлежала на этот раз уже не Черненко и его сторонникам. По свидетельству бывшего помощника Андропова А. И. Вольского, в декабре 1983 года, перед Пленумом, Юрий Владимирович вписал в тезисы своего доклада, оказавшегося последним, два пункта. Первый — «Об ответственности членов ЦК перед народом». Второй пункт звучал так: «Товарищи члены ЦК КПСС, по известным вам причинам я не могу в данный период принимать активное участие в руководстве Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС. Считал бы необходимым быть перед вами честным: этот период может затянуться. В связи с этим просил бы Пленум ЦК рассмотреть вопрос и поручить вести Политбюро и Секретариат ЦК КПСС товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу»[284].

Вольский пишет, что он ознакомил с этим письмом двух наиболее близких Андропову людей, и, не имея на то права, они сняли с письма одну копию, которую он теперь и публикует. «Когда я пришел на Пленум, — пишет Вольский, — эти тезисы,

или, как мы их тогда "деликатно" называли, "текст речи", раздавали его участникам. Получив текст на руки, я вдруг с ужасом обнаружил, что там нет последнего абзаца». Как считает Аркадий Вольский, речь Андропова была подобным образом «исправлена» по решению Черненко, которого поддерживали также Тихонов и Устинов.

Оценивая это свидетельство Вольского, бывший помощник Черненко В. Печенев в статье «"Завещание" Андропова: миф или история?» не оспаривает возможность такой рекомендации Андропова. Но Печенев, по-моему, справедливо пишет, что соотношение политических сил в Политбюро и ЦК к февралю 1984 года оказалось таким, что приход к власти Горбачева был тогда еще маловероятен, даже если бы Пленум принял рекомендацию Юрия Владимировича. М. С. Горбачев мог провести в январе 1984 года 3–4 заседания Политбюро и Секретариата, но для успешной борьбы за власть после смерти Андропова у новой группы более молодых членов Политбюро еще не было реальных шансов.

Эти шансы, однако, появились и не были упущены весной 1985 года, после смерти Черненко.

Юрий Андропов и Борис Ельцин

Поручив Горбачеву, а затем Рыжкову и Лигачеву подготовить список кандидатур на выдвижение в высшие органы партийной и государственной власти, Юрий Андропов рекомендовал им обратить особое внимание на первых секретарей областных партийных организаций. Нет ничего странного, что Борис Николаевич Ельцин оказался одним из первых в этом списке: 51-летний Ельцин уже был известен в ЦК КПСС и в Совете Министров СССР не только благодаря своей твердости и энергии в управлении подведомственной ему Свердловской областью, но и весьма решительной борьбой против коррупции и разного рода необоснованных привилегий.

До осени 1976 года Ю.Андропов не только не знал, но, вероятно, ничего не слышал о Ельцине, который занимал тогда относительно скромный пост второго секретаря Свердловского обкома партии. Своим выдвижением сначала на пост заведующего отделом обкома, а затем и одного из секретарей обкома Ельцин обязан первому секретарю Свердловского обкома партии Якову Петровичу Рябову. Свердловский обком давно уже служил источником кадров для руководства промышленностью страны. Отсюда пришел в Москву Андрей Кириленко. После XXV съезда КПСС в 1976 году получил предложение о переходе на работу секретарем ЦК и Я. Рябов. На вопрос, кто мог бы возглавить после него областную партийную организацию, Рябов уверенно назвал кандидатуру Бориса Ельцина.

По экономическому потенциалу, по роли в индустрии ВПК, по численности населения и по географическому положению Свердловская область считалась одним из важнейших регионов Советского Союза. Во многих отношениях Свердловская область являлась центром всего Уральского края, притягивая к себе Челябинскую, Пермскую и Курганскую области. Человек, который должен был возглавить Свердловский обком партии, не мог не получить одобрение КГБ и Министерства обороны СССР, ибо он входил отныне в очень узкий круг «посвященных», связанных друг с другом не только специальным телефоном. Осенью 1976 года Ельцин прибыл на «смотрины» в Москву. Он встречался здесь сначала с секретарями ЦК И. Капитоновым и А. Кириленко, затем с М. Сусловым. Еще через день в сопровождении Капитонова и Рябова Ельцин встретился с Л. И. Брежневым. Генсек принял Ельцина довольно радушно, даже пошутил: «Так вот кто в Свердловской области решил захватить власть!» Беседа продолжалась около 40 минут и состояла из обмена разного рода

банальными фразами. «Добро» было получено, и 2 ноября 1976 года на заседании областного комитета партии Ельцина избрали первым секретарем обкома.

Первая беседа Ельцина с Андроповым по телефону состоялась только в 1977 году. Речь шла при этом о судьбе знаменитого Ипатьевского дома в Свердловске. Как известно, в большом доме в центре города, принадлежавшем ранее купцу и инженеру Ипатьеву, находились в последние недели своей жизни семья и часть прислуги последнего российского императора Николая II. Здесь все они были убиты 17 июля 1918 года. Еще в 1952 году, когда я в первый раз знакомился со Свердловском, мне показывали Ипатьевский дом как одну из главных достопримечательностей города. В 1920-е годы сюда приходили экскурсии пионеров; расстрел царской семьи считался одним из подвигов уральских большевиков. Свердловск являлся после войны «закрытым» городом, и иностранных туристов здесь не было. Но деловые визиты из социалистических стран в Свердловск были достаточно частым явлением, и многим из гостей города показывали Ипатьевский дом и рассказывали о судьбе последнего русского царя. В 1974 году этот особняк по улице Карла Либкнехта, 49, был внесен в список памятников истории и культуры, причем отнюдь не как памятник архитектуры. В постановлении правительства Российской Федерации говорилось о доме Ипатьева как о месте, где «было приведено в исполнение революционное постановление Уралоблисполкома о казни бывшего царя Николая II». Трудно сказать сегодня, что побудило Ю. Андропова обратить еще в 1975 году внимание на проблемы, связанные с судьбой царской семьи. В докладной записке КГБ в ЦК КПСС от 26 июля 1975 года говорилось: «Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города… Представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому партии решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть»[285]. Решение о сносе особняка Ипатьева было принято на Политбюро еще 4 августа 1975 года, однако его выполнение по разным причинам задерживалось. Против разрушения дома возражали областной Историко-краеведческий музей, отдельные представители свердловской интеллигенции. Известно, что еще в октябре 1975 года дом Ипатьева осматривали руководители ГДР Эрих Хонеккер и Вилли

Штоф, о чем шеф областного управления КГБ генерал Юрий Корнилов докладывал Андропову. Не было секретом для Андропова и повышенное внимание к дому Ипатьева других гостей Свердловска, а также жителей этого же города. Время от времени на пороге дома появлялись положенные тайком красные розы. По свидетельству самого Ельцина, секретное постановление Политбюро о немедленном сносе Ипатьевского дома он получил летом 1977 года. «Близилась одна из дат, связанная с жизнью последнего русского царя, — писал он в своей книге. — Это подхлестнуло интерес к дому Ипатьевых, люди приезжали посмотреть на него даже из других городов. Я к этому относился совершенно спокойно… Неожиданно получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, обком должен брать на себя всю ответственность за это бессмысленное решение… Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьева подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали»[286]. Свердловский фотожурналист В. Шитов, сумевший заснять разрушение знаменитого дома, рассказывал позднее, что здание ломали три дня, хотя жители Свердловска любят рассказывать, что оно исчезло, как по волшебству, за одну ночь. Но это был оптический обман, вызванный примененным методом сноса: разрушение начали с задней стены и продвигались вперед, пока не дошли до фасада, смотрящего на улицу, который пал последним[287]. Все-таки Ельцин по своей основной профессии был строителем.

Ельцин не был еще членом ЦК КПСС. Нужно было ждать очередного, XXVI съезда. Но он присутствовал на всех пленумах ЦК, на многих брал слово, но только по проблемам народного хозяйства. С разного рода хозяйственными проблемами Ельцин приезжал и в Москву. Легче всего было решать вопросы с Брежневым, если, конечно, удавалось попасть к нему на прием. Их встречи были короткими. Зная стиль работы Брежнева, Ельцин заготовлял заранее все необходимые бумаги и документы, чтобы генсеку оставалось только наложить резолюцию. Но даже в этом случае Брежнев просил: «Давай диктуй, что мне писать»[288].

С приходом к власти Андропова стиль работы Ельцина заметно изменился. Первый секретарь обкома проводил многочасовые встречи со студентами, выступал в самых различных аудиториях без бумажек, отвечал на самые неожиданные вопросы. В декабре 1982 года Ельцин выступал в прямом эфире по местному телевидению, также отвечая на

многочисленные вопросы телезрителей. Мало кто из секретарей обкомов КПСС был готов использовать такие методы работы. Ельцин чувствовал себя свободно даже в зале, где собирались для встречи с ним до двух тысяч человек. Два раза Ельцин приезжал в Москву для разговора с Андроповым. Они решали также разного рода хозяйственные проблемы области. Выступая позднее в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Ельцин на вопрос о его отношении к Андропову заявил: «Отношение самое, самое хорошее. Я был у него два раза за короткий срок, когда он был Генеральным секретарем. Должен отметить, что и разговор его очень умный, его реакции на просьбы, и оперативное решение вопросов, которые я ставил. А как он вел пленумы… Конечно, нам не хватало такого Генерального секретаря»[289].

С Горбачевым Ельцин был знаком давно: они как первые секретари обкомов встречались еще в 1977–1978 годах. Ставропольский край помогал Свердловской области в делах сельского хозяйства, а уральские города помогали южным областям с техникой. Эти связи укрепились после того, как Горбачев стал секретарем ЦК КПСС по проблемам сельского хозяйства. Неудивительно, что, получив поручение от Андропова насчет обновления партийных и государственных кадров, Горбачев внес в свой список на выдвижение

Ельцина. Это было осенью 1983 года, когда Андропов уже находился в больнице. Однако Андропов не только одобрил этот список, но особо выделил в нем Ельцина. Егор Лигачев свидетельствует: «В конце декабря 1983 года мне позвонил из больницы Юрий Владимирович Андропов и попросил при случае побывать в Свердловске и "посмотреть" на Ельцина. Вскоре такой случай представился. Я посетил Свердловск в январе 1984 года, принял участие в областной партконференции, побывал с Борисом Николаевичем в трудовых коллективах. Не скрою, меня привлекли в Ельцине живость общения с людьми, энергия и решительность. Было заметно, что многие относятся к нему уважительно»[290]. Лигачев выступил на областной партийной конференции с личным приветствием от Андропова. Ельцин ответил в том же духе и попросил передать «слегка приболевшему» лидеру приветы от себя и своих земляков[291]. После конференции московский гость еще несколько дней посещал вместе с Ельциным промышленные предприятия и совхозы области. Он был очень доволен Ельциным и даже позвонил из Свердловска Горбачеву, чтобы сообщить ему, что Ельцин — «яркая личность». Смерть Андропова прервала, однако, все процессы, связанные с кадровым обновлением в партии и государстве.

Глава восьмая. СЮРПРИЗЫ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Проблема ракет средней дальности

В первые месяцы своего пребывания на посту лидера КПСС Ю. В. Андропов наиболее активно занимался вопросами экономики, внутренней политики и кадров. Однако уже с весны 1983 года все больше времени и внимания стало уходить у него на решение проблем внешней политики.

С приходом к власти в США администрации Р. Рейгана отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом, который новый американский президент назвал в одном из своих выступлений «империей зла», ухудшились. С первых же дней своего пребывания в Белом доме американский президент начал играть роль непоколебимого и твердого антикоммуниста, который готов едва ли не сразу хвататься за оружие, как только противник сделает неверный шаг. «При новой администрации наша страна не будет заламывать руки и приносить извинения», — заявил Рейган на собрании участников своей избирательной кампании. Рейган прекратил попытки прежней администрации установить военно-стратегический союз с Китаем. Но противостояние между СССР и США на Западе возросло. И хотя Мадридская встреча завершилась относительно успешно, о «разрядке» и Хельсинкском процессе многие стали забывать — и на Западе, и на Востоке.

Еще с 1980–1981 годов гонка вооружений начала развиваться по новому витку спирали. Именно в эти годы Соединенные Штаты начали производство «нейтронного» оружия, а также новых видов химического оружия. На вооружение армии США стали поступать крылатые ракеты, общее число которых предполагалось довести до трех-четырех тысяч. Было объявлено о производстве модернизированных межконтинентальных ракет «МХ» и новых бомбардировщиков. Большой шум был поднят вокруг объявленных Рейганом планов космического противоракетного оружия, окрещенного тут же планом «звездных войн». Однако наиболее актуальной и трудной для Советского Союза в 1983 году оказалась проблема установки в Западной Европе, и прежде всего на территории ФРГ, американских ракет средней дальности «Першинг-2». Тема ракет средней дальности доминировала во всех выступлениях Андропова по проблемам внешней политики. Ракеты средней дальности не являлись каким-то новым видом оружия для Европы. Они имелись и раньше у Франции и Англии, но это не вызывало особого беспокойства советских лидеров и генералов, ибо оборонительный характер английского и французского ядерного потенциала был очевиден. Американский

ядерный арсенал в Западной Европе был представлен в первую очередь скоростными бомбардировщиками, способными достигать любых целей в Восточной Европе. Советский Союз располагал примерно 600 ракетами средней дальности, однако это не вызывало кризиса в наших отношениях со странами НАТО.

Разногласия стали возникать лишь тогда, когда военная промышленность и США, и СССР почти одновременно освоила производство более точных ракет нового поколения с разделяющимися боеголовками. При этом еще при Брежневе приняли решение заменить устаревшие и ненадежные ракеты средней дальности СС-4 и СС-5 на более точные и совершенные ракеты СС-20, каждая из которых имела три боеголовки. Конечно, западные страны были хорошо осведомлены о предстоящей замене советских ракет. Но для них стало неприятным сюрпризом решение СССР на место 600 устаревших ракет с одной боеголовкой установить 600 новых ракет, но уже с тремя боеголовками. Это давало бы нашей стране значительные преимущества на европейском континенте. Обеспокоенные таким развитием европейского противостояния, правительства некоторых стран Европы, и прежде всего ФРГ, обратились с просьбой к США о размещении в Западной Европе новых американских ракет «Першинг-2». Особую активность во всех этих «ракетных делах» проявлял канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, который еще в 1981 году поставил вопрос о растущей диспропорции в силах НАТО и Варшавского Договора на европейском континенте. Американские лидеры согласились с доводами и предложениями Шмидта и дали согласие на размещение «Першингов», заявив, что их новые ракеты являются оборонительным оружием, задача которых будет состоять в прикрытии от возможной советской угрозы тех стран, которые не имеют своего ядерного оружия, то есть прежде всего ФРГ. Это стало неприятным сюрпризом уже для Советского Союза. Так как новые американские ракеты в Европе могли поражать цели почти на всей европейской части СССР, находясь при этом под американским контролем, советское военное руководство было склонно рассматривать новые американские ракеты не только как часть европейского оборонительного потенциала, но и как часть американского стратегического ядерного потенциала.

Главную ось «холодной войны» составляло все же соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это было не только военно-стратегическое, но и идеологическое соперничество. У стран Западной Европы не было таких глобальных идеологических претензий, какие имелись тогда и у Советского Союза, и у США. Россия развивалась рядом с

Европой и под ее влиянием в течение тысячи лет, и каждый человек в России воспринял бы как личную трагедию, если бы какая-нибудь война или инцидент привели к разрушению Парижа, Лондона, Рима, Амстердама или Мадрида. Европейский капитализм был для советской идеологии злом, но главным злом считался американский империализм. Потеряли в 1970-е годы былую значимость и опасения советской элиты и общества по поводу немецкой угрозы. Но также и для стран Западной Европы Советский Союз отнюдь не являлся той «империей зла» и средоточием всех пороков, каким он казался для части американского истеблишмента. Советский Союз был преемником того государства, с которым Европа соседствовала веками. Россию — дореволюционную или послереволюционную — было легче понять в рамках эволюции традиционной системы европейских государств. Даже коммунистическая идеология, победившая в СССР, являлась синтезом развития общественной мысли России и Европы. Политические порядки в СССР можно было рассматривать и как долгосрочный результат исторических тенденций европейского развития, за которые сама Россия далеко не всегда несла главную ответственность. Западноевропейские политики и идеологи знали, что Первая мировая война сделала крушение царской России неизбежным, а Вторая мировая война превратила СССР в военную сверхдержаву. Образование в Восточной Европе региона зависимых от СССР государств вызывало беспокойство, но, с другой стороны, западное общественное мнение приняло этот факт. Многие люди в Западной Европе не видели катастрофы в стремлении СССР отодвинуть на Запад свои стратегические границы, чтобы гарантировать выживание и избежать любого повторения катастрофы 22 июня 1941 года. При всех оговорках коммунистический характер Советского Союза не столь сильно пугал западноевропейское общество, в котором марксистская идеология, а также социалистические и коммунистические партии давно уже играли важную роль в политической и общественной жизни. Хотя советские ракеты и танковые дивизии Варшавского Договора стояли на границе ФРГ, это происходило не потому, что советские лидеры всерьез полагали, что именно Западная Европа является главной угрозой безопасности Советского Союза. Это имело место потому, что на протяжении уже 25–30 лет Европа являлась передовой линией «фронта» или «главным театром военных действий» для Соединенных Штатов. Разница здесь очень велика. Некоторые из наиболее консервативных американских лидеров пытались утверждать, что СССР просто в силу экономических причин попытается захватить

страны Западной Европы. Это было абсурдом, так как в случае войны именно Европа оказалась бы полностью разрушенной и зараженной на века радиоактивными элементами. Равным образом и агрессия Западной Европы против СССР, которая могла бы спровоцировать советское ядерное возмездие, представлялась в высшей степени невероятной.

Так или иначе, но проблема ракет средней дальности существовала. В рамках советско-американского противостояния СССР не имел аналогичного ядерного оружия, способного со сравнительно близкого расстояния поражать какие-либо цели в США. По мнению советского руководства, после сложившегося в 1970-е годы ядерного паритета установка американских ракет средней дальности в Западной Европе должна была создать явное неравенство в военно- стратегических отношениях двух сверхдержав. Поэтому Советский Союз заявил, что не допустит изменения уже сложившегося ранее соотношения сил. Доводы Запада состояли в том, что именно СССР, планируя установить новейшие ракеты средней дальности с 1800 ядерными боеголовками, первым стал на путь изменения соотношения ядерных арсеналов, что ставит страны Западной Европы в трудное положение и требует от них адекватной реакции.

Переговоры об этом начались еще при Брежневе, так же как и общие переговоры об ограничении стратегических вооружений. Еще в 1982 году Брежнев объявил о введении одностороннего моратория на установку новых ракет СС-20, но к этому времени около половины их, по западным данным, было уже установлено и находилось в полной боевой готовности. В ответ на советский мораторий президент США Р. Рейган выдвинул, как известно, свой проект «нулевого» решения, согласно которому Америка отказалась бы от размещения новых ракет в Европе в обмен на полный демонтаж всех советских ракет средней дальности. СССР не принял этих условий, и переговоры мало продвинулись вперед.

Президент Рейган записал в своем дневнике в январе 1983 года, что он «очень хотел бы сам вести переговоры с Советами». Это желание не сопровождалось, однако, никакими ясными сигналами или приглашениями к переговорам. Рональд Рейган положительно оценивал изменения в советском руководстве. В мемуарах он писал: «Я чувствовал, что, если бы у меня появилась возможность поговорить один на один с кем-нибудь из советских руководителей, у нас был бы шанс вместе добиться прогресса в ослаблении напряженности между нашими странами. Я всегда верил в силу прямого общения между людьми в решении проблем.

С Брежневым я не добился прогресса. Теперь в Кремле был

новый руководитель — бывший глава КГБ Юрий Андропов. Я не ожидал, что он будет менее, чем Брежнев, привержен коммунистической доктрине, но, по крайней мере, у него была безупречная репутация.

Я все еще считал, что Советы ничем не заслужили приглашения к встрече в верхах — первоначально требовалось добиться большого взаимного доверия, — но я решил попробовать действовать путем личной дипломатии, используя окольные подходы к Кремлю, без широкой огласки, что позволило бы обеим сторонам быть искренними и отойти от позирования и попыток спасти свое лицо, что обычно наблюдалось при официальных контактах между лидерами Соединенных Штатов и СССР.

Первое время казалось, что мои попытки тихой дипломатии удаются. Затем последовала серия событий, которые изменили состояние американо-советских отношений от плохого к просто отвратительному»[292].

Странно было винить в таком ходе событий только советскую сторону. Дипломатия Рейгана была настолько «тихой», что Андропов мог ее просто не заметить. По свидетельству некоторых бывших дипломатов, ответственных за «западное» направление, Андропов заметил дипломатические маневры Р. Рейгана, но пришел к выводу, что встреча между ним и Рейганом пока еще нецелесообразна и может дать американской стороне односторонние преимущества. Разъяснения по этому поводу давались, в частности, Индире Ганди и встретили понимание. К тому же и Рейган был слишком непоследователен в выступлениях и действиях.

Еще в конце декабря 1982 года Ю. Андропов выдвинул от имени советского правительства новые предложения, которые предусматривали демонтаж значительной части уже установленных ракет СС-20. Этот компромисс оказался неожиданным для США, но его с вниманием встретили в политических кругах Западной Европы. В марте 1983 года Ю. В. Андропов более подробно изложил советские предложения. СССР соглашался иметь на своей европейской территории такое количество ракет средней дальности, какое имели Англия и Франция, вместе взятые. Естественно, это исключало бы появление в Европе американских ракет.

Соединенные Штаты не просто отвергли эти предложения Андропова. Именно в марте 1983 года Р. Рейган произнес наиболее резкую и даже оскорбительную по отношению к СССР речь, избрав для этого выступления ежегодную конференцию Национальной ассоциации евангелистов. Объявив, что Америка

никогда не откажется от своих принципов и норм и от своей веры в Бога, Рейган, в сущности, потребовал от Советского Союза отказаться от его принципов и норм. Именно в этой речи Рейган назвал Советский Союз «агрессивной империей зла», тогда как Америка — это страна, которая испытывает «духовное пробуждение и моральное возрождение», «где справедливость течет как река, а добродетель — как непрекращающийся поток». Борьба между Америкой и Советами — это борьба между верой в Бога и безбожием, между правдой и неправдой, между добром и злом. В этих условиях Америка должна обладать превосходством в вооружениях. Рейган отверг поэтому предложение о «замораживании» ядерной мощи, которое выдвигалось и некоторыми западными политиками, и общественными деятелями. «Ядерное замораживание, — заявил президент США, — было бы подарком Советскому Союзу за его огромное, беспрецедентное наращивание военной мощи. Оно помешало бы существенной и давно назревшей модернизации оборонных систем Соединенных Штатов и их союзников и привело бы к еще большей уязвимости наших дряхлеющих вооруженных сил»[293].

Заявление о том, что США начали уступать СССР в военной мощи, не соответствовало действительности. Хотя Советский Союз приблизился к паритету в военной мощи, он оставался еще догоняющей страной. По данным военных экспертов, стратегические вооруженные силы США располагали на конец 1981 года 1053 пусковыми установками межконтинентальных баллистических ракет (МБР), 411 бомбардировщиками с атомными зарядами на борту, а также 648 пусковыми установками баллистических ракет на 40 атомных ракетных подводных лодках. Все эти средства могли обеспечить единовременный пуск 10 тысяч ядерных боеголовок мощностью от 50 килотонн до 10 мегатонн каждая. Советский Союз в это же время располагал 1400 пусковыми установками МБР, 950 установками баллистических ракет на подводных лодках и 156 тяжелыми бомбардировщиками. Эти средства могли обеспечить единовременный пуск около семи тысяч ядерных боеголовок[294]. Наращивать столь колоссальный военный потенциал было безумием с обеих сторон, хотя у военных экспертов и теоретиков ВПК и имелись на этот счет разного рода оправдания и расчеты, связанные с преимуществами первого и возможностями второго удара, «окнами безопасности» и т. п. Эти теории, которые нередко подгонялись под уже принятые решения, оказывали влияние и на политиков, которые только и могли принимать решения о начале ядерной войны. Никто не знал, однако, будет ли практика соответствовать теоретическим выкладкам.

Советский Союз страдал от гонки вооружения сильнее, чем США. Политика «паритета», которую начали еще в 1960-е годы проводить советские лидеры, не соответствовала экономическим возможностям страны и разоряла ее. Но и американская политика обязательного военного превосходства не имела рационального обоснования. Американский политолог Стив Коэн писал еще летом 1981 года в газете «Нью-Йорк тайме»: «Для США принцип паритета ставил существенный вопрос: могут ли американцы допустить, чтобы Советский Союз, нравится им его политическая система или нет, стал законной великой державой и обладал определенными глобальными интересами, чтобы Советский Союз получил политический паритет с США в мировой политике? Честно говоря, Соединенные Штаты, в отличие от большинства других стран, все еще не привыкли жить с этой геополитической и исторической реальностью. Порабощенные 64-годичной традицией антисоветизма и нравами, сложившимися за долгие годы существования в качестве единственной сверхдержавы, многие американские лидеры и значительный сегмент общественного мнения настаивают на рассмотрении Советского Союза преимущественно как "безбожной", "террористической", "дьявольской" силы, отказывая ему в каком-либо легитимном политическом статусе или полноценном упоминании в мире. Американцы даже не обсуждали открыто принцип паритета. Эта тема, наподобие темы секса в викторианской Англии, остается запретным и отвратительным предметом. Но это нежелание признать политический паритет, которое заставляет американскую дипломатию периодически уступать милитаристской политике, как и согласие на необходимость политического паритета, уступает химере превосходства, а эпизодическая разрядка уступает холодной войне…»[295].

К лету 1983 года все переговоры по сокращению вооружений практически зашли в тупик. Никаких новых инициатив не выдвинули ни Англия, ни Франция, ни ФРГ. Напротив, для правительства СССР стала большим разочарованием позиция Франции, которая, несмотря на приход к власти левой социалистической партии, не ослабила, а умножила усилия по наращиванию своего ракетно-ядерного потенциала. Франция первой из стран Западной Европы включила в свой арсенал нейтронную бомбу и при социалистическом президенте стала более тесно сотрудничать с НАТО, чем при президенте де Голле. Без каких-либо оговорок Франция поддержала планы США и НАТО по «довооружению» Европы новыми американскими ракетами.

Немало огорчений советским лидерам принесло и поражение

на выборах в ФРГ социал-демократической партии и ее переход в оппозицию. Хотя именно социал-демократический канцлер ФРГ Г. Шмидт был одним из главных инициаторов решения о «довооружении», его партия выдвигала на этот счет рад оговорок и была более восприимчива к продолжению диалога с СССР. Новая христианско-либеральная коалиция в ФРГ была в этом отношении гораздо более трудным партнером, и это ясно показала летом 1983 года встреча в Москве между Ю. В. Андроповым и новым канцлером ФРГ Г. Колем. Оба лидера изложили свои точки зрения, но не изменили их. Между тем именно на территории ФРГ предполагалось разместить примерно 50 процентов всех американских «евроракет», в том числе и наиболее опасные, по мнению советских военных экспертов, — «Першинги-2». Тот факт, что нацеленные на советские объекты новые ракеты будут стоять на немецкой земле, представлял для СССР не только трудную военную проблему, сокращая подлетное время ракет к целям до 5–7 минут, но и сложную национально-психологическую проблему, так как у нас в стране еще хорошо помнили развязанную Германией Вторую мировую войну. К концу лета стало ясно, что ни советская дипломатия, ни новый лидер не сумеют предотвратить или отложить прибытие американских ракет в Западную Европу. Поэтому СССР объявил, что будет вынужден принять ответные меры для восстановления нарушенного паритета. Первой из них должно было стать размещение на территориях ГДР и ЧССР новых, более точных и «дальнобойных» тактических ядерных ракет. Вторым — более важным, но потенциально и более опасным предприятием — должно было стать размещение вблизи территории США аналогичного комплекса советских ракет среднего радиуса действия с таким же, как и у «евроракет», подлетным временем. Где именно это произойдет, не объявлялось. Военные эксперты предполагали, что Советский Союз сформирует специальные военно-морские соединения, включающие новые крупные подводные лодки, авианосцы и ракетоносцы. Мало кто знал, однако, что СССР начал подготовку к размещению ракет средней дальности на Чукотке. Расчеты показывали, что с чукотских плацдармов эти ракеты могут за 5–8 минут «накрыть» все западное побережье США. Таким образом, именно в 1983 году Советский Союз, США и страны Западной Европы начали втягиваться в новый виток дорогостоящей и опасной гонки вооружений.

Андропов решал в 1983 году не только общие военно-политические проблемы. Он лично осваивал новые формы управления ракетно-ядерным комплексом страны. Именно при

нем появился тот «ядерный чемоданчик», о котором и сегодня так много говорят и в России, и в США, рассматривая его едва ли не как главный символ власти президента. По свидетельству бывшего работника Генштаба СССР Роберта Быкова, при Брежневе пресловутого «чемоданчика» еще не было. Был красный телефон, стоявший в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС под прозрачным колпаком. Второй такой же телефон имелся на Центральном командном пункте в здании Генштаба. Брежнев вскоре забыл о назначении стоявшего у него в кабинете красного телефона и однажды поднял трубку. На ЦКП в Генштабе раздался звонок. Дежурный генерал поднял трубку и доложил: «Дежурный генерал-полковник В. слушает». Брежнев удивился: «Что-то я не помню такого генерал-полковника. А где вы находитесь и какие задачи выполняете?» Получив объяснения, генсек сказал: «А то я смотрю, какой-то новый телефон поставили. Для чего — не пойму. Ну спасибо, до свидания!» Когда в Генеральном штабе проводились тренировки, то есть имитации ракетно-ядерного нападения на СССР, больного Брежнева уже не беспокоили. Знаменитый «ядерный чемоданчик» появился в 1983 году, и Андропов был первым лидером страны, который не только освоил его, но и успешно участвовал в тренировках. Он быстро изучил все команды и молниеносно принимал решения. Разумеется, Советский Союз победоносно завершал все эти учебные «войны»[296].

Осенью 1983 года проблема ракет «Першинг-2» перешла в сферу практического осуществления. Началась подготовка по их установке в Западной Европе. Давая в конце октября интервью газете «Правда», Андропов заявил, что появление в Западной Европе американских ракет сделает невозможным продолжение ведущихся в Женеве переговоров, эти переговоры могут быть продолжены только в том случае, если США воздержатся от фактического размещения ракет.

Это заявление Андропова не произвело, однако, должного впечатления на США и страны НАТО в Европе и не изменило их решения приступить в конце ноября к установке ракет. В советской печати было опубликовано новое заявление, в котором говорилось, что «тщательно взвесив все стороны создавшейся обстановки, советское руководство приняло следующее решение. Первое…Советский Союз считает невозможным свое дальнейшее участие в этих переговорах (по ограничению ядерных вооружений в Европе). Второе…Отменяется мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР. Третье. По согласованию с правительствами ГДР и ЧССР будут ускорены… подготовительные работы по размещению

на территории этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности. Четвертое…Соответствующие советские средства будут развертываться в океанах и морях»[297].

Советский Союз не ответил на некоторые примирительные жесты и более умеренные заявления Р. Рейгана, объявив это предвыборной риторикой. Стало очевидно, что советское руководство утратило желание вести какие-либо переговоры с американской администрацией. 1984 год являлся для США годом выборов президента, и советские лидеры давали понять, что они будут дожидаться их результатов, сократив до минимума все контакты с Соединенными Штатами. Не исключено, что Андропов рассчитывал таким образом повлиять на исход выборов в США, как это пытался сделать Хрущев в 1960 году. Впрочем, получаемая Андроповым совокупная информация о шансах кандидатов не оставляла никаких сомнений в победе Рональда Рейгана.

Другие проблемы

Внешнеполитическая деятельность советского руководства не ограничивалась в 1983 году вопросом об американских «евроракетах». И Андропов, и Громыко несколько раз высказывали пожелание об улучшении отношений между СССР и КНР. С конца 1960-х годов Советский Союз создал на Востоке — на советско-китайской границе — очень дорогую военную инфраструктуру: здесь размещались десятки дивизий и вооружения всех типов. Если ее создание обошлось нам в 200–300 миллиардов рублей, то и поддержание требовало десятков миллиардов рублей, которых так не хватало мирной экономике. Все видели, что Китай и его внешняя политика меняются с приходом нового руководства США, и вопрос о возможном военно-политическом союзе между КНР и США уже не стоит. Однако для реального улучшения отношений с Китаем было необходимо предпринять ряд крупных политических акций, в частности повести дело к прекращению нашего участия в гражданской войне в Афганистане.

К таким крупным изменениям в советской внешней политике Ю. В. Андропов не был готов, хотя уже в 1983 году стало ясно, что вступление советских войск в Афганистан основывалось на многих неправильных оценках. Война в этой стране зашла в тупик, и участие в ней Советской Армии («иноверцев») ухудшало ситуацию. Неудивительно, что сближение между СССР и КНР хотя и началось, но происходило очень медленно, ограничиваясь главным образом сферой спорта, культуры и небольшим приростом торгового оборота.

Здоровье не позволяло Юрию Владимировичу планировать визиты в другие страны. Даже его встречи с канцлером Г. Колем в Москве почти не показывали по советскому телевидению. Лишь на фотографиях, помещенных в немецких журналах «Шпигель» и «Штерн», видно, что даже внутри Кремля Андропову трудно переходить из одного помещения в другое. Но для визитов в другие страны формировались представительные правительственные делегации, как правило, во главе с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым или А. А. Громыко, который, оставаясь министром иностранных дел СССР, был также назначен одним из первых заместителей Председателя Совета Министров СССР. Это назначение вызвало тогда немало кривотолков среди западных комментаторов.

Советские правительственные делегации заключили долгосрочные соглашения о расширении экономического и

научно-технического сотрудничества с Югославией и Грецией. Советский Союз заинтересованно наблюдал за развитием событий в наиболее «горячих» районах планеты — в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Была увеличена военная помощь Сирии: эта страна получила и новые противовоздушные ракеты, и немалое число военных советников. Особое внимание СССР уделял конфликту между Ираком и Ираном, который перерос в кровопролитную войну. Придерживаясь нейтралитета, Советский Союз тем не менее продавал немалое количество современного оружия Ираку, с которым наша страна еще в 1972 году заключила договор о дружбе и сотрудничестве. Конечно, Андропов не мог не знать о деспотическом и авторитарном характере режима Саддама Хусейна в Ираке. Но и теократический режим аятоллы Хомейни в Иране не казался более предпочтительным.

Отношения с социалистическими странами Восточной Европы не создавали в 1983 году каких-либо серьезных проблем. В Польше уже второй год действовал режим военного положения, и казалось, что большинство поляков смирились с ним, как с меньшим злом. Видный польский политик Мечислав Раковский в книге «Как это случилось» писал, вспоминая 1983 год: «После смерти Брежнева Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Андропов, человек рассудительный и спокойный. Он хорошо знал польские проблемы. Ярузельский несколько раз встречался с Андроповым и пришел к выводу, что тот понимает польскую специфику. В свою очередь Андропов, беседуя с генералом в декабре 1982 года с глазу на глаз, признал, что в Советском Союзе мало кто понимает суть польского феномена, и выразил сожаление, что Берут в свое время так бездумно стал копировать советский опыт. С другой стороны, он не жалел острых слов, возвращаясь к дежурной теме о ситуации в польском руководстве»[298].

Андропов возглавил советскую делегацию на состоявшейся в Праге 28 июня встрече руководящих партийных и государственных деятелей НРБ, ВНР, ГДР, СРР, СССР и ЧССР, на которой обсуждались основные международные проблемы и явное ухудшение отношений Запада и Востока. Он отдельно вел в 1983 году переговоры с делегациями Вьетнама, Венгрии и ГДР, а также делегациями коммунистических партий Западной Европы.

Трагедия над Японским морем

В ночь на 1 сентября 1983 года над Японским морем разыгралась трагедия, которая существенно отразилась на отношениях между СССР и странами Запада, повредила престижу нашей страны и была максимально использована антисоветской пропагандой. Эта трагедия продолжает и сегодня занимать не только историков и политиков, но и общественное мнение многих стран, она породила многочисленную литературу, хотя очень важные детали и события той трагической ночи остаются не вполне проясненными и по сей день. Речь идет о корейском гражданском авиалайнере «Боинг-747», который глубоко вторгся в советское воздушное пространство и был сбит советскими средствами ПВО. При этом погибли 269 человек — все пассажиры и экипаж авиалайнера.

Надо сказать, что полеты американских самолетов-разведчиков над советской территорией происходили после окончания Второй мировой войны довольно часто. Американские самолеты летали на высоте около 20 километров, недоступной в то время ни для зенитной артиллерии, ни для истребителей-перехватчиков. Еще в 1950-е годы я работал директором школы на Карельском перешейке, и к нам в школу кроме детей из рыболовецкого совхоза ходили дети офицеров из военного городка, построенного рядом с аэродромом и базой крупного соединения истребителей-перехватчиков. Уже тогда замполит дивизии рассказывал мне, что американские самолеты с явно провокационными целями заходят в советское воздушное пространство в дни крупнейших государственных праздников, пролетая при этом над Ленинградом и Москвой. Можно представить себе, как раздражало это Сталина и Хрущева. Однако именно эти полеты американских разведывательных самолетов побудили Сталина, а позднее Хрущева форсировать развитие ракетной техники. После того как 1 мая 1960 года в районе Урала силы ПВО СССР смогли сбить ракетой американский само- лет-разведчик и даже захватить в плен спустившегося на парашюте летчика Ф. Пауэрса, полеты над территорией нашей страны прекратились. К тому же наступало время спутников, которые могли вести разведку чужих территорий из космоса: космическое пространство не было поделено на какие-то национальные зоны.

Воздушная разведка не была, однако, полностью прекращена, она продолжалась весьма интенсивно, хотя американские самолеты летали на большой высоте вдоль границы советского воздушного пространства. Эти полеты происходили обычно

вечером и ночью. Район, разделяющий СССР и США на Севере, в районе Аляски, Чукотки и Камчатки, не был исключением: здесь постоянно велась интенсивная разведка американской и советской сторонами, хотя общие масштабы американской разведывательной деятельности были все же несравненно большими. Советские и американские радарные установки держали под контролем обширное воздушное пространство. С обеих сторон велись непрерывное электронное прослушивание и запись радиосигналов, значительная часть которых позднее расшифровывалась и анализировалась.

Исключительно тяжелые атмосферные условия приводили нередко к нарушениям самолетами-разведчиками воздушного пространства другой стороны. Иногда эти нарушения совершали и советские самолеты, но значительно чаще — американские. Только за январь — август 1983 года и только в районе Курильской гряды самолеты ВВС США девять раз нарушили советскую границу. В ряде случаев эти нарушения несомненно планировались. Так, например, 4 апреля 1983 года самолеты с опознавательными знаками США не только вторглись в советское воздушное пространство, но принялись демонстративно отрабатывать условное бомбометание по советским наземным целям[299]. Однако в большинстве случаев нарушения границы были ненамеренными, и потому ни советская, ни американская стороны не проявляли особой воинственности и не пытались сбить или посадить нарушителя. Самолету-нарушителю лишь указывали, что он должен убраться на свою сторону.

В ночь с 31 августа на 1 сентября в 2 часа 45 минут советскими радарами был зафиксирован американский самолет-разведчик РС-135. По американским сообщениям, это был обычный дежурный полет, и он действительно не обеспокоил нашу ПВО. Около 5 часов утра по местному времени в той же зоне и на той же высоте советские радары обнаружили еще один самолет. Это оказался как раз самолет южнокорейской гражданской линии, который вообще не должен был появиться в этом районе, так как международная трасса для корейского самолета, выполнявшего рейс по маршруту Нью-Йорк — Анкоридж (Аляска) — Сеул, проходила значительно восточнее.

Начальник Генерального штаба ВС СССР маршал Н. В. Огарков пояснил позднее, что корейский «Боинг» имеет радиолокационные отметки, аналогичные самолету РС-135, который все еще находился в воздухе. Более того, по утверждению Огаркова, оба самолета сблизились до полного слияния отметок на экране радара и примерно десять минут летели вместе. Потом один из самолетов пошел по своему

обычному курсу, а другой неожиданно взял направление на Петропавловск-Камчатский. «Естественно, — говорил Огарков, — что на советских командных пунктах ПВО был сделан вывод: к воздушному пространству СССР приближается самолет-разведчик».

Это был ошибочный вывод, но, по мнению Огаркова, у советского командования имелись все основания для такого вывода. И дело не только в схожести радиолокационных отметок. Движение корейского авиалайнера к советской границе не могло оставаться незамеченным ни американскими самолетами-разведчиками, ни диспетчерами радиолокационных станций. Они имели полную возможность и даже были обязаны указать корейским летчикам на их ошибку. Но почему-то не сделали этого. Среди пассажиров «боинга» было 76 корейцев, 60 американцев, 28 японцев и менее значительные группы пассажиров из других стран.

В 16 часов 30 минут южнокорейский лайнер пересек побережье Камчатки. К этому времени не только вся система ПВО СССР следила за его полетом. Сообщение о нарушении советского воздушного пространства было передано министру обороны Д. Ф. Устинову. Несмотря на нездоровье Ю. В. Андропова, ему постоянно докладывали о происходящем в небе над Камчаткой. Однако Андропов получил сведения не о появлении в советском небе корейского пассажирского самолета, но о вхождении в запретную зону над Камчаткой американского самолета-разведчика. И действия советского командования, и распоряжения Андропова исходили именно из этого, как оказалось, ложного предположения. Указания Андропова следовали обычной в то время практике: вражеский самолет должен быть перехвачен и посажен на советский аэродром. В случае неподчинения или сопротивления полет разведчика должен быть прерван другими средствами, вплоть до его уничтожения.

Как только «боинг» пересек границу, с камчатского аэродрома ПВО поднялся истребитель-перехватчик, пилотируемый майором Василием Казьминым. Истребитель догнал «боинг», но не смог достаточно близко подойти к нему. А тот между тем за 38 минут пересек южное пространство Камчатки и продолжал полет над Охотским морем. При этом второй пилот «боинга» во время сеансов связи с Анкориджем, а также с японскими навигационными службами спокойно сообщал, что полет проходит нормально, и называл именно те контрольные точки, через которые должен пролегать маршрут. Между тем отклонение от маршрута составляло уже около 450 километров.

По некоторым данным, кроме самолета, ведомого майором Казьминым, в воздух поднялись еще три самолета-перехватчика. Однако над Камчаткой в ту ночь стояла густая и высокая облачность, и перехватчики не смогли обнаружить корейский лайнер. Позднее советские военные власти сообщат, что он летел с потушенным внутренним освещением. Обычно гражданский самолет «светится» в ночном небе, и его легко отличить от военного. «Боинг-747» не светился, хотя у него работали наружные мигалки, видимые, однако, лишь в ясном небе и с небольшого расстояния. Уже над Охотским морем истребитель-перехватчик Казьмина сумел достаточно близко подойти к «боингу». Он сообщил на базу, что видит нарушителя.

Позднее западные газеты и журналы писали, что именно Казьмин и сбил корейский авиалайнер. Но это ошибка. Над Охотским морем самолет летел опять над международными водами, и никто не мог дать приказ о его уничтожении. Советское военное командование быстро просчитало возможности дальнейшего полета «боинга». Но точно установить, куда он направится, было нельзя. Радарные станции продолжали наблюдать за движением «боинга». Он сделал небольшой поворот и направился к южной части острова Сахалин, где располагалось множество советских аэродромов и военных баз. Навстречу ему было поднято три истребителя-перехватчика Су-15 и один МиГ-23. Первым приблизился к «боингу» истребитель Су-15, ведомый летчиком Геннадием Осиповичем. Корейский самолет по-прежнему не светился в ночном небе, но это могло происходить из-за того, что шторки на окнах были опущены. Во всяком случае, наружные мигалки работали, но у летчика даже мысли не было, что он преследует не военный, а гражданский самолет.

Приказ, полученный майором Осиповичем с земли, гласил: цель нарушила государственную границу. Цель уничтожить.

Как следует из расшифрованных через десять лет стенограмм записей на командных пунктах, непосредственно перед уничтожением корейского самолета состоялся следующий краткий диалог. Генерал Каменский, командующий ВВС Дальневосточного военного округа: «Надо уточнить, может быть, это какой гражданский борт или кто, черт его знает…» Генерал Корнуков: «Какой гражданский, он Камчатку прошел. Со стороны океана без опознавания. При нарушении государственной границы даю команду на поражение…» Еще раньше на несколько минут приказ на поражение сахалинский генерал Корнуков получил от генерала армии Ивана Моисеевича Третьяка, командующего Дальневосточным военным округом[300].

Дальнейшее известно. После предупредительных выстрелов, на которые «Боинг-747» никак не отреагировал, Осипович выпустил по нарушителю две ракеты. В цель попали или одна, или обе ракеты. Корейский самолет был поврежден, потерял управление, через несколько минут он быстро пошел на снижение и исчез с экранов советских радаров. Летчик доложил о выполнении приказа. Вспоминая роковое утро 1 сентября, Осипович позднее говорил: «Ни на минуту я не думал, что могу сбить пассажирский самолет. Все что угодно, но только не это! Разве мог я допустить, что гонялся за "боингом"?.. Беда всех советских летчиков в том, что мы не изучаем гражданские машины иностранных компаний. Я знал все военные самолеты, все разведывательные… Но этот не был похож ни на один из них»[301].

Об уничтожении самолета-нарушителя были немедленно оповещены все высшие военные чины в Москве. Естественно, об этом почти сразу же было доложено и Ю. В. Андропову. Но только через несколько часов — из запросов с японской стороны, из перехваченной информации и по другим источникам — советское военное и гражданское руководство узнало, что был уничтожен гражданский авиалайнер с 269 пассажирами и членами экипажа на борту.

После трагедии над Японским морем западными журналистами было подсчитано, что только в 1960—1970-е годы в разных районах мира было около 60 случаев непреднамеренного или даже намеренного уничтожения гражданских самолетов военными средствами. Можно назвать для примера случай с ливийским авиалайнером над Синайской пустыней (1973 год). Самолет отклонился от установленной для него трассы на 20–50 километров и был сбит без предупреждения. Известен факт, когда во время маневров американская ракета сбила над Средиземным морем итальянский гражданский самолет. С этой точки зрения происшедшее над Японским морем не было единственным в своем роде явлением. На картах, которые получают летчики гражданской авиации Японии, Кореи, США и других стран этого региона, район Камчатки и Сахалина обведен жирной линией с надписью: «Внимание! Самолет приближается к зоне, где он может быть обстрелян без предупреждения».

У советской стороны была поэтому возможность сразу же сообщить о трагической участи корейского лайнера, возложив при этом ответственность за ошибку и ее роковые последствия на противную сторону. При этом следовало как можно более точно описать события в их последовательности. Это лишило бы американскую и вообще западную пропаганду главных козырей.

Но советские власти повели себя иначе и совершенно неадекватно.

В первые часы после трагедии ни Япония, ни США не запрашивали почему-то Советский Союз о судьбе «боинга», хотя его исчезновение с радаров и вызвало тревогу. На более поздние запросы советское командование отвечало, что ему ничего не известно о его судьбе. Однако система электронной разведки США вдоль нашей границы весьма совершенна, и уже через 5–6 часов вся доступная информация была передана в центры военной власти США. Здесь была и запись разговоров летчиков-истребителей с наземными службами, включая приказ об уничтожении цели. Трудно предположить, что советское командование не знало о возможностях американской и японской систем прослушивания. Тем не менее было принято решение скрыть факт уничтожения советскими истребителями корейского авиалайнера.

Это решение одобрили на экстренном заседании Политбюро, которое состоялось вечером 1 сентября. Андропов отсутствовал по болезни. Председательствовал Черненко. После довольно продолжительного обсуждения Политбюро приняло текст сообщения ТАСС, который появился в печати 2 сентября. В нем говорилось: «В ночь с 31 августа на 1 сентября самолет неустановленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над островом Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связь с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

Было огромной ошибкой стремление скрыть все или почти все известные советской стороне сведения о судьбе корейского авиалайнера и тем более отрицать факт его уничтожения советскими ракетами. К этому времени госдепартамент США уже объявил на весь мир, что Советский Союз сбил гражданский корейский авиалайнер, на борту которого находились и десятки американских граждан. Началась беспрецедентная пропагандистская кампания, направленная против «жестокого и безжалостного советского руководства». 2 сентября состоялось новое заседание Политбюро, на котором присутствовали все его члены и кандидаты, кроме Алиева, Кунаева и Щербицкого. Вел заседание опять Черненко, который передал пожелание больного

Андропова, чтобы «товарищи еще раз посоветовались по этому сложному вопросу». Политбюро заслушало информацию Д. Устинова о действиях военных в ночь на 1 сентября, а также информацию Председателя КГБ В. Чебрикова. Все выступавшие соглашались, что действия ПВО и ВВС совершенно законны, прямо предусмотрены уставами Советской Армии. На этом основании Н. Тихонов заявил: «Если мы поступили правильно, законно, то надо прямо сказать, что мы сбили этот самолет». Однако А. Громыко предложил использовать другое выражение: «Мы должны сказать, что выстрелы были произведены». «Надо раскрывать истину поэтапно, — заявил В. Гришин. — Сейчас сообщить о расследовании, а затем сказать, что самолет был обстрелян». Именно эта туманная и лживая формула и была принята для советских средств массовой информации. Черненко подвел итоги и сказал, что он немедленно доложит о решении Политбюро Андропову[302].

3 сентября 1983 года ТАСС опубликовал карту полета самолета-нарушителя и линию международной трассы для гражданских самолетов. Поскольку для военных самолетов летать по «международной трассе» вовсе не обязательно, то ТАСС, таким образом, косвенно признавал, что речь идет о каком-то гражданском самолете. Однако и в этом сообщении ничего не говорилось о том, что самолет был сбит советским истребителем. Там можно было прочесть: «…Вскоре после этого самолет-нарушитель вышел за пределы советского воздушного пространства и продолжал полет в сторону Японского моря. В течение примерно десяти минут он находился в зоне наблюдения радиолокационными средствами, после чего наблюдение за ним было потеряно». В этом сообщении ТАСС не говорилось о гибели гражданского самолета, но содержалась фраза о том, что в «руководящих кругах Советского Союза выражают сожаление в связи с человеческими жертвами и вместе с тем решительно осуждают тех, кто сознательно или в результате преступного пренебрежения допустил гибель людей, а теперь пытается использовать происшедшее в нечистоплотных политических целях»[303].

Надо сказать, что не столько уничтожение «Боинга-747», сколько попытка отрицать причастность к этому советских средств ПВО в наибольшей степени использовалась американской и всей западной пропагандой для нагнетания антисоветской истерии.

Спустя три дня после трагедии газета «Известия» опубликовала беседу обозревателя АПН В. Островского с начальником штаба войск ПВО генерал-полковником С.

Романовым «Как все это было на самом деле?». Романов сообщил о действиях наземных служб ПВО и истребителей-перехватчиков, которые якобы пытались вступить с нарушителем в связь на специальной аварийной частоте. Истребители включали специальные огни, качали крыльями (международный знак, требующий подчинения от нарушителя), стреляли по курсу самолета трассирующими снарядами и т. п. Но западные эксперты знали, что советские истребители не вступали и не могли вступать в связь с нарушителем на аварийной частоте, — у них для этого не было дополнительного радиопередатчика. Не было и трассирующих снарядов. А главное — и теперь генерал Романов почему-то не сказал, что самолет был сбит по приказу наземного центра. Не называлось в нашей печати и число жертв.

Только 7 сентября в специальном заявлении Советского правительства наконец прозвучало, что командование ПВО района, тщательно проанализировав все действия самолета-нарушителя, пришло к выводу, что в воздушном пространстве СССР находился самолет-разведчик. Так как этот самолет не подчинился требованиям наземных служб и истребителей, то «истребитель-перехватчик ПВО выполнил приказ командного пункта по пресечению полета»[304].

9 сентября в Москве Министерство обороны и Министерство иностранных дел СССР провели подробную пресс- конференцию для иностранных и советских журналистов о судьбе корейского авиалайнера. От военных главные пояснения давал начальник Генерального штаба Вооруженных Сил маршал Н. В. Огарков. От МИДа выступал первый заместитель министра Г. М. Корниенко. Принял участие в пресс-конференции и заведующий отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин. Хорошо помню, что сразу после этой пресс-конференции я беседовал с группой иностранных корреспондентов, присутствовавших на ней. На них хорошее впечатление произвел Огарков, хотя со многими его ответами они не были согласны. Из подробных объяснений маршала становилось очевидным, однако, что военные власти на Дальнем Востоке вполне могли принять в ночном небе Камчатки корейский авиалайнер за военный самолет-разведчик. Справедливы были упреки Огаркова американским и японским диспетчерам, которые не подняли тревогу и не вернули корейский самолет на его обычный курс. Не исправили курс этого самолета и американские военные самолеты-разведчики, находившиеся близ советского воздушного пространства.

Корейский самолет прошел над важнейшей базой стратегических ядерных сил СССР, постоянно передавая короткие

кодированные сигналы, как это делается при передаче разведывательной информации. Он не вступил в контакт с советскими наземными службами. Над Сахалином самолет произвел сложный маневр и опять прошел над важной базой советских ракетных войск. Сомнений у службы ПВО не было: в небе разведчик, полет которого был преднамеренным и четко управлялся. Поэтому, по утверждению Огаркова, службы ПВО действовали в точном соответствии с Законом о государственной границе СССР и международными нормами. Маршал не ответил на вопрос, на каком уровне принималось решение о пресечении полета самолета-нарушителя. Он также повторил ложную версию о том, что над Сахалином советские истребители давали предупредительные выстрелы трассирующими снарядами. Но в то время никто этого не мог и опровергнуть. Огарков заявил, что СССР выразил сожаление по поводу гибели ни в чем не повинных людей. Но СССР не собирается приносить никаких извинений, так как «извиняться и нести ответственность, и не только финансовую, должны именно те, кто послал самолет на гибель»[305].

Если Н. В. Огарков отвечал со знанием дела и вполне корректно, то весьма грубо и даже вызывающе вел себя Л. М. Замятин. Он никак не мог объяснить, почему советские средства массовой информации с таким большим опозданием сообщили об уничтожении корейского самолета. На вопрос об этом он ответил: «надо понимать советский политический язык». Это был грубый и глупый ответ. Люди старшего поколения могли вспомнить, что еще в конце 1940-х годов над Прибалтикой был сбит американский военный самолет. В официальном сообщении говорилось не только о нарушении советского воздушного пространства, но и о возникшей перестрелке самолета с советскими истребителями, после чего нарушитель «удалился в сторону моря». На некоторое время эти слова стали предметом разного рода шуток, но потом о них забыли, хотя выражение «удалиться в сторону моря» действительно вошло в советский политический язык. Однако в сообщениях сентября 1983 года встречались выражения «продолжал полет в сторону Японского моря» или «в течение 10 минут находился в зоне наблюдения радиолокационными средствами, после чего наблюдение за ним было потеряно». К тому же ничего не говорилось о какой-либо перестрелке. Да и почему иностранные корреспонденты 1980-х годов должны были помнить «советский политический язык» 1940-х годов?

Пресс-конференция в Москве не остановила разбушевавшуюся во всем западном мире пропагандистскую

кампанию против «империи зла», как назвал Советский Союз президент США Р. Рейган. В сложившейся обстановке А. А. Громыко вынужден был отложить поездку в Нью-Йорк на очередную сессию ООН, так как США отказались дать ему гарантии безопасности.

Что касается Ю. В. Андропова, то в сентябре 1983 года он хранил полное молчание, сознательно предоставив слово военным. Только 21 сентября в нашей печати появилось письмо Андропова «группе социал-демократических депутатов бундестага ФРГ». В нем говорилось о проблеме гонки вооружений и особенно о предполагаемом размещении американских ракет средней дальности на территории ФРГ. О трагедии над Японским морем Андропов не упомянул ни словом. Однако в начале октября ему все же пришлось сделать заявление и об инциденте с «Боингом-747», и о пропагандистской кампании США и Запада в целом. Андропов полностью оправдывал действия советских военных властей и предупреждал, что Советский Союз будет и впредь очень жестко реагировать на провокации западных разведывательных служб. Заявление это было даже более резким, чем все прежние заявления советских военных и гражданских руководителей. Западные наблюдатели комментировали, однако, не столько резкость выражений советского лидера, сколько тот факт, что он молчал о произошедшей трагедии больше месяца. Высказывались предположения об усилении роли военных в СССР или о разного рода противоречиях в Политбюро.

Близкие к Андропову люди говорили позднее, что он достаточно хорошо сознавал, что военные лидеры страны запутались в трактовке произошедшей трагедии и тем самым подставили генсека. Но по понятиям того времени он был не вправе ради укрепления собственного авторитета подставлять под удар военных. Такие случаи бывали и в истории США. Так, например, американские военные власти просто обманули в 1960 году президента Д. Эйзенхауэра в инциденте со сбитым над Уралом самолетом-разведчиком «У-2». Неверную информацию от военных получил в 1961 году о военных действиях на кубинской территории и президент Д. Кеннеди.

Известно, что США надолго закрыли для советских гражданских самолетов американские аэродромы. Ряд санкций против СССР был принят и Международной организацией гражданской авиации (ИКАО).

В политике трудно всегда говорить правду. Но есть ситуации, когда намеренное ее сокрытие приносит несравненно больший вред, чем признание пусть неприятных, но очевидных фактов. И, конечно, США не упустили в своей политике и пропаганде тот

явный просчет советской стороны, к которому и Андропов имел, несомненно, прямое или косвенное отношение.

Как известно, еще с весны 1992 года по решению новых «демократических» властей Российской Федерации началось рассекречивание всех, даже самых секретных, советских архивов. В специальной папке «президентского» архива (а ранее архива Политбюро) хранились и все документы, связанные с судьбой корейского самолета «Боинг-747». Основные из этих документов были опубликованы — например, в газете «Известия» от 15 октября 1992 года. Из этих материалов мы узнали, что вскоре после описанной выше трагедии в районах Камчатки и острова Сахалин силами Тихоокеанского флота были организованы поиски электронной аппаратуры самолета — пресловутых «черных ящиков». Было привлечено до 40 кораблей и судов обеспечения Тихоокеанского флота, а также Мингазпрома и Минрыбпрома. 20 октября 1983 года были обнаружены остатки самолета, а через несколько дней, как докладывали Андропову Д. Устинов и В. Чебриков, и «интересующая нас электронная аппаратура (регистратор параметров полета и работы систем самолета и регистратор переговоров экипажа с наземными пунктами управления и членов экипажа между собой)». Эта аппаратура была поднята на борт корабля и самолетами доставлена в Москву в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил для дешифровки и перевода. Вся эта работа заняла еще около месяца. При этом советские корабли продолжали имитацию поисков аппаратуры, и поэтому ни американская, ни японская, ни корейская разведки так и не узнали о том, что «черные ящики» погибшего «боинга» уже изучаются в Москве.

Тщательная экспертиза показала советским экспертам, что отклонение «боинга» от его обычного курса не было случайным. Экипаж самолета не мог не знать, что он летит над советской территорией. Было доказано, что «КАЛ-007» регулярно поддерживал связь с другим южнокорейским самолетом, который совершал полет на близком расстоянии по международной трассе. Но не было получено доказательств разведывательного характера всей этой трагически закончившейся акции. В связи с этим Д. Устинов и В. Чебриков докладывали Ю. Андропову:

«Учитывая вышесказанное, а также профессиональную подготовленность экипажа, высокую надежность навигационного оборудования самолета, можно считать неопровержимо доказанным, что вторжение южнокорейского самолета в советское воздушное пространство было преднамеренным. Оценка фактических данных, полученных при анализе

показателей регистрирующей аппаратуры самолета и линии поведения администрации США после того, как самолет был сбит, подтверждает, что мы имели дело с тщательно организованной спецслужбами США крупномасштабной политической провокацией, которая преследовала двоякую цель. Во-первых, вторжением самолета-нарушителя в воздушное пространство СССР создать благоприятную обстановку для сбора разведывательных данных о нашей системе ПВО на Дальнем Востоке с привлечением самых различных средств, в том числе разведывательного спутника "Феррет". При безнаказанном полете самолета-нарушителя через наше воздушное пространство американцы, видимо, намеревались развернуть пропаганду о ненадежности нашей системы ПВО на Дальнем Востоке. Во-вторых, ими предусматривалось, если этот полет будет нами пресечен, использовать этот факт, чтобы опорочить Советский Союз. Разоблачение нами провокационного и разведывательного характера полета самолета и роли в его организации спецслужб США не позволило полностью достичь целей, к которым стремились американцы, организуя эту провокацию.

Поскольку эта акция тщательно готовилась, то они заблаговременно приняли ряд мер для скрытия целей ее проведения. При дешифровании регистрирующей аппаратуры, обнаружив достоверные данные преднамеренности вторжения в наше воздушное пространство, нам не удалось получить прямых доказательств разведывательного характера полета самолета. Поэтому объективные данные регистраторов параметра полета и речевого регистратора в случае передачи их западным странам могут быть использованы как СССР, так и западными странами для доказательства своих противоположных точек зрения относительно целей полета южнокорейского самолета. Не исключен при этом новый тур антисоветской истерии.

В связи с изложенным представляется целесообразным от передачи регистраторов в Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) или в страну, изъявившую желание расшифровать записи, воздержаться. Наличие в СССР этих регистраторов сохранить в тайне. Данных, что США или Японии известно о нахождении указанной аппаратуры в наших руках, нет. Необходимые меры к сохранению тайны на будущее нами приняты.

В дальнейшем при возникновении вопросов, связанных с этим инцидентом, нам целесообразно придерживаться позиции, изложенной в заявлении Советского правительства от 6 сентября с. г., категорически отказываться от возмещения ущерба и ответственность за гибель людей всецело возлагать на

организаторов этой провокации — администрацию США.

Просим согласия».

Ю. В. Андропов дал просимое у него согласие. Только в конце 1992-го и в начале 1993 года российская администрация по указанию президента Б. Ельцина передала в ИКАО практически все материалы и документы по делу о гибели корейского самолета. Были переданы международным экспертам копии всех записей из «черных ящиков», а также копии всех переговоров между командными пунктами на Дальнем Востоке в ночь с 31 августа на 1 сентября. Летом 1993 года ИКАО официально объявила, что эта организация снимает все те обвинения с Советского Союза и России, которые выдвигались рейгановской администрацией. Советский Союз больше не обвиняется в том, что его ПВО и ВВС сознательно сбили пассажирский самолет, совершив тем самым жестокий и варварский акт. В документе ИКАО, в частности, говорилось: «3.12. Летный экипаж КАЛ-007 не выполнил надлежащих навигационных процедур, которые обеспечивают выдерживание воздушным судном заданной линии пути в течение всего полета… 3.32. Командование ПВО СССР сделало вывод, что КАЛ-007 является разведывательным воздушным судном РС-135 США перед тем, как оно отдало приказ о его уничтожении»[306]. Однако в заключении ИКАО нет вывода о преднамеренности нарушения «Боингом-747» советского воздушного пространства.

С этим до сих пор не согласны многие российские военные эксперты. В то время как Россия предоставила ИКАО практически все документы и материалы по изучаемой проблеме, американская сторона до сих пор не представила в ИКАО многих имеющихся по этому делу материалов. Полемизируя с выводами ИКАО, российский эксперт полковник В. Дудин писал: «Масштабы и длительность залета "боинга" в запретное и потому опасное воздушное пространство никак не укладываются в "образ" обычной навигационной ошибки… "Боинг" не сбился с курса где-то на маршруте, а сразу после взлета занял не заданное значение. Отсутствуют сведения о выдерживании установленных параметров сразу на нескольких приборах-курсоуказателях, индикаторах текущих координат, бокового уклонения от заданного маршрута, системах радионавигации и, наконец, на бортовом радиолокаторе. Конечно, экипаж вряд ли выполнял разведывательное задание — самолет не имел соответствующего оборудования. Но то, что полет с самого начала протекал не по заданной трассе и мотивировался какими-то причинами, — сей факт совершенно не исследовался ни ИКАО, ни президентской комиссией»[307].

Осенью 1997 года с сенсационными утверждениями о судьбе «Боинга-747» выступил бывший высокопоставленный сотрудник японской военной разведки Иосиро Танака, который в бытность на действительной службе руководил важнейшим для Токио объектом электронного шпионажа в городе Вакканай на самом севере острова Хоккайдо. Поясним: именно оттуда японцы и их американские союзники круглосуточно прослушивают российский Дальний Восток. Станция в Вакканае, кстати, и зафиксировала переговоры советских пилотов, преследовавших в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года самолет южнокорейской авиакомпании KAJI. В вышедшей 1 сентября книге «Правда о полете KAJI-007» отставной японский разведчик на основе собственного расследования утверждает, что этот лайнер выполнял прямое задание американских спецслужб.

В результате проведенного исследования бывший офицер японской разведки пришел к выводу, что американские спецслужбы сознательно направили южнокорейский пассажирский самолет в советское воздушное пространство, чтобы вызвать переполох в системе противовоздушной обороны СССР и выявить ее засекреченные и обычно «молчащие» объекты. Как подчеркивает Танака, США в то время прилагали особые усилия к сбору информации о советской ПВО на Дальнем Востоке, которая в 1983 году была модернизирована и значительно усилена[308]. Таким образом, ставить точку в истории с трагедией над Японским морем все еще рано.

Ю. В. Андропов — «человек года»

В самом конце 1983 года, выбирая по давней традиции «человека года», то есть того, чья деятельность в истекшем году в наибольшей степени сказалась на судьбах мира, популярный американский еженедельник «Тайм» назвал «людьми 1983 года» одновременно Рональда Рейгана и Юрия Андропова. Оценке и делам этих людей и был посвящен новогодний номер журнала.

В 1945 году «Тайм» избрал «человеком года» Сталина, а в 1957-м — Хрущева. Брежнев ни разу не удостоился такой чести, хотя вовсе не обязательно, чтобы мнение экспертов и редакции политического еженедельника совпадало с объективной истиной и мнением историков. Однако в данном случае можно было согласиться с решением журнала. Обосновывая свой выбор, «Тайм» утверждал, что именно Рейган «смог сформулировать свою идеологическую позицию по телевидению с большей силой, чем кто-либо другой», что как президент он «стал живой фигурой, завоевав телеэкраны не только у себя, но и во всем мире». Про Андропова там же можно прочесть, что «он обладает репутацией наиболее информированного и умного советского руководителя со времен Ленина. Западные дипломаты, посещавшие его в начальный период его пребывания у власти, были поражены его способностью оперировать фактами и его сардоническим юмором. А французский министр иностранных дел, встречавшийся с Андроповым… нашел его лишенным страстности и человеческого тепла, которые столь часто проявляют русские». «Андропов занял верховные посты быстрее, чем любой предыдущий советский лидер: он занял посты генсека КПСС и президента СССР в течение семи месяцев. За это время он стал также председателем могущественного Совета обороны… Вклад Андропова и в развитие, и в провал советско-американских отношений уходит в историю дальше, чем вклад Рейгана, так как Андропов стал полноправным членом Политбюро в 1973 году, когда Рейган еще был губернатором штата Калифорния и не имел влияния на американскую внешнюю политику… Андропов, по оценке Ричарда Никсона, может быть большим и опасным противником, чем любой из последних советских руководителей, но также и самым лучшим руководителем, с которым США могли развивать отношения по принципу — живи и давай жить другим. Никсон говорит: «Он, в отличие от Хрущева, контролирует свои эмоции. У него больше воображения, чем у Брежнева. Он в высшей степени умен. Он — холодный прагматик. Он ничего не будет делать поспешно». Но тут же авторы «Тайм» добавляли, что

Андропов — «это законченный образ работника коммунистической партии, почти безликий труженик советского политического истеблишмента… возглавлявший в течение 15 лет КГБ… человек, достигший власти благодаря закулисному маневрированию в закрытом, засекреченном Политбюро». «Мало что может в такой степени подчеркнуть разницу между советской и американской системами столь резко, как контраст между регулярными медицинскими бюллетенями, которые Белый дом издавал после того, как Рейган получил пулевые ранения при покушении на него в марте 1981 года, и нынешними заявлениями кремлевских чиновников недоверчивому миру о том, что андроповское недомогание является не чем иным, как "легкой простудой". Личные контакты между двумя Президентами настолько ограниченны, что журналистам "Тайм" удалось узнать только об обмене посланиями между ними в 1983 году (сколько их было, никто не говорит). Они не желают видеть друг друга в ближайшее время, а может, и вообще. Даже если здоровье позволит Андропову согласиться на встречу в верхах, в ближайшие месяцы этого не позволит политический климат»[309].

Объявленное журналом «Тайм» решение о «человеке года» увеличило внимание к Андропову и Рейгану, к их отношениям и их отличиям друг от друга. Многие журналы и газеты писали с удивлением, что, не появляясь на публике из-за какой-то болезни или операции, Юрий Андропов стал более активен, что его заявления и выступления, исходившие предположительно из его больничной палаты или его спальни, все внимательно слушают и читают, что в стране осуществляется политика Андропова. Не прошло незамеченным совещание группы высших военных офицеров, на котором маршал Д. Устинов восхвалял Андропова с особой теплотой и дружелюбием. «Как можем мы объяснить политическую живучесть и даже несомненное укрепление беспомощного и отсутствующего лидера? — спрашивал один из авторов популярного среди интеллектуалов еженедельника «Нью-Йорк ревью оф Букс». — Это свидетельствует о высоком уровне единодушия элиты, о сильной поддержке Андропова в центральном аппарате ЦК КПСС и КГБ, а также об отсутствии активных и подходящих кандидатов на лидерство… Но среди других факторов, позволяющих объяснить устойчивость Андропова, надо назвать и политику США и Рейгана, в которой советские лидеры усматривают угрозу и что вынуждает их сохранять единство любой ценой. Риторика президента Рейгана жестоко поколебала самоуважение и патриотическую гордость советской правящей элиты. Праведный моралистический тон администрации, ее попытка превратить все то, что Советский

Союз считает своими достижениями, в преступления, совершаемые разбойниками из "империи зла", — такой язык изумил и унизил советских руководителей, особенно потому, что последовал столь внезапно за периодом величайшей взаимной любезности. Любой политик, который стремится понять политическую культуру Советской России и ее исторические традиции, не может недооценивать силу слов. Советская элита проводит большую часть своей жизни, манипулируя нюансами идеологии, и слова воспринимаются здесь очень серьезно… Поэтому риторика и политика президента Рейгана привели к таким большим и быстрым изменениям в атмосфере советско-американских отношений, которые будет трудно исправить. Риторика Рейгана глубоко задела советских лидеров в трех отношениях. Его публичное неуважение к ним задело их лично. Его обвинения в неразумности советской системы и сомнения в престиже ее лидеров унизили их перед собственной аудиторией. Его обвинения по поводу поведения советских лидеров в международных делах унизили их в глазах мировой общественности. Бешеные риторические нападки президента создали у советских лидеров не только обиду, но и проблемы. Следствием этого стали усиление конфликтности, углубление личного раздражения и накал эмоций»[310].

Журнал «Тайм» объявил в начале января 1984 года, что оба «человека года» дали согласие на интервью. Интервью Рейгана вскоре было опубликовано. Американский президент, явно вопреки фактам, заявлял, что его политика уменьшила опасность и риск новой большой войны. Однако Андропов уже не мог в январе 1984 года давать какие-либо интервью. Он начинал прощаться с друзьями и соратниками.

Глава девятая. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ

Болезнь Ю. В. Андропова

Когда на похоронах Брежнева Ю. Андропов поднялся на трибуну Мавзолея, чтобы произнести первую публичную речь в качестве нового лидера, он выглядел утомленным, но отнюдь не тяжелобольным человеком. На протяжении всего 1982 года, как, впрочем, и раньше, Андропов демонстрировал огромную работоспособность. Он появлялся в своем рабочем кабинете ровно в 9 часов утра и уезжал домой поздно вечером. Однако еще дома и в машине он успевал просмотреть утренние газеты, а отправляясь вечером домой, брал с собой немало бумаг для просмотра. Даже в обеденный перерыв — с 13.30 до 14.30 — в небольшой столовой для высшего руководства КГБ Андропов обсуждал различные дела со своими заместителями. По субботам он также появлялся в кабинете, но уже в 11 часов утра и проводил здесь не менее 6–7 часов.

В воскресенье Андропов обычно давал отдохнуть своим секретарям и помощникам, но сам в час дня все же приезжал на Лубянку и отводил этот день для чтения больших по объему документов. Он почти никогда не ездил вечерами в гости и лишь изредка позволял себе небольшие прогулки по лесным тропинкам Подмосковья. Он любил не море, а лес, и близким людям говорил порой, что если уйдет на пенсию, то станет лесником и напишет единственную книгу, которую он может написать лучше других: о событиях 1956 года в Венгрии. Андропов много читал и за рабочий день успевал внимательно прочесть до 600 страниц различных документов и текстов. Он обладал почти абсолютной памятью и нередко удивлял своих новых сотрудников, дословно цитируя прочитанные, как им казалось, наспех, обширные документы.

Как и другие члены брежневского Политбюро, Юрий Владимирович получал отпуск и зимой, и летом. Зимний месяц он проводил в санатории или в больнице под Москвой: летом, как правило, отдыхал в Кисловодске или Железноводске. Друзья знали, тем не менее, что у Андропова имелись серьезные проблемы со здоровьем. Еще в середине 60-х годов Андропов находился в больнице два или три месяца из-за нарушений сердечной деятельности. Некоторые из его консультантов в ЦК, с которыми я был знаком в начале 60-х, говорили мне тогда, что их шеф страдает диабетом. Как я узнал позднее, это был почечный диабет, ибо еще с молодости Андропов страдал хроническим заболеванием почек. Однако умеренный образ жизни, тщательная диета, хорошо продуманная профилактика позволяли

компенсировать последствия всех этих болезней, и они практически не отражались на его работоспособности.

Е. И. Чазов вспоминает, что впервые вопрос о здоровье Андропова остро встал в 1966 году. Тогда врачи 4-го главного управления поставили ему неправильный диагноз: тяжелая гипертоническая болезнь, осложненная инфарктом миокарда. Встал вопрос о переходе на инвалидность и, следовательно, о конце политической карьеры. Чазов вместе с академиком Е. В. Тареевым консультировали Юрия Владимировича: «Мы с Тареевым, учитывая, что Андропов длительное время страдал от болезни почек, решили, что в данном случае речь идет о повышенной продукции гормона альдостерона (альдостеронизме). Это расстройство тогда мало было известно советским врачам. Исследование этого гормона в то время проводилось только в институте, которым я руководил. Анализ подтвердил наше предположение, а назначенный препарат "альдактон", снижающий содержание этого гормона, не только привел к нормализации артериального давления, но и восстановил электрокардиограмму. Оказалось, что она свидетельствовала не об инфаркте, а лишь указывала на изменение содержания в мышце сердца иона калия. В результате лечения не только улучшилось самочувствие Андропова, но полностью был снят вопрос об инвалидности, и он вновь вернулся на работу»[311].

По роду своей работы в КГБ Юрию Владимировичу приходилось нередко выезжать за границу, чаще всего в социалистические страны. Дело не только в том, что между органами безопасности стран социалистического лагеря осуществлялось очень тесное сотрудничество. Известно, что между ними то и дело вспыхивали острые конфликты, и от КГБ требовалось собрать исчерпывающую информацию об этом, анализировать ее и давать для ЦК и Совмина необходимые рекомендации.

О визитах Андропова в те или иные страны обычно не сообщалось в печати. По свидетельству В. М. Чебрикова, одного из его заместителей (а позднее и преемника), во время одного из визитов Андропова в Китай у него возникло острое кишечное заболевание — сальмонеллез, — вызываемое кишечными бактериями. Это довольно тяжелое и опасное заболевание, которое сопровождается высокой температурой, рвотой и лечение которого не всегда может быть быстрым и эффективным. Андропову пришлось срочно вернуться в Москву и лечь в больницу. Однако и после выхода оттуда он несколько месяцев не мог оправиться от последствий.

Еще более тяжелую болезнь Андропов привез из Афганистана, куда он вылетал в начале 1980 года. Условно названная «азиатским гриппом», эта болезнь нанесла удар почти по всем его внутренним органам, и особенно по и без того больным почкам. Даже после выписки из больницы у Андропова случались обмороки и неожиданные временные обострения, лишавшие его прежней работоспособности.

Главным лечащим врачом Андропова был В. Архипов; Юрий Владимирович мог лечиться как в медицинских учреждениях КГБ, так и в «кремлевском» 4-м главном управлении Минздрава СССР, возглавляемом в то время Е. И. Чазовым, по совместительству главным личным врачом Брежнева. Андропов находился с Чазовым в добрых отношениях, но, когда на одном из приемов в конце 1982 года Евгений Иванович справился у него о здоровье, заметив при этом, что, вероятно, именно он, Чазов, должен будет стать его личным врачом, Юрий Владимирович от этого отказался. «Не извольте беспокоиться, — ответил он, — у вас и так слишком много обязанностей, а я вполне удовлетворен теми врачами, которые вот уже много лет следят за моим здоровьем».

На протяжении всего 1982 года Андропову пришлось работать с огромным напряжением, и он только один раз на короткое время смог покинуть Москву для отдыха. Однако в ноябре и декабре работы у нового генсека еще прибавилось. Все это не могло не отразиться на его самочувствии. Он сильнее страдал от хронической почечной недостаточности, и ему приходилось все чаще прибегать к диализу, то есть к искусственному очищению крови при помощи полученного из-за границы индивидуального аппарата «искусственная почка».

В статье «Власть и здоровье», опубликованной журналом «Огонек», знаменитый советский хирург академик Б. В. Петровский утверждал, что тяжелобольной человек может заниматься литературой, научной работой, но никак не серьезной государственной деятельностью. «Не только работоспособность, решения, но и взгляд на мир Божий зависят от состояния здоровья в значительно большей степени, чем кажется. Думаю, что связь между состоянием здоровья главы государства и его решениями, его управлением страной, безусловно, существует». Поэтому Петровский решительно осуждал сохранение Брежнева как главы государства и партии в последние годы его жизни. Он осуждал также и избрание на высший государственный пост Ю. В. Андропова, который в прошлом был энергичным и деловым человеком, но на посту главы государства оказался в разгар тяжелой и практически смертельной болезни. «С моей точки зрения, — писал Петровский, — назначение Андропова на

высокий пост было антигуманным, чрезвычайно опасным и для него самого, и для государства. Но в нашей стране в соответствующий период никто по своей воле от власти не отказывался»[312].

С этими рассуждениями можно согласиться только частично. Во-первых, в 1982 году все члены Политбюро, которые могли реально претендовать на власть, были не только старыми, но и больными людьми. Более молодые и, возможно, более талантливые политики не имели достаточного влияния, авторитета и известности, и потому их приход к власти был практически нереален. Поэтому появление Андропова у руля государственного управления являлось гораздо более предпочтительным, чем переход высшей власти в стране в руки Черненко или Кириленко.

Во-вторых, сами врачи, которые отвечали за здоровье членов Политбюро, как правило, преуменьшали опасность и тяжесть заболевания своих пациентов. Я уверен, что и Б. В. Петровский, бывший в то время министром здравоохранения СССР, не спешил сообщить Брежневу или Черненко о тяжести их заболеваний, а тем более о том, сколь вредно отражается на руководстве страной их «старческий эгоизм». Далеко не полную информацию о своих болезнях получал и Ю. В. Андропов.

В-третьих, Петровский слишком категоричен, когда пишет о взаимосвязи здоровья государственного деятеля и его работы. Здесь многое зависит от характера болезни и в еще большей степени — от личности человека. Брежнев уже в 70 лет фактически находился в состоянии старческого маразма, между тем как Конрад Аденауэр в свои 73 года возглавил западногерманское государство, умело руководил ФРГ в течение 15 лет и вместе с Людвигом Эрхардом стал автором так называемого «немецкого чуда». Франклин Делано Рузвельт четыре раза подряд избирался президентом

США, хотя был инвалидом и мог передвигаться только в инвалидной коляске. После первых поражений во Второй мировой войне англичане избрали 66-летнего Уинстона Черчилля премьер-министром Великобритании. Во второй раз Черчилль занял этот же пост в 1951 году в возрасте 77 лет.

Дэн Сяопин фактически возглавил самое крупное в мире государство — Китай и начал проводить здесь коренные экономические и политические реформы в 1978 году в возрасте 74 лет. Он оставил большую часть своих постов лишь через десять лет, когда Китай существенно изменился во всех отношениях и почти вдвое увеличил производство сельскохозяйственных товаров. Когда Франция в конце 50-х годов оказалась в условиях

тяжелого политического кризиса, к власти здесь снова пришел 68-летний Шарль де Голль. Он был избран президентом Франции подавляющим большинством граждан и оставался на этом посту более десяти лет, став основателем так называемой Пятой республики. Эти примеры можно продолжить. Кстати, и сам Б. В. Петровский ушел с поста министра здравоохранения лишь в возрасте 72 лет, продолжая и в 70 лет делать по несколько сложнейших операций в месяц. Друзьям он говорил, что в первую очередь он хирург и лишь потом — министр.

Но так или иначе, а здоровье Андропова в первые месяцы 1983 года продолжало ухудшаться, и в конце февраля развитие почечной недостаточности привело к полному отказу почек. Отныне он мог жить, лишь применяя уже не эпизодически, а постоянно аппарат «искусственная почка». Есть немало людей, которые не только жили, но и путешествовали с таким аппаратом в течение пяти, шести, даже семи лет. Один из моих друзей, перешедший на гемодиализ, умер через полтора года. Но он проводил эту нелегкую процедуру в специальной больнице и с помощью аппарата, рассчитанного на одновременное лечение пятнадцати человек. Индивидуальный аппарат позволял надеяться на гораздо лучшие результаты.

Однако Андропов был немолод, обременен другими болезнями, и это, естественно, ухудшало прогноз. Все же вначале врачи были настроены довольно оптимистично. В марте 1983 года Андропов принимал в своем кабинете писателя Г. М. Маркова, своего давнего знакомого, тогда первого секретаря правления Союза писателей. Он не скрывал личных трудностей. «Вот, Георгий Мокеевич, — говорил Юрий Владимирович, — врачи дают мне срок всего лишь в семь лет. Но ты знаешь, сколько здесь наворочено, не разобраться и за десятки лет…»

Для консультации Андропова (естественно, негласно) летом 1983 года был приглашен американский специалист — профессор А. Рубин. Вот как описывает это событие Чазов: «Ни один из визитов А. Рубина (второй состоялся в январе 1984 года) в Москву не стал предметом обсуждения в прессе или каких-то разговоров и дискуссий в американских кругах. А. Рубин сохранил полную конфиденциальность полученных данных, хотя и подвергался искушению сделать своеобразную рекламу на участии в лечении Андропова. Диагноз и принципы лечения Андропова были предельно ясны. Подагра, которой он страдал несколько десятилетий, привела к полной деструкции обеих почек и полному прекращению их функций. Андропов, его окружение, в основном руководство КГБ, ставили вопрос о возможности пересадки почек. Причем окружение Андропова

просило, чтобы консультация проходила без участия советских специалистов, которые, по их мнению, могли оказывать определенное "психологическое", "коллегиальное" давление на А. Рубина в оценке состояния и рекомендациях метода лечения. Я понимал, что эта просьба исходит от Андропова, и просил А. Рубина быть предельно откровенным и беспристрастным. Мне понравилось, как он держался во время консультации, — общительный, вежливый, очень пунктуальный и в то же время с чувством достоинства, присущим специалистам высокого уровня. Он полностью подтвердил правильность тактики лечения, избранной советскими специалистами, и отверг возможность пересадки почек. Консультация А. Рубина имела большое значение, так как сняла в определенной степени напряженность, связанную с постоянными вопросами представителей КГБ: все ли делается для Андропова, правильно ли его лечат?.. Консультация А. Рубина произвела впечатление и на Андропова, который после нее успокоился и начал работать в силу своих возможностей»[313].

Хотя Юрий Владимирович и надеялся прожить еще 6–7 лет, но он не мог не считаться с опасностью покинуть этот мир гораздо раньше. Поэтому кроме «плана-максимум», рассчитанного на 6–7 лет, он, как я думаю, разрабатывал и какой-то «план-минимум» — на 2–3 года. Его деятельность позволяет предположить, что в этот срок он намеревался навести в стране жесткий порядок, основанный в большей мере на суровой дисциплине, а отнюдь не на демократии, гласности и многопартийности. Он предполагал осуществить широкие, но осторожные экономические реформы. Он, несомненно, надеялся полностью устранить от власти «днепропетровскую мафию» и создать в партии но- вую руководящую группу, которую по западной терминологии можно было бы назвать «командой» Андропова. Однако для этого ему нужно было довести партию до очередного, XXVII съезда, чтобы закрепить как в новом составе ЦК, так и в новой Программе КПСС и резолюциях съезда те изменения, которые должны были бы произойти в стране и в партии по его, Андропова, инициативе. Но он все же не предполагал, что ему не будет суждено дожить не только до съезда партии, но даже до выборов в новый Верховный Совет СССР, которые намечались на 4 марта 1984 года.

Болезни и недомогание ненамного сократили рабочий день Андропова, но существенно изменили характер и формы его деятельности. Ему пришлось отказаться от поездок даже на предприятия Москвы и не планировать поездок по стране. Не планировались и визиты Андропова в страны Варшавского Договора, а тем более в западные страны, хотя многие лидеры

этих стран получили приглашение побывать в Москве.

В мае и июне Андропову становилось все труднее передвигаться, а тем более подниматься по лестнице или выходить из машины без посторонней помощи. Он уже не каждый день приезжал в ЦК и часть работы и встреч перенес в кабинет своей подмосковной резиденции. Для облегчения работы и принятия решений Андропов стал еще больше консолидировать власть в своих руках и занял вакантный до сих пор пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Избрание его состоялось 6 июня 1983 года на очередной сессии Верховного Совета. Решение было принято единогласно.

Андропов произнес краткую благодарственную речь, не выходя на трибуну перед депутатами, а лишь поднявшись со своего места в президиуме. Мало кто из депутатов, однако, знал, что это связано с его болезнью и недомоганиями. В июле и августе 1983 года здоровье Андропова продолжало ухудшаться. У него на ногах появились незаживающие язвы, усилилось дрожание рук, большую часть времени он работал в загородном доме, часто не вставая с постели. Во время визита в Москву канцлера ФРГ Г. Коля Андропов принимал его в Кремле, однако не смог без помощи двух телохранителей выйти из машины и подняться на тротуар перед Кремлевским дворцом. — Кто-то из немецких корреспондентов сумел в это время сделать несколько снимков, и они были опубликованы в журнале «Шпигель».

1 сентября утром Андропов провел, как потом оказалось, последнее в своей жизни заседание Политбюро. По свидетельству В. Воротникова, генсек выглядел очень усталым и малоподвижным. В этот же день вечером он улетел в Крым, в отпуск. Уже через несколько дней отдыха состояние Андропова улучшилось, и он стал вполне сносно ходить. Вскоре, однако, самочувствие больного генсека вновь резко ухудшилось. Согласно воспоминаниям Е. Чазова, начавшийся кризис был связан с трагическим случаем, произошедшим с Юрием Владимировичем во время отдыха: «Перед отъездом из Крыма мы предупредили всех, в том числе и Андропова, что он должен строго соблюдать режим, быть крайне осторожным в отношении возможных простуд и инфекций. Организм, почти полностью лишенный защитных сил, был легко уязвим и в отношении пневмонии, и в отношении гнойной инфекции, да и других заболеваний. Почувствовав себя хорошо, Андропов забыл о наших предостережениях и решил, чтобы разрядить, как ему казалось, больничную обстановку дачи, съездить погулять в лес. Окружение не очень сопротивлялось этому желанию, и он с большим удовольствием, да еще легко одетый, несколько часов находился

в лесу. Надо знать коварный климат Крыма в сентябре: на солнце кажется, что очень тепло, а чуть попадешь в тень зданий или леса — пронизывает холод. К тому же уставший Андропов решил посидеть на гранитной скамейке в тени деревьев. Как он сам сказал позднее, он почувствовал озноб, почувствовал, как промерз, и попросил, чтобы ему дали теплую верхнюю одежду. На второй день развилась флегмона. Когда рано утром вместе с нашим известным хирургом В. Д. Федоровым мы осмотрели Андропова, то увидели распространяющуюся флегмону, которая требовала оперативного вмешательства. Учитывая, что может усилиться интоксикация организма, в Москве, куда мы возвратились, срочно было проведено иссечение гангренозных участков пораженных мышц. Операция прошла успешно, но силы организма были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала… Мы привлекли к лечению Андропова все лучшие силы советской медицины. Однако состояние постепенно ухудшалось — нарастала слабость, он опять перестал ходить, рана так и не заживала. Нам все труднее и труднее было бороться с интоксикацией. Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния»[314].

Вернувшись в Москву, Андропов уже не появлялся в своих кабинетах на Старой площади и в Кремле, а вскоре покинул и квартиру на Кутузовском проспекте и подмосковную резиденцию. Он отказался от ряда запланированных встреч с политическими и общественными деятелями Запада, сославшись в одном из опубликованных писем к приехавшей в Москву группе борцов за мир на «простудное заболевание». В конце сентября Андропов был вынужден лечь в больницу под постоянное и непрерывное наблюдение врачей. Он не смог присутствовать 6 ноября на торжественном собрании в Кремле, посвященном 66-летию Советского государства. Не было его на трибуне Мавзолея и 7 ноября 1983 года во время военного парада и демонстрации московских трудящихся.

Отсутствие Андропова на торжествах породило множество слухов в стране и комментариев в западной прессе. Московский корреспондент американского журнала «Ньюсуик» Роберт Коллин писал: «Церемонии, знаменовавшие 66-летнюю годовщину Русской революции, должны были бы быть поводом для триумфа Андропова, временем, чтобы прославлять достижения первого года его пребывания у власти. Но советский лидер не появился на виду на прошлой неделе, продолжая далее свое отсутствие в поле общественного зрения, которое началось с 18 августа. Кремлевский государственный представитель Леонид Замятин настаивал на том, что Андропов только простудился. Но годовая

церемония Октябрьской революции была ритуальным актом для всякого советского лидера со времен Ленина. Леонид Брежнев ухитрился присутствовать на ней в прошлом году, хотя тремя днями позже он умер. Отсутствие Андропова усиливает представление, которое создалось в течение его первого года: этот хотя и умный, но слабый здоровьем и стареющий человек будет играть только переходную роль в советской истории»[315].

Иностранные наблюдатели в конце 1983 года постоянно задавались вопросом: кто же правит страной в отсутствие Андропова? Отвечая на это, начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков говорил, что именно Андропов, несмотря на некоторое недомогание, «принимает полномасштабное участие в руководстве страной, армией и обороной страны». И это было действительно так, хотя в последние месяцы изменились не только формы, но отчасти и эффективность этого руководства. Власть Андропова была уже не столь безраздельной и полной, как в начале года. Что касается заседаний Политбюро и Секретариата ЦК, то их вел, как правило, К. У. Черненко.

Кабинет Андропова был пуст, однако его помощники и секретари работали так, будто их шеф находится рядом, за стеной. Принимались разного рода бумаги для Андропова и позднее возвращались с его резолюциями. Однако он просматривал и писал резолюции в главной «кремлевской» больнице в Кунцеве. На втором этаже имелся специальный блок, или отделение, где при необходимости лечились члены Политбюро. Для Андропова здесь оборудовали отдельную палату, а также комнату для медицинского персонала и кабинет, то есть все, что необходимо и для лечения, и для продолжения работы.

Конечно, после очередного сеанса гемодиализа, когда самочувствие Андропова улучшалось, он мог бы дать интервью для телевидения или даже приехать в Кремль. Но Юрий Владимирович отказался от такой возможности и предпочел, напротив, максимальную замкнутость. Следы болезни заметно отразились на его внешнем облике, и он не желал, чтобы народ видел своего нового лидера слабым и больным, как это было почти ежедневно в последние годы брежневского правления. С другой стороны, в распоряжении Андропова были все средства современной правительственной связи, и он только некоторую часть своих обязанностей передал другим членам Политбюро. Кое-что он просто отложил на будущее.

Андропов приглашал к себе для беседы или обсуждения той или иной проблемы членов руководства (хотя и не всех), своих помощников, а также некоторых личных друзей и знакомых. Почти каждую неделю у него бывали министр обороны Д. Ф.

Устинов и Председатель КГБ В. М. Чебриков. Из помощников он чаще других приглашал В. Шарапова, приезжавшего в Кунцево с ворохом бумаг. Очень часто посещал Андропова и М. С. Горбачев, которому тот передавал записки и предложения для Политбюро.

Андропов заранее получал материалы к предстоящим заседаниям Политбюро и Секретариата ЦК и высказывал свое мнение по проектам решений, в том числе и по кадровым. Однако при подготовке наиболее важных кадровых перемещений он считал необходимым переговорить лично с кандидатом на высокий пост. Например, Андропов был очень доволен работой Е. К. Лигачева в должности заведующего орготделом ЦК. Еще летом 1983 года Лигачев проверял многие обкомы на Украине и добился смещения здесь немалого числа неспособных и коррумпированных руководителей. Отныне первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий не чувствовал себя здесь полным хозяином, тем более что и раньше отношения между ним и Андроповым были далеко не лучшими, хотя и лишенными конфронтационности. Как Председатель КГБ Андропов хорошо знал о далеко зашедшем в республике процессе разложения руководящих кадров, однако Брежнев не реагировал на такие сообщения. Теперь положение изменилось. Щербицкий вряд ли был доволен миссией Лигачева на Украине, однако вполне в духе сложившихся ранее нравов отправил Егору Кузьмичу на его московский адрес целый контейнер с дорогими подарками, продуктами и «сувенирами». Лигачев, по его свидетельству, открыв контейнер и ознакомившись с содержимым, распорядился немедленно отправить все обратно, присовокупив письмо с просьбой избавить его впредь от таких забот и подарков. Докладывая Андропову о результатах поездки на Украину, Лигачев не забыл упомянуть и о пресловутом контейнере.

И вот теперь в конце 1983 года, стремясь укрепить свою «команду», Андропов решил предложить Лигачеву пост секретаря ЦК. По свидетельству Егора Кузьмича, когда он приехал в больницу и вошел в палату, то вначале даже растерялся, так как не узнал в тяжелобольном и сильно изменившемся пациенте своего шефа. Минуты две-три Лигачев просто молчал, забыв даже поздороваться. Андропов понял все и тихо сказал: «Ну что, Егор, садись, поговорим о делах». Растерянность Лигачева понять можно, так как среди работников государственных и партийных органов весьма настойчиво и целенаправленно распространялись слухи, что Андропов поправляется и скоро выйдет на работу. На конец ноября был назначен очередной Пленум ЦК, и в предварительном извещении о нем, разосланном членам ЦК, указывалось, что основной доклад будет делать Ю. В.Андропов.

Да и сам генсек старался не падать духом и явно продолжал надеяться на выздоровление, хотя не исключал и иного исхода болезни. Так или иначе, но Лигачев дал согласие на включение его в состав Секретариата ЦК и тут же выслушал и записал несколько поручений.

Беседуя с посетителями, Андропов интересовался всем, что происходит в стране, и его предложения и указания затрагивали множество вопросов партийно-государственного строительства, внутренней жизни и внешней политики. В одной из записок он приводил цифры и данные, свидетельствующие о разбухании партийного и государственного аппаратов, работники которых часто без всякой нужды дублируют друг друга, решая и перерешая одни и те же проблемы. Как писал Андропов, за последние двадцать лет число чиновников во всех структурах высшей власти значительно возросло, хотя это не было ничем обосновано и только вызывало дополнительные расходы и усложняло руководство. Поэтому Андропов предлагал незамедлительно принять принципиальное решение о сокращении аппарата управления на 20 процентов и провести его в жизнь в сравнительно короткие сроки. На Политбюро это предложение было принято.

Другая записка касалась предстоящих выборов в Верховный Совет. Андропов предлагал значительно уменьшить представительство там высших чиновников и отказаться от убеждения, что все министры и высшие должностные лица партийно-государственного аппарата должны обязательно избираться в Верховный Совет. Напротив, в этом органе должно быть значительно расширено представительство рабочих, колхозников и служащих, которых надо при этом оценивать не только по их производственным успехам. Все эти предложения были по нынешним меркам весьма примитивны, но в начале 1980-х годов мы жили еще в совсем другой стране.

О встречах с Андроповым в больнице вспоминали в мемуарах Рыжков и Воротников, Арбатов и Вольский. В декабре в последний раз встретился с ним и Михаил Горбачев. «Когда я вошел в палату, — писал он позднее, — Андропов сидел в кресле и попытался как-то улыбнуться. Мы поздоровались, обнялись. Произошедшая с последней встречи перемена была разительной. Передо мной был совершенно другой человек. Осунувшееся, отечное лицо серовато-воскового цвета. Глаза поблекли, он почти не поднимал их, да и сидел, видимо, с большим трудом. Мне стоило огромных усилий не прятать глаза и хоть как-то скрыть испытанное потрясение. Это была моя последняя встреча с Юрием Владимировичем»[316]. В январе 1984 года Андропов

попрощался и с Николаем Рыжковым. «18 января, — вспоминал позднее Рыжков, — услышал по телефону знакомое: "Чем вы сейчас заняты? Приезжайте к пяти, поговорим". Вопреки моим ожиданиям, он не лежал — сидел у письменного стола в глубоком кресле, плотно укрытый пледом. Поразило, как быстро он поседел, стал совсем белым. Я чувствовал себя не слишком ловко, попытался что-то рассказать об Австрии, он перебил, перевел разговор на экономику, снова бил вопросами — самыми разными, заставил на минуты забыть, что мы не в его кабинете на Старой площади, а в Кунцевской больнице. Когда вспомнил, спохватился, глянул на часы — час пролетел. Встал.

— Извините, Юрий Владимирович, не буду вас мучить, выздоравливайте.

Вдруг он поманил пальцем:

— Наклонитесь.

Я наклонился. Он, не вставая, прижал мою голову к груди, неловко поцеловал в щеку, отпустил. Сказал:

— Идите-идите. Все»[317].

Еще в 1992 году врач И. Клемашев издал книгу «Феномен Андропова. Воспоминания и размышления лечащего врача» (М.: ЦНИИ, Атомиздат), переполненную множеством явных и часто нелепых выдумок об Андропове, которые повторяет и Лина Тархова в своей книге «Заложники Кремля». Нет смысла вступать в полемику с Иваном Клемашевым, который называет себя то «врачом Андропова», то «личным врачом семьи Андропова», «много лет наблюдавшим своего пациента». Оказывается, именно Клемашеву Андропов поверял свои самые важные мысли и планы. «Никогда не видел, — пишет Клемашев, — чтобы Андропов читал художественную литературу, и не слышал от него ни слова о литературе, поэзии, философии, религии. Эта область была ему просто незнакома. Он жил не реальным, а искусственным миром кремлевских интриг, а плохое физическое здоровье и отсутствие духовности позволяли тратить остатки сил лишь на удержание своей власти…»[318]. Но у Андропова никогда не было ни личного, ни «семейного» врача. В КГБ главным лечащим врачом Андропова был В. Архипов. В 1983 году центральной фигурой в лечебном процессе Андропова стал профессор Герт Петрович Кулаков. Для консультаций и участия в консилиумах привлекались многие другие специалисты, возможно, среди них иногда появлялся и Иван Клемашев. Но ни в одном из свидетельств его имя не упоминается, если не считать его собственной книги. По словам сына Андропова, Иван Клемашев иногда появлялся в их семье до 1972 года, но в последние десять лет жизни Ю. В. Андропова о Клемашеве не было и речи.

Один из участников лечебного процесса Андропова академик АМН СССР А. Чучалин вспоминал позднее о своем пациенте: «О Брежневе и Черненко рассказывать нечего. В последние месяцы своей жизни они уже не могли ни говорить, ни думать. Андропов же в больнице сохранял ясный ум, хотя у него отказали печень, почки, легкие, и мы применяли внутривенное питание. Двое охранников ухаживали за ним, как за малым ребенком: перестилали кровать, переносили Генсека с места на место. Видеть Андропов мог только одним глазом, но читал много — около четырехсот страниц в день. В последние дни охранники переворачивали ему страницы — сам не мог… Он просматривал практически все литературные журналы. Как-то раз я вошел к нему и увидел, что он читает "Путешествие дилетантов" Булата Окуджавы в журнале "Дружба народов". Однажды он сказал мне: "Доктор, даже близкие не верят, что я могу так много читать. Начните с любого места уже прочитанной мной страницы, и я воспроизведу ее полностью". Я поверил ему на слово…

— Андропов смотрел телевизор?

— Обычно информационные программы "Время" и "Новости". У него в палате стоял видеомагнитофон. Один раз я застал его смотрящим какой-то фильм про Джеймса Бонда. Генсек страшно смутился…

— Андропов наверняка знал о своей близкой смерти. Был ли он удручен?

— Он всегда умел держать себя в руках. Апатию у него вызывали звонки членов Политбюро. Они брались за трубку обычно после своих заседаний и просили Андропова дать согласие по тому или иному решению. В эти моменты генсек очень напоминал свои портреты, висевшие тогда во многих кабинетах. Он становился мрачным и насупленным. Так было и в тот день, когда позвонивший ему член Политбюро сообщил о решении построить памятник Победы. Андропов сказал, что денег в стране на это сооружение нет. Да и проекта он не видел. Однако принцип демократического централизма никто не отменял, и Андропов согласился. Правда, заставил всех членов Политбюро сдать подарки, стоявшие в их кабинетах, в фонд памятника. И сам сделал то же самое.

— Вы говорили с ним о политике?

— Нет. Андропов больше говорил о живописи — он любил передвижников. Читал свои стихи. Никакого раскаяния по поводу того, что он сделал в политике, у него не было… Для меня он был смертельно больным человеком, который нуждался в помощи. Наверное, в своем кремлевском кабинете он был другим, я не знаю. Во всяком случае, из всех ныне покойных

высокопоставленных пациентов, которых я лечил, он был самым высокообразованным. А уж мне есть с кем сравнивать»[319].

Смерть Андропова

Первые недели 1984 года были полны слухов. Не только в аппарате, но и среди рядовых граждан вновь слышалось, что состояние Андропова улучшается, что дело пошло на поправку и он скоро снова появится в Кремле. Некоторые дипломаты сообщали по своим каналам, что Андропов не только работает дома или в больничной палате, но несколько раз уже посещал свой кабинет в Кремле. Юрий Владимирович нередко и сам звонил помощникам, требуя прислать те или иные справки, данные. Он не забыл специально позвонить В. И. Воротникову, чтобы тепло поздравить нового члена Политбюро с днем рождения. Среди книг, которые он заказывал для чтения, были романы Достоевского и Льва Толстого, произведения Салтыкова-Щедрина.

С начала года в нашей стране начал проводиться «крупномасштабный эксперимент» по перестройке управления промышленностью, предприятиями и объединениями. Основная цель состояла в том, чтобы повысить ответственность и права предприятий, которые теперь самостоятельно могли решать многие вопросы. Другим важнейшим направлением эксперимента являлось установление более тесной связи между конечными результатами труда, повышением его эффективности, размерами фонда заработной платы и других форм материального поощрения работников. При этом ставилась задача повысить взаимную ответственность поставщиков, потребителей и органов материально-технического снабжения за безусловное выполнение договорных обязательств. У экономистов родилось немало предложений по улучшению работы предприятий и объединений. Эксперимент призван был проверить многие из них в различных условиях.

Во многих отношениях этот эксперимент продолжал начатую еще в 1966 году «косыгинскую» экономическую реформу, постепенно свернутую и забытую. Однако теперь предполагалось поставить и проверить лишь отдельные проблемы хозяйственной деятельности, речь шла только о некоторых звеньях хозяйственного механизма. Очень многие из назревших проблем пока не решались даже в экспериментальном порядке, хотя многие из них в 1983–1984 годах сравнительно свободно обсуждались в экономической печати.

4 января 1984 года в «Правде» был опубликован для обсуждения разработанный в ЦК КПСС проект «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной

школы». Впервые мысль о такой реформе была высказана Ю. В. Андроповым еще на июньском Пленуме ЦК в 1983 году. Созданная после этого комиссия завершила теперь первый этап своей деятельности.

Недостатки в работе школы и системе народного образования в целом были не столь заметны, как в области промышленного производства или товарооборота. Однако кто бы стал оспаривать мысль, что наша школа очень мало продвинулась вперед в последние 20 лет по методам и качеству преподавания? Реформы в этой области были необходимы, и опубликованный проект частично намечал пути развития системы образования. Но, так же как и проект 1957 года, предложенный Н. С. Хрущевым, новый проект содержал немало поспешных суждений и предложений. Однако подробный разбор достоинств и недостатков намечавшейся реформы выходит за рамки нашей книги.

Продолжалась подготовка к выборам в Верховный Совет, которые должны были состояться 4 марта 1984 года. Они вызывали значительный интерес если не у избирателей, то у наблюдателей и экспертов. Предполагалось, что значительно изменится состав не только Верховного Совета, но и Совета Министров СССР, который все еще возглавлялся 79-летним Н. А. Тихоновым.

Между тем в январе 1984 года состояние здоровья Андропова, вопреки слухам, не улучшалось, а ухудшалось. Тем не менее он начал готовить проект речи к предстоящей избирательной кампании. Предполагалось, что она будет оглашена кем-либо из членов Политбюро на собрании избирателей. Кое-кто из его помощников считал даже возможным, чтобы Андропов произнес эту речь перед телекамерой из палаты в больнице.

В конце января 1984 года в состоянии Андропова произошло резкое ухудшение. Медицина оказалась бессильной что-либо сделать, так как изменения в организме носили быстрый и необратимый характер. 9 февраля 1984 года в 16 часов 50 минут Юрий Владимирович скончался.

Вокруг смерти всех советских лидеров — Ленина, Сталина, Брежнева, а теперь и Андропова — возникало позднее множество легенд. Некоторые из таких легенд рождались из донесений агентуры КГБ, обязанной фиксировать не только факты, но и слухи, чаще всего вздорные. Отставной генерал КГБ Олег Калугин свидетельствовал: «Агент ленинградского КГБ, вернувшийся из Москвы вскоре после смерти Андропова, сообщал: "Среди персонала 1-го медицинского института, связанного с 4-м главным управлением Минздрава СССР, циркулируют разговоры о загадочности смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. По

мнению ряда специалистов, в ГУ есть люди, которые на ранней стадии болезни Андропова умышленно вели неправильный курс лечения, что впоследствии привело к его безвременной кончине. На более поздней стадии ведущие специалисты страны были бессильны что-либо сделать, несмотря на все принимавшиеся ими меры. Люди, "залечившие" **Андропова,** связаны с группировкой (название условное) некоторой части партийных аппаратчиков в Москве, которым пришлись не по вкусу позитивные изменения и реформы, начатые Андроповым, в частности намерение отменить "кремлевский паек", призывы к личной скромности партийных работников, обращение к ленинским идеалам коммуниста. Один бывший ответственный сотрудник Госплана СССР подтвердил изложенное выше и добавил, что Андропова "убрали"»[320]. Все это домыслы, которые нет смысла оспаривать.

О смерти Андропова страна и мир узнали не сразу. Вечером 9 февраля даже не все члены Политбюро получили информацию об этом. Одним из первых узнал о кончине Андропова Горбачев, позвонил Лигачеву, проводившему предвыборную кампанию в Томске. «Егор, случилась беда, умер Андропов. Вылетай. Завтра же утром будь в Москве, ты здесь нужен…» «Официальная шифровка о смерти Андропова, — вспоминал Лигачев, — поступила в Томский обком только утром. Но я в это время уже подлетал к Москве, — когда летишь с Востока на Запад, выкраиваешь время: в восемь ноль-ноль вылетаешь из Томска по местному времени, и в восемь ноль-ноль приземляешься в столице, но уже по московскому времени. Разница между Москвой и Томском, как я уже писал, четыре часа, но и время полета — четыре часа.

В то же утро в кабинете Зимянина мы писали некролог. Нас было человек пять-шесть, среди них, помню, Замятин, Стукалин, Вольский, помощник Андропова, кто-то еще. Когда написали о Юрии Владимировиче — "выдающийся партийный и государственный деятель", кто-то из присутствующих засомневался:

— Не слишком ли мы преувеличиваем роль Андропова? Генсеком-то он работал совсем немного времени, всего лишь год с небольшим.

Но я возразил:

— Дело не во времени, не в сроках, а в тенденции развития, в результатах!»[321].

Николай Рыжков узнал о смерти Андропова утром 10 февраля. Рыжков также начал избирательную кампанию, но в Свердловске. На пять часов дня по местному времени у него была назначена встреча с партийным активом. Посоветовавшись с

Ельциным, возглавлявшим Свердловский обком, Рыжков решил встречу не отменять и уже во Дворце молодежи решать — как ее проводить? Уже по дороге, в машине услышали официальное сообщение о смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. «Во Дворце молодежи, — вспоминал позднее Рыжков, — нас ждали, зал был полон, члены назначенного обкомом президиума встречи терпеливо топтались за сценой. О смерти Андропова пока не знал никто.

— Давайте выйдем вдвоем, — предложил я Ельцину, — сообщим залу грустную весть, скажем несколько слов и разойдемся.

Ельцин согласился. Так и сделали, хотя наши "несколько слов" затянулись, по крайней мере, на полчаса: и у меня, и у Бориса Николаевича было что сказать о покойном. У меня — особенно… Потом, уже в Москве, листая "тассовки", я высчитал, что первый в стране траурный митинг был проведен именно в Свердловске»[322].

10 февраля, в пятницу, в первой половине дня ни радио, ни телевидение не сообщали о смерти Андропова. Но все программы были изменены, и из приемников слышались грустные мелодии Шопена, Рахманинова, Чайковского. Начались обычные предположения. Некоторые люди называли 83-летнего В. В. Кузнецова, кандидата в члены Политбюро и первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Другие — 75-летнего Д. Ф. Устинова, который за неделю до этого отложил свой визит в Индию, что вызвало в западной печати множество комментариев. Только в 14 часов 30 минут диктор телевидения начал читать официальный текст: «От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР…»

Я уже писал в начале книги, что известие о смерти Андропова вызвало у большинства советских людей чувство неподдельной печали, огорчения и тревоги. В США помощники президента сочли необходимым разбудить Р. Рейгана и сообщить ему о смерти Андропова. Белый дом отправил в Москву соболезнование с выражением надежды на «успешное сотрудничество с Советским Союзом с целью сделать мир лучше». С похоронами почему-то не торопились, как и с созывом Пленума ЦК, что породило множество слухов о борьбе за власть в Кремле. Вечером и ночью в пятницу и субботу иностранные корреспонденты, как обычно в дни важных событий, наблюдали за зданиями ЦК, КГБ, Министерства обороны. Но они не видели признаков какой-то особой активности.

На самом деле борьбы за власть не было. Оставшись без лидера, «команда» Андропова, некоторые из членов которой

заняли важные посты в партии и государстве всего два месяца тому назад, достаточно ясно понимала, что у нее слишком мало шансов, чтобы одержать верх над старыми членами Политбюро, старыми как в прямом, так и в переносном смысле. Поэтому уже на первом же после смерти Ю. В. Андропова заседании Политбюро все единогласно решили рекомендовать Пленуму избрать новым Генеральным секретарем ЦК К. У. Черненко. Тот же Е. К. Лигачев вспоминал, что Черненко был избран Генеральным секретарем, как говорится, без проблем. На Пленуме его кандидатуру выдвинул Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, она была поддержана, и все прошло гладко. Заминка произошла несколько позднее, когда на организационном заседании Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение заседаний Секретариата ЦК Горбачеву. Черненко, видимо, понимал, что тут нужен человек энергичный, молодой, физически крепкий. Возражения по поводу Горбачева имелись у Н. Тихонова. Но Черненко настоял на своем предложении, и Горбачев был избран на второй по значимости пост в ЦК КПСС.

Лишь в воскресенье, 12 февраля, было объявлено, что похороны Андропова состоятся во вторник, 14 февраля, в 12 часов дня на Красной площади. Газеты вышли в свет с траурными сообщениями не только 11, но и 12 февраля, в воскресенье. Прощание проходило, как обычно, в Колонном зале Дома союзов. Ритуал похорон был давно отработан до мелочей. Всего за 15 месяцев до этого февральского дня Андропов произнес короткую речь на похоронах Л. И. Брежнева. Теперь Москва прощалась и с Андроповым, а прощальную речь произносил тяжелобольной Черненко, только что избранный новым Генеральным секретарем ЦК. Он с трудом поднялся на трибуну Мавзолея и с трудом выговорил даже короткие фразы траурной речи. Было ясно, что и его дни уже сочтены.

Оценки и итоги

До 1984 года наша страна пережила четыре эпохи: Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева. Андропов не имел ни времени, ни возможности дать свое имя какому-либо периоду в истории СССР. Но его приход к власти знаменовал окончание эпохи Брежнева и начало перехода к новой эпохе, которая связана с именем Горбачева. Тем не менее Андропова не только заметили, но и запомнили, хотя оценки его личности и его деятельности весьма противоречивы. Я приведу некоторые из них, не придерживаясь хронологии.

Илья Земцов, один из эмигрантских публицистов, чья небольшая книга об Андропове вышла в свет еще в конце 1983 года, писал: «Каков же все-таки подлинный Андропов? Коммунистический деятель новой формации, серьезный, твердый, энергичный интеллектуал, умело разбиравшийся в современной политике? Или типичный партаппаратчик в необычной для кремлевского лидера упаковке интеллигента?

По-видимому, и то и другое. Именно многомерность Андропова, богатство его личности, а может быть, разнообразие его социальных масок позволили ему выиграть место лидера на политических подмостках Кремля, освободившееся после смерти Брежнева.

Андропов, с одной стороны, — продукт советской системы, с другой — один из творцов ее современного облика. Так что оценивать его личность следует не по аналогии с лидерами Запада, а в контексте коммунистической действительности. В ней и через нее — можно найти понимание его противоречивого характера и незаурядной натуры. Он несомненно умен, образован, хорошо — по советским понятиям, конечно, — воспитан. В этом смысле он не исключение среди нынешних партийных работников. Во "втором эшелоне" власти в Кремле — среди многочисленных советников и помощников Генерального секретаря, заместителей и заведующих отделами ЦК КПСС, главных редакторов партийных газет и журналов — таких, как он, большинство…

Сталин эксплуатировал ум и знания ученых, щедро одаривал их премиями и дачами, но к активной деятельности в аппарате ЦК КПСС не допускал. Хрущев хоть и открыл перед некоторыми учеными мир большого политического бизнеса в ЦК (Румянцев, Константинов, Францев), но относился к ним с недоверием. Брежнев был щедрее — членами ЦК стали его советники, профессора и академики Егоров, Афанасьев, Арбатов, Иноземцев.

Однако Брежнев полностью полагался только на "социально близких". Именно их, бесталанных, без глубоких систематических знаний, но искушенных в партийных интригах и лично преданных ему, он ввел в Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, завещал им свое наследство.

И лишь с приходом к власти Андропова у "второго эшелона" появилась возможность выдвинуться на верхушку партийной иерархии. Выдвинутся ли они? Решение этого вопроса зависит от того, как будет складываться социальная основа власти Андропова. Во всяком случае, "академики" из ЦК, более утонченные и интеллектуальные, чем полуграмотные соратники Брежнева… — к его услугам»[323].

Андропов не успел изменить социальную основу власти, он, вероятно, и не ставил перед собой такой цели. Однако он все же существенно изменил стиль и характер управления страной и партией. Он умел, по словам того же И. Земцова, «заставить бояться себя, не внушая ненависти».

Через несколько дней после смерти Ю. Андропова Виталий Воротников записывал в своем дневнике: «Умер Юрий Владимирович Андропов. Мучительными были последние месяцы и дни его жизни. Только необыкновенно мужественный, волевой человек мог не только переносить эту нарастающую атаку болезни, но и трудиться. Он работал напряженно, ответственно и плодотворно. Решал текущие вопросы партийной и государственной жизни, заглядывал в дальнюю перспективу.

Я не претендую на то, что давно и хорошо знал Ю. В. Андропова. Первая наша встреча состоялась в 1969 году, когда Юрий Владимирович в течение нескольких дней находился в Куйбышевской области. Побывал на предприятиях, выступил на собрании актива. Однажды мы долго засиделись за ужином, небольшой группой 5–6 человек, о многом беседовали. Он оказался интересным рассказчиком и произвел на нас хорошее впечатление. Простой в обращении, без присущего некоторым его коллегам менторства, эрудированный, сдержанный, но в то же время и остроумный собеседник.

Безусловно, Ю. В. Андропов был незаурядной личностью. Крупный, умный политик широкого диапазона, неординарный организатор. Человек образованный, с разнообразным кругом интересов: экономика, политика, международное право, литература, искусство. Убежденный в правоте идеи социалистического переустройства общества, высокой порядочности и ответственности. Не скрывавший своих симпатий и антипатий, он обладал, по моему восприятию, каким- то магнетическим влиянием. Внешне неторопливый, всегда

собранный, заряженный на дело, он при беседе по-своему, по-андроповски внимательно, изучающе всматривался через толстые стекла очков в глаза собеседника. Взгляд у него особый, проникающий внутрь. Впечатление такое, что он знает о тебе все.

Можно по-разному относиться к его убеждениям, к его позиции по тому или иному вопросу. Но бесспорно мнение большинства тех, кто знал Юрия Владимировича: это человек, не словами, а делами подтверждающий свою приверженность идее, преданность народу»[324].

Журнал «Октябрь» опубликовал еще в 1990 году книгу Абдурахмана Авторханова «От Андропова к Горбачеву», которая вышла в свет в 1986 году в Париже. Партийный работник из Чечни, окончивший до войны Институт красной профессуры, Авторханов оказался на Западе в годы войны и активно сотрудничал с идеологическими службами Германии, США, Англии, ФРГ. В его многочисленных книгах и статьях можно встретить немало интересных суждений, но также немало фальсификаций. Завершая раздел об Андропове его общей оценкой, Авторханов писал в своей книге: «Андропов был не теоретик, а стратег. В этой роли он уже начал вырисовываться как душеприказчик Сталина во внутренней политике и как последовательный продолжатель дела Ленина во внешней… Андропов не хотел мировой войны, он хотел лишь ленинской "мировой революции". Намеренно балансируя в своей политике глобальной революционной экспансии на грани даже атомной войны, Андропов рисковал потерять чувство меры и незаметно для себя перейти ту роковую грань, за которой наступает катастрофа. Он все еще остался для нас загадочным сфинксом в политике. Мы хорошо знали его учителей — Ленина и Сталина. Одной веры с Андроповым, те были реалисты в мировой политике и шли на риск в большой международной игре, когда у них все карты были козырные. У Андропова не все карты были козырные. Знал ли об этом сам Андропов?»… «Андропов умер через 15 месяцев после прихода к власти, не успев ничего совершить. Он был полнокровным, волевым, изобретательным и холодным политиком кристально чистой сталинской закваски без всяких посторонних примесей, моральных или эмоциональных. Как и его учителю Сталину, все человеческое было ему чуждо, кроме ницшеанской "воли к власти". Именно поэтому он старался навести полицейский порядок внутри страны, а коллективное руководство постепенно убрать. Во внешней политике он был опаснее Сталина, ибо располагал тем, чем не располагал Сталин, — ракетно-ядерным превосходством над остальным миром. Это не означало, что он это оружие безоглядно пустит в

ход. Оружием часто побеждают, не стреляя, во многих случаях достаточно им только угрожать, чтобы добиться цели. Чем страшнее и больше оружие, тем вернее победа без войны…

Приписав Америке намерение начать атомную войну, Андропов сознательно культивировал страх перед атомной войной как у своего народа, чтобы он дальше продолжал работать на сверхвооружение, живя впроголодь, так и среди европейцев, чтобы оторвать Западную Европу от Америки»[325].

Я не собираюсь полемизировать здесь с Авторхановым, который сам признает, что Андропов остается «загадочным сфинксом в политике», и который, тем не менее; уверенно формулирует якобы присущие ему личные качества и политические цели.

Более верной является оценка Андропова и его внутренней политики, которая содержится в статье А. и В, Похмелкиных, опубликованной в журнале «Нева». «Примечательно, что Андропов, — писали эти авторы, — единственный после Ленина руководитель государства, о котором в массовом сознании сохранилось в целом положительное мнение, не очень, похоже, поколебленное официальным сообщением о его причастности к развязыванию афганской войны… Внутренняя политика Андропова, по крайней мере видимая ее часть, была направлена на борьбу с хищениями, взяточничеством, коррупцией, на укрепление законности и дисциплины…

"Андроповский" период — золотое время для работников правоохранительных органов, вспоминаемое сегодня многими из них с ностальгической грустью. Впервые за долгие годы застоя у них оказались развязанными руки. Появилась, наконец, возможность добраться до "обнаглевших торгашей", подпольных нуворишей, мздоимцев из партийно-государственного аппарата. Прокурор уже мог, не заискивая, как бывало, а твердо смотреть в глаза партийного секретаря, когда речь заходила о привлечении к ответственности номенклатурного вора или лихоимца. Нет, конечно, все делалось, как и полагается, под руководством партии, ею контролировалось, направлялось, дозировалось, а то и умело использовалось в борьбе за власть между партийными функционерами. Встречалось и открытое сопротивление со стороны местных руководителей. Но авторитет генсека, настойчиво проводившего свою линию, придавал ее исполнителям силы и уверенность. За сравнительно короткое время были разоблачены крупные организованные группы расхитителей и взяточников в Москве, Краснодаре, Ставрополе, Ростове. Оттуда же берет свое начало знаменитое (теперь уже печально знаменитое) "узбекское дело". Немалое рвение было

проявлено и в борьбе с приписками, бесхозяйственностью, разгильдяйством…По нашей версии "андроповский вариант перестройки" представлял собой попытку (хочется надеяться, последнюю) субъективно честных людей, преданных административно-командной системе, добиться ее стерильности. Очистить ее от коррупции, протекционизма, казнокрадства, за счет чего вдохнуть в нее новую жизнь. Но беда в том, что стерильно чистая административно-командная система может существовать только в воображении ее апологетов. В действительности же она способна функционировать либо при тотальном терроре, либо за счет тех же коррумпированных связей.

Возникает вопрос: как поступил бы Андропов, убедившись в том, что инъекция насилия (других действенных сил административно-командная система не имеет) лишь встряхнула общество, но не вернула ему жизнеспособность? Сумел бы он, отбросив идеологические догмы, осознать необходимость кардинальных реформ? Уверены, что нет. Человек, сформировавшийся в условиях сталинского режима, непосредственно причастный к событиям в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, возглавлявший нашу тайную полицию, короче говоря, всю жизнь верой и правдой служивший системе, не смог бы ей изменить. Поэтому возможны были только два варианта: дальнейшее "закручивание гаек" до полного "срыва резьбы", то есть террор… либо отступление и продолжение мирного загнивания. Осуществляемая при Андропове политика не получила логического завершения и была свернута после его смерти. Однако бесперспективность избранного им пути получила бесспорное подтверждение уже после апреля восемьдесят пятого года… Однако "вариант Андропова" и сегодня имеет немало сторонников в партийном и государственном аппарате, особенно в системе правоохранительных органов. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о коррумпированной части аппарата, с которой обычно связываются основные причины торможения перестройки, а как раз о последовательных борцах с коррупцией, идейных сторонниках тоталитарной системы… Вместе с тем было бы грубой ошибкой полагать, что тоска по "андроповскому времени" мучает только управленческую элиту. Этой тоской, к сожалению, заражены самые широкие социальные слои. Причин здесь несколько. Во-первых, Андропов действовал более решительно и последовательно, чем нынешнее руководство страны. Во-вторых, его политика не посягала на основы общественной системы, не нарушала привычного жизненного уклада и не задевала интересов многочисленных социальных

групп. Наконец, в-третьих, в социально-психологическом плане эта политика не разрушала стереотипы массового сознания, а опиралась на них»[326].

Можно согласиться со многими тезисами А. и В. Похмелкиных, хотя в очерке рассматривается лишь одна сторона пусть и недолгого, но очень важного и поучительного правления Андропова. Об этом говорит и название их очерка — «Война с преступностью и мир насилия». Альтернатив в начале 80-х годов существовало больше, и для страны было бы лучше, если бы власть перешла в руки Андропова не в 1982-м, а в 1980 году и находилась в его руках хотя бы до конца 1986 года.

Юрий Королев, многие годы проработавший в аппарате Верховного Совета СССР, писал в воспоминаниях: «Пребывание Юрия Андропова на посту главы государства было недолгим, но оставило в народе довольно глубокий след. В чем же причина? Его энергичная и, надо полагать, искренняя попытка в числе первых мероприятий навести порядок и дисциплину в государстве, обществе, остановить процесс распада и разложения была воспринята с большими надеждами.

Надо сказать, что серьезные нарушения в этой сфере ощущались людьми давно и болезненно. Дисциплина падала, ослабевал порядок. Все больше становилось бездельников, видны были грубые нарушения законности. Тогда мы еще не называли эти явления застойными, действовала инерция фальши и лицемерия. Но все же видно было, что работать добросовестно многие не хотели.

После распущенной и развращающей брежневщины укрепление общего порядка было направлено на то, чтобы поставить на место зарвавшихся руководителей, которые чувствовали себя неуязвимыми, не боялись никого и ничего как в центре, так и на местах»[327].

Один из известных политиков, занимавший высокие посты во времена Брежнева и Андропова и еще более высокие — во времена Горбачева, писал автору книги в 1990 году, давая оценки ряду политических деятелей: «Надо иметь в виду, что почти каждого политика, особенно при недостатке информации и фактов, сопровождает и легенда об этом политике, не всегда совпадающая с реальной политической личностью. Вспоминается фильм об Андропове, сделанный вскоре после его смерти. Главное "действующее лицо" там — капот "ЗИЛа", полфильма катающегося от Кремля до Дзержинки и обратно. Прекрасный зрительный образ при полном отсутствии материала даже для самой краткой биографии. И тем самым благотворное поле для мифотворчества.

Легенда гласит: новый руководитель — интеллигент и умница, требовательный и внешне сдержанный, жесткий, но притом и демократичный, даже по-своему обаятельный человек и руководитель, он вырвал бы нашу страну из застоя, если бы только успел осуществить задуманное. Но не успел: поздно пришел к власти и с разрушенным здоровьем.

Откуда взялась эта легенда об Андропове и что она, собственно, отражает, чем питается?..

Источник легенды — общественные ожидания перемен. И с точки зрения личности у руля, и в плане наведения элементарного порядка и ответственности, и в более широкой перспективе поворота общества с пути скатывания под уклон, по которому оно целеустремленно и для всех думающих людей очевидно шло с конца 60-х годов. При этом общество понимало, что реальный выбор может быть только из круга Политбюро, и искало здесь новые лица по принципу "наименьшего зла". Но все же если новый руководитель неправомерно наделялся в глазах общественного мнения обилием всяких позитивных качеств и намерений только на том основании, что он — новый, невольно возникает вопрос об иррационализме нашего общественного сознания…

Другой источник — искренняя тоска немалой части общества по "сильной руке". Эти люди приветствовали приход и первые меры Андропова откровенно и заинтересованно. И сам по себе этот факт должен был бы заставить нас о многом задуматься…

С кем и против кого мог быть Андропов-лидер, если бы здоровье позволило ему полноценно руководить хотя бы 4–5 лет? На кого он стал бы опираться и лично, и в проведении своей политики? Кто — кроме жуликов, конечно, — оказался бы в числе его оппонентов и противников? Как его идеи и подходы соотносились бы с теми идеями, что уже заявили о себе к этому времени и в нашем обществе, и в мире: в соцсодружестве, в Китае, в комдвижении, на Западе, в развивающихся странах?

Нет ли резона предположить иное: стране нашей повезло, что волей судьбы она была избавлена от нескольких лет активного, нажимистого правления человека вчерашнего дня? И если такой человек в чисто личном плане чем-то незауряден, ярок, своеобычен, то ведь эти качества делают его как политика еще более опасным в конкретных условиях нашей страны»[328].

Легенды и мифы возникают вокруг каждого из крупных политических и общественных деятелей. Но они имеют своим источником не только общественные ожидания и тревоги, но и разные результаты деятельности и личные качества этих деятелей. Совершенно иное мнение о возможных итогах

правления Андропова изложил в своем дневнике другой крупный политик и генерал, не один раз встречавшийся с Андроповым. «Как могла сложиться судьба нашего государства, проживи Юрий Владимирович еще 5–7 лет? Споры по этому поводу, особенно между людьми отдаленными от власти и не имеющими возможности к ней приблизиться, шли давно — примерно с 1987 года, когда стали обнаруживаться слабые стороны Горбачева… Но все же, ожидала бы иная судьба наше государство, проживи Андропов дольше? Любой ветеран Службы и КПСС, ни на секунду не задумавшись, ответил бы утвердительно. Почти любой. Нельзя винить ветеранов за то, что им проще мерить настоящее аршином прошлого. Если нет ясности сейчас, нет ее в будущем, то пусть она будет хотя бы в прошлом… Прежде всего надо восстановить то, что не может вызывать сомнения: Андропов ясно видел, что страна начинает все больше отставать от своих международных конкурентов. Научно-техническая революция, изменившая материальный облик мира, обходила Советский Союз стороной. Андропов подгонял и поощрял Службу. Служба напрягалась до предела, рисковала, добывала ценнейшую информацию, но плотно сколоченная, идеальная в своем роде система отталкивала все то, что родилось не в ее недрах, морщась, с отвращением глотала чужеземные новинки, а чаще выплевывала их. Такой прием на Руси когда-то встречала картошка. Система оказывалась неспособной угнаться за обещаниями, которые ее вожди десятилетиями давали собственному народу. Андропов все это понимал и не случайно был первым за все века единоначальником России, призвавшим сограждан задуматься и осмыслить, в каком обществе они живут. Всем его предшественникам, а затем и преемникам поставить вопрос таким образом не приходило в голову. Это всегда было печальным, зачастую тяжко наказуемым уделом оппозиции. Мог ли Юрий Владимирович провести реформы иначе, чем Горбачев? Подобрать иной круг соратников и советников? Сдержать напор диссидентской интеллигенции? Сбить непомерную цену, которую позднее заплатил Горбачев за выход из международной конфронтации? Однозначных ответов на эти вопросы не было. Андропов был деятелем иного калибра по сравнению с Горбачевым, иного прошлого, иного интеллекта. Пожалуй, аплодисменты заставляли бы его не ликовать внутренне, а досадовать на самого себя. В то же время Яковлев, Шеварднадзе, Горбачев вполне могли бы войти в его ближайшее окружение. Ведь все они были птенцами одного и того же гнезда, одного и того же инкубатора — аппарата ЦК КПСС. Надо думать, что сумел бы Андропов смириться с возвращением в активную жизнь

Солженицына и Сахарова. Проницательный прагматик, озаренный светом великой идеи, Андропов шел бы к реформации медленно, обдуманно, взвешивая риск каждого шага. Недуги, которые стала лечить хирургически, тупой пилой руками алчных эскулапов "демократия", Андропов пытался бы лечить терапевтически. Возможно, мы пришли бы к тому же, но спокойнее и заплатив меньшую цену за счет народа. Все революции и контрреволюции оплачиваются народом…»[329].

Я привел здесь несколько очень разных оценок личности и деятельности Ю. В. Андропова, ни с одной из которых не могу согласиться полностью. Расхождения в оценках объясняются как несхожестью людей, делавших их, так и тем, что Андропов не сумел полностью раскрыться как политик.

Свою собственную оценку времени Андропова и его личности я изложил выше, на протяжении всей книги. Повторяться не считаю нужным. Могу лишь добавить, что Андропов конечно же был глубоко предан идеям и идеалам социализма, но он не являлся и не претендовал на роль теоретика социализма. Он не был хитрым, а тем более коварным, это был сын своего трудного времени, и в целом он старался помочь не только лучшему функционированию тоталитарного государства, но и стремился улучшить жизнь людей. Он был одновременно и осторожен, и решителен. О нем справедливо говорили также как об умелом организаторе и администраторе, сумевшем превратить КГБ в наиболее квалифицированный и четко действующий механизм. Даже от некоторых диссидентов приходилось слышать, что по личному составу и профессиональному уровню аппарат КГБ выгодно отличается от аппарата МВД или Прокуратуры СССР, а тем более от громоздкого и крайне бюрократизированного и коррумпированного партийного аппарата. Массовая пропагандистская кампания, проводившаяся с помощью кино, телевидения, литературы, газетных очерков по созданию нового, облагороженного облика советского чекиста — человека «с холодным умом, горячим сердцем и чистыми руками», — эта кампания не заставила, конечно, людей старшего поколения забыть страшные времена Сталина,

Ягоды, Ежова и Берии. Но она не могла не повлиять на более молодое поколение.

Об Андропове говорили и как о вежливом и интеллигентном «начальнике», умном человеке, умелом и знающем политике, остроумном собеседнике, любителе музыки и живописи, причем живописи далеко не классического и реалистического толка. Говорили, что он знает английский язык, умеет объясняться на немецком и венгерском. После его смерти узнали даже, что Юрий

Владимирович сочиняет стихи, и некоторые из них были опубликованы. Он был не груб, но очень требователен и быстро удалял из КГБ людей, пренебрегающих своими обязанностями. Его считали не только жестким, порой даже жестоким, но одновременно и неподкупным в делах, затрагивающих государственные интересы, как он их понимал. Охота на кабанов, разводимых в подмосковных государственных заповедниках, роскошные западные автомашины, ковбойские кинобоевики, изысканная еда, вино, женщины, пирушки в узком кругу — все то, что так любил Брежнев, было явно чуждо Андропову еще до того, как его стали одолевать болезни. Он не выносил той небрежности в работе, переходящей в попустительство к плохим и нечестным работникам, которое окружением Брежнева выдавалось за «доброту» и которой оно пользовалось в своих корыстных интересах. Но Андропову приходилось терпеть рядом с собой двух закадычных друзей Брежнева еще с днепропетровских или молдавских времен — генералов Цинева и Цвигуна, занимавших посты первых заместителей Председателя КГБ. Брежнев хотел знать, что делает в кабинете № 370 в большом здании на Лубянке Ю. В. Андропов. Долгое время этот кабинет не был никем занят, и на большом письменном столе рядом с календарем, пустыми папками, карандашами и ручками в стакане стояли часы в штурвальном колесе — один из немногих подарков, который бывший хозяин мемориального кабинета оставил себе… Конечно, Андропов не был демократом, он не был даже либералом, хотя мы и писали выше о его либеральных жестах или высказываниях. Нет необходимости еще раз напоминать о том, что при Андропове в КГБ весьма сурово обращались с диссидентами. Но это не основание, чтобы сравнивать действия КГБ в 1967–1985 годах с террором карательных органов времен Сталина или даже с КГБ времен А. Шелепина и В. Семичастного.

Говорят, Андропов любил в часы досуга читать английские и американские романы. Но в рабочее время ему приходилось читать или просматривать огромное количество книг западных авторов, а также книг и рукописей диссидентов. Надо думать, что большая часть этой литературы была ему чужда. Но все же он должен был знать и принимать к сведению множество таких фактов, идей, которых не знали и часто даже не хотели знать его коллеги из Политбюро.

В 1983 году следственный изолятор КГБ в Лефортово был переполнен, так же как и Бутырская тюрьма. Но большая часть заключенных относилась не к диссидентам. Здесь было немало недавних государственных чиновников, крупных чинов милиции и прокуратуры, работников управлений внешней торговли и

внутренней таможенной службы. В тюрьме оказалось много партийных и советских работников среднего уровня, сидевших рядом с заправилами «черного рынка» и подпольными миллионерами. Андропов не был готов к глубоким и существенным преобразованиям в хозяйственном механизме. Он не помышлял о рынке и даже об ограничении функций Госплана и Госснаба. Тем более не был готов он к изменениям в советской политической системе. Решение проблем расширения демократии и гласности Андропов относил на будущее и обсуждал эти вопросы только с самыми близкими людьми. Андропов не являлся реформатором, и его предложения во всех областях не шли дальше улучшений и экспериментов, для обозначения которых вряд ли подходит слово «реформа». Но он искренне старался наладить более эффективную работу народного хозяйства и облегчить все еще трудную жизнь основной массы населения страны. Кое-какие сдвиги в экономике можно было отметить уже в 1983–1984 годах. Не собирался Андропов менять и внешнюю политику. Он развил в этой области значительную активность и проявил большую гибкость, чем ожидали от него западные эксперты. Очевидно, что Андропов искренне стремится к мирному решению спорных вопросов, чтобы остановить все более опасную и обременительную для страны гонку вооружений. Однако он не был готов идти для этого на те уступки и компромиссы, которые сделали бы возможным серьезные соглашения с Западом.

Авторы фильма «Ю. В. Андропов. Страницы жизни», который появился на наших экранах еще 10 лет назад, явно идеализируют своего героя. Режиссер этого фильма О. Уралов говорил на одной из встреч со зрителями: «Приступая к работе над фильмом, мы не много знали о жизни Андропова… Стали собирать материал. И сразу столкнулись с тем, что в архивах остались очень скудные киноматериалы. Кроме того, мне надо было найти общую тональность фильма.

И вот нам встретился человек, который сопровождал уже тяжелобольного Юрия Владимировича в больницу. По дороге Андропов попросил остановить машину у небольшой речушки. Вышел, задумался, глядя на воду… Он очень любил реки, вероятно при этом вспоминал о юности, о тех годах, когда учился в речном училище… Течение реки и течение человеческой жизни… Так возникло начало картины.

А финал? Я никак не мог найти его. И вновь подсказали товарищи Юрия Владимировича по работе в Комитете государственной безопасности: оказывается, он писал стихи. Факт неожиданный. Когда прочел их, понял: в этом человеке был

настоящий талант поэта. Так в фильме зазвучали два стихотворения Юрия Владимировича и проявилась, быть может, важнейшая и неожиданная черта — поэтичность его натуры. Много дали нам и встречи с его друзьями, членами семьи, коллегами по работе. Перед нами раскрывался интеллигентный, глубоко партийный и скромный человек. Для многих Юрий Владимирович остался легендой как в нашей стране, так и за рубежом. Как говорил об Андропове Я нош Кадар, "в нем было человеческое величие"»[330].

Этого слишком мало даже для легенды. Сегодня мы знаем много больше и об Андропове, и о событиях 50—80-х годов, на фоне и под влиянием которых протекала его деятельность. Это и позволило мне написать данную книгу, хотя, конечно, наши знания обо всем, что изложено на ее страницах, будут углубляться и пополняться.

Андропов умер, не дожив до 70-летнего возраста и не выполнив большей части тех дел, которые намечал. Он не сумел развернуть перед нами какой-то новой программы по совершенствованию социализма. Но все же для отведенных ему судьбой 15 месяцев, которые он провел на посту главы партии и государства, он сделал немало. И большая часть граждан нашей страны продолжает помнить короткий, но важный для нашей истории и поучительный период его правления.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ю. В. АНДРОПОВА

1914, 2 (15) июня — Ю. В. Андропов родился на станции Нагутская Ставропольского края в семье железнодорожного служащего.

1930— начало трудового пути: работал телеграфистом в Моздоке, плавал матросом по Волге.

1933–1936— учился в техникуме водного транспорта в городе Рыбинске; здесь же женился на Н. И. Енгалычевой, от этого брака родились дочь Евгения и сын Владимир.

1938— избран 1-м секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

1939 — принят в члены КПСС.

1940— назначен 1-м секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР; в Карелии женился вторично, от второго брака родились сын Игорь и дочь Ирина.

1941— 1944 — занимался организацией партизанского движения в Карелии, участвовал в создании подполья на временно оккупированной территории.

1944— назначен 2-м секретарем горкома партии Петрозаводска.

1947— назначен 2-м секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

1951— переведен в Москву, до 1953 года — инспектор ЦК ВКП(б).

С 1953 — на дипломатической работе: сначала заведующий 4-м Европейским отделом, который занимался отношениями с Польшей и Чехословакией, затем направлен советником посольства СССР в Венгерскую Народную Республику.

С конца 1954— Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Венгерской Народной Республике.

1957, март — вернулся в Москву, возглавил отдел ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран.

1961, октябрь — на XXII съезде избран членом ЦК КПСС.

1962, ноябрь — стал секретарем ЦК КПСС.

С мая 1967 по май 1982 — Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

1967, июль — избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС; вывел КГБ из подчинения правительству (при нем стал КГБ СССР); по инициативе Ю. В. Андропова в системе КГБ СССР образовано 5-е управление с функциями защиты конституционного строя.

С апреля 1973 - член Политбюро ЦК КПСС.

С 1974 — Герой Социалистического Труда.

1974, 29 июля — в системе Комитета госбезопасности создано спецподразделение антитеррора — группа «А» («Альфа»).

1975 — в Молдавии умер старший сын Ю. В. Андропова Владимир.

1976 — Ю. В. Андропову присвоено воинское звание генерала армии.

1982, июль — избран секретарем ЦК КПСС по идеологии.

1982, ноябрь — избран Генеральным секретарем ЦК КПСС; с 1983 — одновременно Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

1984, 9 февраля — Ю. В. Андропов скончался; похоронен у Кремлевской стены на Красной площади.

Награды: четыре ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Красного Знамени, три ордена Трудового Красного Знамени, медали, а также награды иностранных государств.

В 1984 году город Рыбинск был переименован в Андропов (в 1989 году городу возвращено прежнее название).

Фотографии

Юрий Андропов
в 12-летнем возрасте.

Евгения Карловна Файнштейн,
мать Ю. В. Андропова. *1931 г.*

Начальная школа в Моздоке, в которой учился Ю. В. Андропов.

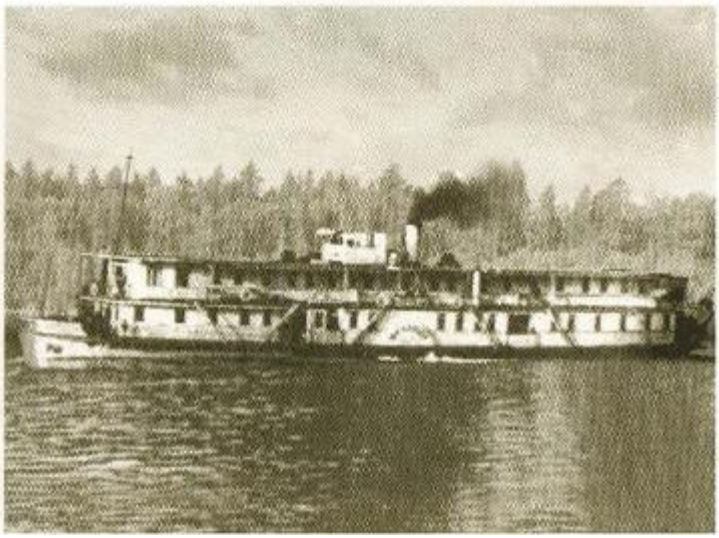
Юрий с бабушкой и сестрой Валентиной. *1926 г.*

Юрий Андропов — курсант Рыбинского техникума водного транспорта.

Юрий Андропов (сидит в центре) среди курсантов техникума.
Рыбинск, 1935 г.

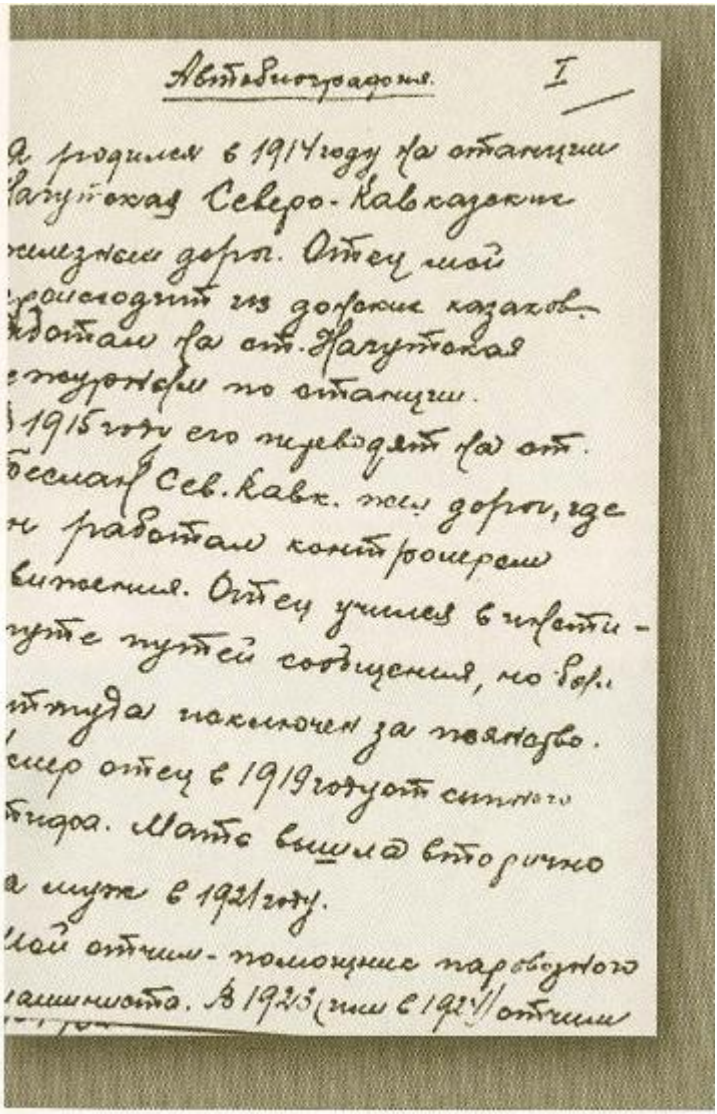
Юрий Андропов.
1935 г.

Пароход, на котором Ю. Андропов проходил практику в должности помощника капитана.



Юрий Андропов (сидит справа)
и его первая жена Нина (стоит справа). *Ярославль, 1937 г.*

Юрий Андропов с женой Ниной.



Автобиография. I

Я родился в 1914 году на станции
Нагутская Северо-Кавказской
железной дороги. Отец мой
происходит из дорских казаков.
Работал на ст. Нагутская
стрелочником по станции.
В 1915 году его переводят на ст.
Беслан Сев. Кавк. жел. дороги, где
он работал контролером
движения. Отец учился в инсти-
туте путей сообщения, но бро-
сил туда поступил за полгода.
Умер отец в 1919 году от сыпного
тифа. Мать вышла вторично
замуж в 1921 году.
Мой отчим - помощник паровозного
машиниста. В 1923 (или в 1924) отчим

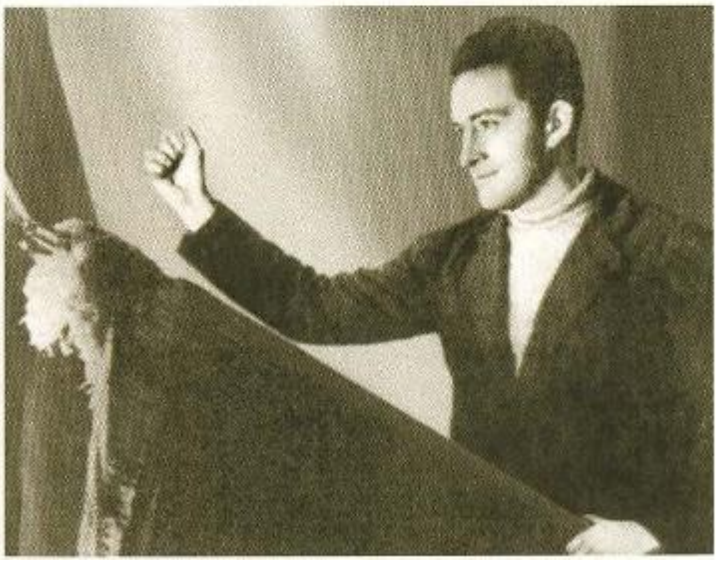
Страница автобиографии Ю. Андропова, написанной в августе 1937 года.

Штаб партизанского движения в Карелии.
Ю. В. Андропов — второй слева. *Беломорск, 1941 г.*

Карельский фронт.
Ю. В. Андропов среди командиров. *1941 г.*

Руководители подпольного движения в Карелии И. В. Власов (слева), Ю. В. Андропов, Г. Н. Куприянов. *Беломорск, 1943 г.*

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов на митинге. *Карелия, 1943 г.*



Первый секретарь
ЦК ЛКСМ
Карело-Финской ССР
Ю. В. Андропов
на митинге жителей
Петрозаводска.
9 мая 1945 г.

Отто
Вильгельмович
Куусинен.

Ю. В. Андропов — посол СССР в Венгрии.

Председатель Совета Министров Венгрии Имре Надь.

Антисоветские волнения
в Венгрии.
Будапешт, 1956 г.

Ю. В. Андропов с женой Татьяной Филипповной на отдыхе в Кисловодске *1956 г.*

Ю. В. Андропов и Н. С. Хрущев в составе советской делегации в Венгрии. *Будапешт, 1962 г.*

Здание КГБ СССР на площади Дзержинского. *Фотография 1970-х годов.*

Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев на приеме по случаю 25-летия Победы. *Москва, 1970 г.*

Служебное удостоверение Ю. В. Андропова.

Кабинет Председателя КГБ СССР.

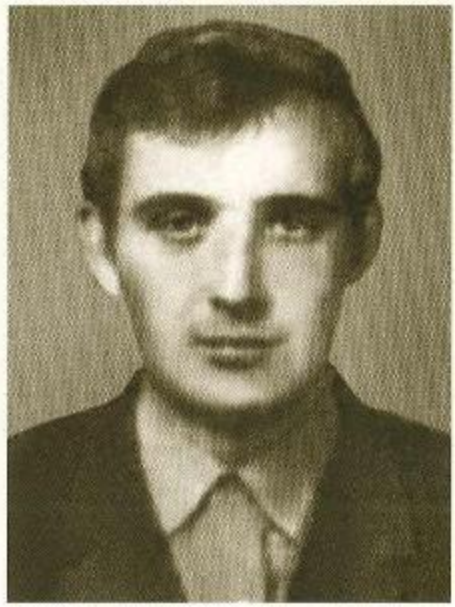
Юрий Андропов на отдыхе в Завидове. *1967 г.*

Ю. В. Андропов — генерал армии. *1976 г.*

Ю. В. Андропов и Фидель Кастро. *Куба.*

Ю. В. Андропов, министр внутренних дел СССР Н. К. Щелоков, народный артист СССР В. В. Санаев.

Владимир,
сын Ю. В. Андропова
от первого брака.



Ю. В. Андропов
на Онежском
тракторном заводе.
1978 г.

Вручение Ю. В. Андропову памятного знака Онежского тракторного завода. *1978 г.*

Прибытие Ю. В. Андропова в Петрозаводск в связи с награждением города орденом Трудового Красного Знамени. *1978 г.*

Встреча Ю. В. Андропова с руководством КГБ Карелии.
Петрозаводск, 1978 г.

С. К. Цвигун.

Ф. Д. Бобков.

Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов
со своим заместителем В. М. Чебриковым.

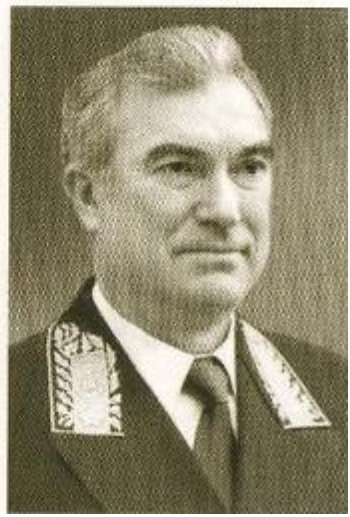
П. Н. Лащенко.

В. А. Крючков.

Ю. В. Андропов и его соратники по партии: М. В. Зимянин, Г. В. Романов, М. С. Горбачев, И. В. Капитонов, Н. И. Рыжков.

А. Г. Сидоренко.

В. В. Шарапов.

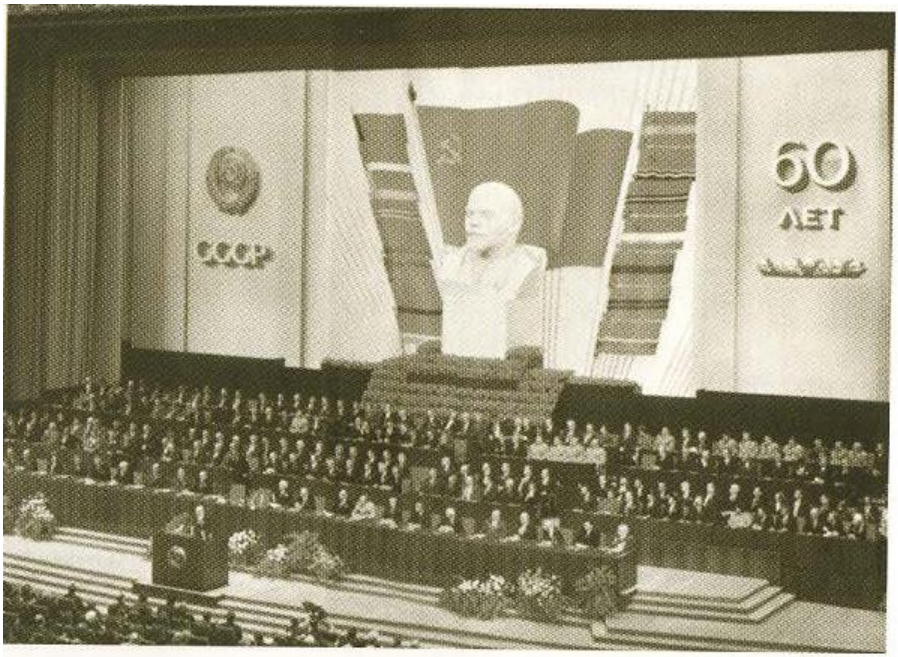


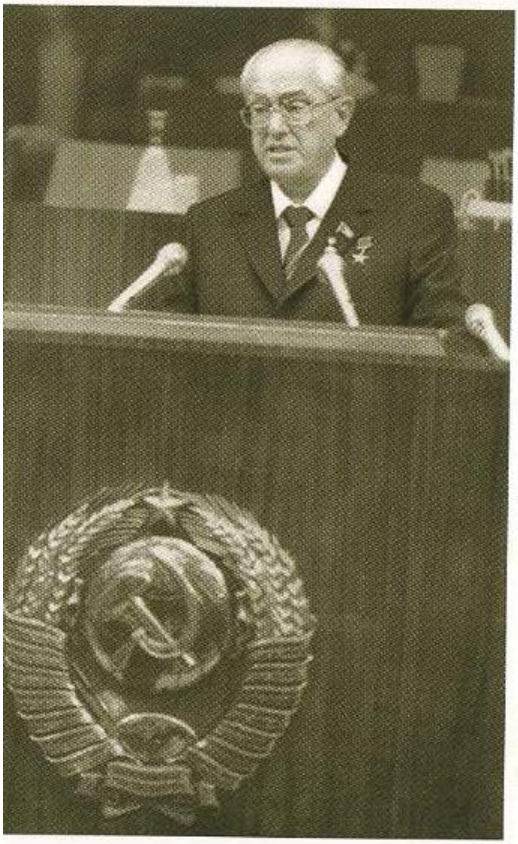
Ю. В. Андропов на отдыхе.
Кисловодск, середина 1970-х гг.

Ю. В. Андропов, Э. Б. Нордман, В. И. Никитин,
В. А. Архипов (личный врач Ю. В. Андропова) на даче. *1971 г.*

Ю. В. Андропов, В. А. Архипов, В. И. Никитин
на отдыхе в Кисловодске. *Середина 1970-х гг.*

Ю. В. Андропов с женой Татьяной Филипповной,
сыном Игорем и дочерью Ириной в Кисловодске.





Президиум совместного торжественного заседания ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 60-летию образования СССР. *Москва, 1982 г.*

На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Руководители партии и правительства возлагают венки к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

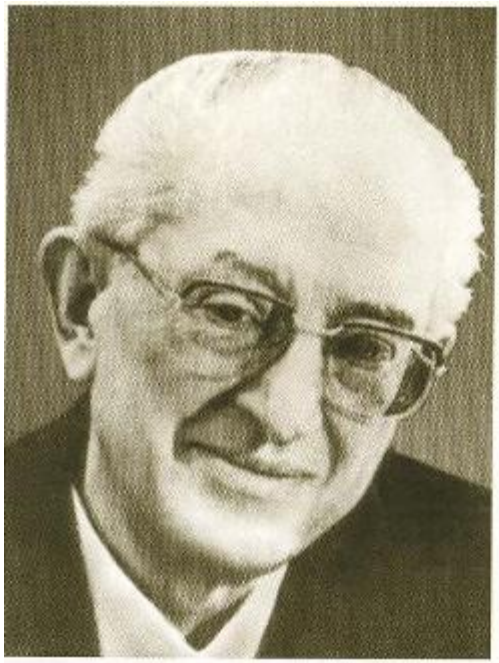
Ю. В. Андропов, Г. Х. Шахназаров (слева), В. В. Шарапов на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. *Прага, январь 1983 г.*

Ю. В. Андропов и Густав Гусак. *Январь 1983 г.*

Ю. В. Андропов со своим помощником В. В. Шараповым перед встречей с иностранной делегацией. *Москва, Кремль, осень 1982 г.*

Ю. В. Андропов в рабочем кабинете в здании ЦК КПСС. *Москва, 1983 г.*

Ю. В. Андропов и Янош Кадар. *Январь 1983 г.*



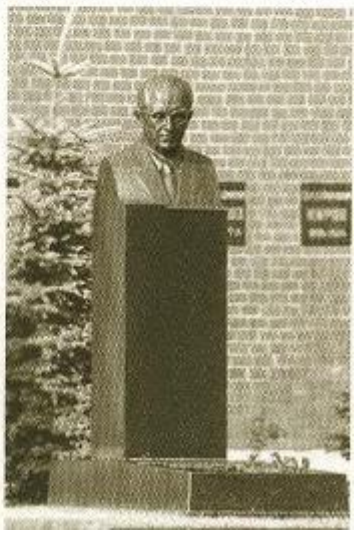
Одна из последних фотографий Юрия Владимировича Андропова. *Осень 1983 г.*

Ю. В. Андропов. Последнее лето. *1983 г.*

Похороны Ю. В. Андропова. *Красная площадь, февраль 1984 г.*

Мемориальная доска
Ю. В. Андропову на здании ФСБ.

Бюст Ю. В. Андропова
на могиле у Кремлевской стены.



Директор ФСБ Владимир Путин поздравляет Роя Медведева с выходом его книги о Ю. В. Андропове. *15 июня 1999 г.*

Владимир Путин и Рой Медведев возлагают цветы к могиле Ю. В. Андропова у Кремлевской стены. *15 июня 1999 г.*

notes

Примечания

1

Barron John. KGB. New York, 1974, 1982. Баррон Дж. КГБ сегодня. Спб.: Петрополис, 1992.

Steele J., Abraham E. Andropov in Power. Oxford, 1983.

Medvedev Z. Andropov. Oxford, 1983.

4

Medvedev Z. Andropov, r. 5.

5

Московские новости. 1994. № 21. 22–29 мая. С. 8.

Независимая газета. 1996. 24 янв.

Столица. 1993. № 4. С. 10.

Буковский В. Московский процесс. М., 1996.

9

Семанов С. Юрий Владимирович. М., 1995; Минутко И. Андропов. Бездна. М., 1997.

Волкогонов Дм. Семь вождей. Кн. 2. М., 1996.

11

Общая газета. 1998. № 23. 11–17 июня. С. 6.

12

12 Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Рыжков Я. Десять лет великих потрясений. М., 1995; Лигачев Е. Предостережение. М., 1998; Воротников В. А было так. М., 1995; Медведев Вл. Распад. М., 1994; Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. М., 1991.

13

13 Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993; Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997; Грачев А. Кремлевская хроника. М., 1994; Прибытков В. Аппарат. М., 1995; Шу¬мейко Г. Из летописи Старой площади. М., 1996.

14

14 Крючков Вл. Личное дело. Кн. 1. М., 1997; Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992; Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992; Кеворков Вяч. Тайный канал. М., 1997; Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994; Дроздов Ю. Вымысел исключен. М., 1997; Широнин Вяч. КГБ — ЦРУ. М., 1997; Громов Б. Ограниченный контин¬гент. М., 1994; Трояновский О. Через годы и расстояния. М., 1997; Лео¬нов Н. Лихолетье. М., 1997.14 Крючков Вл. Личное дело. Кн. 1. М., 1997; Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992; Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992; Кеворков Вяч. Тайный канал. М., 1997; Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994; Дроздов Ю. Вымысел исключен. М., 1997; Широнин Вяч. КГБ — ЦРУ. М., 1997; Громов Б. Ограниченный контин¬гент. М., 1994; Трояновский О. Через годы и расстояния. М., 1997; Лео¬нов Н. Лихолетье. М., 1997.

15

Семанов С. Юрий Владимирович. Записки из тени. М., 1995. С. 8–9.

Коммерсантъ-Власть. 2001. 6 февр. С. 60.

Слово. 1999. 9-10 июня.

18

Трибуна. 1998. 18 июля.

19

Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 51, 534.

Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991. С. 52–54.

21

Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 272.

22

Мусатов В. Л. СССР и венгерские события 1956 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 3—22; Муса¬тов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1;Мусатов В. Л. СССР и венгерские события 1956 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 3—22; Муса¬тов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1;Стыкалин А. С., Орехова Е.Д. Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД)//Славяноведение. 1994. № 3; Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записки заседаний Президиума ЦК КПСС // Исторический архив. 1996. № 2–3.

23

Крючков В. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 45–46.

Горбачев М Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 85.

Кентавр. 1992. № 1–2. С. 34.

Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 7.

Там же. С. 8.

Крючков В. Личное дело. М., 1996. Ч. 1. С. 46.

Исторический архив. 1993. № 4.

30

Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 24.

31

Свободная мысль. 1996. № 10. С. 107.

32

Там же.

Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 9.

Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 26.

Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 10.

Там же. С. 11.

Венгерский меридиан. Будапешт, 1991. № 3. С. 79, 91–92.

38

Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 49.

39

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1994. № 5. С. 80.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. М., 2000. С. 170.

41

Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 35.

42

Блейк П. Начинается новая эра Андропова//Тайм. [США]. 1982. 29 нояб.

43

Известия. 1993. 13 февр.

Аргументы и факты. 1994. № 24. С. 8.

Арбатов Г. Из недавнего прошлого //Знамя. 1990. № 10. С. 211.

Кирай Б. Вооруженные силы и рабочий класс в Венгерской рево¬люции 1956 года//Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1986. № 15–16. С. 202.

Мусатов В. Л1. Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 145, 147.

Семанов С. Юрий Владимирович. М., 1995. С. 16–17.

Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 7—8

Steel J., Abraham E. Andropov in Power. Oxford, 1983. P. 60–63.

51

Мусатов В. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 170.

Новое время. 1992. № 8. С. 38.

53

La Stampa. 1993. 27 февр.; «Агент "Володя"»: Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. 1993. № 1.

Новая и новейшая история. 1994. № 1.

Nipszabadsag. 1993. 2 марта; 4 апр.

Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 166.

Там же. С. 22.

Совершенно секретно. 1991. № 5. С. 6.

Новое время. 1993. № 16. С. 34.

Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1981. № 2. С. 10–11.

61

Бурлацкий Ф. Русские государи. Эпоха реформации. М., 1996. С. 163–164.

Публикация 3. Водопьяновой // Куранты. 1993. 14 авг.

Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 53.

Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993. С. 22–23.

Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991. С. 80–83.

Журналист. 1989. № 10. С. 54.

Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 143–144.

Время и мы (Нью-Йорк; Тель-Авив). № 78. С. 173–174. Любимов в данном случае неточен. По свидетельству И. Ю. Андропова, к режис¬серу театра на Таганке приходила его сестра, увлеченная работой в школьном драмкружке. Игорю в это время было уже 24 года, и он не рвался в артисты.

Правда. 1964. 23 апр.

Андропов Ю. В. Избранные статьи и речи. М, 1983. С. 51–68.

Арбатов Г. Указ. соч. С. 110

Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1990. С. 308–310.

73

Шелест П. Е…Да не судимы будете. Дневниковые записи и вос¬поминания. М., 1995. С. 279–281.

Там же. С. 282.

Шахназаров Г. Указ. соч. С. 27.

Свободная мысль. 1998. № 2. С. 113–114.

Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 46.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 190–191.

Совершенно секретно. 1997. № 9. С. 9.

БарронДж. КГБ сегодня. СПб., 1992. С. 22.

81

Трояновский О. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 309.

Арбатов Г. Из недавнего прошлого //Знамя. 1990. № 10. С. 208.

Грачев А. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 43–44.

Свободная мысль. 1998. № 2. С. 123.

Михайлов М. П., Назаров В. В. Идеологическая диверсия — оружие империализма. М, 1969. С. 16.

Сахаров А. Воспоминания. М., 1996. Т. I. С. 382–383.

Млынарж З. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1983. С. 82.

Там же. С. 142–145.

Арбатов Г\ Указ. соч. С. 146.

Письмо автору книги. Из архива автора.

Шелест П. Е…Да не судимы будете. М., 1995. С. 345.

Там же. С. 347, 349, 355.

93

Архив Президента Российской Федерации. Рабочая запись заседа¬ний Политбюро. 1968. Л. 410–425. Публикация Р. Г. Пшоя// Новая и новейшая история. 1995. № 1.

Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 36.

Шелест П. Е. Указ. соч. С. 355.

Там же. С. 384–385.

Известия. 1991. 14 авг.

Там же.26 Там же.

Шелест П. Е. Указ. соч. С. 397.

100

АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968. Л. 484–491.

101

Кристофер Э., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Лондон, 1990; М., 1992.

102

Вестник Архива Президента РФ // Источник. 1995. № 6. С. 153.

103

Сичка И. Тайны Лубянского двора // Комсомольская правда. 1992. 11 янв.

Известия. 1998. 24 июля.

105

Материалы Конституционного суда РФ. Из архива автора.

106

Сегодня. 1994. 12 апр.

Красин В. Суд. Нью-Йорк, 1983. С. 72–75.

108

Правда. 1977. 10 сент. См. также: Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 145–147.

109

Российская газета. 1994. 14 янв.

Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 33.

Андреева-Карлайл О. Солженицын. В круге тайном // Вопросы ли¬тературы. 1991. № 1–5.

Известия. 1992. 25 марта.

113

Там же.

114

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писате¬ле А. Солженицыне. М., 1994. С. 103–104.

Кремлевский самосуд. С. 169–172.

116

Там же.

117

Там же.

118

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 374, 377.

119

Там же. С. 407–408.

Кремлевский самосуд. С. 352–362.

121

Там же.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1997. С. 169–173.

123

Буковский В. Московский процесс. Париж; М., 1996. С. 12.

124

Источник. Документы русской истории. 1993. № 3. С. 95–96.

125

Материалы музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова.

126

Источник. Документы русской истории. 1993. № 3. С. 95–96. См. также: Московская правда. 1992. 29 июня.

Сахаров А. Указ. соч. С. 394–395.

Сахаров А. Указ. соч. С. 407.56 Сахаров А. Указ. соч. С. 407.

Новое время. 1993. № 38. С. 43.

130

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 150–159. «Письмо трех» опуб¬ликовано также в книге: Сахаров А. Воспоминания. Т. 2. С. 661–672.

Новое время. 1993. № 38. С. 43.

Сахаров А. Указ соч. С. 442.

133

Там же. С. 423.

Московская правда. 1992. 29 июля.

135

Из материалов музея им. А. Сахарова.

136

Хроника текущих событий. 1977. Вып. 44. С. 39; Русская мысль. Париж, 1977. 20 янв.

Коммунист. 1991. № 7. С. 51–57.

Там же. С. 68.

139

Сельская жизнь. 1964. 29 авг.

140

Из материалов Конституционного суда. Частично данная записка была опубликована в газете «Московская правда» (1994. 12 сент.) с весьма тенденциозным комментарием Леонида Радзиховского.

141

Вечерний клуб. 1998. И июня.

Источник. 1994. № 2. С. 77–78.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 267–268.

Известия. 1996. 7 июня.

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992. С. 175.

Дроздов Ю. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 68–69.

147

Леонов Н. С. Лихолетье. Секретные миссии. М., 1994. С. 122–123.

Кеворков В. Генерал Бояров. М., 2003. Цит. по газ.: Совершенно секретно. 2003. № 9 (сент.). С. 39.

149

Завтра. 1999. № 30.

Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 188–189.

Совершенно секретно. 1993. № 9. С. 3, 12.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 316.

153

Известия. 1993. 23 февр.81 Известия. 1993. 23 февр.

Shevchenko A. Breaking with Moscow. N. Y., 1985.

155

Известия. 1998. 11 апр.

156

Из неопубликованного очерка.

«Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. М., 1992.

158

Красная звезда. 1993. 30 янв.

159

Дроздов Ю. Указ. соч. С. 162.

160

Из материалов Конституционного суда РФ.

161

Рабочая трибуна. 1995. 5 апр.

Аргументы и факты. 1999. № 38. С. 11.

163

Литературная газета. 1990. 17 окт.; Балтийский луч. Ломоносов, 1989. 30 сент.

Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994; Докучаев М. Москва. Кремль. Охрана. М., 1994.

165

Данные об общественных волнениях и беспорядках содержатся в «Вестнике Архива Президента Российской Федерации» (1995. № 6. С. 147–152), а также в брошюре В. Пономарева «Общественные волне¬ния в СССР» (М., 1990).

166

Куранты. 1993. 3 сент.

167

Вечерний клуб. 1995. 5 авг.

Барин А. Закон и совесть. М., 1991.

169

Трояновский О. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 309.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1977. С. 18–19.

171

Совершенно секретно. 1993. № 6. С. 8.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1997. С. 153

Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994. С. 120–122.

Чазов Е. Здоровье и власть. М., 1992. С. 120–122.

Крючков В. Личное дело. М., 1997. Кн. 1. С. 97–98.

Быстрое С. Бриллиантовое дело// Красная звезда. 1991. 2, 3, 4 июля.

177

Кеворков В. Указ. соч. С. 255.

Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический от¬чет. М., 1989. Т. 3. С. 428.

Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический от¬чет. М., 1990. Т. 4. С. 616.

Кеворков В. Указ. соч. С. 243.

Крючков В. Личное дело. М., 1997. Кн. 1. С. 189–190.

182

Цит. по кн.: Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 41, 43.

183

Там же. С. 51.

Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 27.

185

Московская правда. 1990. 26 дек.

Снегирев В., Гай Д. Вторжение: неизвестные страницы необъявлен¬ной войны. М., 1991. С. 224.

187

Цит. по кн.: Дроздов Ю. Вымысел исключен. М., 1997. С. 193.

188

Вопросы истории. 1993. № 3. С. 5. См. также архивно-информа¬ционный бюллетень «Архивы Кремля и Старой площади» (1993. № 1–2. Сер. 1); Справочник по документам, представленным в Конституцион¬ный суд Российской Федерации по «делу КПСС». Вып. 1. С. 14–15.

189

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 84.

Свободная мысль. 1996. № 12. С. 119.

191

Там же.

Арбатов Л Свидетельство современника. М., 1991. С. 230–231.

Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1997. С. 168–169.

Женьминь жибао. 1979. 28 авг.

Дроздов Ю. Вымысел исключен. М., 1997; Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1996; Болтунов М. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. М., 1992; Батин И. Люди-легенды // Независимое военное обозрение. 2002. № 45.

Дроздов Ю. Указ. соч. С. 205, 220.

197

Там же.

198

Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 27–28.

199

Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991. С. 231.

Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 112–113.

Вопросы истории. 1995. № 10. С. 95.

202

Европа. 1980. 1 сент.

203

Из воспоминаний Ст. Кани: Kania S. Zatrzvmac konfrontacje. Warszawa, 1991. S. 32. Цит. по: Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 54.

Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 54; Данилов Л. Меж двух огней // Независимое военное обозрение. 1998. № 12.

205

Правда. 1980. 8 сент.

Солидарность. Год первый: Сб. Лондон, 1981. С. 215–216.

Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1997. С. 175–176.

Ле Монд. 1980. 18 дек.

Новое время. 1993. № 47. С. 34.

Вопросы истории. 1995. № 10. С. 104.

Каня Ст. Указ. соч. С. 91.

Вопросы истории. 1995. № 10. С. 107.

Pawlow W. Butem rezydentem KGB w Polsce. Warscawa, 1994.

Павлов В. Руководители Польши глазами разведчика. М., 1998.

215

Там же. С. 262.

216

Там же.

Павлов В. Указ. соч. С. 219–220.

Вопросы истории. 1995. № 10. С. 109–110.

Новое время. 1993. № 47. С. 32–33.

Каня Ст. Указ. соч. С. 119–120.

221

Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 50–51.

Павлов В. Я был резидентом… С. 315–320.

223

Агентство ПАП // Русская мысль. Париж, 1993. 17 марта.

Военно-исторический журнал. 1992. N9 9. С. 56.

Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 100–101.

Przeglad Tygodniowy. 1992. 27 maja.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1997. С. 257.

228

Перепечатка из журнала «Время и мы» (Нью-Йорк; Париж; Иеру¬салим, 1990. Февр. — март).

Харперс. Нью-Йорк, 1983. Февр. С. 23.

Грачев А. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 78.

231

Проблемы коммунизма. Вашингтон, 1982. Янв. — февр. С. 78.

232

Лаудан С. Красные бриллианты для Галины // Неделя. 1991. 23–29 сент. С. 18–19.

Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994. С. 167–168.

Нью-Йорк ревью. 1982. 4 марта.

235

Ньюсуик. 1982. 12 апр.

Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С. 58.

237

Шпигель. 1982. № 11. 15 марта. С. 120.

Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994. С. 170–171.

Дроздов Ю. Вымысел исключен. М., 1997. С. 69.

Врублевский В. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993. С. 167–168.

Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1994. С. 261.

Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 213.

Медведев Вл. Человек за спиной. М., 1994. С. 123–124.

244

Проблемы коммунизма. Вашингтон, 1992. № 5 (сент. — окт.). С. 20–21, 31.

245

Захаров О. Из записок секретаря трех генсеков // Гласность. 1991. 8-14 авг. С. 10.

Аргументы и факты. 1994. № 2–3.

247

Тайм. 1982. № 21. 22 нояб.

248

Ньюсуик. 1982. 22 нояб.

249

Ди Вельт. 1982. 18 нояб.

250

Дорнберг Д. Брежнев. Личины власти. Нью-Йорк, 1974. С. 297.

251

Интернэшнл геральд трибюн. 1982. 23 нояб.

Рыжков Н. Я. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 36–37.

253

Захаров О. Из записок бывшего секретаря трех генсеков // Глас¬ность. 1991. 8 авг.

Правда. 1989. 15 дек.

Аргументы и факты. 1993. № 32.

Правда. 1983. 1 февр.

Правда. 1983. 21 янв.

Коммунист. 1983. № 4. С. 4.

259

Правда. 1993. 29 янв.

Уолл стрит джорнэл. 1993. 31 янв.

Шпигель. 1983. № 17. С. 122–133.

Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1990. С. 359; Косолапое Р. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 143–144.

«Фигуры и лица». Приложение к «Независимой газете». 1998. № 4. С. 11.

Правда. 1983. 16 июня.

Правда. 1993. 16 авг.

Обсервер. Лондон. 1983. 1 мая.

Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 10. С. 215–216.

Человек и закон. 1983. № 10. С. 105.

Баграмов Э. Как делалась национальная политика // Независимая газета. 1992. 24 янв.

Лигачев Е. Предостережение. М., 1997. С. 47, 50.

Воротников В. А было так. М., 1995. С. 19.

Баялинов А. Пятнадцать месяцев Юрия Андропова// Комсомоль¬ская правда. 1989. 23 авг.

Независимая газета. 1991. 17 дек.

Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 148.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1997. С. 208–209.

Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1997. С. 208–209.

Шевченко А. Разрыв с Москвой. Нью-Йорк, 1985. С. 453–454.

Горбачев Л/. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 23–24.

Там же. С. 189.

Союз. Еженедельник. 1991. № 3 (янв.). С. 10.

281

Там же.

282

Из заметок, переданных автору в 1992 году В. Крючковым из тюрь¬мы «Матросская тишина».

283

Горбачев М. Жизнь и реформы. С. 234.

Вольский А. Смотреть открытыми глазами // Неделя. 1990. № 36. С. 6–7.

285

Материалы Конституционного суда. 1992 г.//Возвращение. 1993. № 3. С. 28; Урал. 1994. № 4. С. 60.

Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. Свердловск, 1990. С. 73.

287

Пилар Бонет. Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле. Екатеринбург, 1994. С. 60.

Ельцин Б. Указ. соч. С. 67.

289

Стенограмма встречи от 12 ноября 1988 года. Из архива автора.

Лигачев Е. Предостережение. М., 1998. С. 410.

291

Пилар Бонет. Указ. соч. С. 104.

Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 562.

293

Рейган Р. Откровенно говоря: Избранные речи. М., 1990. С. 158, 160.

Советская военная мощь. Вашингтон, 1982; Откуда исходит угроза миру. М., 1982. (Книги изданы, с одной стороны, Пентагоном, а с дру¬гой — Министерством обороны СССР.)

295

Цит. по: Интернэшнл геральд трибюн. 1981. 4/5 июля.

Аргументы и факты. 1995. № 4. С. 9.

Правда. 1983. 25 нояб.

Эхо планеты. 1991. № 5. С. 31.

299

Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 37.

Известия. 1993. 25 июня.

301

Там же. 1991. 25 янв.

Российская газета. 1993. 11 нояб.

303

Правда. 1983. 3 сент.

304

Там же. 7 сент.

305

Там же. 10 сент.

Известия. 1993. 25 июня.15 Известия. 1993. 25 июня.

Российская газета. 1993. 22 сент.

308

Сегодня. 1997. 3 сент.

309

Тайм. 1984. 2 янв.

The New York Review of Books. 1984. 16 янв.

1 Чазов Е. Здоровье и власть. М., 1994. С. 18.

2 Петровский Б. Власть и здоровье //Огонек. 1990. № 43. С. 5.

3 Чазов Е. Указ. соч. С. 108–109.3 Чазов Е. Указ. соч. С. 108–109.

4 Там же. С. 188–189.

315

5 Ньюсуик. 1983. 14 нояб.

6 Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 245.

7 Рыжков Н. Перестройка. История предательства. М., 1992. С. 50–52.

8 Тархова Л. Заложники Кремля. М., 1997. С. 359.

9 Чучалин А. Как болел Юрий Андропов // Московские новости. 1991. 24 февр.

1 °Совершенно секретно. 1993. № 9. С. 13.

11 Лигачев Е. Предостережение. М., 1997. С. 63, 65.

12 Рыжков Н. Указ. соч. С. 54.

13 Земцов Я.Андропов. Иерусалим, 1983. С. 15–16.

14 Воротников В. А было так. М., 1995. С. 36.

15 Авторханов А. От Андропова к Горбачеву. Париж, 1986. С. 107–108; Октябрь. 1990. № 8. С. 152.

16 Нева. 1990. № 8. С. 159–160.

17 Королев Ю. Кремлевский советник. М., 1995. С. 218.

18 Из архива автора. Материалы 1990 года.

19 Из архива автора. Материалы 1998 года.

2 ˚Советская Россия. 1987. 23 авг.